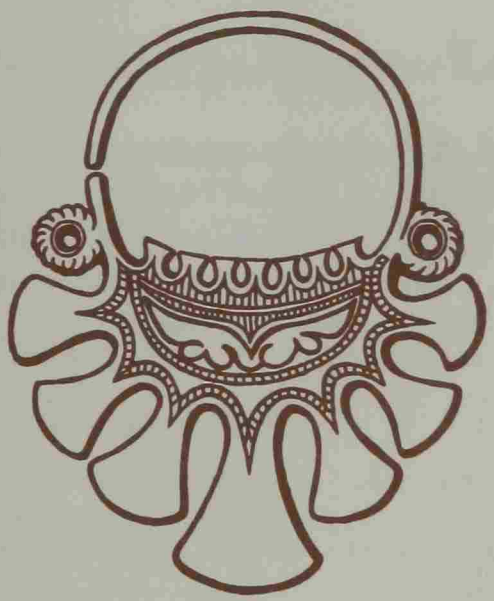
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2000 3

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин,
В.П. Любин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. Гуляев (главный редактор),
Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2000 3

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура 5
Телегин Д.Я. К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы 18
Григорьев Д.В. Состав войска и его тактика в VI–V вв. до н.э. на Боспоре 30
Русяева А.С. Ольвийская скульптура эллинистического времени 36
Кудряшов А.В. Средневековое поселение Октябрьский мост на Шексне 44
Медникова М.Б. Скальпирование на Евразийском континенте 59

Публикации

Заверняев Ф.М. Остатки жилищно-бытового и хозяйственного комплекса на Хотылевской верхнепалеолитической стоянке 69
Шорин А.Ф. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье 88
Ляхов С.В., Мордвинцева В.И. Раннесарматское погребение у поселка Питерка Саратовской области 102
Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клад бронзовых боспорских монет конца I в. до н.э. – II в. н.э. (Анапа, 1978 г.) 110
Трейстер М.Ю. Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре ... 118
Двуреченская Н.Д. Терракотовая плитка с изображением бодхисаттвы из Восточной Кашкадарьи 125
Равич И.Г., Флёров В.С. Высокооловянные кованые восточные бронзы на территории Хазарии 134

© Российская академия наук
Институт археологии РАН, 2000 г.

Заметки

Красниенко С.В., Субботин А.В. Археонимы, или о началах географической археологии 147
Лопатин Н.В. О некоторых разрядах археологической терминологии 150

Археологические коллекции в музеях

Носкова Л.М., Эрлих В.Р., Мкртычев Т.К., Днепровский К.А. Археология в Государственном музее Востока 154

Критика и библиография

Зеленеев Ю.А., Никитина Т.Б. Обзор исследований конца 80-х–90-х гг. XX в. по средневековой археологии финно-угров Поволжья и Приуралья (часть 2) 170
Черносвитов П.Ю. *Потемкина Т.М., Юревич В.А.* Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998 179
Яйленко В.П. Дискуссионные вопросы истории и эпиграфики античного Северного Причерноморья. К выходу книги: *Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Verlag Philipp von Zabern. Mainz, 1997 181
Малышев А.А. *Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997 192
Седов В.В. *Michel Kazanski.* Les Slavs. Les origines (I-er–VII-e siècle après J.-C). Paris, 1999 198
Гусев С.В. Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998 203
Чернов С.З. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. М., 1998 208

Хроника

Гуляев В.И., Ольховский В.С. Международная конференция "Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.: проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии" (Подмосковье, 1999) 213
Хузин Ф.Ш., Хакимов Р.С. О времени основания города Казани. По материалам Международной научной конференции "Средневековая Казань: возникновение, развитие" (Казань, 1999) 220
Флёров В.С. Коллоквиум "Хазары" (Иерусалим, 1999) и "Краткая еврейская энциклопедия" о хазарах 229

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA 2000 3

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Amirov Sh.N. Environmental conditions on the Upper Khabur 5
Telegin D.Ya. On the typology, chronology, and cultural attribution of the Copper Age sceptres from South-Eastern and Eastern Europe 18
Grigor'yev D.V. Army composition and tactics in Bosporus in the 6th–5th centuries BC 30
Rusyaeva A.S. Olbian sculpture of the Hellenistic period 36
Kudryashov A.V. The medieval settlement of Oktyabr'sky most on the Sheksna river 44
Mednikova M.B. Scalping in Eurasia 59

Publications

Zavernyaev F.M. The remains of dwelling and household assemblage at the Upper Palaeolithic site of Khotylevo 69
Shorin A.F. Stratigraphy and pottery assemblage of Koksharovsky kholm the Middle Transurals ... 88
Lyakhov S.V., Mordvintseva V.I. Early Sarmatian burial near Piterka settlement in Saratov region 102
Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. Hoard of bronze Bosporan coins of late 1st century BC – 2nd century AD (Anapa, 1978) 110
Treister M.Yu. Local replicas of Roman military costume details in Bosporus 118
Dvurechenskaya N.D. Terracotta plaque with bodhisatva image from Eastern Kashkadaria 125
Ravich I.G., Flyorov V.S. Forged bronzes with high tin content in the territory of Khazaria 134

Notes

Krasnienko S.V., Subbotin A.V. Archaeonims, or On the beginning of geographical archaeology 147
Lopatin N.V. On some classes of archaeological terminology 150

Museums' archaeological collections

Noskova L.M., Erlikh V.R., Mkrtychev T.K., Dneprovsky K.A. Archaeology in the State museum of the Orient 154

Critics and bibliography

Zeleneev Yu.A., Nikitina T.B. A review of the investigations in the late 80-s and 90-s of the 20th century on Medieval archaeology of the Finno-Ugrians in the Volga basin and the Western Urals (Part 2) 170

Chernosvitov P.Yu. *Potemkina T.M., Yurevich V.A.* From the experience of archaeoastronomic investigation of archaeological sites (the methodic aspect). M., 1998 179

Yailenko V.P. The debatable problems of history and epigraphics of North Pontic area in classical period. On the publication of the book: *Vinogradov Yu.G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Verlag Philipp von Zabern. Mainz, 1997 181

Malyshev A.A. *Vinogradov Yu.G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Verlag Philipp von Zabern. Mainz, 1997 192

Sedov V.V. *Michel Kazanski.* Les Slavs. Les origines (I-e–VII-e siècle après J.-C.). Paris, 1999 198

Gusev S.V. First fisher-men in Peter the Great gulf. Environment and ancient man in Boisman bay. Vladivostok, 1998 203

Chernov S.Z. Russian State Acts. The archives of Moscow monasteries and cathedrals of the 15th – early 17th centuries. M., 1998 208

Chronicle

Gulyaev V.I., Olkhovsky V.S. International conference "The Scyths of North Pontic area in the 7th–4th centuries BC: The problems of palaeoecology, physical anthropology and archaeology" (Moscow region, 1999) 213

Khuzin F.Sh., Khakimov R.S. On the date of foundation of the city of Kazan' (according to the proceedings of International scientific conference "Medieval Kazan': emergence, development". Kazan', June 1–3, 1999) 220

Flyorov V.S. "The Khazars" colloquium (Jerusalem, May 24–28, 1999) and "Brief Hebrew encyclopaedia" on the Khazars 229

Ш.Н. АМИРОВ

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ВЕРХОВЬЕВ ХАБУРА

Верхняя Месопотамия (Джезира), территория междуречья Тигра и Евфрата, представляет собой плато, ограниченное с севера горами Тавра, имеющими высоту 2000–3000 м над уровнем моря, а с юга – северной оконечностью Сирийской пустыни (рис. 1).

Джезира – это северный 400-километровый участок природного региона, имеющего очертания дуги длиной 1500 км. Этот район, начиная с неолита и до эпохи становления цивилизации, играл исключительно важную роль в истории человечества, за что и получил от археологов наименование "плодородного полумесяца".

Плато имеет наклон с севера на юг. В северной, турецкой части перепад составляет 1000–500 м (Erinch S., 1980, p. 76), а в сирийской и иракской – 450–300 м над уровнем моря (Wilkinson T.J., 1994, p. 484), что обеспечивает сток почти всех существующих в регионе рек как постоянных, так и сезонных в южном направлении.

Единственным препятствием на их пути в средней части Джезиры являются две горные гряды: Джебель Абд эль-Азиз и Джебель Синджар. Они, а также отдельно стоящий потухший вулкан Каукаб определяют направление движения и характер водосбора самого большого из притоков Евфрата – Хабура.

Район Хабура, восточного притока Евфрата, в географическом отношении является западным продолжением Северо-Месопотамской равнины. Система притоков Хабура, часто называемая "Хабурским треугольником", своими очертаниями напоминает перевернутый треугольник со стороной примерно в 200 км, таким образом, площадь водосбора составляет около 20 000 км^2.

Река Хабур течет от современной турецкой границы по обширной открытой степной территории, лежащей на полпути между Евфратом – на западе и сердцем Ассирии – на востоке, в долине Тигра (Оатс Д., Оатс Дж., 1996, с. 148).

"Хабурский треугольник" в рамках Северо-Месопотамской равнины образует самостоятельную экологическую подсистему, обусловленную единой гидрологической сетью, однородностью почвенного покрова и режимом распределения осадков, в районе, являющемся частью обширной области традиционного неполивного земледелия.

Речная гидрология

Наиболее значительная река в регионе – Хабур, которая является постоянно действующей водной артерией, ее питают (главным образом, сезонно) девять основных притоков. Хабур течет с северо-запада на юго-восток. В Западной части долины в него впадают два основных притока (Джирджиб и Зерган). В районе современного г. Хасеке в Хабур с востока впадает самый крупный его приток (в этой части он называется Джагджаг), в который в свою очередь впадают шесть основных притоков восточной части долины (Вади Авейдж, Вади Ханзир, Вади Джагджаг, Вади

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 99-01-00043а.

© Ш.Н. Амиров, 2000 г.

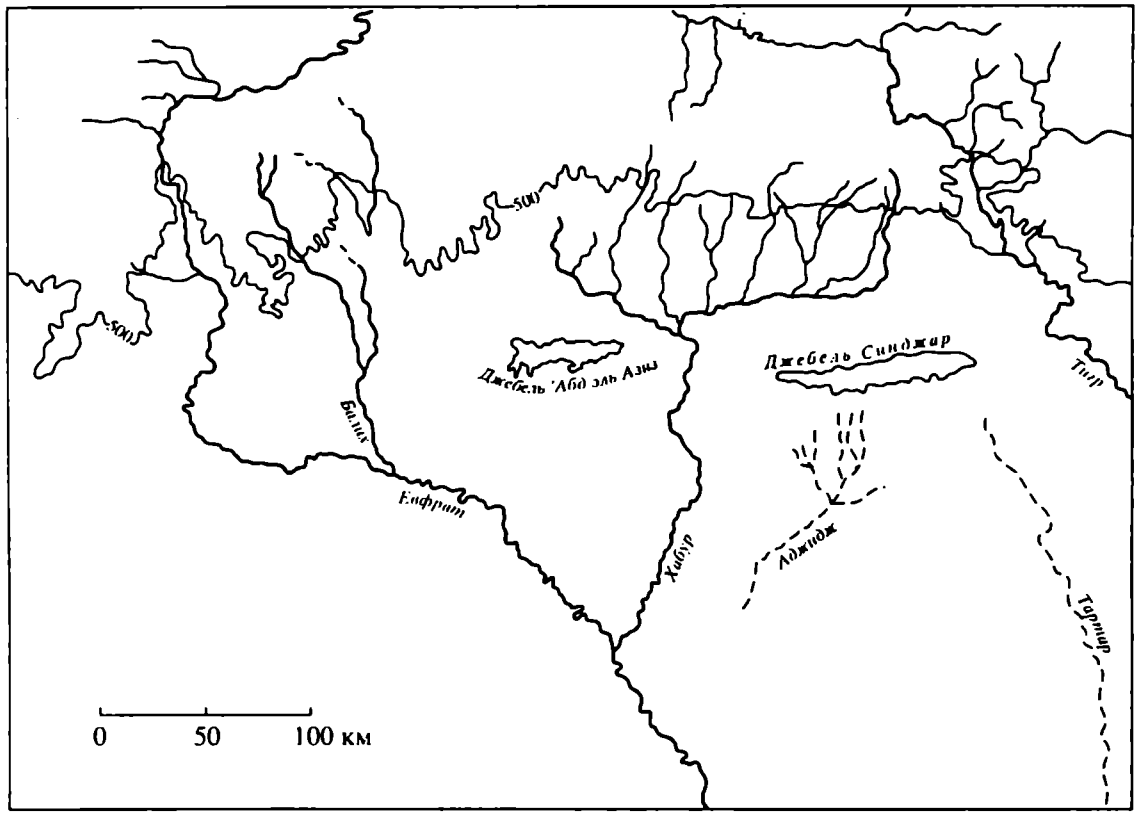


Рис. 1. Верхняя Месопотамия (карты 1–3 выполнены М. Сагатовской)

Джаррах, Вади Хнейзир, Вади Румейлан). Почти все упомянутые реки берут начало в предгорных районах Тавра на турецкой территории (рис. 2).

Полноводность рек различна. Постоянно действующей в настоящее время является только река Хабур, остальные – сезонные. При едином гидрологическом режиме время функционирования каждой из рек определяется индивидуальными особенностями водосбора. Из сезонных, вероятно, наиболее полноводной является Вади Джаррах, на одном из притоков которой – Вади Катрани стоит Телль Лейлан.

Ни один из притоков Хабура не функционирует постоянно, даже самый большой приток Джагджаг, собирающий все притоки восточной части долины, в нижнем течении недалеко от слияния с Хабуром, в месте, где в него впадает Вади Ханзир, в ранние осенние месяцы, сентябре – начале октября, уже не представляет из себя полноценную реку, вода в русле стоит местами, а иногда русло пересыхает полностью. Возможно, в значительной мере вода разбирается для орошения хлопковых плантаций при помощи механических помп. Весенний сток воды в притоках Хабура уменьшился также в последние годы из-за того, что на многих реках вдоль границы, с турецкой стороны, построили водосборные дамбы (Weiss H., 1986, p. 90).

Вади Ханзир. Исследуемые экспедицией ИА РАН поселения Телль Хазна I и Телль Хазна II расположены в нижней части аллювиального бассейна водостока реки, которая носит название Вади Ханзир или, как иначе ее называют местные жители, Вади Риджла, которая является правым притоком Джагджага.

Средняя глубина русла Вади Ханзир в нижнем течении 2–5 м, а ширина 5–7 м, река имеет древовидный водосбор, все ее притоки расположены в верхней половине течения, в относительно более обводненной части района, выше поселения Чагар-Базар – примерно в 20 км севернее Телль Хазны I.

За водным режимом Вади Ханзир сотрудники экспедиции могли наблюдать на протяжении девяти полевых сезонов, в течение четырех весенних (начало марта – май) в 1988–1991 гг. и пяти осенних (сентябрь-октябрь) в 1992–1996 гг. Русло,

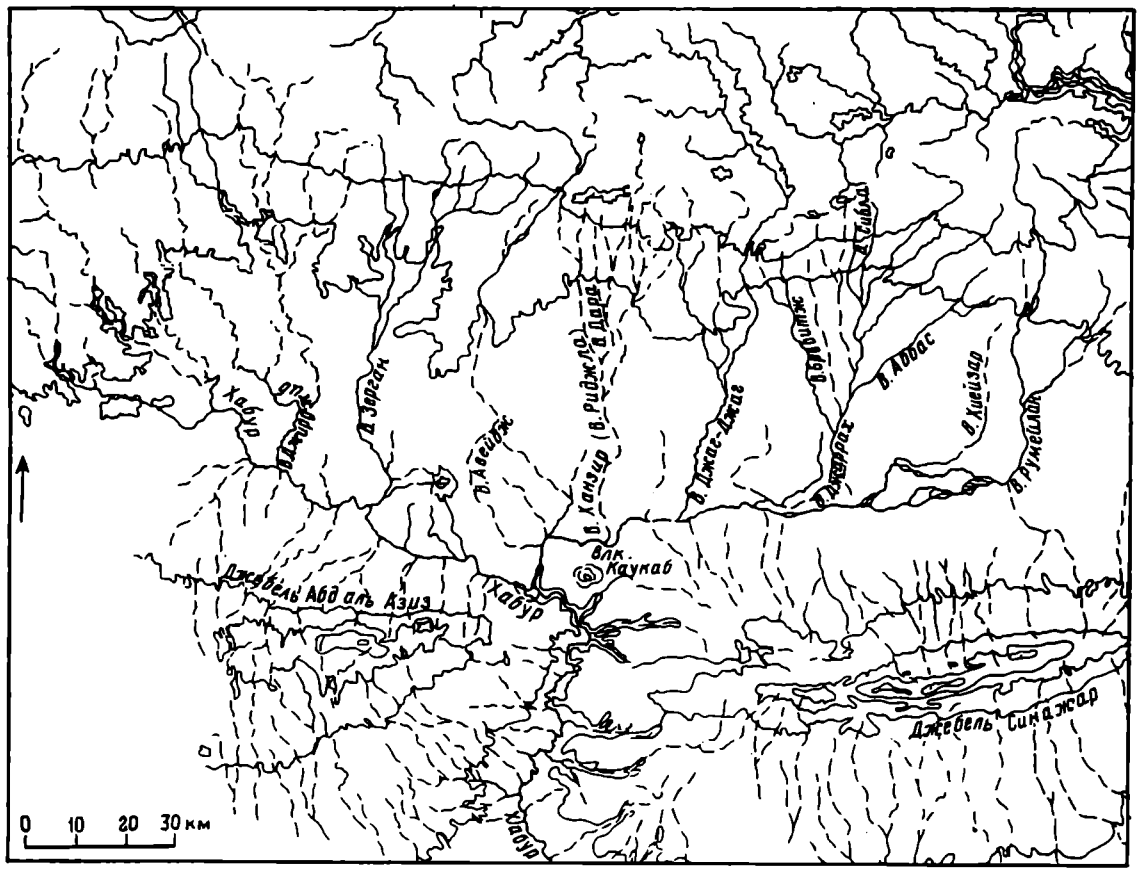


Рис. 2. Хабурский "треугольник"

заполненное водой, можно было видеть только дважды: ранней весной 1988 и 1996 гг. Пик водосбора приходится на конец зимних месяцев, когда бурный поток реки на короткий промежуток времени в 1–1,5 недели может, разливаясь, превратиться в непреодолимое препятствие (как это произошло в 1996 г.); всю остальную часть года русло остается сухим.

Грунтовые воды

В настоящее время постоянные поверхностные источники воды и родники в районе отсутствуют. Для современных жителей района единственным источником питьевой воды являются грунтовые воды, залегающие в районе Хазны на глубине 40–70 м. Уровень залегания водоносного слоя очень глубокий, для сравнения примерно в 130 км восточнее, в Ассирийской степи, ближе к Тигру, в районе поселения Телль аль-Хава уровень залегания грунтовых вод меньше 10 м, а колодцы имеют глубину 3–12 м (Ball W. et al., 1989, p. 7). В Ассирийской степи сооружение колодцев отмечено с довольно раннего времени. Известны колодцы позднехассунского периода глубиной 4–5 м на поселении Хирбет Гарсур (Wilkinson T.J., 1990, p. 51), халафские колодцы отмечал Миллер (Miller R., 1980, p. 333–341). Благодаря высокому уровню залегания грунтовых вод, население Ассирийской степи, по крайней мере с хассунского времени, было независимо от поверхностных источников воды и могло существовать в любой части равнины (Wilkinson T.J., 1990, p. 53).

Судя по глубине залегания грунтовых вод, население южной части "Хабурского треугольника", и в частности района нижнего течения Вади Ханзир, всегда значительно зависело от проточных вод и было в большей мере привязано к руслам рек, чем жители районов, близких к долине Тигра.

Это предположение наглядно иллюстрирует распространение разновременных памятников (VI–I тыс. до н.э.) в районе "Хабурского треугольника". Практически все телли здесь расположены вдоль русел притоков Хабура.

Объяснений такой организации расселения может быть два: либо речная вода была основным питьевым источником, либо это диктовалось задачами ирригации. Против второго предположения, в частности, свидетельствует тот факт, что подобная система расселения в равной степени характерна как для аридных районов рискованного земледелия, так и для районов традиционно наиболее благоприятных для неполивного земледелия, а также отсутствие в письменных источниках упоминаний о каких бы то ни было значительных ирригационных работах в регионе. В связи с этим мы склоняемся к первому предположению.

В результате общей аридизации и активного использования грунтовых вод современный уровень зеркала водоносного слоя, безусловно, опустился по сравнению с концом IV – началом III тыс. до н.э., но исходно он вряд ли был выше 20 м от дневной поверхности, а для сооружения многочисленных колодцев вручную эта глубина очень значительная.

Если в III тыс. до н.э. уровень грунтовых вод был ниже 20 м от уровня равнины, то они вряд ли могли быть основным источником питьевой воды для жителей микрорегиона Телль Хазны. Основным источником воды, видимо, была проточная вода Вади Ханзир.

В этой связи большой интерес представляет исследование колодца (яма 5), обнаруженного у южной полы Телль Хазны I. Яма обложена камнем и имеет внутренний диаметр 1,8 м. Возможно, что колодец был вырыт на позднем этапе жизни поселения, когда река начала пересыхать на летние месяцы.

Почвы

Почвенный покров на большей части Хабурских равнин, и в частности в районе Телль Хазны, характеризуется как аллювиальные и переотложенные коричневые средиземноморские почвы (Weiss H., 1986, p. 81), представленные суглинками, насыщенными на глубине 30–60 см от поверхности кальциево-карбонатными конкрециями; их отличает довольно высокое содержание калия и, несмотря на среднюю или низкую насыщенность органикой, они обладают высокой потенциальной плодородностью (Erinch S., 1980, p. 78), а в условиях достаточной увлажненности (прежде всего за счет осадков) эти почвы являются высокопродуктивными и особенно пригодными для культивации зерновых культур. При этом надо отметить, что коричневые почвы в районе Хазны уступают по качеству знаменитым, исключительно плодородным джезирским красноземам, распространенным несколько севернее, в районе г. Камышлы.

Климат

Климат, доминирующий в Северной Месопотамии, и в частности в районе "Хабурского треугольника", может быть охарактеризован как экстремально континентальный, средиземноморский.

Резко выраженная континентальность является результатом значительной удаленности от моря и особенно проявляется в температурном режиме (для региона характерен резкий перепад температур дневной и ночной частей суток), значительной годовой разницей температур и малым количеством осадков. Наиболее значительная черта этого региона – очень долгий жаркий сезон (начало мая – конец сентября), в течение которого практически не выпадают осадки.

Средняя температура в летние месяцы превышает 30°C. В течение этого периода температура воздуха в дневное время достигает иногда 50°C.

Континентальность климата выражается также в резкой сезонной смене погоды, происходящей дважды в год: в конце марта, при повороте на лето, и в конце сентября,

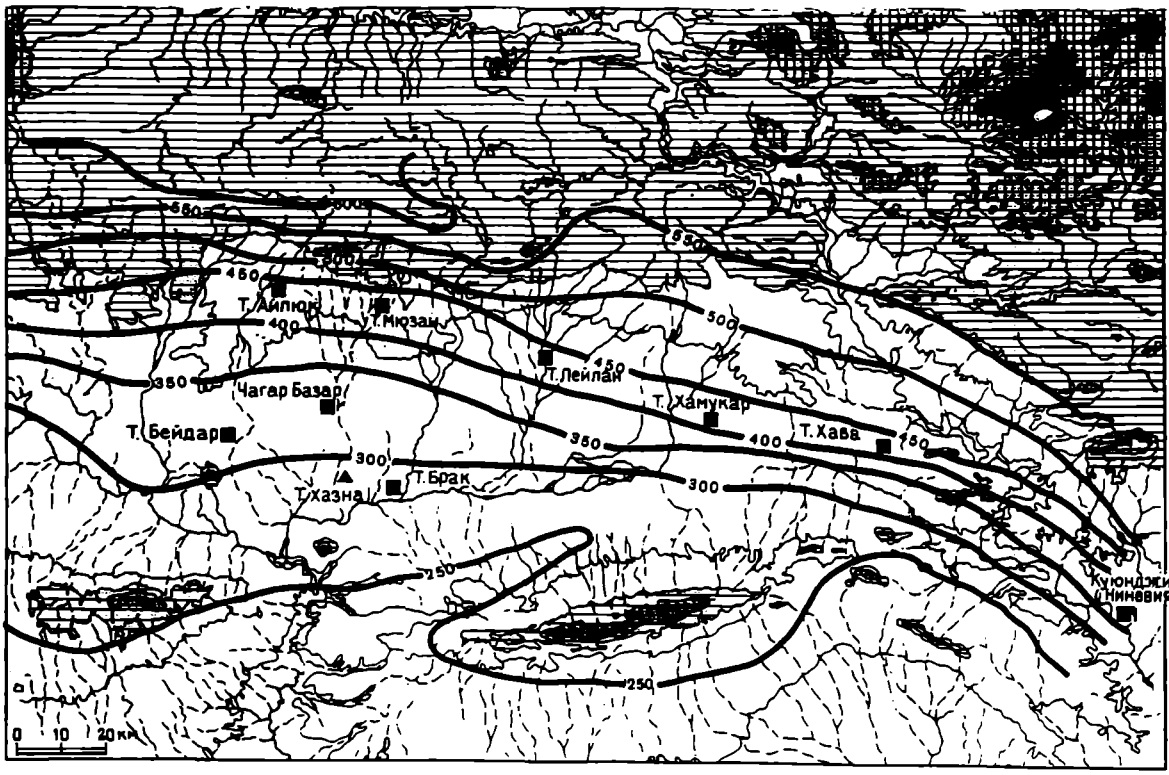


Рис. 3. Схема распределения годовых осадков в восточной части Северной Месопотамии

при повороте на зиму. Эта смена сопровождается ураганными ветрами, вырывающими деревья и телеграфные столбы, песчаными бурями, иногда с дождями высокой интенсивности.

Дождевой сезон начинается с конца сентября и длится до апреля. Наибольшее число осадков выпадает в январе-феврале (Wirth E., 1971, S. 91). Средняя температура в течение самых холодных месяцев около +5°С. Периодически температура может опускаться и ниже 0°С. Холодный период, с термической точки зрения непригодный для вегетации, длится около трех месяцев. Начиная с марта, температурный режим достигает уровня, необходимого для вегетации, в дневное время воздух прогревается примерно до +20°С, влажные условия ранней весны делают возможным быстрое развитие растительного покрова (Erinch S., 1980, p. 77). В это время Хабурские равнины покрываются ковром трав нежно-зеленого цвета.

Осадки

На большей части региона Джезиры зимние осадки порождаются фронтальной активностью, связанной с депрессией средиземноморского типа. В начале и, особенно, в конце зимы осадки часто являются результатом конвекциональных штормов. Эти кратковременные штормы являются обильным источником осадков (Raikes R.L., 1965, p. 181).

Обычно, в холодные зимние месяцы осадки выпадают в течение дождевых периодов, длящихся по нескольку дней, и имеют низкую интенсивность. Такие долгие дожди низкой интенсивности имеют бóльшее значение, чем кратковременные высокоинтенсивные штормы, так как они служат основой для поддержки вегетации (Raikes R.L., 1965, p. 183).

В "Хабурском треугольнике" наибольшее число осадков (в среднем 450 мм) выпадает вдоль сирийско-турецкой границы, уменьшаясь по мере движения на юг, в сторону столицы провинции г. Хассеке, лежащего примерно в 75 км от границы, где фиксируется около 250 мм годовых осадков (Weiss H., 1986, p. 81), (рис. 3).

С точки зрения распределения осадков, и соответственно системы вегетации, степи Северной Месопотамии, и в частности района "Хабурского треугольника", могут быть условно подразделены на две зоны. Северная часть наиболее благоприятна для занятий земледелием. Здесь ежегодно выпадает в среднем 350–500 мм годовых осадков. В настоящее время это зона устойчивого неполивного земледелия, где ежегодно гарантировано получение высокого урожая зерновых.

В южной части "Хабурского треугольника" выпадает 250–350 мм годовых осадков. Эта зона является маргинальной и даже в современных условиях развития сельскохозяйственных технологий – это район рискованного неполивного земледелия (Guest E., 1966, p. 71, 72). В данной части Хабурских равнин урожай, сопоставимый с тем, что получают в верхней части притоков Хабура, достигается один раз в несколько лет.

Район Телль Хазны расположен в 16 км западнее Телль Брака, где в настоящее время фиксируется в среднем 289 мм годовых осадков (Weiss H., 1983, p. 40). Соответственно район Телль Хазны находится в том же климатическом микрорайоне, в полосе, где выпадает в среднем 280–290 мм годовых осадков.

Усредненное значение годовых осадков для аридной полосы Хабурских степей складывается из значительных колебаний реальных годовых осадков, зачастую опускающихся ниже критической отметки в 200 мм, когда минимальный урожай позволяет только возместить затраты, связанные с посевной кампанией. С другой стороны, с определенной периодичностью в районе выпадает число осадков, значительно превышающих среднее значение. Максимальным числом осадков, отмеченных в районе Телль Хазны, было примерно 550 мм. В такой год урожайность по пшенице достигает 1000 кг/га и более и становится сопоставимой с урожаями, регулярно собираемыми в северной части Хабурских равнин.

В течение ряда лет на всей территории сирийской части Джезиры ведутся наблюдения за числом ежегодно выпадающих осадков. В нашем распоряжении есть данные за 30 лет (1961–1991 гг.). Исходя из среднего значения годовых осадков в районе Телль Хазны в 280 мм и соотношения с рядом близко расположенных населенных пунктов, где на протяжении 30 лет фиксировалась ежегодная вариабельность осадков, мы попытались вычислить цикличность годовых колебаний осадков для исследуемого микрорайона. В качестве основы использовались данные, приведенные Т. Вилкинсоном (Wilkinson T.J., 1994, fig. 16), и данные, опубликованные Министерством сельского хозяйства Сирии (The Annual Agricultural Statistical Abstract, 1990) (рис. 4).

Как видно из приведенного графика, за 30 лет в районе Т. Хазны четыре раза выпадало значительно меньше 200 мм годовых осадков; трижды ситуация приближалась к критической отметке в 200 мм. Исходя из этого можно считать, что в районе Хазны неурожайным является примерно один год из каждых шести лет.

Это современная ситуация в районе, где в настоящее время выпадает в среднем 280 мм годовых осадков, в условиях более гумидного климата на этой же территории должно было выпадать не менее 320–350 мм осадков, т.е. ситуация могла быть сопоставима с современными осадками в районе Дарбасия – Амуда, расположенном на сирийско-турецкой границе, в 50 км севернее Хазны. За 10 лет наблюдений (1981–1991 гг.) в районе Дарбасии, где в среднем выпадает 322 мм годовых осадков, было зафиксировано меньше 200 мм осадков, а именно 154 мм, только один раз, а в Амуде за тот же период наблюдений число осадков ни разу не опустилось ниже отметки 240 мм. Следовательно, неурожай здесь не превышает частоты один раз в 10 лет и в целом этот район может считаться зоной гарантированного земледелия.

Таким образом, если в районе нижнего течения Вади Ханзир (район Хазны) критическими в среднем являются каждые два года из десяти, то в верхнем течении Вади Ханзир и его притоков неурожайными являются максимум один год из десяти, а реально еще реже.

В конце IV–III тыс. до н.э. в районе Хазны ситуация критическая для урожая могла быть не чаще 2–3 раза в течение 30 лет (максимум один неурожай в 10 лет).

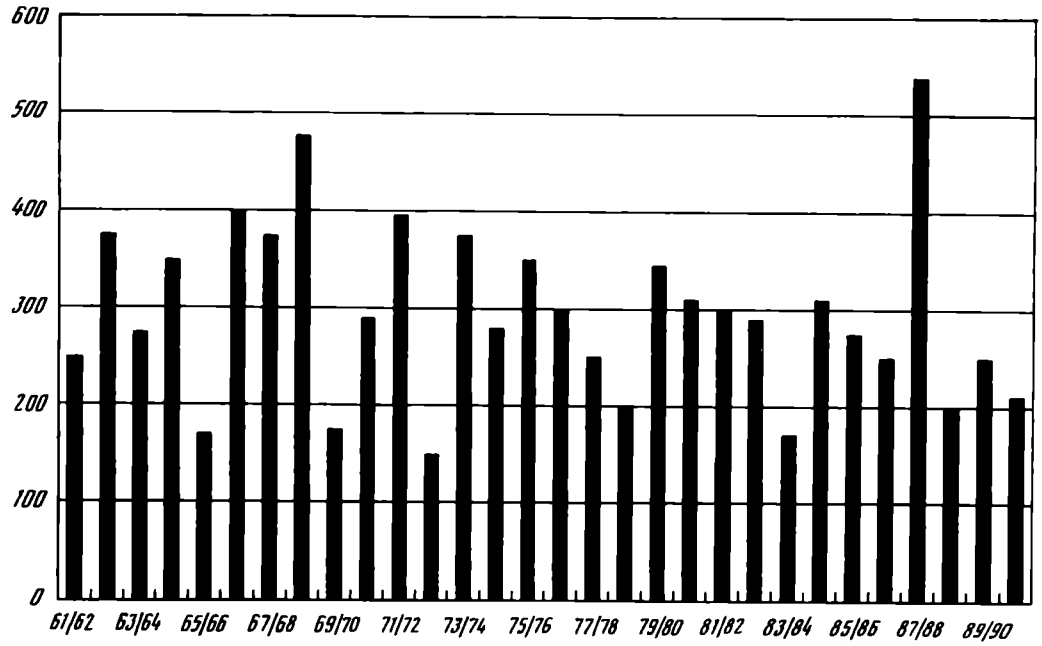


Рис. 4. Годовые осадки в районе Телль Хазны за 1961–1991 г. В качестве основы использованы данные T.J. Wilkinson, 1994: fig. 16 и данные министерства сельского хозяйства Сирии "The Annual Agricultural Statistical Abstract, 1990"

Следовательно, Телль Хазна, как и ряд других памятников южной части "Хабурского треугольника", в настоящее время находится в маргинальной зоне рискованного земледелия. Исторически эта группа памятников (в первую очередь памятники, составлявшие земледельческую округу городских центров) находилась в более жесткой зависимости от климатических изменений в сторону аридизации или увлажнения региона, нежели памятники северной части Хабурских равнин, такие как Чагар-Базар, Телль Бейдар, Телль Мюзан, Телль Лейлан, Телль Айлюн, Хамукар и пр., которые находятся в зоне, где в настоящее время выпадает значительно больше 300 мм годовых осадков.

Климатические условия в эпоху голоцена

В течение последних 30 лет были проведены многочисленные исследования климатических колебаний эпохи голоцена афро-азиатского аридного пояса в широкой полосе субтропической зоны Северного полушария и, прежде всего, различных регионов Переднего Востока. Исследование вопроса имеет достаточно обширную библиографию (Diester-Haas L., 1973, p. 207–233; Nutzel W., 1976, p. 11–23; Wright H.E.Jr., 1966, p. 157–173; Амирханов Х.А., 1997 и др.).

Исследования охватили широкий ареал от Аравийского п-ова до Арало-Каспийского региона и от Сахары до Иранского Курдистана. Надо отметить, что, несмотря на значительную удаленность исследуемых регионов и на различия в деталях, независимо составленные схемы климатических колебаний в значительной мере подтверждают друг друга. Это может говорить о едином ритме колебаний увлажненности и аридизации в обширной полосе субтропической и тропической зон Северного полушария в эпоху голоцена.

Предлагаем рассмотреть в самом обобщенном виде палеоклиматическую ситуацию на Переднем Востоке в интересующее нас время на примере нескольких исследованных районов.

Палеоклиматическая шкала, созданная Х.А. Амирхановым для Аравийского п-ова, базируется на синтезе данных литологии, палинологии, палеопедологии (Амирха-

нов Х.А., 1997, с. 171). В генерализованном виде предложенная палеоклиматическая шкала выглядит следующим образом: VIII–VI тыс. до н.э. влажный климат, сопровождаемый почвообразованием; V тыс. до н.э. засушливый климат; IV–III тыс. до н.э. влажный климат, при этом пик увлажненности приходится на вторую половину IV тыс. до н.э. (Амирханов Х.А., 1997, с. 176); II тыс. до н.э. засушливый климат.

Эта периодизация климатических колебаний подтверждается анализом отложений оз. Зерибар в Иранском Курдистане (Wright H.E.Jr., 1966, p. 157–173), анализом палеоклимата района Персидского залива (Diester-Haas L., 1973, p. 207–233), которые были синтезированы в шкале, предложенной В. Натзелем (Nutzel W., 1976, p. 11–23), для климатических колебаний в Месопотамии. Здесь им отмечено с VIII тыс. до н.э. возрастание увлажненности, резко увеличившееся в VI тыс. до н.э. и сохранившееся на этом уровне как минимум до середины IV тыс. до н.э. На наш взгляд, здесь пропущен период аридизации V тыс. до н.э., который, возможно, был сопоставим с современной климатической ситуацией; этот период аридизации, как мы видели, выделяется Х.А. Амирхановым для Аравийского п-ова, после чего начался процесс аридизации, достигший своей нижней точки в середине III тыс. до н.э. и продолжавшийся примерно до 500 г. до н.э., после чего в регионе установился современный, несколько более влажный климат.

Ухудшение климата в районе "Хабурского треугольника" в середине III тыс. до н.э., связываемое с глобальной аридизацией, отмечает Х. Вейсс, основываясь на материалах, полученных в ходе раскопок Телль Лейлана (Weiss H. et al., 1993, p. 997).

Интересные данные были получены в ходе разведок в районе нижнего течения Хабура, вдоль Вади Аджидж в экстремально засушливом пустынном районе, где в настоящее время выпадает около 150 мм осадков. Здесь среди памятников интересующего нас исторического промежутка были отмечены памятники только второй половины IV тыс. и II тыс. до н.э. (Bernbeck R., 1993, S. 178–186), что может указывать на время максимальной увлажненности в регионе в целом.

Очевидно, если колебания климата имели место, то наиболее чувствительно это должно отражаться на судьбе земледельческих памятников, расположенных в аридной зоне, маргинальной для неполивной культивации растений. Как справедливо отмечал Д. Оатс, "Если смещение линии культивации имело место из-за изменения климата, то это, вероятно, касалось пояса шириной не более 50 км" (Oates D., 1977, p. 233). Район нижнего течения Вади Ханзир, где расположено поселение Телль Хазна, находился в середине этой 50-км полосы, поэтому характер распределения разновременных памятников в исследуемом районе должен наиболее объективно отражать имевшие место климатические сдвиги.

В районе, непосредственно прилегающем к Телль Хазне I, выявлены памятники VI, V, конца IV–II тыс. до н.э. На поселении Телль Хазна II (Мунчаев Р.М. и др., 1993, с. 25–42), расположенном в 1 км южнее Телль Хазны I, выявлен поселок хассунской культуры VI тыс. до н.э., имеющий трехметровый культурный слой, что указывает на стационарный, земледельческий характер поселения. Слой хассунского времени перекрывается слоем халафской культуры, который датирован серединой V тыс. до н.э. Мощность халафского слоя менее 1 м, что в отличие от стандартных халафских поселков с многометровым культурным слоем позволило его интерпретировать как выдвинутую в сухую степь стоянку, связанную с сезонными откочевками скота. Судя по остеологическому материалу, на поселениях, выдвинутых в сухую степь, был очень высок процент использования диких копытных животных по сравнению с костями домашних животных, что может говорить скорее о комплексном, скотоводческо-охотничьем характере хозяйства на такого рода стоянках (Hole F. et al., 1991, p. 18).

Халафские памятники, аналогичные исследованному на поселении Т. Хазна II, имеющие незначительный культурный слой, характерны для южной части "Хабурского треугольника", где в настоящее время выпадает не более 300 мм годовых осадков. К числу таких памятников, находящихся в этой же экологической зоне, отно-

сятся археологически исследованные поселения Качкашок I (раскопки А. Сулеймана) и Умм Ксейр (Hole F., Johnson G.A., 1987, p. 3–52).

Южная граница распространения стационарных земледельческих поселков халафской культуры (как и современная граница гарантированного урожая в условиях неполивного земледелия) находится в зоне, где в настоящее время выпадает не меньше 320–350 мм годовых осадков, примерно в 20 км севернее Телль Хазны, на широте поселения Чагар-Базар, где М. Маллованом было исследовано помимо прочих культурных отложений многослойное халафское поселение (Mallowan M.E.L., 1936, p. 2–53). Севернее Чагар-Базара халафские поселения с многометровым культурным слоем многочисленны. И. Хаджара, проводивший разведки в верхнем течении Вади Ханзир – Вади Дара и картографировавший 30 поселений, отмечал халафские слои на 25 из них.

Памятники IV тыс. до н.э. (как первой, так и второй половины, как убейдские, так и урукские) известны в южной части "Хабурского треугольника" на широте Телль Хазны. Мы имеем в виду убейдские слои памятников Качкашок I, III (раскопки А. Сулеймана); Качкашок II (Matsutani T., 1991); Телль Куран (Hole F., 1991); Машнака и др. Слои урукского времени исследованы на поселениях Качкашок III, Хазна I, II (раскопки экспедиции ИА РАН); Телль Безари, Телль Брак (Oates D., 1977) и ряд других. Если говорить о нижнем течении Вади Ханзир, то собранный здесь материал получен главным образом силами экспедиции Российской академии наук, где помимо исследованных раскопками поселений Хазна I и II были проведены разведки вдоль русла Вади Ханзир, от места его слияния с Джагджагом на юге до Чагар-Базара на севере. В этой части течения убейдские памятники идентифицировать не удалось, в то же время отмечено девять памятников с урукским слоем (возможно, их число больше, поскольку четыре памятника не были исследованы разведками). В северной части "Хабурского треугольника", в районе, исследованном упомянутыми разведками И. Хаджары, для IV тыс. до н.э. было отмечено 15 убейдских и 8 урукских памятников.

Один из пиков заселенности "Хабурского треугольника", в том числе и южной его части, находящейся ныне в маргинальной для неполивного земледелия полосе, приходится на первую половину III тыс. до н.э. Условия увлажнения, начавшиеся во второй половине IV тыс. до н.э. и имевшие следствием активное заселение территории нижнего течения Вади Ханзир в первой половине III тыс. до н.э., оставались такими же благоприятными, об этом говорит тот факт, что на всех девяти памятниках, исследованных экспедицией, где была обнаружена керамика урукского времени, жизнь продолжалась и в первой половине III тыс. до н.э. Мало того, культурные слои этих памятников состоят преимущественно из отложений III тыс. до н.э. При этом надо отметить, что собранная в разведках керамика III тыс. до н.э. выглядит довольно ранней, ее можно датировать временем РД I–II, т.е. первой половиной III тыс. до н.э., что касается керамики второй половины III тыс. до н.э., то на памятниках, раскопанных экспедицией, она отсутствует, похоже, что нет ее и среди материалов разведок. В то же время в верхнем течении Вади Ханзир отмечено 12 памятников, содержащих материалы III тыс. до н.э. (Hijara I., 1988). Среди упомянутых поселений очень велика вероятность наличия слоев второй половины III тыс. до н.э.

Памятники первой половины II тыс. до н.э. представлены сборами так называемой хабурской керамики. В районе нижнего течения Вади Ханзир хабурская керамика была отмечена на семи памятниках (возможно, их число было несколько больше, поскольку на четырех памятниках сборы не производились). Севернее Чагар-Базара отмечено 10 памятников с хабурской керамикой.

Таким образом, мы видим, что хассунские памятники VI тыс. до н.э. (хотя они и достаточно редки) могут быть обнаружены на всей площади Хабурских равнин. Распространение халафских и убейдских памятников ограничено на юге примерно широтой Чагар-Базара. Памятники второй половины IV – первой половины III тыс. до н.э. распределены более равномерно вдоль всей длины русел притоков Хабура как

в их верхнем, так и в нижнем течении. Поскольку памятники второй половины III тыс. до н.э., на наш взгляд, отсутствуют вдоль нижнего течения Вади Ханзир, то их группировка может быть несколько севернее (в районе между Чагар-Базаром, Телль Мюзаном и расположенным несколько западнее Телль Айлюном). Памятники первой половины II тыс. до н.э. зафиксированы вдоль всего течения Вади Ханзир.

Таким образом, на основании имеющихся данных для микрорегиона нижнего течения Вади Ханзир мы можем заключить, что в VI тыс. до н.э. в районе выпадало не менее 320–350 мм годовых осадков и это позволяло получать гарантированный урожай даже в условиях относительно низкой эффективности земледелия эпохи неолитической революции. В V тыс. до н.э. ситуация была близка к современной, когда район находился за пределами зоны гарантированной урожайности и граница зоны устойчивого неполивного земледелия проходила в 20 км севернее (примерно там же, где и в настоящее время). Климатическая ситуация в первой половине IV тыс. до н.э. остается без изменений и начинает меняться в сторону увлажнения во второй половине IV тыс. до н.э.; пик увлажненности приходится на конец IV – начало III тыс. до н.э., после чего начался процесс аридизации, занимавший достаточно длительный промежуток времени (не менее 400 лет). Критической отметки он достигает в период, когда в районе стало выпадать значительно меньше 300 мм годовых осадков – около середины III тыс. до н.э., и население покинуло район Телль Хазны. Жизнь здесь возродилась только через 500–700 лет, о чем нам говорят культурные отложения поселения Телль Хазна III.

Таким образом, в момент строительства на Телль Хазне I монументальных архитектурных сооружений храмового комплекса экологическая ситуация была максимально благоприятной, в районе ежегодно выпадало не менее 320–350 мм осадков, что помимо прочего предполагает более высокий уровень залегания грунтовых вод и, вероятно, постоянное функционирование водной артерии Вади Ханзир. К середине III тыс. до н.э., когда в силу прогрессирующей аридизации поселение было оставлено жителями, в районе выпадало, вероятно, не более 250 мм осадков, меньше чем в настоящее время.

Растительный покров

В настоящее время ландшафт района "Хабурского треугольника" представлен саванноподобной степью. Это полностью обезлесенная территория, имеющая в зоне выпадения менее 300 мм годовых осадков вегетацию пустынно-степного типа, а в более увлажненных районах, где выпадает 550–350 мм, – степного типа.

Соответственно экологическим эффектом такого распределения осадков является распространение вегетации ксерофитов на большей площади зоны с мезофитами в районах с большим числом осадков.

В настоящее время флора Хабурских степей сильно деградировала из-за деятельности человека. Почти вся территория района регулярно распахивается и здесь почти не осталось естественной вегетации. В силу недостаточности данных точная реконструкция вегетации района в прошлом не может быть предложена, но на основании источников, полученных за пределами Джезиры, можно говорить, что исследуемый район в ранне- и среднеголоценовую эпоху находился южнее распространения лесной и лесостепной зоны (Ball W. et al., 1989, p. 10). Вероятно, по крайней мере, в раннеголоценовую эпоху большая часть Джезиры представляла собой разновидность саванны (Guest E., 1966, p. 72–82).

Что касается диких злаков, то в настоящее время дикие предки современных злаков в регионе Северной Месопотамии произрастают в зоне Иракского Курдистана, в зоне, где сейчас выпадает 350–450 мм осадков и выше, на высоте 700–800 м над уровнем моря, локальные ниши могут существовать и в районах, где уровень осадков ниже, но влажность сохраняется благодаря особенностям почв (Raikes R.L., 1965, p. 183, 184).

В настоящее время провинция Хассеке (район "Хабурского треугольника") наиболее плодородная провинция Сирии, где в системе землепользования в зоне неполивного земледелия доминируют зерновые монокультуры (Weiss H., 1986, p. 72–76).

Для того, чтобы позволить земле восстановить плодородие и сохранить влажность почвы, около 30% от всей площади остается под паром (Ball W. et al., 1989, p. 7). В силу высокой температуры и низкой увлажненности в летний период вегетационный цикл смещен к весенним месяцам. Культивируемые злаки созревают в течение марта–мая.

После сбора урожая в мае большие стада мелкого рогатого скота (овцы в сопровождении небольшого числа коз), принадлежащие кочевникам-бедуинам, перемещаются из более южных районов в хабурские степи, где скот выпасают на жнивье, одновременно удобряя почву навозом, который помимо этого активно используется в качестве топлива в купольных придомных печах-танурах, предназначенных для выпечки хлеба. До начала посевных работ ранней осенью бедуины отгоняют свои стада в южные районы, находящиеся вне зоны культивации.

Несмотря на высокую потенциальную плодородность и глубокие земледельческие традиции региона, реальное земледельческое использование равнин Северной Месопотамии в течение последних 5 тыс. лет не было постоянным и не только в связи с имевшими место климатическими колебаниями. По словам Х. Вейса, в древности плодородность районов неполивного земледелия была различной с неясной периодичностью и интервалами пастушеского контроля над сверхурбанизированными территориями. В новейшей истории процесс заселения района Джезиры документирован этнографически. В середине XIX в. земли, которые сейчас находятся под активной распашкой в зоне неполивного земледелия, были использованы кочевыми скотоводами с Евфрата в качестве сезонных пастбищ (Wirth E., 1971; цит. по Weiss H., 1986, p. 76), и только с конца XIX в. отмечен процесс оседания на землю (Weiss H., 1986, p. 74), который занял довольно длительный отрезок времени и продолжался в XX в.

В настоящее время неполивное земледелие в районе "Хабурского треугольника" культивируется в полосе, где выпадает менее 350 мм годовых осадков, как это происходит, например, в районе нижнего течения Вади Ханзир, но эта возможность появилась благодаря более высокой организации общества, позволяющей в засушливые годы получать дополнительный заработок. На заре земледелия любые попытки заниматься культивацией в зоне, где выпадает в среднем менее 350 мм годовых осадков, были невозможны (Raikes R.L., 1965, p. 184).

В зоне неполивного земледелия Северной Месопотамии особым плодородием отличаются районы Камышлы, Мосула и Эрбиля; они находятся в зоне наибольшего числа годовых осадков в Месопотамии. Полоса по линии Киркук – Эрбиль – Мосул – Камышлы представляет собой житницу Месопотамии (Weiss H., 1986, p. 40). В рамках "Хабурского треугольника" район наивысшей продуктивности неполивного земледелия находится в северной части, в районе современной сирийско-турецкой границы и занимает около $^1/_3$ всей площади района, что составляет около 7 тыс. км^2. В районе Камышлы современная урожайность составляет для пшеницы 1042,1 кг/га, а для ячменя 1289,2 кг/га (Weiss H., 1986, p. 73). Это один из высших показателей для зоны неполивного земледелия Северной Месопотамии благодаря исключительно благоприятному режиму осадков (в районе выпадает в среднем около 450 мм годовых осадков).

Более южные районы Джезиры, и в частности южная часть "Хабурского треугольника", расположенная в зоне, где выпадает меньше 300 мм годовых осадков, где, в частности, расположена Телль Хазна, в настоящее время относятся к зоне возможной неполивной культивации злаков, но в отличие от упомянутой максимально

благоприятной для земледелия северной части Хабурских долин здесь ежегодный высокий урожай не гарантирован.

В целом, судя по наблюдениям в полевых условиях, в районе нижнего течения Вади Ханзир в урожайный год собирают около 700–800 кг/га пшеницы и 900–1000 кг/га ячменя. В годы максимальной увлажненности урожай может достигать 1000 кг/га пшеницы и 1200 кг/га ячменя.

Безусловно, современные данные отражают не только фундаментальную зависимость от климата, но также и технологические новшества XX в., однако сравнение близко расположенных районов, имеющих различную продуктивность, позволяет судить о соотношении урожайности в интересующее нас время конца IV – первой половины III тыс. до н.э.

Вопрос о ирригации и неполивном земледелии

Территория Северной Месопотамии, исходя из благоприятной климатической ситуации и из глубоких земледельческих традиций современной зоны неполивного земледелия, априорно считается регионом, где искусственное орошение исторически не использовалось. Однако, как мы выяснили, территория Северной Месопотамии ни в настоящее время, ни в древности не представляла собой экологически однородного и одинаково благоприятного для неполивного земледелия пространства. Кроме этого, имевшие место периоды иссушения в разной степени влияли на характер хозяйствования в различных частях Джезиры. Наиболее сильное воздействие аридизации, безусловно, испытывали на себе районы, ныне расположенные в полосе неустойчивого неполивного земледелия, и в частности район нижнего течения Вади Ханзир. В связи с этим возникает вопрос о возможности ирригации в зоне Хабурских равнин.

Археологические данные в пользу положительного ответа отсутствуют как в районе Телль Хазны, так и других исследованных территориях степей Северной Месопотамии.

Самые ранние упоминания, свидетельствующие об использовании в Джезире какого-то рода ирригации, содержатся в текстах Римаха первой половины II тыс. до н.э. Телль Римах находится в 15 км южнее г. Тельафара, ныне столицы самого большого и высокопродуктивного района неполивного земледелия в Ираке.

В архиве Римаха старовавилонского периода четыре текста указывают, что какого-то рода ирригация периодически практиковалась в этом районе, но, несмотря на упоминание ирригации, регион в основном был неполивным (Weiss H., 1986, p. 82). В архиве нет упоминаний о каналах и рабочих, занятых на строительстве каналов, в отличие от современного ему архива Мари (Weiss H., 1986, p. 80).

Теоретическая возможность сооружения ирригационных систем в Северной Месопотамии, в зоне недостаточного дождевого орошения, существует, но при условии наличия достаточно полноводных водных артерий. Возможно, так оно могло быть для многочисленных поселений III тыс., вытянутых вдоль русла полноводного Хабура южнее Хасеке, где выпадает 250 мм осадков и меньше. Но вряд ли это возможно для маленьких притоков Хабура, что, впрочем, не исключает возможность создания водосборов паводковых вод для локального орошения, подобно тому, как это пытаются делать современные жители района при помощи сооружения временных дамб-запруд.

В Южной Месопотамии система сооружения каналов обусловила особую структуру расселения вдоль рукотворных русел. В Джезире подобная система расселения неизвестна. В "Хабурском треугольнике" практически все памятники привязаны к руслам рек, что может служить косвенным свидетельством в пользу того, что ни в III тыс. до н.э., ни позднее организованное поливное земледелие, хоть в какой-то мере напоминающее южномесопотамское, в районе Хабурских притоков не практиковалось.

Приношу глубокую благодарность М.Б. Медниковой и З.Х. Албеговой за дружеское содействие в подготовке статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А., 1997. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н., 1993. Тель Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // СА. № 4.

Оатс Д., Оатс Дж., 1996. Раскопки в Телль-Браке (Сирия) в 1976–1991 г. // ВДИ. № 3.

Ball W., Tucker D., Wilkinson T.J., 1989. The Tell al-Hawa Project: Archaeological investigations in the North Jazira 1986–1987 // Iraq. 51.

Bernbeck R., 1993. Steppe als Kulturlandschaft. Berlin.

Diester-Haas L., 1973. Holocene climate in the Persian Gulf as deduced from grain size and pteropod distribution // Marine geology. 14.

Erinch S., 1980. Human Ecology in South-Eastern Anatolia / Eds Chambel H., Braidwood R. // Prehistoric research in Southeastern Anatolia. Istanbul.

Guest E., 1966. The flora of Iraq. Baghdad.

Hijara I., 1988. The surface collection from the Khabur regional survey // Unpublished draft of the article.

Hole F., Johnson G.A., 1987. Umm Qseir on the Khabur. Preliminary Report on the 1986. Excavation // Annales Archeologiques Arabes Syriennes. Damas.

Hole F., Johnson G.A., Kouchoukos N., McCorriston J., Zeder M., Arter S., Blackman J., 1991. Preliminary report on the joint American-Danish Archaeological Sampling on Sites in the Khabur Basin (1990) // Annales Archeologiques Arabes Syriennes. Damas.

Mallowan M.E.L., 1936. Excavations at Chagar Bazar and archaeological survey of the Habur region of North Syria 1934–1935 // Iraq. III.

Matsutani T. (ed.), 1991. Tell Kashkashok. The excavations at Tell. N. II. Tokio.

Miller R., 1980. Water use in Syria and Palestine from the Neolithic to Bronze Ages // World Archaeology. 11.3.

Nutzel W., 1976. The Climate changes of Mesopotamia and bordering areas 14000-to 2000 BC // Sumer. V. XXXII. N. I–II. Baghdad.

Oates D., 1977. The Excavations at Tell Brak, 1976 // Iraq. XXXIX.

Raikes R.L., 1965. Phisical Environment and Human Settlement in the Near and Middle East. A hydrological Approach // East and West. V. 15. № 3–4.

Weiss H., 1983. Excavations at Tell Leilan and the origin of North Mesopotamian cities in the third millennium B.C. // Paleorient 9(2).

Weiss H., 1986. The origins of Tell Leilan and Conquest of Space in Third Millennium Mesopotamia / Ed. Weiss H. // The Origins of Cities in Dry-Farming Syria and Mesopotamia in Third Millennium B.C.

Weiss H., Courty M.A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collaps of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // Science. 261.

Wilkinson T.J., 1990. The Development of Settlement in North Jazira between 7th and 1st Millennia B.C. // Iraq. LII.

Wilkinson T.J., 1994. The Structure and Dynamics of Dry-Farming States in Upper Mesopotamia // Current Anthropology. V. 35. № 5.

Wirth E., 1971. Syrien. Eine Geographische Landeskunde. Darmstadt.

Wright H.E.Jr., 1966. Stratigraphy of Lake Sediments and Precision of the Paleo-Climatic Record / Ed. Sawyer J.S. // World climate from 8000 to 0 BC. London.

Институт археологии РАН, Москва

Sh.N. AMIROV

ENVIRONMENTAL CONDITIONS ON THE UPPER KHABUR

Summary

In the article the environment of eastern part of North Mesopotamia is discussed (the Khabur and its tributaries' valley). The author presents a review of geomorphological conditions of the region in question, the regime of water-supply in the Khabur basin, the soil-waters level and soils' characteristic. Against this background the questions of local agriculture, agricultural system, modern climatic situation and general climatic changes are considered in connection with the distribution of archaeological cultures.

Д.Я. ТЕЛЕГИН

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ, ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СКИПЕТРОВ МЕДНОГО ВЕКА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

На юге Восточной Европы, на Балканах и Прикарпатье давно известны каменные изделия медного века, которые получили название скипетров. Основным атрибутом формы этих предметов, как известно, является наличие в их тыльной части специального выступа, который играл важную роль при скреплении с рукояткой.

В настоящее время на указанной территории уже найдено около 40 скипетров. Сосредоточены они в двух обособленных регионах – западном Балкано-Прикарпатском и восточном Волго-Северокавказском, между которыми, в частности, на Поднепровье, их известно очень мало (Дергачев В.А., Сорокин В.Я., 1986) (рис. 1).

Примерно четвертая часть скипетров обнаружена за последние 10–15 лет, что позволяет снова возвратиться к рассмотрению ряда важных вопросов их интерпретации, в том числе типологии, хронологии и культурной принадлежности.

Среди новых находок нужно назвать скипетры, обнаруженные при погребениях в хут. Шляховский (Клепиков В.М., 1994), на Хлопковском городище (Малов Н.М., 1985) в Поволжье, Джангар (Сафронов В.А., 1989. с. 190) в Прикаспии и др. О таких же находках из Майкопа и Ясеновой Поляны на Северном Кавказе сообщает А.А. Нехаев (1992). Два скипетра (новые находки) несколько своеобразной формы происходят из Днепровского надпорожья (рис. 2). Хранятся они в Институте археологии НАН Украины (Кодачок) и Днепропетровском историческом музее (Игрень).

Почти все исследователи, изучавшие скипетры, приходят к выводу о членении их на две основные группы, которые называют по-разному. У М. Гимбутас (Gimbutas M., 1977) они носят название "натуралистическая" и "схематическая" группы, у В.Н. Даниленко и Н.М. Шмаглия (1972) – типы I и II, у А. Дод-Опритеску (Dodd-Opritescu A., 1983) – типы А и В, у Е.В. Цуцкина (1981) – тип А-II è Â-II, Â. Хойслер (Häusler A., 1994) тип А "плоские" и тип В "округлые". Наконец, недавно немецкие исследовательницы Г. Говедарика и Э. Кайзер (Govedarica G., Kaiser E., 1996) предложили свое название этим двум группам скипетров – абстрактные и зооморфные.

В свое время к вопросу о типологии скипетров обращался и автор. В докладе на одной из конференций в Югославии известные на то время скипетры делились нами на три основные группы: А – Касимча-Суворовскую, В – Архаринскую и С – Хвалынско-Константиновскую (Telegin D., 1987). Примерно такого же деления скипетров на три группы или типа мы придерживаемся и сейчас, хотя с некоторыми изменениями. В связи с накоплением новых фактов заметно меняется содержание некоторых групп, как и их названия. Вслед за М. Гимбутас, в частности, первую их группу мы будем теперь называть натуралистической, а вторую – схематической. К третьей группе будем относить все наиболее абстрактные и невыразительные изделия.

Кратко остановимся на их описании.

А. Натуралистическая группа включает 10 экз. – Касимче, Суворово, Драма и др. (рис. 3, *1–10*). Для них характерно натуралистическое изображение головы животного с передачей не только общей ее формы, но и деталей – глаз, губ, носа и др. В некоторых случаях, как, например, при изготовлении суворовского скипетра, древний мастер очень приблизился к реалистическому воспроизведению изображаемого объекта в камне (рис. 3, *2*). На поверхности некоторых из скипетров этой группы,

© Д.Я. Телегин, 2000 г.

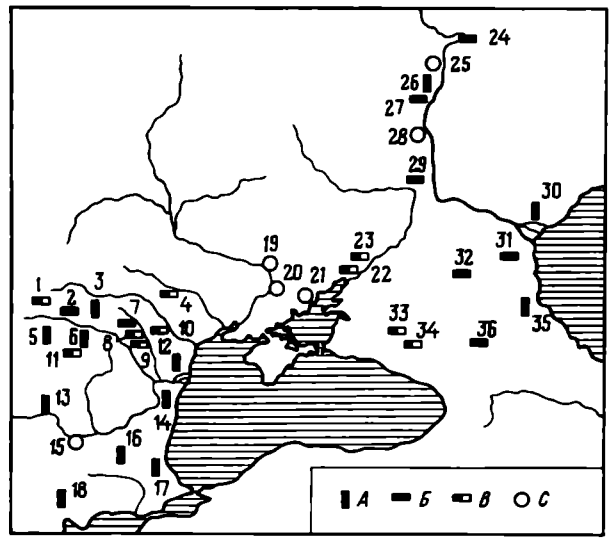


Рис. 1. Распространение скипетров натуралистического (*А*), схематического (B_1–B_2) и абстрактного (*С*) типов. *1* – Секельвайо; *2* – Могошешти; *3* – Феделяшени; *4* – Березовская ГЭС; *5* – Винту де Жос; *6* – Фитионешти; *7, 8* – Обиршени; *9* – Бирлалешти; *10* – Верхние Жоры; *11* – Велени; *12* – Суворово; *13* – Салькуца; *14* – Касимче; *15* – Телиш; *16* – Ржево; *17* – Драма; *18* – Суводол; *19* – Игрень; *20* – Кодачек; *21* – Мариуполь; *22* – Ростов; *23* – Константиновск; *24* – Самара; *25* – Хвалынск; *26, 27* – Хлопково; *28* – Даниловка; *29* – хут. Шляховый; *30* – Кокберек; *31* – Джангар; *32* – Архара; *33* – Майкоп; *34* – Ясенова поляна; *35* – Терекли Мектеб; *36* – Орджоникидзе

кроме того, изображены, видимо, ремни уздечки (Касимче, Суводол) или только намордника – капцуга (Салькуца).

В (B_1, B_2). Схематическая группа скипетров в целом включает около 20 экз. Это весьма схематическое изображение также безусловно головы животного, вероятнее всего, лошади также с уздечкой, но весьма стилизованным способом. Она показана в виде поясков ремней, опоясывающих морду животного на периферии. Причем у одной части скипетров этой группы поперечной перемычкой показан, на наш взгляд, капцуг – Архара, Орджоникидзе, хут. Шляховский и др. (рис. 3, *11–17*), а во второй – Велени, Обиршени 2 и др. (рис. 3, *18–26*) – он отсутствует. Именно по этому признаку вся группа схематических скипетров может быть разделена на две подгруппы – B_1 и B_2. У части скипетров подтипа B_2 следы уздечки схематически показаны проглаженными линиями (Велены, Майкоп) или в виде каннелюр (Обиршени 2, Бирлатени и др.).

С. Абстрактные образцы скипетров в целом сохраняют лишь основные признаки этих изделий, но лишены как детализации черт морды животного, так и иных изображений на их поверхности – Хвалынск, Телиш (рис. 3, *27, 28*). Некоторые изделия этого рода, как например, скипетр из Даниловки в Поволожье, или Кодачек и Игрень в Надпорожье Днепра (рис. 2) вообще обладают особенностями формы.

Скипетры всех трех типов имели, очевидно, рукоятку, скорее всего, из дерева. В упоминаемой работе Г. Говедариа и Э. Кайзер авторы предлагают два способа соединения наверший с рукояткой. В одном оно тыльным концом вставлялось в гнездо, специально выдолбленное на конце рукоятки под прямым углом к ней, а во втором – оно как бы продолжало рукоятку по прямой линии. Если предполагать, как думают многие исследователи, что скипетры были символами власти и старшинства, то первый способ крепления нам кажется более приемлемым. Трудно согласиться, в частности, с мнением указанных авторов и о том, что скипетры второго способа крепления, как, кстати, и нуклеусы из новоданиловских погребений, следует понимать как символы мужского начала (Govedarika G., Keiser E., 1996, рис. 9, 10).

Определение типов скипетров имеет важное значение для понимания некоторых сторон культуры и истории их создателей. Обращает на себя внимание прежде всего наличие здесь первых двух типов из них (натуралистического и схематического),

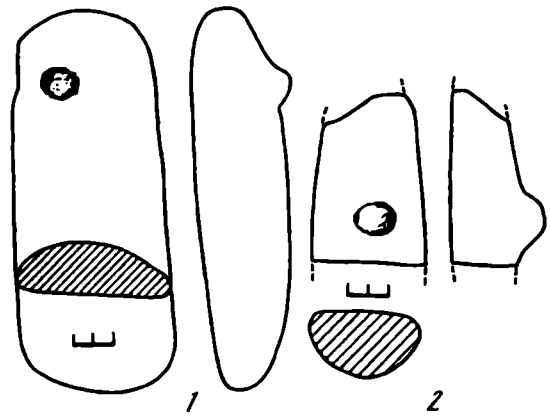


Рис. 2. Скипетры примитивного типа из Днепровского Надпорожья. *1* – Игрень; *2* – Кодачек

которые коренным образом различаются между собой как по деталям формы, так и по стилю передачи реального объекта в камне. По существу, здесь мы имеем дело с двумя направлениями в первобытном искусстве – натуралистическо-реалистическим (тип А) и схематически-абстрактным (тип В), которые в принципе исключают друг друга. К сожалению, появление в одно время таких различных направлений в изобразительном искусстве объяснить трудно. Можно лишь сказать, что в распространении этих двух типов скипетров отмечаются некоторые закономерности. Так, например, в подавляющем большинстве натуралистические скипетры А обнаружены в западном Балкано-Прикарпатском районе, а схематические типа В – преобладают в восточном Волго-Прикарпатском регионе (рис. 1). Исходя из этого можно было бы предполагать, что происхождение скипетров типа А следует связывать с балкано-прикарпатскими культурами, например, Кукутени, Салькуца, Триполье, на поселениях которых их, кстати, и находили, а скипетры типа В имели восточное происхождение. Однако детальный анализ условий находок этих изделий позволяет нам отказаться от такого предположения.

Здесь мы, таким образом, вплотную подошли к проблеме хронологии и культурной принадлежности изучаемых артефактов. В решении этих вопросов основное значение имеют условия их нахождения. К сожалению, третья часть из них являются случайными находками, вне каких-либо датирующих материалов, но известно около десяти случаев, когда они обнаружены при раскопках древних поселений, а десять раз они входили (что очень важно) в состав погребального инвентаря.

Поселения, где были обнаружены скипетры, относятся к нескольким культурам – Салькуца, Кукутени, Триполье и среднестоговской в Константиновском ее проявлении. Библиография, где освещается вопрос о хронологии скипетров, уже довольно обширна. Очень обстоятельно она приведена в упоминавшейся работе Г. Говедариа и Э. Кайзер, что избавляет нас от необходимости приводить ее здесь в полном объеме. Заметим лишь, что на поселениях Салькуца, Секельвайо и Телиш, относимых к культуре Салькуца IV, обнаружены три скипетра. Большинство поселенческих находок этого рода относят к разным этапам культуры Кукутени – Обиршени и Бирлалешти (этап А), Феделяшени (этап А, $А_4$), Фитионешти (этап А/В, В), Верхние Жоры (этап В 2/3). Из трипольских поселений, где значатся находки скипетра, известно одно (Березовская ГЭС), которое датируется этапом $В_1$ Триполья.

Время бытования культур Салькуца IV, Кукутени А, А/В, В и Триполье $В_1$ охватывает по некалиброванным датам период от 3500 до 3000–2900 лет до н.э., что может иметь прямое отношение и к хронологии найденных на этих поселениях скипетров (Brukner B., 1981; Pavuk J., Šiška S., 1981; Черныш Е.К., 1982, с. 175). Примерно этим же временем может быть датирован и скипетр, найденный на поселении второго (шнурового) этапа среднестоговской культуры в Константиновке.

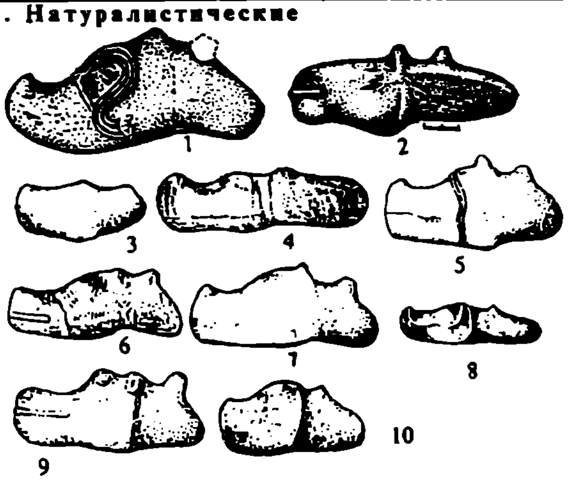
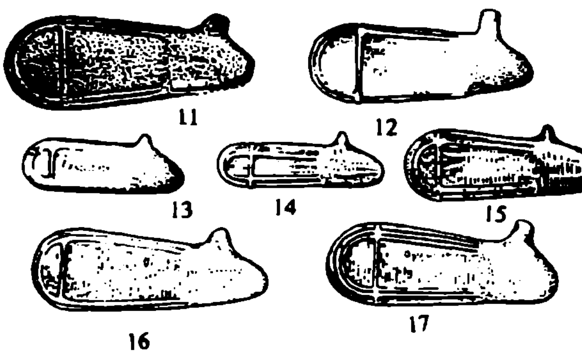
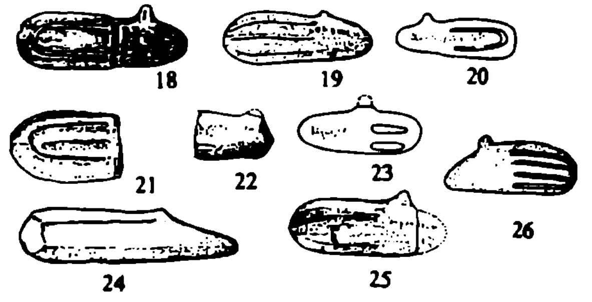
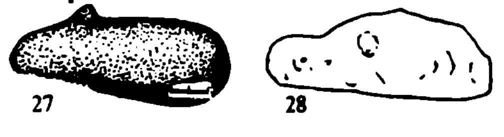
Скипетры и их типы	Местонахождение	Условия находки: на поселении	в погребении	случайн. находки
А. Натуралистические 	1. Касимче		НДТ	
	2. Суворово		НДТ	
	3. Хлопково 1		хвалын.	
	4. Фитионешти	Кук. A/B		
	5. Салькуца	Сальк. IV		
	6. Феделешени	Кук.-Трип.		
	7. Драма			+
	8. Суводол			+
	9. Терекли-мектеб			+
	10. Винту де Жос			+
В 1. Схематические с капцугом 	11. Архара		предъям.	
	12. Шляховский		НДТ	
	13. Хлопково 2		хвалын.	
	14. Обыршени 1	Кук. А3		
	15. Могошешти			+
	16. Самара			+
	17. Орджоникидзе			+
	Джангар		НДТ	
В 2. Схематические без капцуга 	18. [illegible]			+
	19. Обыршени 2	Кук А3		
	20. [illegible]			+
	21. Верхние Жоры	Кук. А 2/3		
	22. Константиновск	ССК		
	23. Березовская ГЭС	Трип. В		
	24. Ростов			+
	25. Бырлалешти	Кук. А3		+
	26. Майкоп			+
С. Абстрактные 	27. Хвалынск		хвалын.	
	28. Телиш			+

Рис. 3. Скипетры медного века, их типы и условия находок. НДТ – памятники новоданиловского типа; Хвалын. – хвалынская культура; Кук. – Кукутени; Сальк. – Салькуца; Трип. – Триполье; предъям. – предъямное время; ССК – среднестоговская культура

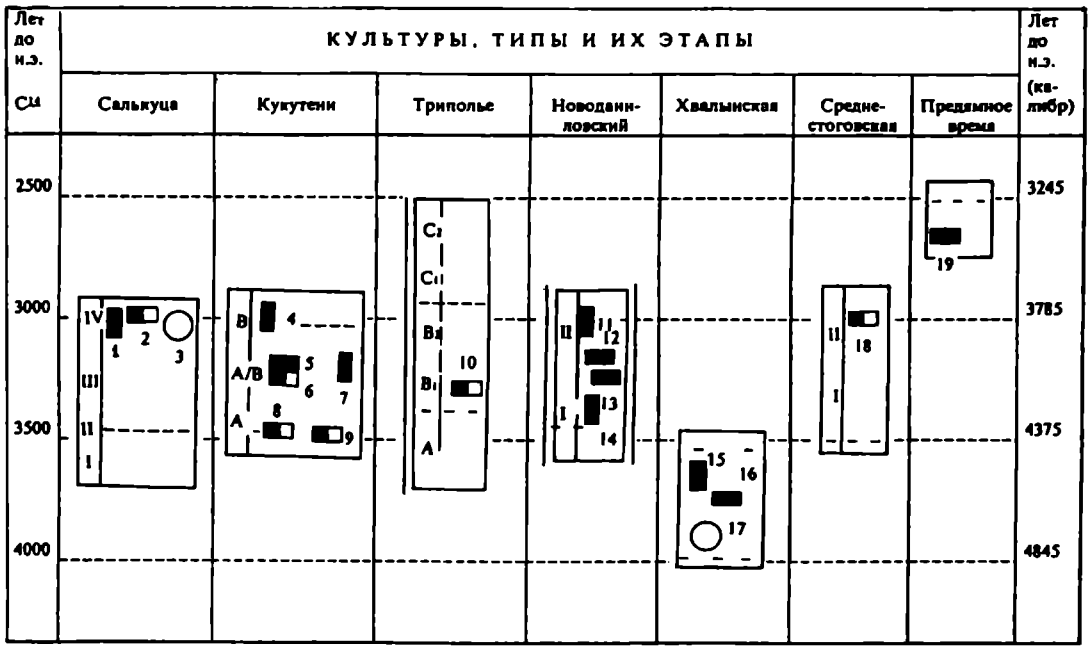


Рис. 4. К хронологии скипетров типа *A*, B_1, B_2, *C* из поселений и погребений (условные обозначения см. рис. 1). *1* – Салькуца; *2* – Секельвайо; *3* – Телиш; *4* – Фитионешти; *5, 6* – Обишени; *7* – Феделяшени; *8* – Верхние Жоры; *9* – Бирлелешти; *10* – Березовская ГЭС; *11* – Касимче; *12* – Джангар; *13* – хут. Шляховский; *14* – Суворово; *15, 16* – Хлопково; *17* – Хвалынск; *19* – Архара

Погребения, в которых обнаружены скипетры, относятся в основном к двум культурным группам – группе памятников новоданиловского типа – Суворово, Касимче, Джангар, хут. Шляховский и хвалынской культуре – хвалынские и хлопковские захоронения. Во всех случаях здесь они составляли с иными находками замкнутые комплексы, что очень важно для решения вопросов как их хронологии, так и культурной принадлежности.

Погребения новоданиловского типа (далее – НДТ) датируются примерно тем же временем, что и названные выше поселения, где были найдены скипетры. По стратиграфическим наблюдениям в Луганске (Ворошиловград) и Джангар, они древнее раннеямных памятников (Писларий И.А. и др., 1976; Сафронов В.А., 1989, с. 196), т.е. должны относиться ко времени не позднее первой четверти III тыс. до н.э. (Телегин Д.Я., 1977). Примерно этим же временем датируются и скипетры Архары (Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966, с. 93–95). На бытование памятников НДТ в середине – второй половине IV тыс. до н.э. указывают раскопки и погребения в Кайнарах и Джурджулешти, где с типичным новоданиловским набором вещей обнаруживают сосуды. В первом случае – горшок борисовского типа этапа В Триполья, а во второй – гумельницкой культуры этапа – A_2 – B_1 (Мовша Т.Г., Чеботаренко Г.Ф., 1969; Haheu V., Kurciatov S., 1993). В этой связи можно напомнить, что к этому же времени или несколько позже относятся и новоданиловские погребения Мариупольского могильника.

По сравнению с хронологией скипетров, найденных на поселениях Салькуца, Кукутени, Триполье и др., а также при погребениях НДТ, изделия этого рода хвалынской культуры относятся, видимо, к более раннему времени. По вопросу абсолютного возраста Хвалынского могильника и хвалынской культуры вообще еще недавно проходила дискуссия. И.Б. Васильев (1981) датировал эту культуру, как и среднестоговскую, второй половиной IV тыс. до н.э., а В.И. Пестрикова – (1987) относила эти памятники к периоду 4050–3750 лет до н.э.

Общее представление о времени бытования 19 скипетров в разных культурах показано на таблице (рис. 4). Подавляющее их большинство как в западном Балкано-

Прикарпатском, так и в восточном Приволжско-Северокавказском регионах относятся в целом к середине – второй половине IV тыс. до н.э. Несколько иную хронологическую позицию занимают, однако, скипетры из Константиновского поселения, Архаринского погребения и хвалынской культуры. Первые два, видимо, следует датировать несколько более поздним временем – первой четвертью III тыс. до н.э., а три находки из хвалынских могильников, наоборот, по времени уходят в первую половину IV тыс. до н.э. или, возможно, даже в конец V тыс. до н.э.

Таким образом, скипетры на исследованной территории бытовали от рубежа V–IV до первой четверти III тыс. до н.э., т.е. более тысячи лет.

Выяснение вопроса абсолютного возраста скипетров имеет важное значение для рассмотрения ряда иных, связанных с ними проблем – их происхождения, распространения и культурной принадлежности. Как было показано выше, древнейшие из этих находок принадлежат хвалынской культуре, где представлены все три типа (рис. 3, *3, 13, 27*). Все это может свидетельствовать о том, что начало появления этого рода изделий следует связывать с поселениями степных скотоводческих культур, откуда они затем распространились далеко на запад, до Балкан включительно.

На появление скипетров в среде энеолитического поселения Поволжья в какой-то мере может указывать и наличие здесь у племен хвалынской, самарской, орловско-варфоломеевской и др. культур развитой традиции изотовления костяных предметов искусства (Васильев И.Б., 1981; Юдин А.И., 1991). Мы имеем в виду, например, присутствие здесь фигурок лошади, загадочных быкоголовых подвесок, и особенно оригинальных "уточек" в виде плоских овальных изделий с головкой этой птицы на одном конце. Эти "уточки", кстати, по конфигурации очень напоминают схематические скипетры, на что уже обратил внимание А. Хойслер.

Говоря о зарождении обычая изготовления скипетров в среде населения Поволжья, следует обратить внимание на факт чрезвычайной примитивности формы натуралистического скипетра из Хлопково (рис. 3), который, видимо, стоит у истоков техники изготовления этих изделий вообще. В плане понимания генезиса схематических скипетров интересно сопоставление абстрактного скипетра из Хвалынского могильника и находки у Майкопа, из которого видно, как абстрактная форма путем нанесения рельефа превращается в схематический скипетр типа B_2 (рис. 3, *26, 27*).

Предположение о первоначальном появлении скипетров у носителей хвалынской культуры в Поволжье ставит перед нами новую, не менее важную проблему о путях и способах распространения этих изделий на иные территории Европы, в том числе далеко за пределы обитания хвалынцев. В этом плане наше внимание могут привлечь носители культуры НДТ, в погребениях которых, как отмечали выше, найдены четыре скипетра. Хронологически эти памятники, которые известны от Нижней Волги и до Прикарпатья, в принципе следуют за хвалынскими. В Поволжье те и другие тесно смыкаются территориально. Очевидно в результате межкультурных контактов скипетры, возникнув у носителей хвалынской культуры, были заимствованы новоданиловцами.

О принадлежности скипетров носителям культуры НДТ мы уже говорили и ранее (Telegin D., 1987); новые материалы (Джангар, хут. Шляховский) подтвердили это предположение. Надо полагать, что именно носители культуры НДТ затем распространили этот вид изделий далеко на запад. В обоснование этого тезиса мы кратко рассмотрим материалы этого, еще относительно слабо освещенного в литературе типа памятников.

Погребения новоданиловского типа, которые иногда называют еще "петро-свистуновскими" (В.Г. Збенович) или "суворовскими" (В.А. Дергачев) и др.[1], являются

[1] В последнее время Ю.Я. Рассамакин памятники новоданиловского типа называет "скелянскими" по имени поселения Стрильча скеля в Надпорожье. С этим согласиться трудно, поскольку материалы названного многослойного поселения практически не имеют ничего общего с новоданиловскими (см.: Давня історія України, 1997, с. 275–283).

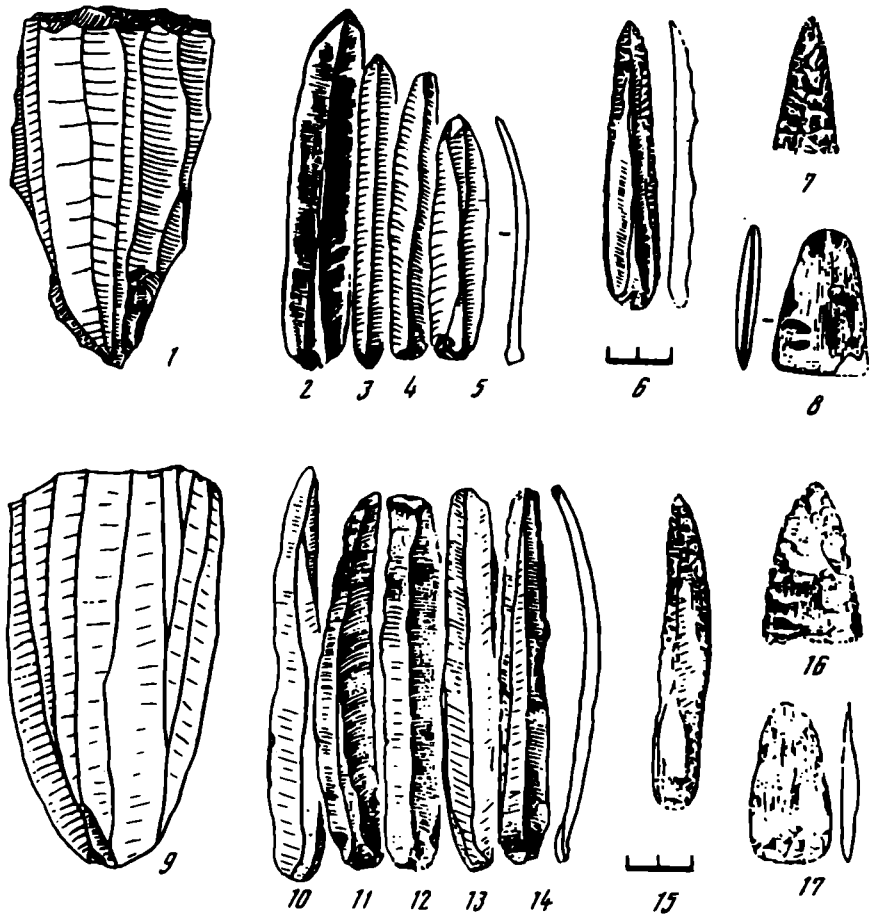


Рис. 5. Типы кремневых изделий в новоданиловских погребениях (*1–8*) и кладах гончаровского типа (*9–17*). *1* – Джурджулешти; *2, 6, 7* – Петро-Свистуново; *3–5, 8* – Луганск; *9, 11, 12, 14, 15* – хут. Гончаровский; *10, 13, 17* – Коропово; *16* – Игрень

весьма своеобразным и колоритным историко-культурным явлением Восточной и Юго-Восточной Европы. Представлено оно погребениями, которых исследовано более 30, в том числе на Нижнем Подунавье и Прикарпатье – Дечия Морешулуй, Касимче, Суворово, Джурджулешти и др., в степной зоне Причерноморья и Приазовья – Кайнары, Кривой Рог, Чапли, Петро-Свистуново, Новоданиловка, Яма, Луганск и др., и Прикаспии – Джангар и др. К числу новоданиловских памятников мы относим и клады кремневых изделий из бассейна Северского Донца – Гончаровские, Короповский и Поднепровья – Новоорлицкий, Игренский и др. (Одинцова С.Н., 1956; Бородулин В.Г., 1980; Рудинський М.Я., 1929; Ковалева И.Ф., 1961). Находки таких же кладов известны и на Правобережье Украины – Андрусовка, Перевозские хутоpы и др. Эти клады включают десятки кремневых изделий, в том числе крупные ножевидные пластины и нуклеусы, с которых они скалывались, а также наконечники копий, кремневые топоры с пришлифовкой по лезвию и др. В Гончаровском кладе, например, было 116 пластин, 19 наконечников копий и серия нуклеусов. Многие из пластин подходят к нуклеусам, с которых они были сколоты.

На принадлежность этих кладов и погребений НДТ к одному историко-культурному явлению указывает идентичность техники изготовления этих кремневых изделий, полное типологическое их сходство (рис. 5) и общность кремневого сырья.

Новоданиловские погребения совершены в простых ямах, иногда обставленных плитами (Яма, Луганск), а для погребенных в кургане 5/9 Аксай-Мухин и Джурджулешти были сооружены катакомбы (Нечитайло А.Л. и др., 1997). Покойников

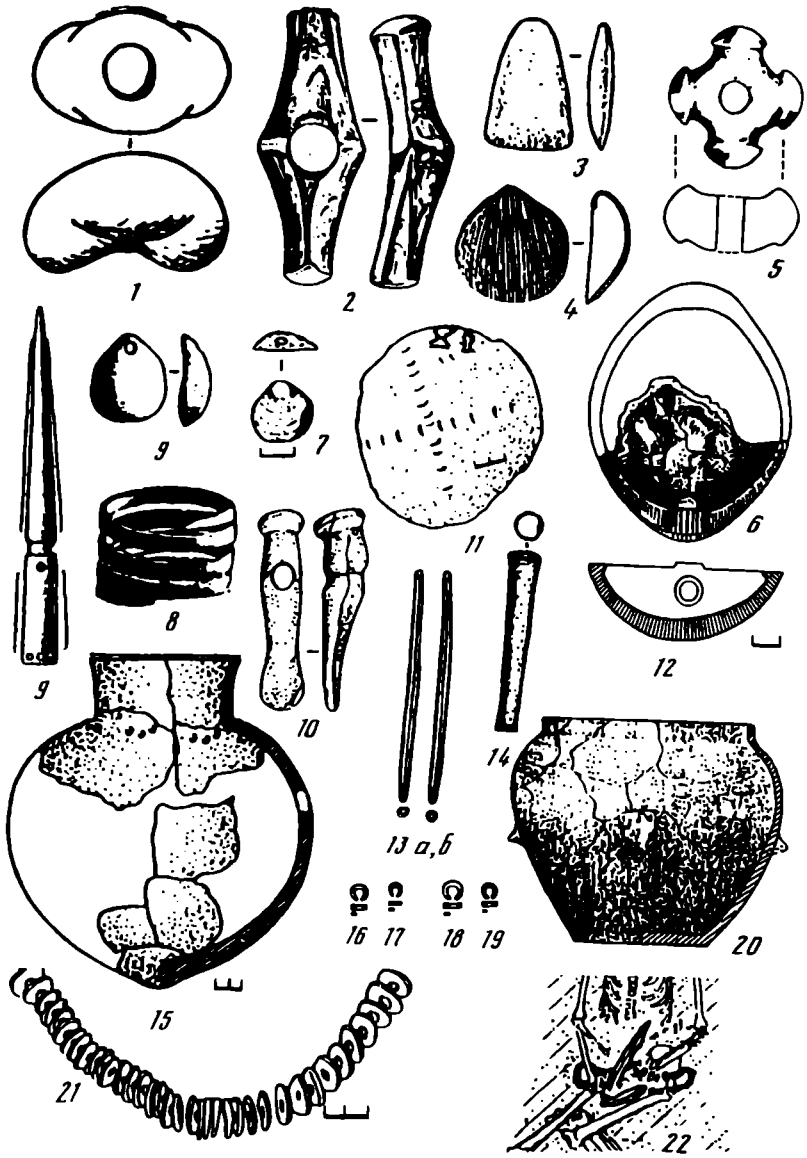


Рис. 6. Находки при погребениях новоданиловского типа. *1* – Мариуполь (верхнее погребение); *2, 12, 13, 16–19* – Петро-Свистуново; *5, 10, 11* – Луганск; *4, 7, 9, 20* – Джурджулешти; *5* – Дечия Морешулуй; *6, 8* – Чапли; *14, 21* – Кривой Рог; *15* – Новоданиловка; *22* – Аксай-Мухин II

укладывали обычно на спине с подогнутыми в коленях ногами и обильно посыпали красной охрой. Инвентарь в этих могилах богатый и разнообразный (рис. 6). Это изделия из высококачественного кремня, меди, ракушки и др. Среди кремневых изделий, как и в кладах – крупные пластины-ножи, топоры с пришлифовкой, наконечники копий треугольной формы и, что интересно, здесь иногда встречаются нуклеусы, с которых скалывали эти пластины и ножи. Для этого раннемедного века здесь очень много металла – браслеты, подвески, бусы, найден и бронзовый молоточек (Петро-Свистуново). Отметим также и находку украшений из золота (Кривой Рог, Джурджулешти) (рис. 6, *14*). Не исключена возможность, что носители культуры НДТ пользовались и какой-то знаковой системой, о чем свидетельствует наличие групп сходных между собой знаков на топорике из Петро-Свистуново и диске из Луганского погребения (рис. 6, *2, 11*).

Важным показателем принадлежности погребений к новоданиловской группе является также наличие "поясов" из нанизанных на шнур перламутровых пронизок. В других культурах эти своеобразные пояса не встречаются совсем (рис. 6, *21, 22*).

В качестве боевого оружия, кроме копий и, очевидно, лука и стрел, новоданиловские воины пользовались булавами с каменным навершием, которые обнаружены в могилах верхних погребений Мариуполя и Дечии Морешулуй. В могилах, очевидно, вождей и предводителей, как уже говорилось выше, найдено и 4 конеголовых скипетра – два натуралистического типа и столько же схематических типа B_1. В одном из комплексов Джурджулешти присутствовал и уникальный по своей конструкции составной наконечник дротика (рис. 6, *9*).

Керамика в погребениях новоданиловского типа встречается крайне редко. К тому же во всех известных нам случаях она принадлежит иным культурам, в том числе трипольской (Кайнары), гумельницкой (Джурджулешти), типа Свободное на Северном Кавказе (Новоданиловка) и аналогичной материалам Тиса-Полгар в Подунавье – Дечия Морешулуй.

Уже перечень этих "чужеродных" керамических находок в составе инвентаря исследованных погребений, чрезвычайное разнообразие иных находок при них, как и их органическая связь с не менее оригинальными кладами кремневых изделий, ставит культуру этих памятников в особое положение среди синхронных общностей региона. Перед нами выступает группа очень искусных мастеров по обработке кремня и изготовлению из него орудий труда. Они первые в регионе освоили, в частности, технику изготовления крупных кремневых ножей длиной 20 см и более.

Работали они на донецком кремне, где известны и древние шахты по добыче этого сырья (Цвейбель Д.С., 1970). Не исключено, что следами деятельности новоданиловских мастеров были находки на Северском Донце нуклеусов-гигантов высотою до 26 см (Сибільов М.В., 1928, табл. XIV, *а, б*).

Выше мы говорили, что именно такие изделия – ножи, топоры, наконечники – являются основными находками и в новоданиловских могилах (рис. 5, *1–8*). К этому здесь следует добавить, что и при погребениях иногда отмечаются целые их серии: при скелете в Касимче, например, было более 20 наконечников копий, а в Луганской могиле 16 ножей (Писларий И.А. и др., 1976), десятки ножей собраны автором на Ямском могильнике.

Приведенные выше факты о скоплении в одном месте (кладе, погребении) значительного количества однотипных орудий свидетельствуют о том, что они предназначались не только для личных надобностей, но и для обмена. Следовательно, здесь мы имеем дело со своеобразной группой мастеров-менял кремневых орудий, работавших на сбыт. Подобные факты наличия у древнего населения мастеров-менял известны в литературе. У индейцев, например, был отдельный "класс" кочующих мастеров-изготовителей кремневых и роговых стрел, а у якутов были переселяющиеся от одного поселения к другому гончары.

Новоданиловское население мастеров-менял Днепро-Донецкого региона вело, очевидно, довольно подвижный образ жизни. Наличие у них конеголовых скипетров с обозначением на их поверхности ремней уздечки или только капцуга указывает на то, что они знали одомашненную лошадь, которая, как и у их соседей среднестоговцев, была уже верховой. Следы присутствия новоданиловских мастеров видны на значительной территории от Нижнего Поволжья на востоке и до Прикарпатья и Балкан на западе. Об этом свидетельствует, в частности, наличие в новоданиловских погребениях упоминавшихся выше сосудов разных культур, с носителями которых они вступали в культурные контакты на Волге, Северном Кавказе, на Правобережной Украине и Нижнем Подунавье.

На разнообразие культурных связей новоданиловцев указывает и наличие в составе их артефактов таких вещей, как булавы, морские ракушки, алебастровый светильник (рис. 6, *4, 7, 12*), бронзовый молоточек, о которых мы упоминали выше, и, конечно же, весь набор медных украшений. Происхождение последних, по мнению исследователей (Черных Е.Н., 1966; Рындина Н.В., 1971), следует связывать с Балканами. Возможно, меняя балканскую медь на свой товар, новоданиловцы распространяли ее затем на восток вплоть до Поволжья. Говоря о высоком потенциале

новоданиловцев как своеобразных торговцев-менял, нельзя не вспомнить еще раз наличие шайбовидных пронизок, изготовленных из речных и ископаемых ракушек. Таких пронизок около скелета насчитывались иногда десятки и сотни экземпляров; нанизывались они на шнурок, образуя "пояса". Обычно эти изделия авторы относят к числу украшений. Находят их во всех случаях далеко не там, где обычно располагаются украшения (вокруг шеи или на груди погребенного), а в районе тазовых костей. Очевидно, их в виде связок носили на поясе. Все это наводит на мысль: не служили ли эти оригинальные изделия у новоданиловцев в роли своеобразных денег, что, как известно по этнографическим данным, имело место у некоторых первобытных народов? Наряду с шайбовидными пронизками в качестве "обменной валюты" могли служить морские ракушки Cardium, или их металлические копии, которые встречаются в новоданиловских могилах (рис. 6, *9*).

В заключение отметим, что феномен культуры новоданиловского типа возник, видимо, как продолжение развития культуры могильников мариупольского типа. На это указывает прямая преемственность в составе инвентаря этих могильников и новоданиловских захоронений. Мы имеем в виду, например, общие типы украшений в основной могиле Мариуполя и поздних захоронениях скорченников, исследованных около нее Н.Е. Макаренко. К сказанному можно прибавить, что в антропологическом отношении новоданиловцы и люди могильников Мариупольского типа очень близки (Потехина И.Д., 1976).

Подводя общий итог сказанному, мы можем констатировать, что каменные изделия медного века, получившие название скипетров, распространялись на обширной территории юга Восточной Европы от Волги до Прикарпатья и Балкан. Среди них выделяется три типа, которые бытовали одновременно: А – натуралистические; B_1, B_2 – схематические; С – абстрактные. Подавляющее большинство исследователей считают, что натуральный скипетр передает нам образ головы коня, иногда с нанесенными ремнями узды или капцуга. Надо полагать, что с тем же образом головы взнузданного коня, но переданного схематически, мы имеем дело и в скипетрах типа В, а вероятно, и типа С.

Для определения хронологии и культурной принадлежности скипетров важное значение имеют их условия нахождения, поскольку часть их обнаружена на поселениях разных культур (Кукутени А, А/В, В, Триполья B_1, Салькуца IV, Средний стог II) и, что важно, в замкнутых погребальных комплексах. Среди последних три находки из могильников хвалынской культуры (Хлопково, Хвалынск), четыре из погребений новоданиловского типа (Касимче, Суворово, Джангар, и хут. Шляховский) и, наконец, одна находка в кургане видимо предъямного времени (Архара). Названные выше поселения датируются в целом в пределах 3500–3000/2900 лет до н.э. Примерно к этому же времени относят новоданиловские памятники. Что же касается хвалынской культуры, то ее абсолютный возраст, однако, иной. По новым радиокарбонным датировкам хвалынская культура датируется периодом от конца V и до середины IV тыс. до н.э. Таким образом, древнейшими образцами скипетров являются находки в могилах хвалынской культуры, носители которой, видимо, и были их создателями еще в первой половине IV тыс. до н.э. Несколько позже, во второй половине IV тыс. до н.э. скипетры появляются у новоданиловцев, с которыми они распространились далеко на запад, вплоть до Прикарпатья и на Балканы. Как говорилось выше, это была своеобразная группа мастеров каменных изделий, которые они использовали для обмена, в том числе, очевидно, и на балканскую медь. В процессе расселения новоданиловцев на запад и культурного контакта с местным населением Прикарпатья и Балкан, культур Триполья, Гумельницы, Салькуца и др., определенное количество скипетров оказалось на поселении этих племен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бородулин В.Г., 1980. Скарб кремяних знарядь в с. Коропове на Харківщині // Археологія. № 35.

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья. Куйбышев.

Давня історія України, 1997. Київ.

Даниленко В.М., Шмаглий М.М., 1972. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Европи // Археологія. № 6.

Дергачев В.А., Сорокин В.Я., 1986. О зооморфном скипетре из Молдавии и проникновении степных энеолитических племен в Карпато-Дунайские земли // Изв. АН Молдавской ССР.

Клепиков В.М., 1994. Погребение позднеэнеолитического времени у хут. Шляховский в Нижнем Поволжье // РА. № 3.

Ковалева И.Ф., 1961. Клад кремневых орудий из окрестностей Днепропетровска // СА. № 4.

Малов Н.М., 1985. Раскопки поселений на Волге // АО – 1987.

Мовша Т.Г., Чеботаренко Г.Ф., 1969. Энеолитическое курганное погребение у с. Кайнары в Молдавии // КСИИМК. Вып. 115.

Нехаев А.А., 1992. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. № 1.

Нечитайло Н.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е., 1997. Новые объекты энеолита на Нижнем Дону // Эпоха бронзы и ранний железный век. Саратов.

Одинцова С.Н., 1956. Клады кремневых изделий из с. Гончаровка // КСИА АН УССР. Вып. 6. Киев.

Пестрикова В.И., 1987. Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник. Автореф. дисс. ... канд. наук. М.

Писларий И.А., Кротова А.А., Клочко В.Н., 1976. Погребения эпохи энеолита в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Потехина И.Д., 1976. Черепа из энеолитического могильника в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Рындина Н.В., 1971. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.

Рудинський М.Я., 1929. Староорлицький скарб неолітичної доби // Антропологія. Київ.

Сафронов В.А., 1989. Индоевропейские прародины. Горький.

Сибільов М.В., 1928. Старовинності Ізюмщини. III. Ізюм.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста.

Телегин Д.Я., 1977. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины // СА. № 2.

Цвейбель Д.С., 1970. Древние кремневые выработки у с. Широкое в Донбассе // СА. № 1.

Цуцкин Е.В., 1981. Архаринские скипетры как свидетельство разложения первобытного строя на территории Нижнего Поволжья // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.

Черныш Е.К., 1982. Энеолит правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. М.

Юдин А.И., 1991. Неолитические погребения Варфоломеевской стоянки // Археология восточноевропейской степи. Саратов.

Brukner B., 1981. Zum problem auflösung der frühäneolithischen kulturen in Sudpanonien // Arheologia Jugoslavica. № 20.

Dodd-Opritescu A., 1983. Mitrel. Sceptrul de piatra de la Mogosesti-Siret, Judetul Jasi // Caprica. № 15.

Gimbutas M., 1977. The First Wave of Eurasien Steppe Pastoralist into Copper Age Europe // Indo-European Studies, № 5/4.

Govedarica G., Kaiser E., 1996. Die äneolithischen abstrakten und soomorphen Steinzepter Südost und Osteuropas // Eurasia antiqua. № 2.

Haheu V., Kurciatov S., 1993. Comitirul plan eneolitic de Linga satul Giurgilesti // Rev. Arh. № 1.

Häusler A., 1994. The Nord-Pontic Region and the Beginning of the Eneolithic in South-east and central Europe // The archaeology of the steppes. Napoli.

Pavuk J., Šiška S., 1981. The Neolithic and eneolithic // Archaeological reseserch in Slovacina. Nitre.

Telegin D., 1987. Über kulturelle kontakten der Neo-äneolitischem bevölkerung des Nordpontischem Gebites und der Balkon-Donau region // Hügelbestattung in der Karpaten-Donau-Balkan zone während eneolithischen Period. Beograd.

Институт археологии НАНУ, Киев

D.Ya. TELEGIN

ON THE TYPOLOGY, CHRONOLOGY, AND CULTURAL ATTRIBUTION OF THE COPPER AGE SCEPTRES FROM SOUTH-EASTERN AND EASTERN EUROPE

S u m m a r y

The stone artefacts known as sceptres originate from the Copper Age sites of the vast territory of Southern Europe from the Volga river to the Balkans and Carpathians. The sceptres are divided into three types which functioned simultaneously: naturalistic, schematized and abstract ones. It is commonly accepted to regard them as the effigies of horse head, sometimes with the bridle of harness straps shown. For definition of the artefacts' chronology and cultural affiliation the finds' context are essential. A part of the sceptres were discovered at different cultures' settlements, such as Cucuteni A, A/B. B, Tripolye BI, Salcuta IV, Sredny Stog II, and, what is important, in closed burial assemblages. These are three finds from the cemeteries of Khvalynsk culture (Khropkovo, Khvalynsk) and four finds from Novodanilovka-type burials (Casimcea, Suvorovo, Dzhanghar, Shlakhovi). The settlements are dated in general to 3500–3000/2900 BC. The sites of Novodanilovka-type are roughly synchronous. Khvalynsk culture falls within the period of late 5th – mid 4th millennia BC, thus the sceptres yielded by Khvalynsk culture burials are considered as the earliest ones. Later, that is in the second half of the 4th millennium BC the sceptres became known among Novodanilovka population, and subsequently spread by them as far westward as the Carpathian basin and the Balkans. These groups represented peculiar craftsmen who produced flint artefacts for exchange to some materials, including obviously Balkan copper. In the course of their migration in westerly direction the tribes of Novodanilovka culture maintained cultural contacts with the local population of the Carpathian basin and the Balkans represented by archaeological cultures of Tripolye, Gumelnitsa, Salcuta and so on. As a result a number of sceptres were buried in the cultural deposits of these cultures' settlements.

Д.В. ГРИГОРЬЕВ

СОСТАВ ВОЙСКА И ЕГО ТАКТИКА В VI–V вв. до н.э. НА БОСПОРЕ

Военному делу Боспора и, в частности, проблеме состава войска и его тактики в ранний период, посвящался целый ряд научных исследований. Достаточно вспомнить имена В.Д. Блаватского, Н.И. Сокольского.

В своей монографии "Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья" В.Д. Блаватский (1954) рассматривал черты военного дела Греции, Рима, Ольвии, Херсонеса, Боспора и местных варварских племен. Он постарался выявить особенности для каждого государства и выяснить источники заимствования в данной области общественной жизни как греками, так и варварами. Автор использовал различные группы источников: литературные, эпиграфические и археологические, но в большей мере первые две группы.

Н.И. Сокольский написал специальное диссертационное исследование, посвященное военному делу Боспора (Сокольский Н.И., 1954а), в котором проанализировал практически весь известный в то время археологический материал.

Названные ученые пришли к выводу о том, что военное дело боспорян в ранний период не отличалось от их метрополии. Основу войска составляли граждане-гоплиты, в бою выстраивающиеся фалангой. Они имели на вооружении метательное и ударное копье и меч. Защитное снаряжение состояло из шлема, панциря, поножей и щита. Малоимущие и молодежь образовывали отряды легковооруженной пехоты. Конница, вероятно, существовала, но не играла существенной роли (Блаватский В.Д., 1954, с. 70; Сокольский Н.И., 1954б, с. 149). Серьезные изменения в войске боспорских греков, по их мнению, стали происходить к рубежу V–IV вв. до н.э. В основном, они заключались в увеличении роли конницы. В области вооружения греки во все большей мере использовали мечи, стрелы и копья скифских и меотских типов.

Е.В. Черненко, соглашаясь с вышесказанным, предполагает начало изменений в составе войска и применяемой им тактике уже во второй половине VI в. до н.э. (Черненко Е.В., 1986, с. 498). Они состояли в отказе от использования фаланги, применения тяжелого защитного снаряжения (Черненко Е.В., 1979, с. 185), в переходе главной роли от гоплита к стрелку из лука (Черненко Е.В., 1988, с. 37). Перечисленные выводы были сделаны на основе изучения археологических источников.

Как видим, вопрос вызывает дискуссию, поэтому попытаемся разобраться в нем. Письменные свидетельства по истории военного дела на Боспоре в VI–V вв. до н.э. отсутствуют. Нам точно известно, что колонии в Северном Причерноморье основывали преимущественно выходцы из Ионии. Постараемся выявить те немногочисленные факты, которые сохранила нам древняя литературная традиция о вооружении ионийцев. Это тем более важно, поскольку набор вооружения и тактика, используемые воинами, тесно связаны.

Геродот (Herod., II. 152) рассказывает о посещении вооруженными ионийцами и карийцами с целью грабежа берегов Египта во времена фараона Псамметиха. Воины имели медные доспехи. Следовательно, в середине VII в. до н.э. жители Ионии были знакомы с тяжелым вооружением. Алкей, поэт VI в. до н.э. с острова Лесбос, среди своего военного снаряжения упоминает холщевые панцири, которые являлись самостоятельным доспехом либо укреплялись металлическими пластинами.

© Д.В. Григорьев, 2000 г.

Тот же Геродот (Herod., VII. 75) описывая войско Ксеркса, идущего походом на Элладу, говорит, что ионийцы вооружены по эллински. Учитывая бóльшую подверженность малоазийских греков влияниям со стороны варваров, чем афинян, лакедемонян и других, можно сделать вывод об отсутствии каких-либо существенных изменений в вооружении предков боспорских эллинов по сравнению с архаическим периодом.

Использование ионийцами классической гоплитской паноплии в период колонизации подтверждают изображения греческих героев в соответствующем снаряжении на расписной керамике VII – первой половины VI в. до н.э. (Блаватский В.Д., 1953, с. 99) и на клазоменских саркофагах середины – второй половины VI в. до н.э., где тяжеловооруженные воины участвуют в сражении (Блаватский В.Д., 1953, с. 162; Дударев С.Л., Махортых С.В., 1981, с. 39, рис. 1). Таким образом, свидетельства письменных источников и вазовой живописи не противоречат выводам исследователей о сходстве вооружения северопонтийских греков и метрополии в начале колонизации.

При анализе результатов археологических раскопок грунтовых некрополей боспорских городов VI–V вв. до н.э. выясняется, что ни в одной могиле не было найдено доспехов гоплита. На основании этого сделан вывод об отсутствии заметного распространения среди граждан полисов Северного Причерноморья тяжелого защитного снаряжения – панцирей типа кирас, больших круглых щитов и шлемов античных типов (Черненко Е.В., 1979, с. 185).

Сам факт отсутствия доспехов в захоронениях не может являться доказательством того, что они не использовались. Панцири-кирасы, вероятно, были слабо распространены на Боспоре. На краснофигурной аттической гидрии последней четверти VI в. до н.э. изображен чешуйчатый панцирь (Блаватский В.Д., 1953, с. 165). Так как подобный доспех характерен для восточных народов, ионийцы имели возможность познакомиться с ним еще раньше. Остатки пластинчатого панциря зафиксированы при раскопках оружейной мастерской в Пантикапее, датированной рубежом VI–V вв. до н.э. (Марченко И.Д., 1971, с. 149, 150). Нам точно неизвестно, для кого он изготавливался, но не исключено, что для гоплита.

Существуют находки скульптурных известняковых изображений коринфских шлемов из Пантикапея (Иванова А.П., 1948) и Фанагории (Соколов Г.И., 1972, с. 184). Они датируются в пределах V в. до н.э. Г.И. Соколов выдвинул предположение о выполнении данными шлемами функции надгробий над могилами воинов (Соколов Г.И., 1972, с. 190). Этому соответствуют некоторые особенности конструкции памятников. Упомянутые скульптуры могут служить косвенным доказательством применения античного шлема коринфского типа на Боспоре.

В курганах варварской знати V в. до н.э. около Нимфея встречаются остатки панцирей, античных шлемов и кнемид. К номадам они попали от эллинов, очевидно, в качестве даров либо изготовленными по заказу, либо трофеями в результате столкновения (ОАК за 1876 г., 1879, с. XIV–XV, XVII–XVIII; Галанина Л.К., 1965, с. 5–27).

Отсутствие паноплии гоплита в эллинских погребениях, вероятно, объясняется их обычаями: для них необязательно было класть оружие и доспехи в могилу. Об этом, в частности, свидетельствует незначительное число захоронений вооруженных людей в некрополях Боспора в целом. Что касается щитов, то они, если не имеют металлических деталей, как правило, не сохраняются.

Известны надгробия IV в. до н.э. с изображениями воинов, вооруженных большими круглыми щитами и кнемидами на ногах (Иванова А.П., 1961, с. 108, 109, рис. 52; Савостина Е.А., 1987, с. 68, рис. 5). Хотя какие-то из памятников могли принадлежать наемникам, едва ли подобное снаряжение было редкостью на Боспоре и в этот период.

Золотые обкладки ножен мечей из Чертомлыкского и восьмого Пятибратнего курганов содержат картину битвы между эллинами и скифами (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с. 242, 244, 245; Шилов В.П., 1961, с. 158, рис. 11). Типичное гоплитское снаряжение является здесь этническим признаком греков. Мастер, изготавливавший эти

Соотношение видов оружия в погребениях грунтовых некрополей городов Боспора VI–V вв. до н.э.

Место находки	Кол-во захоронений с оружием	Меч, копье, стелы	Меч, копье	Меч	Копье	Меч, стрелы	Копье, стрелы	Стрелы
Пантикапей	9	2			2		1	4
Мирмекий	1			1				
Нимфей	4			2		2		
Фанагория	3		1		2			
Таманское городище	6	1	1		1	1		2
М. Тузла	11	1	3	5		4		
М. Панагия	8	2	1	2	1	1	1	
Кепы	6	1	2	1	1	1а		
Анапский полис	2		1	1				
Патрей	1	1						
Городище на Пересыпи	8	2	3	2	1			

произведения искусства, должен был быть хорошо знаком с изображенным вооружением.

Таким образом, становится очевидным, что в нашем случае аргумент "не найден, следовательно, не существовало" совершенно не убедителен. Здесь, по-видимому, археологический источник своеобразно отражает такие стороны общественной жизни, как традиция и обычай.

Обратимся к тем находкам, которые имеются в захоронениях грунтовых некрополей. Анализируемые сведения отражены в таблице.

При анализе мы исходили из того, что типичным сочетанием родов оружия для гоплита является меч–копье. Согласно таблице, подобным набором обладают незначительное число погребенных, принадлежавших к разным полисам. Нам неизвестно, какие причины привели к смерти этих людей, но одна, вероятная, – это гибель в бою. В сражении оружие могло ломаться, теряться или попадать к противнику в качестве трофея. Предположим, что могилы воинов, которые содержат только меч или только копье, имеют неполный набор оружия. Соответственно, в каждой из них недостает копья или меча. Но с такой же долей уверенности можно предполагать отсутствие стрел для луков, которые воин мог иметь при жизни. Таким образом, нам приходится использовать данные, имеющиеся в наличии, сознавая при этом некоторую условность своих выводов. Такова специфика археологического источника.

Очевидно, вероятные захоронения гоплитов составляют малую часть в общей массе погребений с оружием всех ранних городских некрополей на Боспоре. Заметно преобладание набора оружия характерного для легковооруженного воина.

Вероятно, уже со второй половины VI в. до н.э. соотношение родов пехоты у эллинов Боспора стало изменяться в сторону увеличения легкой. Правда, на основании материалов некрополей невозможно утверждать, что это происходило во всех городах. В данном случае мы только констатируем наличие самого процесса изменения, но имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют судить о реальной роли гоплитов и легковооруженных в войске. Сомнительно, чтобы у греков совсем отсутствовала конница. Они не делали конских захоронений и поэтому данные археологии не дают необходимых сведений. По-видимому, часть погребенных с оружием могли быть всадниками. Есть предположение, что им принадлежали захоронения, имеющие полный набор оружия. Интересно, в связи с этим, вспомнить следующие факты: основная масса мечей, происходящих из городских некрополей Боспора, имеет длину 0,5–0,6 м. Такое сравнительно короткое оружие вполне удобно при-

менять как в тесно сомкнутом строю, так и в рассеянном, более подходящем для легкой пехоты. Упомянутая характеристика боспорских мечей, как видно, не может служить убедительным доказательством преобладания того или иного рода войск. В тех же ранних грунтовых некрополях существенную долю составляют массивные наконечники копий длиной свыше 0,4 м. Они, очевидно, более пригодны для ударного действия, чем для метания. Это, на наш взгляд, склоняет к мысли о значительности роли ближнего боя на Боспоре в интересующее нас время, а следовательно, и гоплитской паноплии и самых тяжеловооруженных воинов, как рода войск.

Исходя из всего вышесказанного, нельзя согласиться с категоричностью мнения о переходе главной роли в войске боспорских греков от тяжеловооруженного воина к легковооруженному стрелку, по крайней мере в ранний период (Черненко Е.В., 1988, с. 35).

Черненко Е.В. считает, что уже в VI–V вв. до н.э. греки Северного Причерноморья отказались от применения тактики фаланги. В подтверждение своего мнения он приводит следующие аргументы. Население колоний было сравнительно немногочисленным. В Ольвии, например, во второй половине VI в. до н.э. оно составляло не более 10 тысяч человек. Следовательно, они не могли выставить более тысячи гоплитов. Фаланга может выполнить свою роль лишь в том случае, если она насчитывает сотни людей только в одном из рядов глубокого построения. В борьбе со скифами малоподвижная фаланга представляла собой крупномасштабную легкоуязвимую цель (Черненко Е.В., 1986, с. 499).

Прежде всего надо заметить, что фаланга не являлась чисто военно-тактической единицей. Фаланга – это своеобразный символ единства гражданского коллектива (Snodgrass A., 1965, p. 118; Nilsson M.P., 1929, S. 240–249). Читая древних, нетрудно заметить определенный шаблон, используемый эллинами в сражениях. Построение фалангой, вероятно, представляло собой нечто сакральное. Отказ от этой формы организации не мог произойти так просто.

Из-за отсутствия письменных свидетельств нам ничего не известно о взаимоотношениях между полисами на Боспоре в ранний период. Вряд ли они всегда были мирными. По численности населения они существенно не отличались от Ольвии. Если конфликты происходили и битва завязывалась в открытом поле, то самый вероятный используемый способ построения – это фаланга. Гипотетически, даже тысяча гоплитов, построенных в восемь шеренг, приблизительно по 150 воинов в каждой, могли представлять серьезную силу. Вероятно, в данном случае многое зависит от возможности и способности стратега выбрать удобное для сражения место. При этом приходится учитывать различную численность населения в разных поселениях. Не каждое из них способно было выставить серьезное по силе войско. Поэтому конфликты между греками могли принимать форму дипломатического давления более сильного полиса на более слабый, либо сводиться к осаде и взятию штурмом неприятельского поселения. На основе подобных размышлений возможно согласиться с выводом о слабом использовании фаланги как определенного способа боевого построения.

Что собой представляли столкновения между греками и скифами нам также достоверно неизвестно. У скифов весьма рано появилась тяжеловооруженная конница (Черненко Е.В., 1971). Основной тактический прием, применяемый номадами, состоял в засыпании противника стрелами на большом расстоянии. Это еще раз подтверждает необходимость для греков серьезного защитного доспеха. С другой стороны, очевидно, насколько непростым было положение воинов-фалангитов под градом стрел. Некоторые исследователи уверены, что хорошо тренированная фаланга способна выдержать этот обстрел и не обратиться в бегство. Следующий этап – конную атаку, имеющую большое психологическое воздействие, также возможно пережить. Непосредственное столкновение конных и пеших отрядов заканчивалось по-разному (Горелик М.В., 1993, с. 73).

Здесь уместно будет вспомнить некоторые замечания Геродота о лидийско-милетских войнах. Он пишет, что милетяне дважды понесли большие поражения на суше

(Herod., I. 18). Безусловно, ионийцы выстраивались фалангой, а лидийцы были известны сильным развитием конницы (Herod., I. 79). В другом месте мы видим, что милетяне не стремятся активно защищать свою хору, отсиживаясь за городскими стенами, а лидийцы не пытаются осаждать город из-за сильного флота эллинов (Herod., I. 17). Не исключено предположение об отказе греков вступать в бой с конным противником в открытом поле в результате упомянутого негативного опыта. С другой стороны, трудно судить, насколько велико было кочевое варварское население в Восточном Крыму в VI – начале V в. до н.э. (Масленников А.А., 1996, с. 62). Исходя из всего сказанного, неизвестно представляли ли скифы и греки какую-то серьезную опасность друг для друга в ранний период и приводило ли это к большим столкновениям между ними, которые способны были заставить колонистов отказаться от фаланги так рано, как пытается показать Е.В. Черненко.

В итоге приходим к выводу, что свидетельства археологического источника нельзя вырывать из общекультурного контекста. Часто мы имеем неоднозначно трактуемые данные, которые в результате категоричности суждений приводят к односторонним выводам. Данная работа не является попыткой создать единственно верную картину некоторых событий на Боспоре, но представляется, что ситуация была гораздо сложнее, чем та, которую рисуют отдельные исследователи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык, Киев.

Блаватский В.Д., 1953. История античной расписной керамики. М.

Блаватский В.Д. 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Галанина Л.К., 1965. Греческие поножи Северного Причерноморья // АСТЭ. Вып. 7.

Горелик М.В., 1993. Оружие Древнего Востока. М.

Дударев С.Л., Махортых С.В., 1981. К толкованию иконографии античных изображений киммерийцев // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе.

Иванова А.П., 1948. Новая скульптурная находка в Керчи // КСИИМК. Вып. 23.

Иванова А.П., 1961. Скульптура и живопись Боспора. Киев.

Марченко И.Д., 1971. Позднеархаичная мастерская оружейника в Пантикапее // СА. № 2.

Масленников А.А., 1996. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. Ч. 1. История.

ОАК за 1876 г., 1879. СПб.

Савостина Е.А., 1987. Античное поселение Юбилейное I на Тамани // СА. № 1.

Соколов Г.И., 1972. Фанагорийский известняковый шлем // СА. № 2.

Сокольский Н.И., 1954а. Военное дело Боспора. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Сокольский Н.И., 1954б. Боспорские мечи // МИА. № 33.

Черненко Е.В., 1971. О времени появления скифской тяжелой конницы // ПСА.

Черненко Е.В., 1979. О влиянии военного дела скифов на военное дело античных колоний Северного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.

Черненко Е.В., 1986. Вооружение античных государств Северного Причерноморья // Археология УССР. Т. 2. Киев.

Черненко Е.В., 1988. Военное дело скифов (вооружение, тактика, стратегия). Дисс. на соискание уч. степени докт. ист. наук в форме научного доклада. Киев.

Шилов В.П., 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. № 1.

Nilsson M.P., 1929. Die Hoplitentaktik und das Staatswesen. // Klio. Bd. XXII. H. 3.

Snodgrass A., 1965. The Hoplite Reform and History // The Journal of Hellenic Studies.

Институт археологии РАН, Москва

D.V. GRIGOR'YEV

ARMY COMPOSITION AND TACTICS IN BOSPORUS IN THE 6TH–5TH CENTURIES BC

Summary

The article raises a problem of military organisation of the Bosporan Greeks during the early period as reflected by archaeological sources. In particular, the opinion expressed by E.V. Chernenko is debated, concerning insignificant spread of heavy protective armour among the citizens of Bosporan polises. The author states that E.V. Chernenko does not take into account some specific features of Hellenic and barbarian customs. The question of the Bosporan Greeks' army composition is solved with reference to the results of the excavations of the municipal ground cemeteries. Special attention is paid to the correlation of different types of weapons discovered in warriors' burials. The author has come to a conclusion that during the period in question the weapon set typical of light-armed warriors prevailed. Besides, in the article a subject is touched concerning the tactics used by the Bosporan Greeks in the early period wth regard to analogies from classical literature describing the events in Ionia.

А.С. РУСЯЕВА

ОЛЬВИЙСКАЯ СКУЛЬПТУРА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

После осады Ольвии полководцем Александра Македонского Зопирионом изменяются ее торговые связи соответственно тем переменам, которые произошли во всем античном мире в эллинистическое время. Привозная скульптура продолжала поступать из Аттики, хотя в значительно меньшем количестве, чем в предыдущий период; из Малой Азии, в основном Милета и Пергама, а также Александрии Египетской. Большой импорт скульптуры малых форм тем не менее не мог полностью удовлетворить запросы ольвийских граждан. Впервые за все время ее существования начинается не только массовое производство терракот (Русяева А.С., 1982, с. 146–151), но и небольших каменных статуэток и рельефов. Причем, местные скульпторы работали как с известняком, так и мрамором.

Самое большое распространение с последней четверти IV в. получили рельефные изображения Кибелы. Одновременно изготовлялось в Оливии и громадное количество терракот этой богини. Такой интерес к ее иконографии был вызван небывалой популярностью культа Матери богов среди всех слоев населения этого полиса (Русяева А.С., 1979, с. 104–114; 1992, с. 146). Все рельефы представляют собой небольшие известняковые или мраморные плиты высотой от 0,25 до 0,45 м в виде эдикулы, увенчанной фронтоном. Внутри помещено горельефное изображение сидящей на троне или скамейке богини в башенной короне, с львенком на коленях, тимпаном в одной руке и фиалой в другой; на ней высоко подвязанный поясом хитон с треугольным вырезом и тяжелый, переброшенный через спину и руки гиматий, полностью закрывающий нижнюю часть фигуры. Прическа в виде волнистых, разделенных на прямой пробор волос, обрамляет овальной формы лицо с обобщенно-идеальными чертами молодой женщины. Исключение представляет мраморный рельеф с изображением богини в образе пожилой Матери (рис. 1). Складки одежды и атрибуты проработаны сухо и небрежно.

В образ Кибелы ольвийские мастера в общем не внесли ничего нового. Они твердо придерживались иконографии богини, созданной в Афинах. По одним данным (Paus, II, *3*, *4*) в 430 г. после чумы в афинском Метрооне была установлена статуя Матери богов Фидия, по другим (Plin, NH, XXXVI, *17*) ее изваял Агоракрит. Как бы то ни было, после этого многочисленные копии и вариации этой статуи разошлись по всему античному миру, получив самую широкую популярность и в северопонтийских городах (Античная скульптура Херсонеса, 1976, № 29–32; Кобылина М.М., 1978, с. 10–13; Саверкина И.И., 1986, с. 129–135).

В той же манере выполнен известняковый групповой рельеф (Oksmann E., 1928, S. 88, 89; Кобылина М.М., 1978, с. 36; Русяева А.С., 1979, с. 111). С двух сторон от сидящей в традиционно-иератической позе Кибелы стоят Гермес-Кадмил и Кора-Персефона со свойственными для них атрибутами – кадуцеем и факелом. Лица божеств переданы суммарно, их фигуры статичны и непропорциональны, одежда проработана мелкими насечками и углубленными вертикальными полосами. Датировка эллинистическим временем подтверждается как изготовленными в III в. терракотовыми рельефами этих божеств в Ольвии (Русяева А.С., 1982, с. 88, 89), так и общими художественными особенностями в трактовке образа Кибелы и ее атрибутов, а также внешним оформлением всех плит. А это в свою очередь позволяет

© А.С. Русяева, 2000 г.

Рис. 1. Мраморный рельеф с изображением Кибелы

считать, что известняковые рельефы в основном были изготовлены в одной мастерской.

На основе стилистического анализа мраморных статуэток в сопоставлении их с известняковыми рельефами к ольвийской скульптуре можно также отнести фрагментированные изображения Афродиты, мужчины в гиматии, рельефы ситонов и адорантов.

От небольшой мраморной статуэтки Афродиты сохранился только торс высотой 12 см (Русяева А.С., 1979, рис. 9). Богиня показана обнаженной с правой рукой у груди. Обращает внимание, что рука непропорционально длинная с большой кистью. Обработка мрамора тщательная, лишь в передаче частично сохранившихся локонов заметен схематизм.

От статуи мужчины отбита голова и часть ног (Фармаковский Б.В., 1908, рис. 22, 23). Складки хитона на груди едва намечены. Через левое плечо переброшен гиматий, свисавший книзу вертикально идущими складками. Мужчина держит концы гиматия на животе обеими руками. Левая кисть руки расположена выше правой, которая отличается несоразмерно длинными пальцами. Правая рука также больше левой (рис. 2).

Подобный тип мужских фигур, с переброшенным через плечо гиматием и руками на животе, был довольно широко распространен в эллинистическое время. Все эти изображения представляли собой самые разнообразные копии с какой-то известной статуи. Близкая трактовка костюма и общее построение фигуры наблюдается на бронзовой статуе Демосфена скульптора Полиевкта около 280 г., а также на статуе философа середины III в. из Дельфийского музея (Fuchs W., 1969, S. 199).

Если наши предположения относительно места ее изготовления верны, то ольвийский мастер сравнительно хорошо владел техникой ваяния человеческой фигуры. От привозных ее отличает некоторая сухость и небрежность в передаче складок

Рис. 2. Фрагмент мраморной мужской статуи

одежды и непропорциональность рук. Подобный стиль работы нашел свое наибольшее выражение в мраморном рельефе ситонов (Белецкий А.А., 1969; Русяева А.С., 1979, с. 142–144; 1986, с. 530, 531; Леви Е.И., 1985, с. 89). Композиционно он разбит на две части. Первая представляет группу из пяти человек у алтаря, вторая обособлена от первой, сюжетно не связана, является довольно распространенным изображением "загробной трапезы".

Первый из мужских персонажей, очевидно, Феокл, сын Фрасидама, соответственно посвятительной надписи ситонов (НО, 1968, № 72), изображен анфас непосредственно у алтаря. Голова бородатого мужчины со слегка морщинистым лицом отличается правильными чертами, с курчавыми, коротко подстриженными волосами. Глаза неглубокие, на губах как бы застыла легкая улыбка. Туловище детально моделировано, несмотря на миниатюрность изображения, однако с трактовкой рук мастер не справился; правая у кисти значительно толще левой, пальцы проработаны слабо, отсутствует динамичность, взаимосвязь между действиями (т.е. возлиянием) и выражением лица мужчины, застывшего в неподвижности и как бы отрешенного от происходящего перед ним.

Вторая фигура, Деметрия, сына Фокрита, тоже показана в фас, лишь несколько отодвинута на задний план. Он одного роста с Феоклом, имеет совсем другие портретные черты. У него такая же курчавая короткая прическа и борода, но они не соединены между собой. Волосы на лбу уложены более аккуратно, глаза ярче, губы жестко сомкнуты, у рта – две глубокие морщины. Правая очень тонкая рука лежит на груди.

Афеней, сын Конона, стоящий рядом у алтаря, несколько ниже Деметрия. Лицо более широкое, обрамлено густой массой волос, почти не разделенных на пряди, короткая борода соединяется с прической. Лоб маленький, круглые с выпуклыми веками глаза, короткий нос, пухлые губы слегка приоткрыты, щеки полные, бугристые. На нем длинный до пят короткорукавный хитон и плащ. Рука протянута к сосуду на алтаре, но выражение лица, как и у первого, не связано с обрядом возлияния. Создается впечатление, что они только приготовились к нему, приняв торжественные позы.

Навтим, сын Героксена, также представлен анфас в один рост с Афенеем, часть его фигуры скрыта фигурой последнего. Лицо молодое, гладкое. Прическа состоит из тщательно проработанных длинных прядей, аккуратно уложенных на голове и обрамляющих низкий лоб. Борода короткая, едва проработана. Черты лица менее выразительны: из-под нависших надбровных дуг смотрят небольшие глаза; губы полные, подбородок крутой, слегка приподнят.

Ниже всех ростом секретарь Афенодор, сын Демагора. Он выглядит намного моложе остальных мужчин. Голова небольшая, круглая, бородатая. Лицо почти юное с маленьким носом и плотно сжатыми губами. Трудно сказать, насколько точно эти фигуры передают портреты упомянутых в надписи ситонов, но несомненно, что каждый из них наделен своими индивидуальными чертами. Первые три ситона соответственно своему положению намного старше остальных, однако ни один из них не повторяет другого. Эта индивидуальность каждого изображения, несмотря на многие погрешности в передаче образов ситонов, делает этот памятник наиболее ценным в ольвийской скульптуре. Алтарь, у которого изображены ситоны, имеет прямоугольную форму, стоит на широкой базе, вверху украшен, как и стела, двухполосным архитравом. На лицевой части алтаря изображена в рельефе миниатюрная сцена жертвоприношения: юноша с фиалой в руках ведет барана.

С правой стороны стелы представлена сцена ритуального пира. На скамейке с резными толстыми ножками сидит женщина в профиль спиной к ситонам. Она одета в длинный хитон и гиматий, наброшенный на голову. Ее ноги в башмаках поставлены на орнаментированную подставку. Черты лица мягкие, идеально тонкие, обобщенные. Перед ней на высоком ложе возлегает мужчина с большим широкогорлым ритоном в правой руке и чашей в левой. К ней сбоку как бы подползает змея. Фигура мужчины полуобнажена, нижняя часть закутана в гиматий. Хорошо проработана мускулатура живота, груди, руки. Лицо мужчины также идеализировано, длинные пряди прически окаймляют овал лица с пышной бородой и приоткрытым ртом. Перед супружеской парой стоит круглый столик с различными яствами, возле него – мальчик-виночерпий с омфалом в одной руке и опущенным в кратер черпаком – в другой.

Изображение сцен "загробной трапезы" широко известно в античном мире. Тщательность исполнения данной композиции, ее художественные отличия от первой, отсутствие нарушений в трактовке фигур могут свидетельствовать о том, что данная сцена была скопирована скульптором, в то время, как первая была скомпонована самостоятельно. По палеографическим особенностям надпись датируется первой половиной II в. (НО, 72). К этому времени можно отнести скульптуры мужчины в гиматии и Афродиты.

Композиционно близок стеле ситонов ольвийский фрагмент рельефа (Одесский археологический музей), от которого сохранилась только правая часть (0,26 м). Плита обрамлена колоннами с капителями, вверху двухполосным архитравом. В невысоком рельефе изображены три фигуры: первая от края (полуобнаженная, мужская) держит

на голове невысокий цилиндрической формы бочонок или корзину. Идущая впереди, очевидно, женщина закутана в гиматий. Третья, мужская, фигура в переброшенном через левое плечо гиматием подняла правую руку в жесте адорации. Все лица сбиты. Сходство с предыдущим рельефом прослеживается в архитектурном оформлении плиты, трактовке одежды и неумелой передаче рук. В сюжетном плане они сходны с аттическими и истрийскими III–II вв., на последних внешнее обрамление плиты более скромное (Bordenache G., 1969, p. 20, 21). Такого типа памятники предназначались для вотивных приношений в храмы, на них изображалось шествие адорантов или сцена жертвоприношения.

Сравнительно неплохо сохранились три стелы с надписями, украшенные в верхней части рельефными изображениями голов различных божеств (НО, 24, 69; Виноградов Ю.Г., 1984, рис. 1). В центре фронтона плиты с посвятительной надписью Афродите Гликейе во внутреннем пространстве аэтомы вырезана в барельефе женская головка (0,09 м). Вокруг нее мрамор грубо отесан, хотя вся поверхность плиты с надписью хорошо обработана и заполирована. В трактовке лица прослеживается рука опытного мастера. Мягко моделированы полные щеки, тонкий прямой нос. Выражение живости и радости на нем передано большими, устремленными вперед несколько асимметричными глазами в сочетании с легкой улыбкой на губах. Пышная прическа в виде волнистых локонов обрамляет высокий лоб треугольной формы, составляющий единое целое с верхушкой фронтона. Надпись датируется концом IV – началом III в. Исходя из содержания посвящения, голова представляла образ Афродиты Гликейи.

На плите с проксеническим декретом в честь родосца Агесикла под рамкой в небольшой нише помещен рельефный бюст Гелиоса, лицо которого частично сбито. Волосы трактованы в виде крупных приподнятых надо лбом завитков. Лоб большой, глаза устремлены вверх. Стилистические особенности трактовки головы совпадают с датировкой надписи (вторая половина III в.). Несомненно, что этот миниатюрный рельеф был выполнен ольвийским скульптором, владеющим неплохим мастерством и к тому же знавшим стилистику изображений Гелиоса на Родосе.

Декрет в честь Антестерия был украшен фронтоном с акротерием и двумя антификсами по бокам, карниз под ним состоял из лесбийского киматия – полосы ов, чередующихся с бутонами лотоса (Виноградов Ю.Г., 1984, рис. 2, *3*). В аэтоме фронтона вырезано погрудное изображение Аполлона Иетрос с лирой за спиной. Черты лица сохранились плохо, но общее его выражение, пышная прическа с длинными аккуратными локонами, ниспадающими на грудь, свидетельствуют о том, что этот рельеф по качеству исполнения не уступает первым, хотя и относится уже к кризисному периоду в истории Ольвии (третья четверть III в.).

В эллинистическое время надгробная скульптура в Ольвии, как и в других античных городах, претерпевает значительные изменения. Почти исчезают большие монументальные стелы с архитектурными декором или рельефами. На смену им приходят упрощенные и дешевые памятники, чаще всего, изготовленные на месте. Среди них можно выделить стелы с рельефами, антропоморфные надгробия и надгробные скульптуры львов.

От небольшого мраморного рельефа (0,34 м) сохранилась левая часть плиты (Фармаковский Б.В., 1913, рис. 96), на которой изображен мужчина в хитоне с длинными рукавами. Через его левое плечо переброшен гиматий, спадающий книзу разнонаправленными, в основном вертикальными складками. Он придерживает его левой рукой, правая почти полностью сбита. Сравнительно неплохо проработаны детали одежды и руки. Очевидно, с правой стороны стояла еще одна фигура (женская или мальчика-слуги). По общей иконографии этот рельеф примыкает к кругу памятников такого типа, которые изготовлялись и в Ольвии в III–II вв. Однако его отличает значительно более аккуратная работа и художественное мастерство в передаче всей фигуры и костюма.

Возможно, надгробному рельефу принадлежала небольшая женская голова (0,12 м) (Ол. 1912–ГЭ). Высокий, почти треугольной формы лоб был обрамлен пышной

массой волос. Глаза узкие, прикрыты тяжелыми нависающими веками, внутренние уголки нарочито углублены. В облике женщины угадываются определенные портретные черты. Характер мрамора и трактовка головы близки к малоазийской скульптуре III–II вв., хотя такого типа памятник могли изготовить и в Ольвии.

К местной надгробной скульптуре, очевидно, относится и фрагмент стелы с надписью III в. (0,23 м). Она принадлежала аполлониатам – Телесиклу и Кониску (НО, 99). Над надписью был размещен рельеф стоящего мужчины в гиматии до ступней и обнаженного мальчика-слугу. Мужская фигура сохранилась только в нижней части. Трактовка одежды весьма небрежная, однако, сквозь ее ткань хорошо прослеживается мускулистая правая нога. Мальчик стоит напротив мужчины, подняв вверх голову, со сложенными на груди руками, нога заложена за ногу. В моделировке его фигуры заметна небрежность и условность: совсем не выделена шея, очень тонкие руки в соотношении с толстыми ногами.

Лишь одна мраморная надгробная стела найдена на территории ольвийской хоры (близ г. Очакова) (IPE, I^2, 220; Kieseritzky G., Watcinger C., 1901, S. 66). Сохранился верхний край плиты (0,59 м) с изображением мужской и женской фигур. Черты лица проработаны слабо. В трактовке одежды наблюдается некоторое сходство с вотивным рельефом ситонов. Это – одна из немногих подписных стел в Ольвийском полисе. Она принадлежала не одному погребенному, а целой семье: Метробии, дочери Посидея, Деметрию, сыну Демокона, и Демокону, сыну Деметрия.

Второй тип надгробного памятника – антропоморфная стела – несколько отличается от архаического прежде всего тем, что на месте все также суммарно трактуемой головы в виде овала грубо вырезались глаза, нос, рот (Фармаковский Б.В., 1906, с. 60). Она находит аналогии и в других подобного типа памятниках на Боспоре и в Херсонесе Таврическом.

В эллинистическое время на ольвийском некрополе продолжали устанавливать надгробные памятники лежащих львов (Блаватский В.Д., 1947, с. 81). В подражание привозным ольвийские мастера изготовляли небольшие скульптуры львов из местного известняка. От одной из них сохранилась голова (0,18 м) с большой пышной гривой и широко открытой пастью, от второй – часть лапы, лежащей на плите (0,11 м) (Фармаковский Б.В., 1918, с. 49). Представляет интерес и небольшая мраморная база, на которой лежит голова льва, высеченная из этого же куска камня. Морда и грива моделированы весьма небрежно и непрофессионально, глубокими врезками (Русяева А.С., 1992, рис. 60, *2*).

Необходимо также отметить, что при раскопках эллинистических домов находили совсем незначительные фрагменты (обломки рук, ног, складок одежды, части голов) от небольших мраморных статуэток, определение центра производства которых затруднительно. Помимо этого обращают на себя внимание фрагментированные известняковые скульптуры, которые, очевидно, остались неоконченными или же являются работами учеников. Одна из них представляет длинный узкий, почти прямоугольный блок ракушечника высотой 0,24 м, на котором в высоком рельефе весьма неумело высечена голова зверя на толстой длинной шее. Морда трактована настолько грубо, что даже нельзя сказать, кому точно принадлежит это изображение: льву или кому-то другому из породы кошачьих (Русяева А.С., 1992, рис. 60, *3*).

Более выразительна другая скульптура из ракушечника высотой 0,20 м (0–63/1225) (рис. 3). Со всех сторон камень грубо отесан. Голова с лицевой стороны имеет форму неправильного прямоугольника. В верхней части она сильно стесана. Под невысоким длинным лбом небрежно вырезаны узкие глаза без выделения зрачков и век. Отколот грубый толстый нос, на месте рта – углубленная линия. Возможно, это мужское изображение или часть антропоморфной стелы.

По-видимому, для погребальных целей предназначалась и узкая прямоугольная плита высотой 0,34 м, в верхней части которой была высечена небольшая женская голова в покрывале (0–64/1989). Глаза посажены очень высоко. В нижней части имеется

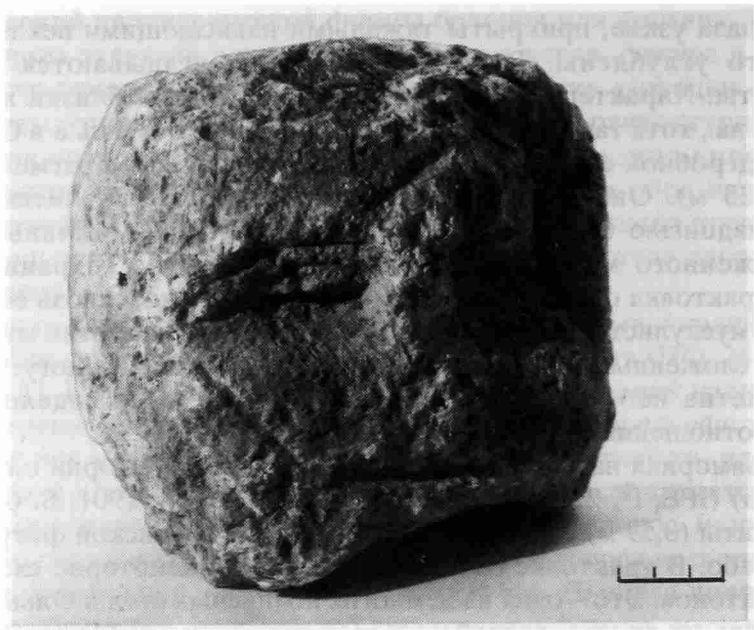


Рис. 3. Известняковая мужская голова

одна вертикальная глубокая линия. По всей вероятности скульптура не была окончена.

Ничего определенного нельзя сказать относительно того, кем и где изготовлялись монументальные статуи божеств и заслуженных граждан, сведения о которых сохранились в надписях на постаментах (IPE, I^2, 186–192; Русяева А.С., Крапівіна В.В., 1992). На многих из них сделаны специальные углубления в виде ступней ног, свидетельствующие о том, что высота этих статуй была от 1,60 до 2,10 м. Только в декрете в честь Никерата имеется конкретное указание на установление конной статуи этого героя (IPE, I^2, 34). Скорее всего, что такие памятники делались по заказу в других городах или же, что более вероятно, приезжими скульпторами.

Таким образом, в ольвийской скульптуре эллинистического времени наблюдается разнообразие как в типологическом, так и стилистическом плане. Художественная близость рельефных изображений позволяет причислить их к одному кругу произведений скульптуры, что в свою очередь может указывать на существование здесь определенной мастерской. Несомненное сходство в трактовке одежды и всей человеческой фигуры не исключает и их различия. Произведения могли принадлежать разным мастерам, но для них были характерны определенные принципы и стиль, отличные от экспрессивного эллинистического искусства Эллады. Ольвийской скульптуре присуща статичность, иногда даже слишком подчеркнутая условность и абстрактность, неумение справиться со всеми тонкостями скульптурного мастерства, что нашло особенно широкое отражение в известняковой пластике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Античная скульптура Херсонеса, 1976. Киев.

Белецкий А.А., 1969. Благосклонно внемлющий герой в Ольвии // ВДИ. № 1.

Блаватский В.Д., 1947. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М.

Виноградов Ю.Г., 1984. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. № 1.

Кобылина М.М., 1978. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М.

Леви Е.И., 1985. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.

Русяева А.С., 1979. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев.

Русяева А.С., 1982. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н.э.). Киев.
Русяева А.С., 1986. Культура. Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев.
Русяева А.С., 1992. Религия и культы античной Ольвии. Киев.
Русяэва А.С., Крапівіна В.В., 1992. До історії Ольвії IV–I ст. до н.е. // Археологія. № 4.
Саверкина И.И., 1986. Греческая скульптура. Л.
Фармаковский Б.В., 1906. Раскопки в Ольвии в 1902 и 1903 гг. // ИАК. Вып. 13.
Фармаковский Б.В., 1908. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1905 г.
Фармаковский Б.В., 1913. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1909–1910 гг.
Фармаковский Б.В., 1918. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1913–1915 гг.
Bordenache G., 1969. Skulpture Greche e romane del Museo Nationale di antichita Bucarest. Bucarest.
Fuchs W., 1969. Die Skulptur der Griechen. München.
Kieseritzky G., Watcinger C., 1901. Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. Berlin.
Oksmann E., 1928. Antike Skulpturen in Odessa // Archäologische Anzeiger. 1–2.

Институт археологии НАН Украины, Киев

A.S. RUSYAEVA

OLBIAN SCULPTURE OF THE HELLENISTIC PERIOD

Summary

Comparatively well-preserved votive and grave sculptures from Olbia dated back to the Hellenistic period are considered in the article. They provide a valuable information on development of local sculpture. The material analysed displays variety of subjects and stylistic manners.

А.В. КУДРЯШОВ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ОКТЯБРЬСКИЙ МОСТ НА ШЕКСНЕ

Река Шексна, которая была одной из важнейших водных магистралей Русского Севера в эпоху средневековья, в XX в. пережила катастрофические изменения в связи с сооружением на ней Рыбинского и Шекснинского водохранилищ в 1940–1960-х годах. Многие памятники археологии оказались разрушенными и поврежденными, что существенно сузило источниковую базу для изучения древней истории региона. Поселение Октябрьский мост является одним из немногих уцелевших здесь центров средневековья, которые существовали продолжительное время.

В 1980–1990-е годы в среднем течении р. Шексны, развернулись археологические исследования, осуществляемые Северорусской археологической экспедицией Череповецкого музейного объединения. В регионе было обнаружено несколько десятков новых памятников эпохи средневековья, некоторые из них удалось исследовать раскопками. В г. Череповце раскапывался один из самых значительных памятников округи – поселение Октябрьский мост, обнаруженное в 1981 г. А.Н. Башенькиным (1983, с. 58). Работы проводились Шекснинским отрядом Северорусской экспедиции под руководством автора статьи.

Поселение размещается на правом берегу р. Шексны, в исторической части г. Череповца. До образования Рыбинского водохранилища оно находилось чуть ниже устья р. Ягорбы. После впадения Ягорбы Шексна переходила в глубокий плес, приближаясь вплотную к своему правому коренному берегу. На этом спокойном участке Шексны и располагалось поселение. Оно находилось на надпойменной террасе, поднимаясь от воды на значительную высоту. Неудачное, на первый взгляд, расположение поселения на береговом склоне, малоудобном для сооружения построек, компенсировалось его близостью к мощной судоходной реке.

Рыбинское водохранилище существенно изменило берега Шексны. Полностью была затоплена пойма реки, подтопленными оказались и надпойменные террасы. При обследовании памятника выяснилось, что культурный слой его сохранился на площади свыше 3 га. Протяженность поселения вдоль берега – около 300 м, вглубь берега от кромки водохранилища слой распространяется на расстояние до 120 м (рис. 1).

Прибрежный участок поселения шириной 40–50 м оказался полностью затопленным водохранилищем. С востока и запада культурный слой поселения разрушен при строительстве Октябрьского моста через Шексну и сооружении кирпичного здания. Первоначальная площадь памятника была, по всей видимости, не менее 5 га. Ныне на территории поселения располагается запущенный парк, деревянные дома с приусадебными участками. В 1940–1950-х гг. на памятнике находились складские постройки. От них остались груды кирпичей и многочисленные перекопы. Культурный слой разрушается также оврагами ручьев.

Земляные работы на поселении велись, с небольшим перерывом, с 1989 по 1994 гг. За четыре полевых сезона здесь было заложено восемь раскопов: в 1989 г. – раскопы 1, 2 (156 м^2; в 1992 г. – раскопы 3, 4, 5 (344 м^2); в 1993 г. – раскопы 6, 7 (308 м^2); в 1994 г. – раскоп 8 (148 м^2). В общей сложности раскопами и шурфами вскрыто около 1000 м^2 памятника. Основная часть раскопов помещалась в западной половине поселения, рядом с оврагом, разрушающим культурный слой памятника. На исследованных

© А.В. Кудряшов, 2000 г.

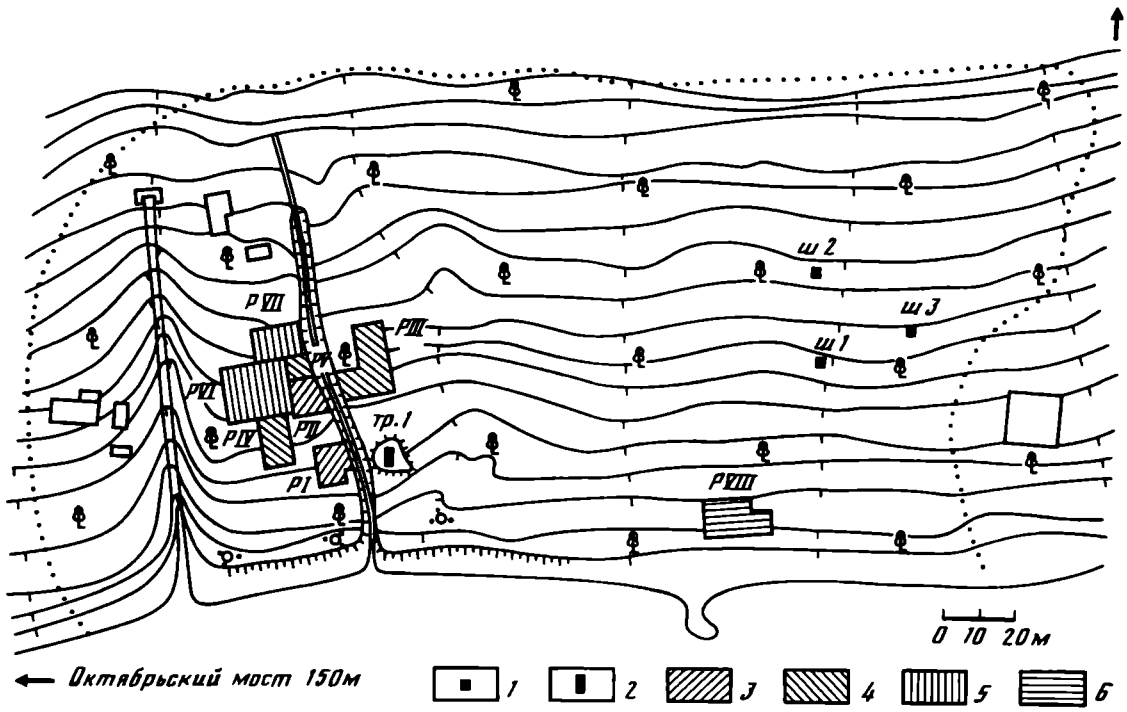


Рис. 1. Топографический план поселения Октябрьский мост. *1* – шурфы; *2* – траншея; *3* – раскопы 1989 г.; *4* – раскопы 1992 г.; *5* – раскопы 1993 г.; *6* – раскопы 1994 г.

участках он имел мощность 0,3–1 м, в ямах до 1,4 м. Верхние пласты его оказались поврежденными поздними перекопами, кое-где слой оказался перемешанным до материка. Нетронутыми были напластования нижнего горизонта слоя, лежащие на материке. Они сохраняли в себе развалы очагов, прослойки песка и глины, истлевшее и сгоревшее дерево.

В процессе исследования средневекового поселения выяснилось, что слой его содержал в себе находки, относящиеся к предшествующим эпохам. Здесь были найдены орудия из кремня, фрагменты неолитической керамики, обломки глиняной посуды раннего железного века с сетчатой и штрихованной поверхностью. За все время исследования на поселении обнаружено около 600 индивидуальных находок, свыше 48 тыс. фрагментов керамики, около 3,5 тыс. костей животных. Многие предметы, обнаруженные здесь, являются датирующими.

На Октябрьском мосту обнаружено около 130 ножей, из них 58 целых экземпляров. 40 ножей имеют клиновидное сечение лезвия, 6 – прямую спинку, 5 ножей можно отнести к специализированным – лезвие у них было или опущенным вниз, или закругленным. Некоторые ножи имели большие размеры (до 18 см) и могут быть отнесены к категории боевых. В слое поселения обнаружены также оселки (45 экз.) и точила из гранита (4 экз.). Четыре оселка были с отверстиями для подвешивания. Одно из точил имело круглую форму, в нем было отверстие для насаживания на вал (рис. 2, *11*). На поселении найдены крупный промысловый рыболовный крюк (рис. 3, *8*), фрагмент остроги, глиняные рыболовные грузила. С памятника происходят костяные кочедыки (3 экз.) и проколки (4 экз.), а также железные шилья (8 экз.).

На Октябрьском мосту найден один целый экземпляр и 7 фрагментов топоров, на двух обломках имелись щекавицы. Эти топоры могут быть отнесены к боевым. Отсюда происходят 19 клиньев от топоров. На поселении обнаружено 13 наконечников стрел. Две стрелы были бронебойными. Здесь были найдены также ромбовидные стрелы, срезень "южнорусского" типа, двушипная, ланцетовидная, шиловидная стрелы и два крюка для подвешивания колчана. С поселения происходят пять фрагментов кос-горбуш, три обломка серпов, два фрагмента пилы с узким полотном, а также несколько стамесок и стругов.

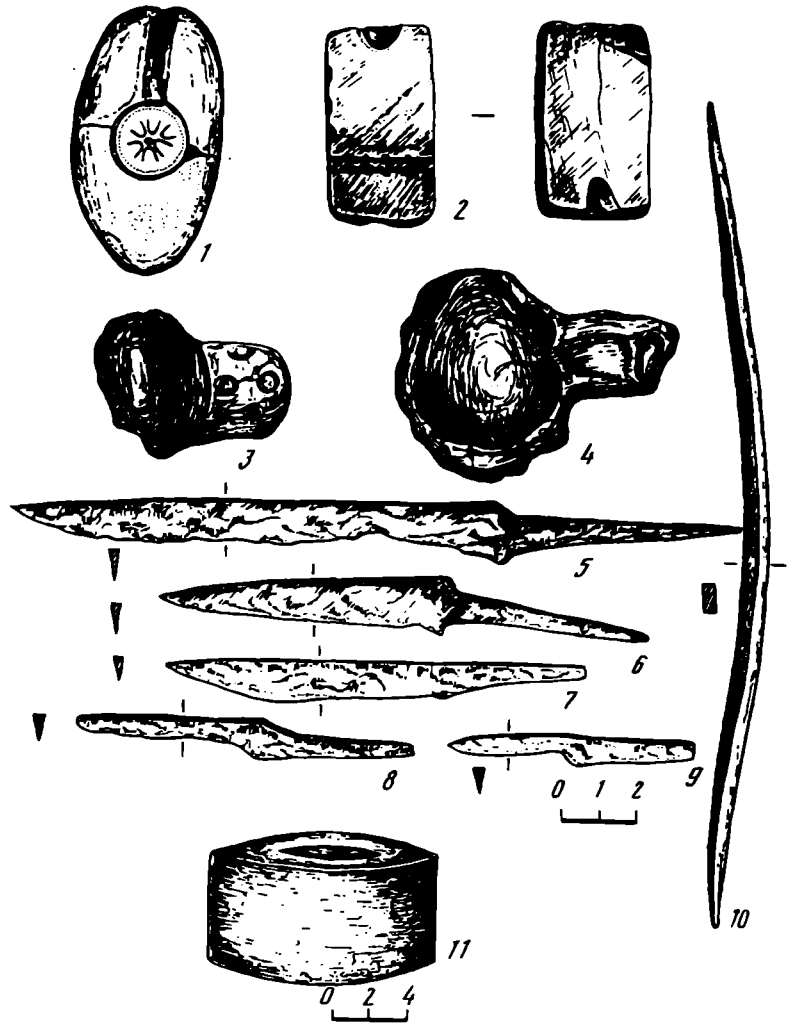


Рис. 2. Поселение Октябрьский мост. Вещевой инвентарь.
1, *2* – формы для литья; *3*, *4* – льячки; *5–9* – ножи; *10* – заготовка; *11* – точило, *1*, *3*, *4* – глина; *2*, *11* – камень; *5–9* – железо; *10* – бронза

В слое найдены один целый экземпляр и два обломка глиняных льячек, формы для литья из глины и камня (3 экз.), фрагменты тиглей, бронзовые заготовки, зубильце, половинка железного пинцета. Кроме того, на поселении обнаружены фрагменты листовой бронзы и проволоки, детали бронзовых изделий, отлитые в формах. Среди находок имеется также несколько каменных лощил.

С поселения происходят 52 пряслица, из них 35 – шиферных, 13 – глиняных и 4 экз. костяных. Здесь же найдены три булавки, семь игл – четыре железных и три костяных. На Октябрьском мосту были обнаружены 8 фрагментов навесных замков, 15 ключей – целых и во фрагментах. Среди последних имеются три ключа от деревянных замков, два ключа от замков типа А по Б.А. Колчину, пять ключей к цилиндрическим навесным замкам, два ключа к навесным замкам поворотным и три ключа к "нутряным" замкам.

На памятнике обнаружены 15 костяных гребней, из них 5 целых и 10 фрагментов. Среди этих изделий имеются гребни-расчески и футляр к ним, трапециевидные и прямоугольные двухсторонние гребни. Из бронзовых изделий, на памятнике найдены две подковообразные фибулы. браслеты – два дротовых и два пластинчатых, шесть перстней – дротовый, пластинчатый, плетеные (рис. 4, *12*, *13*, *15*, *16*). Отсюда происходят пять проволочных височных колец, четыре из них можно отнести к перстнеобразным. Здесь найдены также разнообразные подвески: бубенчики, подвески-

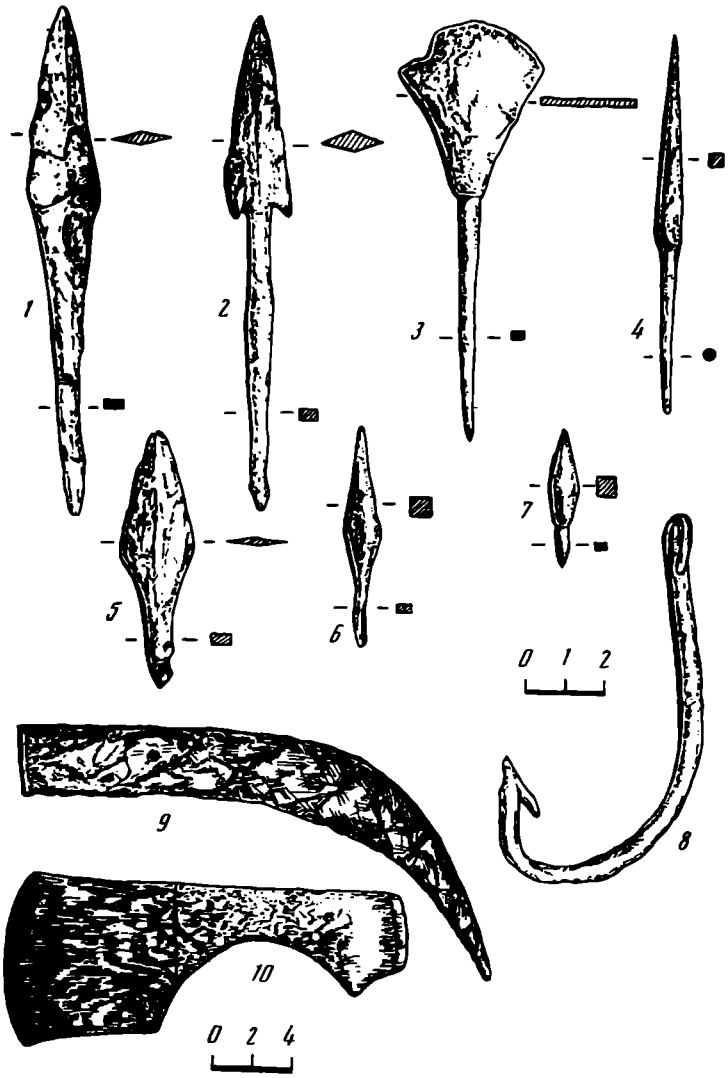


Рис. 3. Поселение Октябрьский мост. Изделия из железа.
1–7 – наконечники стрел; *8* – рыболовный крюк; *9* – коса-горбуша; *10* – топор

лапки, трапециевидная, конусовидные, подвеска-ложечка, шумящие подвески со щитком треугольной формы и привесками, а также детали других шумящих подвесок (звенья, детали, привески). Кроме того, с поселения происходит фрагмент коньковой двухголовой пластинчатой подвески. На Октябрьском мосту обнаружены также бронзовые пуговицы (2 экз.) и орнаментированная поясная накладка.

На поселении найдено 60 бусин, из них стеклянных – 48 экз., 3 бусины – окаменелости, 4 бусины керамических и по одной – из сердолика, янтаря, хрусталя, шифера и кости. На Октябрьском мосту обнаружены фрагменты стеклянных браслетов разных типов (7 экз.), обломок перстня из янтаря. С памятника происходит четыре кресала – два калачевидных, одно с заостренными концами и одно с бронзовой рукоятью.

В слое поселения обнаружены были также глиняные игрушки, железные пряжки разной формы, дужки от деревянных ведер, ушки от котлов, светец, пробои, дверные кольца и крюки. Среди костяных изделий, кроме упомянутых выше, имеются рукояти, в том числе орнаментированные, ложка, игольник и другие вещи. Часть из них изготовлена на токарном станке. Слой Октябрьского моста содержит также слюду, обломки стеклянных изделий, фрагменты привозной керамики, ореховую скорлупу и другие предметы.

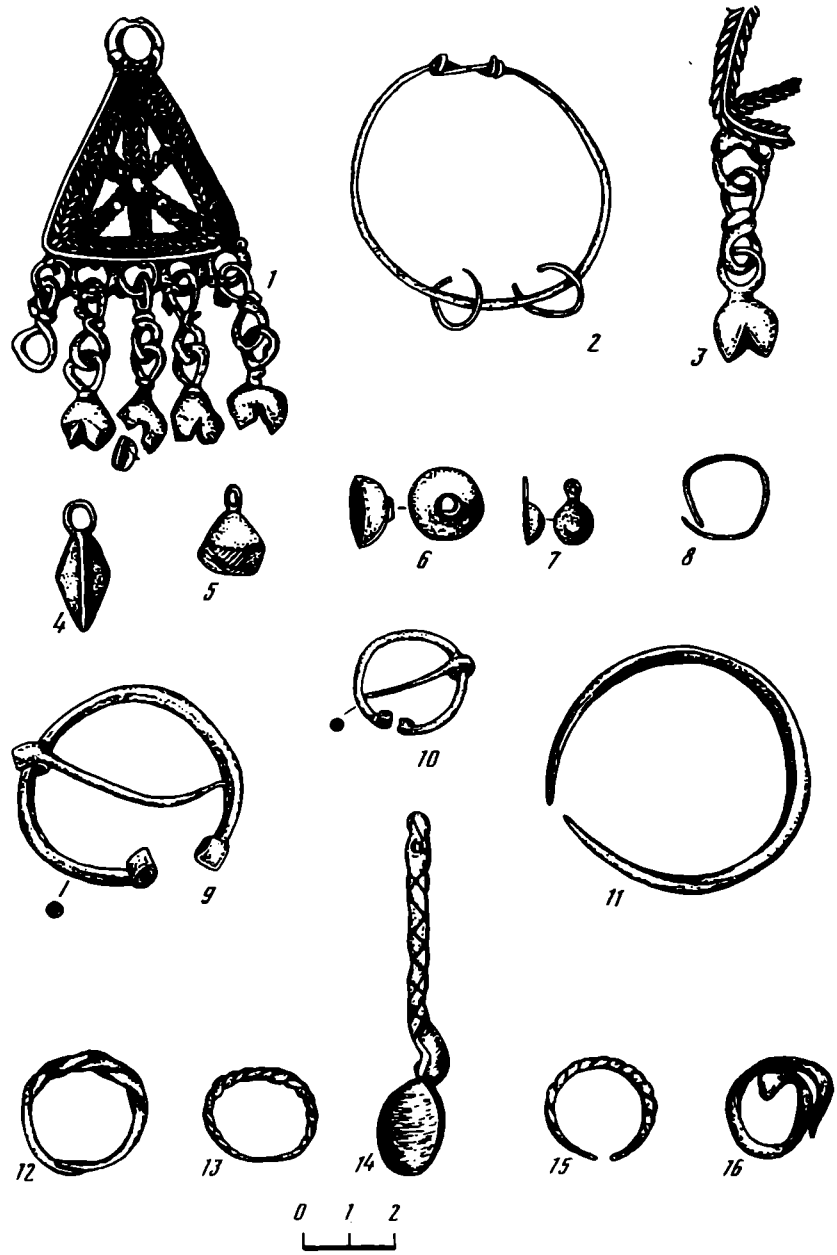


Рис. 4. Поселение Октябрьский мост. Изделия из цветных металлов. *1, 3* – шумящие подвески; *2, 8* – височные кольца; *4–7* – привески; *9, 10* – пряжки-фибулы; *11* – браслет; *12, 13, 15, 16* – перстни; *14* – подвеска-ложечка

Поселение существовало с рубежа IX–X вв. по XIV в. К числу наиболее ранних находок, обнаруженных на памятнике, можно отнести в первую очередь бусы. Среди них имеются синие стеклянные крученые кольцевидные бусы, многочастные бусы-пронизки, в том числе золоченые, рубленый бисер голубого цвета, бусина из тянутой трубочки, бусы-лимонки, лимоновидные бусы серебряные и золоченые. Основная часть подобных бус в Старой Ладоге датируется VIII–X вв. (Львова З.А., 1968, с. 78–89). Все ранние бусы, обнаруженные на Октябрьском мосту, имеют аналогии на поселении Крутик, раскопанном Л.А. Голубевой и датируемом IX–X вв. (Голубева Л.А., Кочкурина С.И., 1991, с. 113–117).

К числу ранних находок также относятся гребни-расчески (около 10 экз.). футляр к одному из таких гребней, ключи к деревянным замкам, костяные и глиняные биконические пряслица, некоторые бронзовые украшения и изделия из железа. Кроме того, в культурном слое поселения обнаружены 1/2 дирхема 892–907 гг. Наср

Рис. 5. Поселение Октябрьский мост. Вещевой инвентарь.
1 – подвеска-образок; *2* – бубенчик; *3* – пуговица; *4* – подвеска-лапка; *5* – рукоять от кресала; *6* – каменная подвеска с граффити; *7* – заполированный камень; *8* – кольчужное кольцо (?); *9* – накладка; *10*, *15* – ключи; *11* – грузик; *12* – костяное изделие; *13*, *14* – железные изделия; *16* – вток; *17* – топор; *1–5*, *9* – сплав цветных металлов; *6*, *7* – камень; *8*, *10*, *13–17* – железо; *12* – кость

или Исмаил б. Ахмед и 1/4 дирхема Саманидов – первая половина X в. (атрибутация А.В. Фомина). К начальному периоду существования поселения Октябрьский мост относятся некоторые типы лепной глиняной посуды, распространенной с конца I тыс. н.э.

Анализ ранних материалов свидетельствует о финно-угорской принадлежности поселения в начальный период его существования. К предметам финно-угорского происхождения относятся обнаруженные здесь шумящие подвески и их фрагменты, привески-утиные лапки, конические и трапециевидная подвески, кресало с бронзовой рукоятью, выполненной в "зверином стиле", подвеска из астрагала бобра (рис. 4, *1*, *3*, *4*, *6*; 5, *4*, *5*).

Кроме того, с поселения происходят орнаментированная подвеска-ложечка, подковообразные фибулы со спиральными концами, костяная копоушка (рис. 4, *9*, *10*, *14*; 6, 10). Финно-угорской является и лепная керамика, обильно украшенная орнаментами, нанесенными гребенчатым, рамочным, фигурным штампами, а также раз-

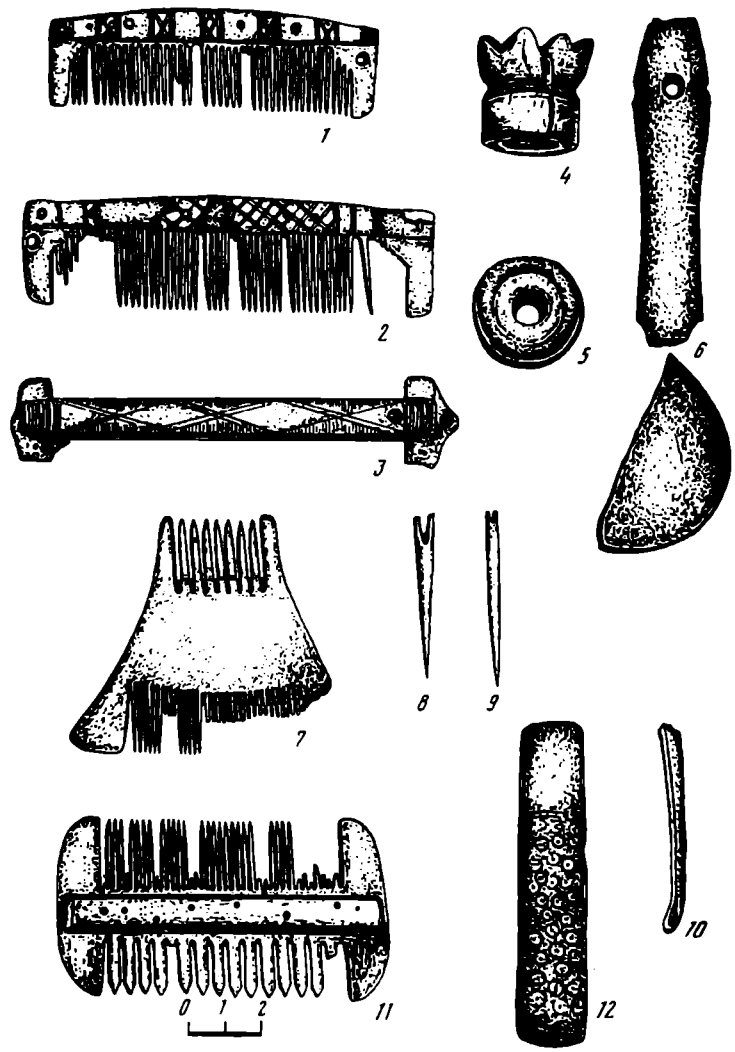


Рис. 6. Поселение Октябрьский мост. Изделия из кости и рога.
1, 2, 7, 11 – гребни; *3* – футляр от гребня; *4* – шахматная фигурка; *5* – пряслице; *6* – ложка; *8, 9* – иглы; *10* – копоушка; *12* – рукоять

личными вдавлениями. Некоторые из вещей, обнаруженных на памятнике, распространялись как в финно-угорской среде, так и среди славяно-русского населения. К ним относятся бронзовый грушевидный крестопрорезный бубенчик, калачевидные кресала, некоторые виды перстней и браслетов.

На исследованных раскопками участках поселения удалось выявить сооружения, относящиеся к начальному периоду существования памятника. Одним из самых интересных сооружений была постройка, исследованная в 1993 г. в раскопе 6 (рис. 7, *2*). От нее сохранилась материковая яма, имеющая вытянутую форму. По краям ямы находились ямки от столбов, которые, возможно, входили в конструкцию постройки. Яма-западина была заполнена черным углистым слоем, содержащим развалы очагов. Один из очагов находился в западной части сооружения в округлой яме, имеющей диаметр около 1 м. Внутри западины обнаружено большое количество костей животных. Среди них определены экземпляры, принадлежащие медведю, бобру, глухарю, тетереву, корове, свинье, овце. (Анализ костей выполнен М.В. Саблиным, ЗИН РАН, Санкт-Петербург.) Керамика, происходившая из сооружения, была исключительно лепной (рис. 8). Среди глиняной посуды имеются сосуды разных размеров от самых маленьких до больших корчаг с диаметром устья до 30 см. Обнаружены также сосуды, близкие к чашевидным, украшенные "веревочкой" и мелкозубчатым штампом.

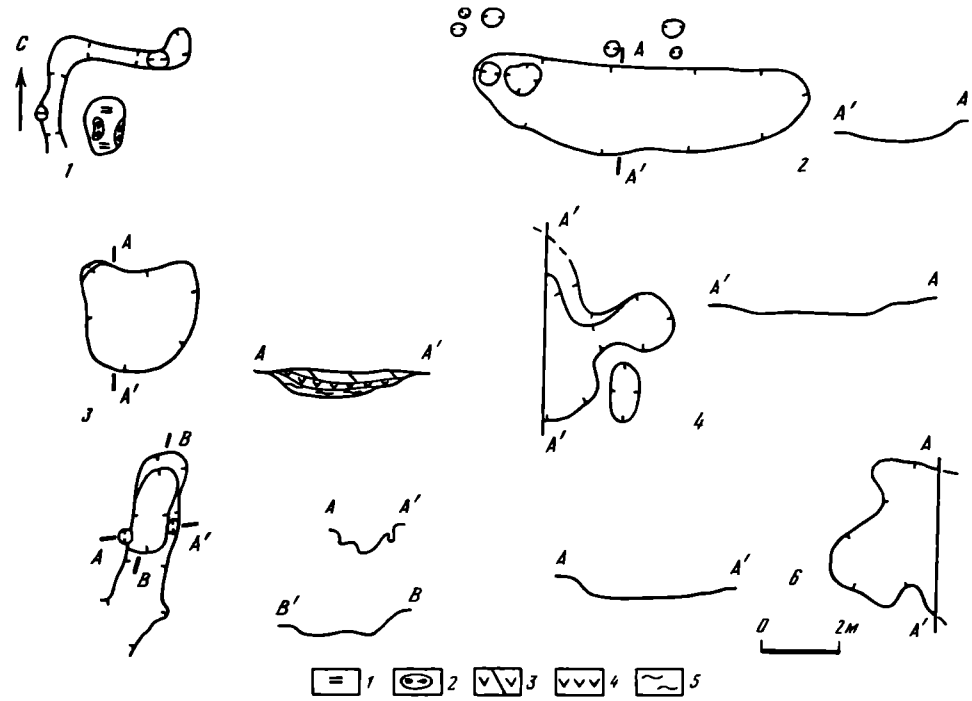


Рис. 7. Планы сооружений, исследованных на поселении.
1 – глина; *2* – головни; *3* – черный углистый слой; *4* – углистые прослойки; *5* – серый золистый слой. *1*, *2* – раскоп 6; *3*, *4*, *6* – раскоп 3; *5* – раскоп 2

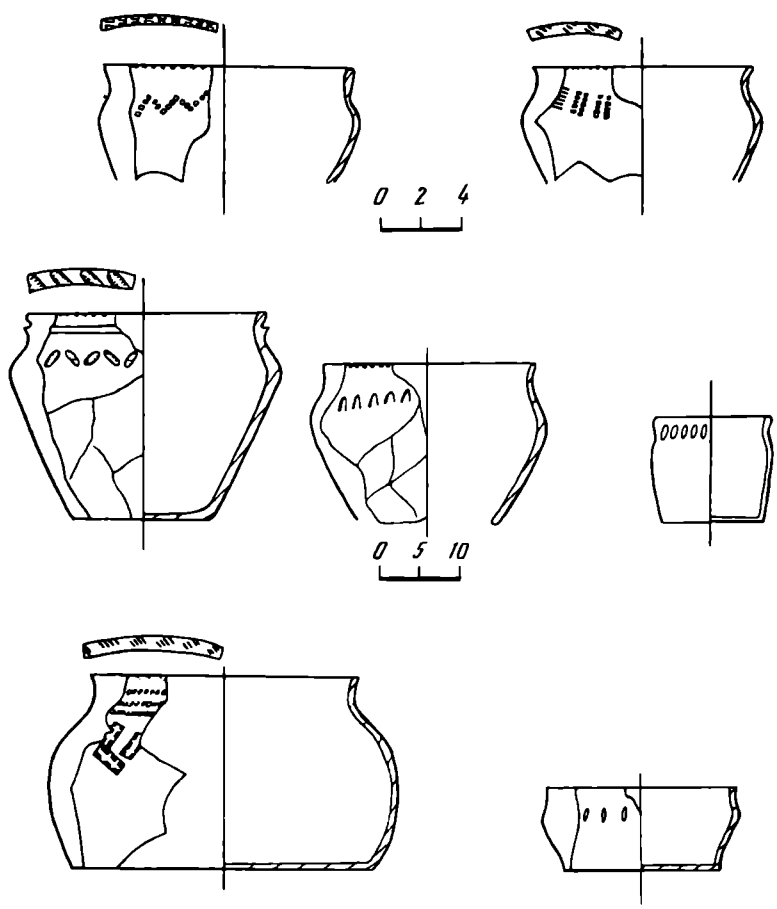


Рис. 8. Поселение Октябрьский мост. Лепная керамика из жилища X в. Раскоп 6

Подобные сосуды имели распространение в Камско-Вычегодском крае в конце I тыс. н.э. (Макаров Н.А., 1983, с. 18–24).

Большая часть глиняной лепной посуды, обнаруженной в сооружении, была типична для финно-угорских поселений Белозерья (Макаров Н.А., 1990). Внутри этой, без сомнения, жилой постройки обнаружено около 40 индивидуальных находок. Среди них имеются рабочий топор типа У по А.Н. Кирпичникову (рис. 3, *10*), два ключа от деревянных замков, ключ от замка типа А по Б.А. Колчину, ножи с клиновидным сечением лезвия, железная игла, заготовка бронзы, фрагменты тигля. Внутри ямы обнаружено 10 бус. Среди них есть многочастные пронизки василькового цвета, крученые синие бусы, золоченая и полосатая бусы-лимонки. Здесь же обнаружена бронзовая конусовидная подвеска. Кроме того, из постройки происходят предметы из кости и рога: часть футляра гребня-расчески, накладки на такие гребни, кочедык, рукоять ножа, игольник из трубчатой кости, охотничий манок из косточки птицы и самая интересная находка – шахматная фигурка (рис. 6, *3*, *4*). Рядом с сооружением найдена подвеска из астрагала бобра. По материалам, обнаруженным в постройке, ее можно датировать X в. Аналогичные жилищные ямы удлиненной формы, содержащие внутри очаги, исследованы А.Н. Башенькиным на р. Суде, на поселении Никольское VI, принадлежащем финно-уграм (Башенькин А.Н., 1983). Реконструировать наземную часть жилища пока невозможно. Вероятно, это была вытянутая срубная постройка-полуземлянка, часть конструкции которой крепилась на столбах.

К числу ранних наземных сооружений относится постройка, которая выявляется по мощному напластованию культурного слоя, содержащего большое количество индивидуальных находок, по концентрации керамики, а также по принадлежащим ей очагам. Размеры ее были приблизительно 5 × 6 м. Здесь обнаружено не менее двух ярусов очагов. Древнейший из них находился в корытообразной материковой яме размерами 4 × 1,25 × 0,75 м (рис. 7, *5*). По краям западины были видны ямки от столбов, имеющих наклон к центру очага. Внутри ямы-западины залегали серый золистый и черный углистый слои, содержащие многочисленные очажные камни, а также прослойки глины и песка. В очаге обнаружены фрагменты лепной керамики, кости животных, вещевые находки – ножи, оселки, фрагменты бус. Рядом с ним лежали железные лепешкообразные крицы и шлаки. Здесь же были найдены гребни-расчески, костяная копоушка, ложка, кочедык, бронзовая поясная накладка (рис. 6, *2*, *6*, *10*; 5, *9*), бусина-лимонка, фрагменты листовой бронзы, фрагмент серебряного изделия (монеты?) и другие предметы. Очаг в корытообразной яме перекрывался мощным развалом еще одного очага, содержащего лепную керамику.

Очаги в корытообразных ямах обнаружены и на других участках поселения. В раскопе 1 выявлена очажная яма размерами 3,4 × 1,75 м и глубиной 0,15 м, вытянутая вдоль склона берега. Яма была заполнена темносерым гумусированным слоем, содержащим очажные камни, угли и лепную керамику. На западном крае очажной ямы прослеживались остатки сгоревшей деревянной конструкции. Корытообразная очажная яма находилась в восточной части раскопа 6. Она имела размеры 2 × 1 м, глубину до 0,4 м. Очаг был вытянут поперек склона берега. Он был заполнен черным углистым слоем с очажными камнями, золой, лепной керамикой. Здесь же было обнаружено шило. В стенке очажной ямы находилась ямка от столба, который, вероятно, входил в конструкцию очага. В очажной яме было найдено несколько неполных развалов лепных сосудов, украшенных гребенчатым штампом. Часть корытообразного очага с лепной керамикой была изучена в шурфе (4 × 4 м) в восточной части поселения. Подобные сооружения были исследованы на поселениях, принадлежащих финно-угорскому населению на реках Суде и Шексне: Шексна I, Минино V, Кривец, Никольское VI (Кудряшов А.В., 1992, с. 45; 1996а, с. 194; Башенькин А.Н., 1983а).

В раскопе 7 (1993 г.) нами были исследованы и другие объекты, относящиеся к раннему периоду существования памятника. Здесь был обнаружен развал очажных камней, залегавший в яме-западине размерами 3,8 × 2,4 м, глубиной до 0,2 м. Восточ-

ная ее часть уничтожена оврагом. Дно ее было сильно прокалено, в юго-западной части находилась столбовая яма. Среди очажных камней лежали многочисленные обломки лепных сосудов, украшенных гребенчатым штампом. В очаге был также найден развал кругового сосуда с качественно отмученным тестом и хорошим обжигом, резко отличавшегося от круговой посуды Октябрьского моста. Данный сосуд явно был привозным. В верхней части ямы обнаружен фрагмент костяного одностороннего гребня. С юга к яме примыкал мощный пласт сгоревших деревянных конструкций. В 1,5 м к западу от описанного выше сооружения находилась западина подпрямоугольной формы, размерами 3,7 × 2,3 м, глубиной до 0,25 м. Она была заполнена светлосерым гумусированным слоем, содержащим мелкие очажные камни и фрагменты лепной керамики. Здесь же был найден фрагмент бусины лимонки. По краям ямы и в центре ее находились столбовые ямки. Не исключено, что описанные выше сооружения могли быть единой постройкой.

На поселении имелись также ранние очаги, находящиеся вне материковых ям. Одно из таких сооружений обнаружено в раскопе 8. Развал из плотно лежащих камней находился в центре раскопа, он лежал практически на материке. Размеры этого развала были приблизительно 3,4 × 1,6 м. Между камнями были обнаружены комья обожженной глины, кости животных, лепная керамика. Здесь были найдены глазчатая бусина и фрагмент железного предмета. На этом месте находился, вероятнее всего, очаг, сложенный из камней, скрепленных глиной. Развал был перекрыт напластованиями слоя, содержащего остатки еще одного очага. В этом слое были обнаружены бусина-пронизка тройная, бусина-лимонка, глиняный грузик, лепная керамика. Постройки на поселении Октябрьский мост уже в самом начале его существования использовались, как в жилых, так и в производственных целях, что было достаточно широко распространено на средневековых поселениях Белозерья.

Рассматривая финно-угорские материалы, происходящие с поселения Октябрьский мост, нельзя не заметить, что среди них доминируют восточно-финские элементы. Здесь обнаружены шумящие подвески "мерянского типа", привески-лапки, ножи с прямой спинкой и другие изделия "восточного" происхождения. Это свидетельствует о значительном влиянии восточных финнов на шекснинское финно-угорское население, основавшее Октябрьский мост. Поселение Октябрьский мост уже в начальный период своего существования было крупным торгово-ремесленным центром. Оно занимало важное место в кусте финно-угорских селищ, существующих в это время в устье р. Ягорбы. С самого начала здесь присутствовали ремесленные производства: металлургическое и кузнечное, обработка цветных металлов, косторезное ремесло. Это подтверждается находками в нижнем горизонте слоя, в ранних постройках железных криц, шлаков, железных и бронзовых заготовок, инструментов, льячек, тиглей, формочек для литья, обрезков кости и рога (рис. 2, *1–4*, *10*).

Об этом свидетельствуют и происходящие отсюда многочисленные изделия из железа, бронзы, кости. Высокую квалификацию местных кузнецов подтверждают находки ножей, изготовленных по сварным технологиям трех- и пятислойного "пакетов". (Металлографический анализ выполнен Л.С. Розановой, ИА РАН.)

Важными занятиями жителей поселения с самого начала его существования были рыбная ловля, охота и скотоводство. Кроме упомянутых выше костей медведя, бобра, глухаря, тетерева из слоя происходят кости и других диких животных: северного оленя, росомахи, зайца, лисы. Большая часть обнаруженных костей бобра связана с наиболее ранними напластованиями культурного слоя. Домашние животные представлены крупным рогатым скотом, свиньей, овцой, лошадью. Кости перечисленных выше домашних животных происходят уже из самых нижних пластов культурного слоя, хотя основная часть их обнаружена в напластованиях, относимых к XII–XIII вв.

Славяно-русское население на поселении Октябрьский мост появляется не позднее начала XI в. Одна из самых ранних построек, принадлежащих, по всей видимости, новому населению, была исследована в центре уцелевшей части поселения, в раскопе 3 в 1992 г. Эта постройка представляла собой полуземлянку, ее размеры в материке

были 3,6 × 3,2 × 0,4 м. Она имела подпрямоугольную в плане форму, плоское дно, покатые стены (рис. 7, *3*). На дне постройки, в сером золистом слое, обнаружены остатки очага из крупных камней-валунов. На очаге и рядом с ним находили кости животных, фрагменты керамики, большей частью лепной. Культурный слой на дне постройки был перекрыт мощным слоем угля от сгоревшей деревянной конструкции. Из придонной части землянки происходят орнаментированный гребень-расческа, половинка бронзовой пуговицы, проволочное височное кольцо с завязанными концами и двумя бронзовыми проволочными колечками, нанизанными на него (рис. 4, *2*, *7*; 6, *1*). Аналогии височного кольца имеются в могильниках X–XI вв., исследованных в верхнем течении р. Луги и принадлежавших древнерусскому населению новгородской округи (Равдина Т.В., 1988, с. 119, табл. XI, *10*). Судя по находкам, описанная выше постройка может быть отнесена ко времени не позднее середины XI в. В раскопе 3 обнаружены остатки еще двух построек-полуземлянок, исследованных частично. У одной из них изучен участок размерами 3 × 5 м (рис. 7, *4*). Напластования культурного слоя здесь имели мощность 0,25–0,45 м. На дне землянки, в черном углистом слое прослежен развал очага из камней-валунов, среди которых обнаружена в основном лепная керамика. Над этим очагом находилось скопление камней очага второго яруса. В постройке найдены ножи, оселок, пробой, изделия из кости, денарий с ушком для подвешивания. Третья полуземлянка была исследована также частично, изученный участок имел размеры 3,8 × 3,0 м (рис. 7, *6*). Глубина ямы 0,15–0,2 м, на дне ее находились углистые прослойки, камни от разобранного очага. Среди керамики, обнаруженной в сооружении, преобладает лепная. Здесь найдены рыболовный крюк, глиняные и шиферные пряслица, булавка.

Важными свидетельствами проникновения на поселение древнерусского населения были изделия, традиционно относимые к древнерусским – стеклянные браслеты, перстни и браслеты из бронзы, шиферные пряслица, замки и ключи и, самое главное, круговая древнерусская глиняная посуда.

В XI – начале XII в. большинство построек становится наземными. Очаги в постройках имели различную конструкцию. Часть из них в это время продолжала сооружаться в материковых ямах. Очаги в ямах корытообразной формы, относящиеся к XI в., обнаружены на всех исследованных участках поселения. Внутри них находились очажные камни, угли, лепная и круговая керамика, отдельные вещевые находки. Остатки двух корытообразных очагов нами изучены в раскопе 3, один очаг – в раскопе 7, один очаг в раскопе 4. Последний очаг исследован частично, часть его уходила за пределы раскопа. Видимые размеры очажной ямы 3,6 × 1,6 м, глубина 0,12 м. Очаг располагался поперек склона берега. На дне ямы лежали крупные очажные камни, здесь найдены лепная и круговая керамика, лимоновидная бусина синего стекла. Сверху яма была перекрыта слоем стерильного песка, на котором находился развал еще одного очага. Среди камней его были найдены лепная и круговая керамика, кости животных, костяная поделка, золоченая буса, кованый гвоздь.

Одновременно с корытообразными очагами на поселении существуют очаги в круглых и овальных ямах. В раскопе 6 исследованы две такие ямы. Одна из них находилась в северо-западном углу раскопа, часть ее уходила за его пределы, диаметр ямы был не менее 1,5 м, глубина до 0,3 м. Внутри нее находился черный углистый слой с очажными камнями, золой, углем, прослойками прокаленного песка. Здесь были обнаружены фрагменты лепной и круговой керамики, кости животных, а также фрагмент накладки гребня расчески. Овальная яма располагалась в восточной части раскопа 6. Ее размеры были 1,5 × 1,6, глубина 0,25 м. На дне ямы находились камни-валуны, круговая и лепная керамика, причем круговая преобладала, в стене располагалась столбовая ямка. Две овальные очажные ямы обнаружены были в раскопе 4. Обе они были испорчены поздними траншеями. Ямы имели размеры приблизительно 2,5–3 × 1,7 м, глубину до 0,5 м. На дне ям находились крупные камни-валуны, в заполнении была обнаружена лепная и круговая керамика, кости животных. В одной из ям были найдены нож, булавка, шило, железная пряжка. В другой – обнаружены

фрагменты стеклянного браслета, нож с клиновидным сечением лезвия, буса-лимонка. Аналогичные очаги были изучены на исследованных поселениях ближайшей округи, принадлежавших древнерусскому населению: Минино IV на р. Большой Юг, Кривец на нижней Суде (Кудряшов А.В., 1996а, с. 193; 1996б).

Кроме очагов в материковых ямах, на поселении в это время сооружались и наземные очаги в виде печей-каменок. Развалы таких очагов включали в себя лепную и круговую керамику, комья обожженной глины, кости животных. Они часто находились на песчаных подсыпках, в ряде случаев под ними обнаруживались плашки сгоревшего дерева. Очень часто такие очаги помещались поверх очагов в материковых ямах, отделяясь от последних песчаными и глинистыми прослойками. На отдельных участках нами прослежены наслоения трех-четырех ярусов подобных конструкций (раскопы 1, 7, 8).

В одной из построек размерами приблизительно 3,4 × 3,7 м, исследованной в раскопе 6 в 1993 г., обнаружены остатки глинобитной печи (рис. 7, *1*). Постройка, которая сохранилась частично, была ориентирована почти по сторонам света. От северной и западной стен остались небольшие канавки, нижний венец сруба, по всей видимости, был слегка заглублен в землю. Развал печи находился по центру постройки, он имел подпрямоугольную форму, его размеры составляли 1,2 × 0,9 м. Линза глины, содержащей углистые плахи, угли, песчаные прослойки, перекрывала небольшую яму глубиной 0,1–0,15 м. Внутри очага находились кость животного и фрагмент лепной керамики. В постройке обнаружены оселок, нож, глиняная льячка (рис. 2, *4*). Данное сооружение вполне могло быть ремесленной мастерской. Разнообразие конструкций очагов на Октябрьском мосту может объясняться сложным этническим составом жителей торгово-ремесленного центра, среди которых были и местные финно-угры и различные группы древнерусского населения. На поселении исследованы также чашевидные ямы диаметром 0,9–1,15 м, глубиной 0,25–0,4 м. Внутри этих ям находился черный углистый слой, содержащий очажные камни, кости животных, лепную и круговую керамику, отдельные вещевые находки. Семь таких ям находилось в раскопе 3, имелись они и на других участках поселения. На раскопе 3 эти ямы располагались на одной линии, между ними были промежутки в 3–3,5 м. Назначение этих ям пока не очень понятно, так как для столбовых ям они слишком большие, а следов поздних перекопов не обнаружено ни в одной из них. Вполне вероятно, они являлись элементами внутрижилищного интерьера в наземных постройках.

Наземные постройки возникали на месте предшествующих строений. Площадка для новой постройки выравнивалась, подсыпалась слоем песка мощностью 0,15–0,5 м, береговой склон нивелировался. Иногда для этой цели использовали камни-валуны, которые выкладывались поперек склона берега. Постройки размещались довольно близко друг от друга.

К концу XII в. печи-каменки вытесняют, в основном, очаги в материковых ямах. Печи в это время сооружались, вероятнее всего, на срубных подпечьях. На дно сруба в несколько слоев укладывались крупные куски бересты. На бересту укладывалась глиняная подушка и на ней сооружалась каменная конструкция печи. Такие печи существовали и в Новгороде и на Русском Севере – на Белоозере и на Луковце (Борисевич Г.В., 1982, с. 276; Голубева Л.А., 1973, с. 112, 113; Кудряшов А.В., 1996б). В 1989 г. в раскопе 1 было обнаружено несколько ярусов подобных печей-каменок. Керамика, обнаруженная здесь, была исключительно круговая. В это время сохранялись еще очаги в материковых ямах. Одна такая яма была обнаружена на стыке раскопов 2, 6, 7. Ее размеры 1,8 × 2,2 м, глубина до 0,5 м. Внутри ямы залегал черный и серый золистый слой. Стенки и дно ямы прокалены. В яме находились кости животных, круговая керамика, несколько развалов древнерусских сосудов. Рядом с ямой наблюдалось скопление керамики и индивидуальных находок. Здесь были найдены ножи, оселки, глазчатая буса, шаровидный бубенчик, перстнеобразное височное кольцо, глиняное и шиферные пряслица, овально-заостренное кресало и

другие вещи. Кое-где уцелели очаги в корытообразных ямах, они были небольших размеров и содержали круговую керамику.

Следует отметить, что поселение Октябрьский мост имело ряд черт, которые сближали его со средневековым городом. В первую очередь впечатляет большая площадь поселения. Октябрьский мост превосходит по размерам все известные поселения средней Шексны, за исключением Луковца. Размеры поселения были значительны уже в ранний, "финно-угорский" период его существования, лепная керамика встречена практически по всей площади поселения, наибольшая ее концентрация наблюдалась в центральной прибрежной части поселения, в раскопе 8, где она составляла 72,6% всего керамического комплекса. Здесь всегда существовало развитое ремесло. На памятнике, как уже сообщалось, обнаружены предметы вооружения – наконечники стрел разных типов, в том числе бронебойные, боевые ножи, фрагменты боевых топоров, вток от копья (рис. 3, *1–7*; 5, *16*, *17*). На Октябрьском мосту найдены привозные вещи, традиционно относимые к категории "городских" – бусы, стеклянные браслеты, шиферные пряслица. Здесь обнаружены изделия из янтаря, фрагмент стеклянного сосуда, замки и ключи разных типов. С поселения происходят монетные находки, подвеска-образок с изображением святого воина и шахматная фигурка (рис. 5, *1*; 6, *4*).

Вместе с тем, как уже отмечалось, наряду с ремеслом и торговлей для жителей Октябрьского моста во все времена важными занятиями были охота, рыбная ловля, разведение скота, не последнее место занимало и земледелие. Об этом свидетельствуют обнаруженные здесь фрагменты орудий уборки урожая.

Поселение прекратило свое существование скорее всего в XIV в. К числу поздних предметов, происходящих с памятника, можно отнести наборные костяные гребни типа К по новгородской классификации (рис. 6, *11*), керамическую бусину с поливой, очевидно, золотоордынского происхождения. Аналогичные бусы в Белоозере датировались Л.А. Голубевой XIII–XIV вв. (Голубева Л.А., 1973, с. 183, табл. 32). Наиболее поздним предметом, из обнаруженных на сегодня, является поворотный ключ к замку типа Ж по Б.А. Колчину. Замки и ключи такого типа распространялись в Новгороде в конце XIV–XV в. (Колчин Б.А., 1982, с. 161, рис. 3).

Подводя итоги исследований поселения Октябрьский мост, мы должны признать, что важным фактором возникновения поселения послужила международная пушная торговля. Ранние бусы IX–X вв. составляют 70% всех бус, обнаруженных на Октябрьском мосту. Найденные на поселении монеты – дирхемы были резаными, что свидетельствует об использовании их по прямому назначению – в качестве денег, а не украшений. Рядом с поселением, на землях деревни Панькино, был обнаружен клад восточных монет IX в. Кроме бус и серебра, на поселение в качестве товаров поступали янтарь, цветные металлы – сырье для ремесленников, стеклянная посуда, керамическая посуда, изготовленная на гончарном круге, орехи и другое. Таким образом, в начале своего существования поселение было финно-угорским центром пушной торговли, который располагался в устье р. Ягорбы, в местности Череповесь. Эта местность упоминается в сохранившихся документах XV в. (Акты..., 1958, акт 607, с. 65; акт 276, с. 186).

К XII в. Октябрьский мост превращается в древнерусский поселок, значительный по размерам, сохраняющий свой статус торгово-ремесленного центра. Поселение было одним из пунктов транзитной торговли. Здесь продолжают оседать привозные вещи: бусы, шиферные пряслица, булгарская посуда, амфоры южно-русского происхождения, некоторые ремесленные изделия. Октябрьский мост обеспечивает древнерусское население округи качественными ремесленными изделиями, необходимыми для земледельческого освоения берегов Шексны и ее притоков.

В XIII в. поселение было все еще значительным по размерам, хотя и потеряло свое значение крупного торга и ремесленного центра. Наибольшая концентрация круговой древнерусской глиняной посуды развитых форм наблюдается в западной части поселения Октябрьский мост. В раскопах 4 и 5 круговая посуда составляет 85–92%

всей обнаруженной керамики. Основными занятиями его жителей, по всей видимости, в это время являются земледелие, скотоводство, рыбная ловля. Последняя становится одним из основных промыслов жителей округи в устье Ягорбы, недаром в XV–XVI вв. многие шекснинские волости становятся "езовыми", а рыба ценных пород новым местным товаром (Писцовая книга, 1984). XIV в. – время запустения Октябрьского моста. Вещевых находок этого времени относительно немного, поселение окончательно превращается в рядовое селище. Рядом развиваются новые земледельческие центры – результат изменения структуры хозяйства у населения бассейна Шексны. Непосредственной причиной прекращения существования поселения могут быть эпидемии чумы 1352, 1363–1364 гг., после которых заброшенными оказались многие центры на Шексне, в том числе и древнее Белоозеро (ПСРЛ, 1965, т. 10, с. 224; т. 11, с. 3). Новым местом концентрации населения округи после эпидемий становится Череповский Воскресенский монастырь, появившийся во второй половине XIV в. в устье р. Ягорбы.

Несмотря на значительный объем работ, проведенных на Октябрьском мосту, на сегодняшний день здесь исследовано всего около 3% уцелевшей площади памятника, поэтому некоторые выводы носят предварительный характер. Дальнейшие исследования поселения позволят решить вопросы, связанные с уточнением нижней даты его существования, с динамикой его функционирования, с этническим составом его жителей на разных этапах существования. Изучение памятника поможет решить важные проблемы, связанные с историей дославянского населения Шексны, с процессом древнерусского освоения бассейна Шексны и всего Русского Севера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в., 1958. Т. II. М.

Башенькин А.Н., 1983. Работы в бассейне Шексны // АО-1981.

Борисевич Г.В., 1982. Хоромное зодчество Новгорода // 50 лет раскопок Новгорода. М.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская Весь (по материалам поселения Крутик. IX–X вв.). Петрозаводск.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // 50 лет раскопок в Новгороде. М.

Кудряшов А.В., 1992. Средневековые памятники Шексны // Новгород и новгородская земля. Вып. 5. Новгород.

Кудряшов А.В., 1996а. Поселение и могильник Кривец на нижней Суде // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда.

Кудряшов А.В., 1996б. Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о раскопках поселений Минино IV и Луковец в Череповецком районе и о разведках в Череповецком, Шекснинском, Белозерском районах Вологодской области в 1996 г. // Архив ИА РАН.

Львова З.А., 1968. Стеклянные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 10.

Макаров Н.А., 1983. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волго-Шекснинского района // КСИА. Вып. 175.

Макаров Н.А., 1990. Лепная керамика восточного Прионежья IX–XIII вв. // КСИА. Вып. 196.

Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 г., 1984. М.; Л. ПСРЛ. 1965. Р. 10, 11.

Равдина Т.В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.

Музей археологии Череповецкого
музейного объединения, Череповец

A.V. KUDRYASHOV

THE MEDIEVAL SETTLEMENT OF OKTYABR'SKY MOST ON THE SHEKSNA RIVER

Summary

The Sheksna river was one of the most important water-routes in North Russia in the Middle Ages. In the 20th century the river underwent catastrophic changes as a result of construction of Rybinsk and Sheksna reservoirs. Numerous sites disappeared and were disturbed, thus reducing evidences for the investigations of historical processes in the region. The settlement of Oktyabr'sky most is a rare example of well-preserved significant centres with long-lasting cultural records, dated to the Middle Ages. In the course of four field seasons ca. 1000 sq. m were excavated; around 600 artefacts were found, more than 48 thousand pot-sherds and 3,5 thousand animal bones. A number of buildings and various constructions were studied. The settlement functioned from the turn of the 9th and 10th up to the 14th centuries. Initially the site represented a large Finno-Ugrian trading and manufacturing centre, it participated actively in furs exchange. In the 11th century the population of the site became polyethnic. By early 12th century the settlement was occupied by ancient Russian population, its status of trading and manufacturing centre being preserved. The settlement of Oktyabr'sky most had some features in common with medieval Russian cities. In the 13th–14th centuries the site changed into a common settlement as a result of economic changes and reduced resources of furs-hunting in the region of Beloozero.

М.Б. МЕДНИКОВА

СКАЛЬПИРОВАНИЕ НА ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Слово scalp, schelpe, scallop и т.д. еще в средневековье имело в европейских языках (английском, немецком, скандинавских) иное значение: чаша (в том числе, череп или раковина моллюска), а также обозначало ножны меча[1]. В современном понимании скальпирование представляет собой удаление кожи вместе с волосами с головы живого или умершего человека. Термин распространился с 1657 г. после заселения колонистами Северо-Американского континента (Dieck A., 1969, S. 360). Миссионеры и переселенцы писали о необычайной кровожадности индейцев, не подозревая, что прошлое некоторых европейских и азиатских народов хранит не менее зловещие тайны.

По-видимому, первое письменное упоминание обряда скальпирования принадлежит Геродоту: "(Скиф) головы всех убитых им в сражении относит к царю, потому что принесший голову получает долю своей законной добычи, а не принесший не получает. С головы он сдирает кожу следующим образом: вокруг головы около ушей делает надрез, потом берет голову в руки и вытряхивает ее из кожи, затем, очистив кожу от мяса при помощи бычьего ребра, он мнет ее руками, и, выдубив ее, держит у себя в виде утиральника, привязывает к узде коня, на котором сам ездит, и гордится этим, так как тот, кто имеет наибольшее количество кожаных утиральников, считается самым доблестным мужем. Многие скифы из содранных кож делают себе плащи, сшивая их как козьи шкурки" (Herod VI, 64).

Цитата "первого историка" поразительным образом перекликается с некоторыми фольклорными источниками. Еще 100 лет назад выдающийся исследователь древностей Кавказа В. Миллер записал и опубликовал с научными комментариями фрагменты осетинского эпоса о нартах:

"На Хазмийском поле, за Черным морем, живет Куцыков сын Елтаган: у него головная кожа золотая; если ты силен, Созрыко, то убей Елтагана, сдери у него головную кожу, принеси ее и из нее сделай воротник для шубы" (Миллер В., 1881, с. 31).

"Мы скроили Созрыко шубу из головных кож наших отцов, из усов наших братьев и головных кож наших мужей"...

"Ты хороший муж, Муккара", – сказал Созрыко, "и не хочется мне отрубить у тебя голову". Он содрал ему головную кожу и положил ему (на голову) зелье. На голове Муккары выросла новая кожа и он остался здоров. Затем Созрыко эту кожу домой принес, а те молодухи и девушки сшили из нее воротник его шубе" (Миллер В., 1881, с. 35).

Очевидно, что мотив подобных действий – не просто военная традиция, а ритуал, в основе которого лежит архетипическое представление о том, что некоторые части тела имеют магическую силу.

Архетип веры в волшебную силу волос нашел выражение в библейской истории о Самсоне и Далиле.

Э.Б. Тэйлор (Художественная культура..., 1994, с. 270) особенно подчеркивал стойкую веру многих народов в магическую силу волос и ногтей. Не только австралийцы,

---

[1] Использование черепа как чаши, по-видимому, было характерно для самых разных народов, в том числе для скифов (Herod, IV, 65) или хунну (Бичурин Н.Я., 1950, с. 92).

© М.Б. Медникова, 2000 г.

полинезийцы и народы Гвинеи живут в смертельном страхе перед зловредным магическим искусством. Любопытно, что шаманам тлинкитов Северо-Западного побережья Американского континента запрещалось расчесывать волосы (Laguna de F., 1988, p. 273). Парсы имеют священные обряды погребения волос и ногтей, чтобы демоны и колдуны не могли причинить вред их хозяину. Боязнь выбрасывать обрезки волос и ногтей не искоренена и в Европе. "Ясновидящий" чувствует впечатления от удаленного от него человека, если имеет его клочок волос (Художественная культура..., 1994, с. 270).

В этом контексте скальпирование как операция по удалению волос и тем более кожи с головы, по-видимому, обладала очень мощным магическим потенциалом. Решению вопроса о масштабах скальпирования должно способствовать комплексное рассмотрение письменных, фольклорных, археологических и палеоантропологических источников.

Перечень письменных свидетельств скальпирования на территории Евразии

1. Около 450 г. до н.э. Южно-Русские степи. Скифы скальпируют побежденных врагов. Скальпы используются как украшение упряжи или из них шьют военные плащи. Военная традиция. Herod IV, 64.

2. 168 г. до н.э. Израиль. Мученическая смерть второго брата семи братьев и их матери. Мученичество. 2. Макк. 7,7.

3.101 г. до н.э. Верхняя Италия. Римляне в битве при Верцеллах скальпируют кимвров. Военная традиция. Orosius V, 16.

4. Около 900 г. н.э. Центральновосточная Европа. Священник Оддар скальпирован славянами (скальп вырезан в виде креста). Надругательство? Ритуальное действо? Адам Бременский II, 41.

5. До 1035 г. Дания, Англия, Норвегия. Согласно англо-сакским законам пойманный вторично вор должен быть скальпирован. О значении этого наказания свидетельствует тот факт, что за более легкие преступления отрубали руки и ноги. Казнь. Lex Chnuthi II, 30.

6. 1120 г. Ливан. Франкский врач в стане крестоносцев проводит операцию для лечения женщины в лихорадочном состоянии: крестообразно надрезает и частично удаляет кожу головы. "Медицинское" вмешательство. Отголосок древних ритуалов? Ussama ibn Mundikh.

7. 1159 г. Верхняя Италия. Бертольд фон Урлах оскальпирован своими победителями при осаде Кремы. Военная традиция. Heinrici 134.

8. 1220 г. Северная Германия. Пойманный за незначительную провинность вор приговаривается к штрафу лишением головной кожи и волос ("zu hute unde ze hare") или к уплате трех шиллингов. Казнь. Саксонское Зеркало (Sachsenspiegel) II, 13. (3–8 цит. по: Dieck A., 1969, S. 369, 370).

9. По-видимому, наиболее позднее документально подтвержденное свидетельство скальпирования относится к 1933 г. Советская колонизация и раскулачивание, проводившиеся среди коренного населения Западной Сибири без учета культурных и религиозных традиций, сопровождались сопротивлением самоедов и остяков. Одним из трагических эпизодов этого противостояния было убийство пяти представителей советской бригады в Казыме, обрамленное ритуальными действиями. Рассказы очевидцев событий в Казымской тундре были прокомментированы этнографом А.В. Головневым. Удалившись от самоедских чумов на расстояние собачьего лая, участники церемонии направились к высокой сопке. Объехав ее вокруг, остановились, а нарты, на которых лежали связанные русские, завели на сопку, там стащили связанных с нарт и раздели. По А.В. Головневу (1995, с. 175, 176), объезд сопки имел несомненное ритуальное значение, поскольку с этого начинается любой обряд на святилище. Пленных задушили веревками (как это обычно делается с жертвенными оленями), все убитые были скальпированы.

В системе религиозных ценностей самодийцев и угров войне сопутствовала вредоносная магия. Так, "чтобы доставить себе больше славы, а врагам унижения, победители (остяки) имели обыкновение снимать с них головную кожу (*ух-сох*)... По их понятиям, душа человека, лишенного скальпа, окончательно умирала... Уважение к князю росло по мере накопления у него неприятельских скальпов... Скальпирование врагов известно и у манси. Остяцкие богатыри давали клятву о ненападении, обещая "а если кто из них нарушит эту клятву, то пусть с него сдерут его радужно отливающую головную кожу" (Головнев А.В., 1995, с. 152, 153). Показательно, что разные источники указывают на бытование среди иртышских остяков и васюганских хантов ритуального каннибализма. Съесть сердце поверженного врага – значило не столько отомстить, сколько унаследовать его силу (Головнев А.В., 1995, с. 153).

Несмотря на свидетельства историков и этнографов о распространении обряда скальпирования среди некоторых народов Евразийского континента, археологические и антропологические работы на эту тему весьма малочисленны. По-видимому, наибольший интерес к этому явлению был проявлен в 1960-х годах (Клейн Л.С., 1961; Dieck A., 1969).

Список фактических свидетельств скальпирования на территории Евразии открывают находки из Скандинавии.

1. Ранний неолит (Дания А). Дания. Дирхольмен. Скальпированная голова, искусственные разрушения посткраниального скелета из болота у Рандерс. Скальп был снят после циркулярного надреза, произведенного, по-видимому, кремневым ножом. Датский исследователь интерпретировал данную находку как свидетельство каннибализма, так как длинные кости этого индивидуума демонстрировали многочисленные следы разрубов и надрезов (Klindt-Jensen O., 1962). Каннибализм? Военная традиция? Жертвоприношение?

2. 2180 ± 130 лет до н.э. (цит. по: Dieck A., 1969, S. 361); 4870 CAL BP + 50–40 лет (During E., 1993, p. 44). Южная Швеция. Альвастра. Об этом первом в Евразии древнем черепе со следами скальпирования сообщили в 1919 г. шведские исследователи O. Frödin и C.M. Fürst (Dieck A., 1969, S. 360, Taf. 29). На черепе приблизительно двадцатилетнего мужчины, найденном в заболоченной местности при раскопках неолитического свайного поселения культуры одиночных погребений Альвастра, замечены надрезы. При черепе находился атлант, зубовидный отросток эпистрофея и нижняя челюсть. Это означало, что, по-видимому, процедура скальпирования последовала после отсечения головы между первым и вторым шейными позвонками.

На лобной кости, на высоте лобных бугров (*Tubera frontalia*) посередине между точками *nasion* и *bregma*, наблюдается целый ряд линейных надрезов, идущих в направлении к височным линиям (*Lineae temporales*) на одинаковой высоте с обеих сторон. Общее направление надрезов – в единой плоскости, т.е. не является волно- или зигзагообразным. Наиболее глубоки эти надрезы с левой стороны, где они пересекают место прикрепления височной мышцы (*Linea temporalis*). Края острые и свидетельствуют о том, что разрезание производилось острым, тонко режущим ножом на костях еще живого или недавно скончавшегося человека (цит. по: Dieck A., 1969, S. 361). Кроме того, первые исследователи черепа из Альвастры предположили, что человек, производивший скальпирование, был правшой: надрезы начинаются слева, где они глубже. Военная традиция? Жертвоприношение?

3. Эпоха бронзы. Северное Приазовье, долина р. Молочной. Катакомбная культура. I курганная группа у совхоза "Аккермень". Курган 14, погребение 1. Мужчина (*maturus*). На лобной кости – "след сильного рубящего удара, проломившего кость". Возле позвоночника, между позвонками и ребрами справа – кремневый наконечник стрелы. Теменная и затылочная кости "целиком залиты толстым слоем смолы, образующим плотную корку толщиною 2–3 мм" (Вязьмітіна М.Г. и др., 1960, с. 62). По определению антропологов В.П. Якимова и Т.С. Кондукторовой (цит. по: Клейн Л.С., 1961, с. 108) следов режущих орудий на черепе нет (№ 9477 из коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ).

Курганная группа II. Курган 20, погребение 1. Скелет взрослого (пол не определен) и ребенка. Под черепом взрослого сохранился тонкий слой смолы толщиной не более 1–2 мм. На смоле четко отпечатались волосы (Вязьмітіна и др., 1960, с. 126, 127). В интерпретации Л.С. Клейна (1961, с. 105–109), имело место посмертное возвращение отвоеванного скальпа соплеменнику, погибшему от рук врагов. Новые данные о погребальных ритуалах, свойственных некоторым локальным вариантам катакомбной культуры, заставляют по-другому взглянуть на материалы из Северного Приазовья. Так, установлено, что чрезвычайно широкое распространение у племен катакомбной общности имел обряд моделировки лица по черепу, т.е. наложение глиняной массы на очищенный от мягких тканей череп. Находки носят массовый характер и позволяют очертить ареал обряда в пределах Днепропетровской, Запорожской, Херсонской, Николаевской, а также на юге Донецкой областей и в Степном Крыму (Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., 1991, с. 59, 60). Везде моделированные черепа обнаружены в катакомбах с круглыми входными ямами и овальными, вплоть до круглых, камерами. Положение скелетов – вытянутое, встречаются и расчлененные скелеты. Сопровождающий инвентарь и обряд погребения указывают, что данные комплексы близки так называемой ингульской катакомбной культуре. Наиболее крупный очаг моделирования черепов выявлен в Токмакском районе Запорожской области (Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., 1991, с. 59–84). Для обряда характерна поливариантность. По-видимому, голова не всегда отделялась от посткраниального скелета, который в ряде случаев очищался от тканей целиком. Состав массы, который обмазывался череп, различался – глина, смешанная с охрой, простая глина, землистая масса с примесью пепла и уголь, смола.

4. Эпоха бронзы. Северный Кавказ. Калиновская курганная группа на севере Александровского района Ставропольского края в ландшафтной зоне Прикалаусских высот, северной части Ставропольской возвышенности, близ с. Грушевского. Культурный круг поздних катакомбников – ранних срубников. Около XV в. до н.э.[2] В 1982 г. Александровским отрядом Ставропольской экспедиции Института археологии РАН исследован курган 4. К сожалению, впоследствии палеоантропологические материалы из этих раскопок были утрачены. Поэтому знакомство с находкой возможно только по архивным данным (Дервиз П.Г. и др., 1982, с. 75, 76, рис. 190–193). На дне ямы, по центру кургана находился скелет мужчины 45–55 лет, останки которого были положены на левом боку в скорченном положении (половозрастное определение антрополога Г.П. Романовой). При снятии черепа с места обнаружилось, что левая сторона черепа и нижней челюсти сильно разрушены. Срез кости неровный, ломаный, что было отчетливо видно на фрагменте нижней челюсти. На месте снятого черепа не было остатков истлевших или сгнивших костей, и это привело авторов раскопок к заключению об отсечении левой половины головы. Значительно нарушена и целостность правой теменной кости. В центрально-задней части правой теменной прослеживалось обширное сквозное отверстие неправильной четырехугольной (согласно отчету о раскопках, овальной) формы. Сделать сейчас заключение о его происхождении затруднительно, поскольку даже на фотографии видно, какой сильной эрозии подверглись края отверстия. Однако особый интерес представляют следы надрезов, произведенных в центрально-боковой части теменной кости, образующих композицию из нерегулярных косых клеток. Надрезы выполнены острым орудием в виде пересекающихся линий, образующих различные геометрические фигуры от почти ровных квадратов до неправильных прямоугольников и треугольников (рис. 1, 2).

Однозначно интерпретировать подобную исчерченность как признак скальпирования сложно. Возможно, появление надрезов связано с возникновением отверстия. Процедура, сопутствующая трепанированию? Погребальный обряд? Военная традиция?

---

[2] Я очень благодарна Ю.А. Смирнову, обратившему мое внимание на этот случай, и автору раскопок П.Г. Дервизу за устное сообщение.

Рис. 1. Мужской череп из Калиновского кургана № 4. Общий вид

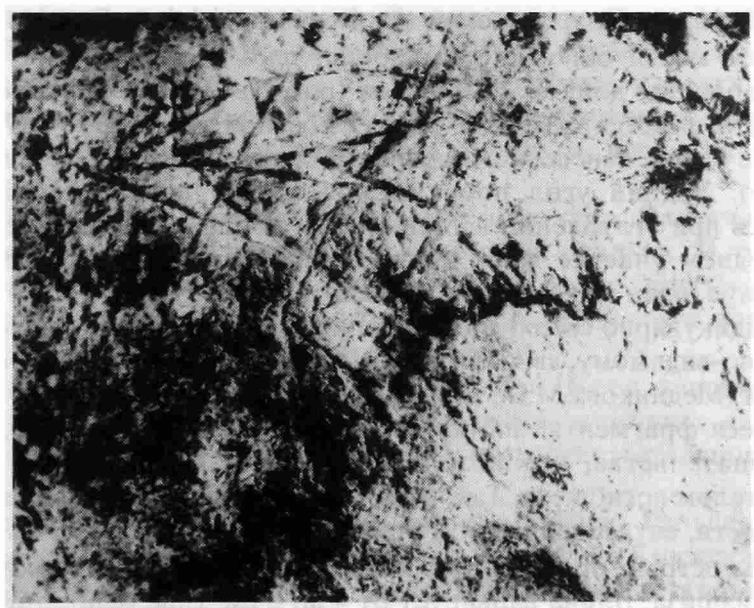


Рис. 2. Следы надрезов на черепе из Калиновского кургана

5. Эпоха бронзы. Абашевская культура. Пепкинский курган, центральное погребение. Датируется приблизительно XVII в. до н.э. (Евтюхова О.Н, 1963, с. 139–141). Коллективное захоронение 27 индивидуумов. Недавнее повторное обследование скелетных останков подтвердило вынесенное ранее суждение о гибели людей, похороненных в кургане, в военном столкновении. Удалось детализировать картину обращения с телами погибших. Следы присмертного трепанирования, скальпирования, посмертное извлечение костных фрагментов для изготовления амулетов и, наконец, возможные признаки посмертных манипуляций на костях конечностей свидетельствуют о сложном обряде, сопровождавшем погребение этой группы.

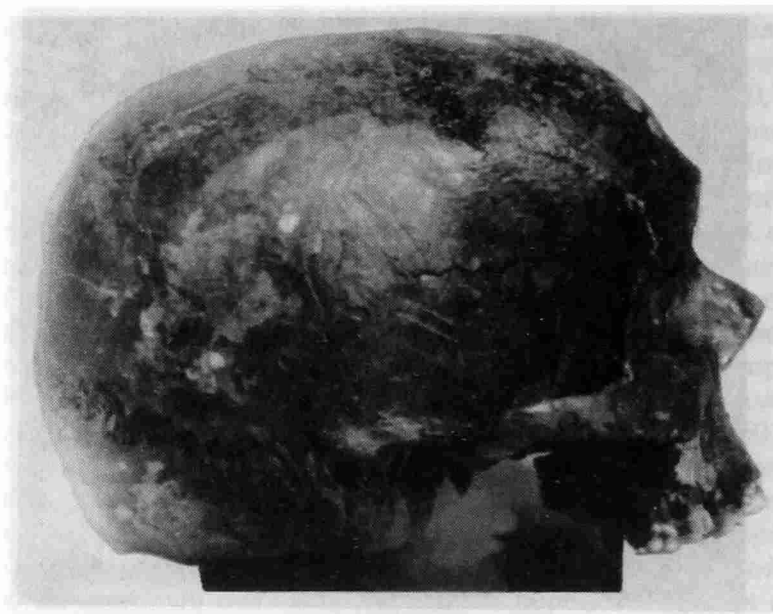


Рис. 3. Надрезы на черепе погребенного № 12, Пепкинский курган

Признаки возможного скальпирования присутствуют на двух черепах (Медникова М.Б., Лебединская Г.В., 1999, с. 255).

Погребенный № 12. Пол: мужской (?). Возраст: *adultus*. В верхней части чешуи правой височной кости обнаружены параллельно идущие следы надреза острым предметом – царапины длиной 17 и 18 мм (рис. 3). Ранее отмечалось, что в левой височной области имеется сквозной дефект костной ткани (54 × 39 мм). Отверстие появилось после удара, нанесенного рубящим орудием с узким лезвием клиновидной формы (топор). Задний угол повреждения имеет четкую П-образную форму, образовавшуюся при углублении в ткань пятки топора. Следы скольжения острого лезвия на переднем участке дают право предполагать, что пострадавшему было нанесено два удара, один из которых был направлен косо сверху вниз и спереди назад, другой – перпендикулярно сверху вниз" (Халиков А.Х. и др., 1966, с. 45). Задняя часть верхнего края, по-видимому, свидетельствует о применении острого ножа для расширения отверстия (Медникова М.Б., Лебединская Г.В., 1999).

Сохранившиеся фрагменты посткраниального скелета также несут следы искусственного вмешательства, что позволило нам поставить вопрос о возможности манипуляций с телом погибшего. Так, на поверхности диафиза левой плечевой кости в центре бугристости, служащей местом прикрепления трицепса (*m. triceps brachii*), две насечки сделаны острым орудием. Две параллельно идущие насечки наблюдаются в нижней части диафиза. Длина варьирует от 4 до 6 см. Еще одно старое повреждение было найдено на латеральной поверхности седалищной кости в 7 мм от наружного края (ориентировано вертикально, 6 мм длиной).

Погребенный № 26. Пол: мужской. Возраст: *adultus*. На первой лобной кости, начинаясь у височной линии (*linea temporalis*), одна над другой располагаются горизонтально ориентированные тонкие надрезы, сделанные острым орудием (рис. 4). Протяженность верхнего надреза – 14 мм, нижнего – 21 мм. Следы заживления отсутствуют. Военная традиция? Особенность погребального обряда? Ритуальный каннибализм?

7. Наиболее бесспорное доказательство практики скальпирования у племен скифского круга было найдено при раскопках на Алтае. Останки вождя из второго Пазырыкского кургана прекрасно сохранились в условиях вечной мерзлоты, но кожа была только на лице, череп же до шеи был обнажен. По мнению С.И. Руденко,

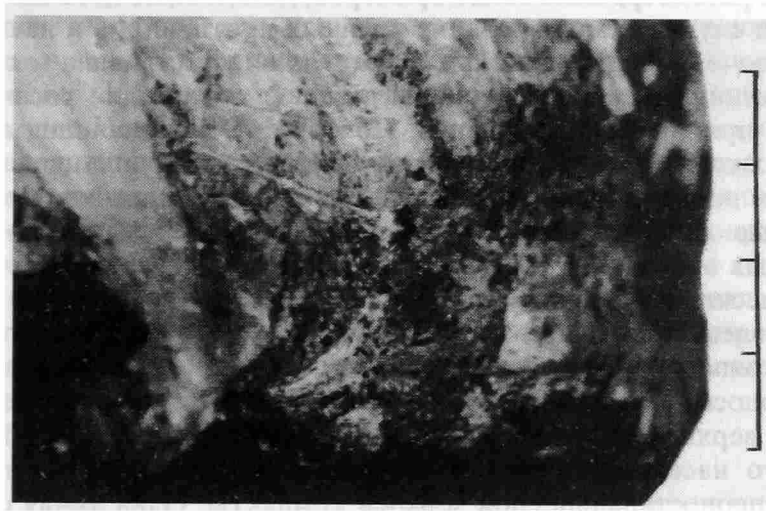


Рис. 4. Надрезы на черепе погребенного № 26, Пепкинский курган

находка служит яркой иллюстрацией военных обычаев (Руденко С.И., 1953, с. 264, табл. XVIII). Учитывая, что тело умершего подверглось мумификации, можно также предположить, что в данном случае кожа удалена при бальзамировании.

8. "Начало римского железного века", "позднекельтский период" (Dieck A., 1969, S. 363). Дания. Борремозе. Природные условия Швеции, Дании, северной Германии способствовали развитию так называемой "болотной археологии" (Dieck A., 1972). Обнаружение в болотистой местности человеческих останков – достаточно распространенное явление. Однако особое значение подобные находки приобретают благодаря своей сохранности, поскольку компоненты окружающей среды оказывают консервирующее воздействие на органические вещества, в том числе на кожу и волосы человека.

Старая женщина из Борремозе была убита ударом в лицо. Частичное отсутствие кожных покровов головы свидетельствовало о снятии скальпа. В том же болоте найдены другие человеческие останки и сосуды, в том числе "серебряный котел из Гундеструп". По мнению некоторых ученых (Dieck A., 1969), эти предметы могли быть частью жертвенного клада. Жертвоприношение?

9. "Ранний римский железный век". Дания. Странди. Череп женщины со следами надрезов лежал между двумя камнями вместе с черепом мужчины, двумя черепами овцы или козы. Основание мужского черепа несет следы искусственного разрушения (Dieck A., 1969, S. 363). Жертвоприношение?

10. Ранее средневековье. IX в. Славяне. Остров Рюген. Ральсвик. Находка в болотистой местности 48 скелетов (10 детских, 10 женских, 12 мужских, 16 – пол не определен – Lux B., 1994, p. 36, tab. 2). На черепах; длинных костях и в вентральной плоскости грудных позвонков (!) следы многократных разрезов и разрубов. Многочисленные случаи разрушения эпифизарной части длинных костей. Немецкий антрополог Х. Уллрих, придерживающийся точки зрения о ритуальном характере прослеживаемых изменений, любезно предоставил автору данной статьи возможность ознакомиться с экспонатами Ральсвикской коллекции. Представляется убедительным мнение о предсмертном или даже посмертном характере многих надрезов. Жертвоприношение? Ритуальный каннибализм?

11. Средневековье (?) Северная Германия. Болото Вене близ г. Ольденбург в Шлезвиг-Голштинии. Находка останков мужчины, скальп которого был повешен ему на шею (Dieck A., 1969). Казнь?

12. Средневековье (?) Центральная Германия. Дризен. Находка двух оскальпированных мужчин. Кожа, снятая со спины и с головы, в руках умерших (Dieck A., 1969). Казнь?

Как видно из рассмотренных выше примеров, письменные источники, как правило, регистрировали случаи скальпирования военных противников и наказания преступников. Не исключено, что в подобных действиях присутствовала магическая составляющая. Антропологические материалы дают основание для расширения спектра интерпретаций причин скальпирования. Почти все черепа со следами надрезов находят при обстоятельствах, подтверждающих насильственную смерть, что в принципе может служить подтверждением гипотезы скальпирования жертв войны. Однако часто необычные обстоятельства находок или следы других манипуляций с останками скальпированных наводят на мысль о бытовании человеческих жертвоприношений или о специфических особенностях погребального обряда.

Отдельное явление, по-видимому, представляют собой свидетельства о прижизненном удалении кожи с верхней части головы, как, например, упоминавшаяся операция в войске крестоносцев. Подобная практика могла иметь очень древние корни.

Так, надрез верхней части свода черепа в форме буквы T или L встречается у неолитического населения Европы. Процедура затрагивала не только кожные покровы, но и периостальный слой верхней компакты. Одна линия следовала вдоль стреловидного шва в переднезаднем направлении, другая была ориентирована строго под прямым углом к ней. Как сообщает Ф. Лисовски (Lisovski F.P., 1967, p. 669), большинство случаев подобной операции встречено у женщин. Он цитирует любопытное замечание С. Пиготта, усмотревшего определенную семантическую связь между неолитической традицией и выбриванием тонзуры. Примеры T-образных надрезов немногочисленны по сравнению с "истинными" трепанациями. Большинство находок сконцентрировано к северу от Парижа в департаментах Сены и Уазы. Г. Обермайер (1913, с. 596), говоря о возможном значении T-образного рубцевания свода черепа, упоминал врачевание, посвящение в должность, символ общины, украшение. Ф. Грон (Gron F., 1908) полагал, что создание геометрических фигур на теменных костях, могло быть знаком траура, наказания или украшением.

По мнению автора настоящей работы, феномен T-sincipitale несомненно относится к тому же семантическому ряду, что и символические трепанации, и скальпирование.

Большой интерес вызывают работы новосибирских антропологов, открывших точечную деформацию черепов, в результате которой на своде мозговой капсулы образуются геометрически правильные фигуры.

Описана точечная деформация черепа из афанасьевского могильника Саргов Улус в Минусинской котловине и в неолитическом погребении на Алтае (Шпакова Е.Г., 1996, с. 257–259). Здесь точечная деформация вполне соответствует по своим проявлениям символической, т.е. не доведенной до сквозной перформации трепанации. Детально описаны точечные деформации в дальневосточной краниологической серии из Бойсмана-2, датируемой VI–V тыс. до н.э. (Попов А.Н. и др., 1997, с. 59–66). Исследователи отмечают, что появление симметричных локальных понижений уровня наружной костной пластинки было связано с давлением стягивающих повязок и накладок из дерева, кости и камня. Механизм воздействия на череп в этом случае, разумеется, иной, чем при T-образном рубцевании, он не связан с разрезанием кожных покровов и нарушением периостального слоя. Однако, если учесть западные тенденции "направленного скальпирования" с целью создания геометрических узоров на своде, можно предположить, что эффект от ношения сложного головного убора не был случайным.

Итак, древние письменные источники и мифы отчасти согласуются с археологическими источниками. Эти данные свидетельствуют о существовании нескольких локальных центров скальпирования на Евразийском континенте. Один из древнейших центров локализован на территории Скандинавии (неолит, ранний железный век) и связан, по-видимому, с распространением человеческих жертвоприношений и ритуального каннибализма. Возможно, ареал данной традиции был значительно шире, доходя до лесостепной полосы европейской части России. Другие находки группируются в юго-западной части степной полосы Евразии. В эпоху бронзы они отражают скорее

всего погребальный обряд, распространенный среди некоторых племен катакомбной культуры. В раннем железном веке есть основания предполагать бытование военной традиции скальпирования среди населения скифского круга. Еще один очаг ритуального и военного (?) скальпирования соотносится с некоторыми локальными группами обитателей Центральной Европы, в том числе западных славян, в раннем средневековье входивших в циркумбалтийский регион культурных контактов. О распространении подобного обряда у раннесредневековых германцев свидетельствуют письменные источники, позднее древние ритуалы закрепляются в правовых актах и служат поддержанию закона.

Иная традиция, возможно, опирающаяся на сходные представления об особой роли некоторых частей тела, побуждала самые разные народы маркировать верхнюю часть головы, меняя свою внешность, в том числе частичным удалением волос, кожи, травмированием костной поверхности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. М.; Л.

Вязьмітіна М.І., Іллінська В.А., Е.Ф. Покровьска, О.І. Тереножкін, Ковпаненко Г.І., 1960. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу "Аккермень" // Археологіческі пам'ятки УРСР. Т. VIII. Київ.

Головнев А.В., 1995. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург.

Дервиз П.Г., Мирошина Т.В., Мишина Т.Н., 1982. Отчет о работах Александровского отряда Ставропольской новостроечной экспедиции. Института археологии АН СССР в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р–1. 11525.

Евтюхова О.Н., 1963. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья // Новое в советской археологии. М.

Клейн Л.С., 1961. Черепа, покрытые смолой, в погребениях эпохи бронзы // СЭ. № 2.

Медникова М.Б., Лебединская Г.В., 1999. Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребения // Погребальный обряд: реконструкция и интепретация древних идеологических представлений. М.

Миллер В., 1881. Осетинские этюды. Ч. 1. Осетинские тексты. М.

Обермайер Г., 1913. Доисторический человек. СПб.

Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., 1991. Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г., 1997. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). Новосибирск.

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. Пепкинский курган. (Абашевский человек). Йошкар-Ола.

Художественная культура первобытного общества, 1994 // Мировая художественная культура. Т. 1. СПб.

Шпакова Е.Г., 1996. Точечная деформация и особенности ее проявления // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Материалы IV годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.

Dieck A., 1969. Archäologische Belege für den Brauch des Skalpierens in Europa // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. B. 4. (Hrsg. H. Jankuhn). Göttingen.

Dieck A., 1972. Moorleichen // Schätze der Urgeschichte aus dem Niedersachsischen Landesmuseum Hannover. Göttingen.

During E., 1993. Surface Studies of Cut Marks on a Neolithic Cranium from Sweden // Populations of the Nordic Countries. Human Population Biology from the Present to the Mesolithic. University of Lund. Institute of Archaeology. Report series. № 46.

Gron F., 1908. Altnordische Heilkunde // Janus. 13.

Klindt-Jensen O., 1962. Danemark before the Vikings. Copenhagen.

Laguna de F., 1988. Potlatch Ceremonialism on the Northwest Coast // Crossroads of Continents. Cultures of Siberia and Alaska. Washington.

Lisowski F.P., 1967. Prehistoric and Early Historic Trepanation // Diseases in Antiquity.

Lux B., 1994. Cult or conflict? The human bones from the area of the sea trade town Ralswiek on the isle of Rugen (8th to 10th c.) // Homo. V. 45/1.

Институт археологии РАН, Москва

M.B. MEDNIKOVA

SCALPING IN EURASIA

Summary

In the article the evidences of scalping in Eurasia on the data of ethnology, history, archaeology and palaeoanthropology are discussed. The information of ancient written sources and myths partly coincide with archaeological material. The data testify the existence of several geographical centres of scalping withnin Eurasian continent. One of the earliest centres is identified in Scandinavia (the Neolithic; the Early Iron Age); it was probably connected with practice of human sacrificing and ritual cannibalism. Apparently, the area of this tradition was once much wider, reaching even forest-steppe zone of European Russia. Another group is outlined in south-western part of Eurasian steppes. Regarded within the Bronze Age the finds in question reflect, most probably, burial rite practised by some tribes of catacomb culture. As for the Iron Age, one can presume military tradition of scalping among the population of Scythian circle. One more centre of ritual and military (?) scalping is connected with some local groups of Central European population, including the west Slavs. The latter in the early Middle Ages entered the Circumbaltic region of cultural contacts. Similar rite practised by the Germans in early Medieval period is evidenced by written sources; later ancient rituals were confirmed in legislative acts and served for law maintenance. Another tradition inspired, possibly, by similar ideas on a specific role of some parts of human body forced different peoples to mark the upper part of the head thus changing one's appearance. Such modes are observed as partial hair or skin removing and injuring bone surface.

Публикации

Ф.М. ЗАВЕРНЯЕВ

ОСТАТКИ ЖИЛИЩНО-БЫТОВОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА НА ХОТЫЛЕВСКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ

Судя по геоморфологическим данным, Хотылевское верхнепалеолитическое поселение было основано на горизонтальной площадке, окруженной еще в древности с нескольких сторон склонами неглубоких балок.

Несмотря на то что за 11 лет на стоянке вскрыто и исследовано 554 м^2, нам не удалось установить общую планировку древнего поселения. Его северная сторона была разрушена при образовании деснинского склона, восточная – при образовании бокового оврага. Западная сторона еще не полностью раскопана и, видимо, тоже в значительной мере окажется разрушенной. Южная сторона, хотя и может считаться окраиной данного комплекса, однако культурный слой здесь еще не исчерпан полностью (рис. 1, 2).

Если взглянуть на сводный план всей раскопанной площади (рис. 3), можно заметить, что почти всю ее центральную часть занимало скопление всевозможных ям, костных выкладок и несколько больших и малых зольников, образовавших нечто вроде более или менее правильного круга или короткого овала, отдаленно напоминающего остатки основания и внутреннего интерьера большого жилища или, точнее, жилой площадки.

Хотя и такая интерпретация этого скопления не исключена, однако более внимательное изучение этого крупного строительного комплекса показывает, что он распадается на ряд самостоятельных, как будто обособленных, участков. Изучение их назначения и взаимосвязи не дает оснований для определения этой площадки как единого целостного жилища.

Хотылевский комплекс значительно отличается от площадок других синхронных стоянок. Здесь нет очень крупных костей, из которых выкладывались мощные основания округлых жилищ и хозяйственных построек, большая скученность ям и мелких костных выкладок. В основном остеологический материал, использовавшийся как строительный, представлен костями полувзрослых и совсем молоденьких мамонтов, причем большинство костей разбито.

После ухода людей происходило длительное разрушение оставленных конструкций, проседание грунта, мерзлотные деформации, смещение находок с мест своего первоначального нахождения, распад костных выкладок и смешение с бросовым материалом, отчего они теряли свою изначальную форму.

В некоторых случаях восстановлению более точной планировки мешают следы перестроек.

Значительный интерес для выяснения назначения и форм отдельных конструкций на этой площадке представляют искусственные ямы, заполненные костями, костным углем, золой, кремневым материалом. Местами кости вкапывались и забивались в грунт. Но большинство таких ям сохранилось фрагментарно. Не всегда ясно их назначение, неясно также, имели ли они бесспорно искусственное происхождение.

© Ф.М. Заверняев, 2000 г.

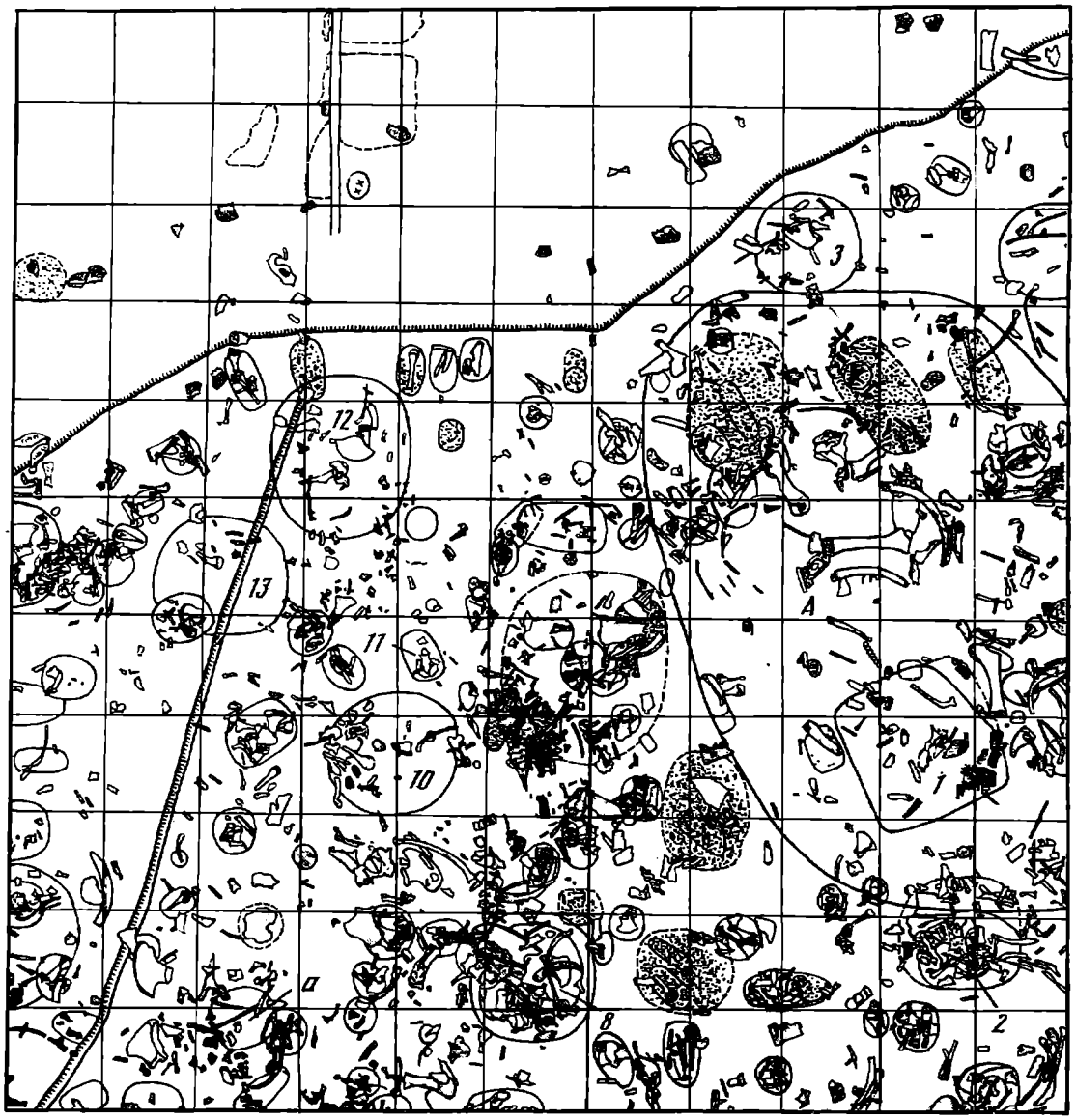


Рис. 1. Общий план исследованной площади. Северная половина

Несмотря на то что ямы существенно дополняют костные, преднамеренно расположенные выкладки сочетаются с ними и тоже имеют закономерное размещение, они почти никогда не образовывали замкнутые объекты, поэтому нам трудно, если только вообще возможно, воссоздать целостную завершенную картину, тем более архитектуру данной жилой площадки.

Помимо костно-ямных конструкций на исследованной площади вскрыты углисто-зольные скопления или зольники. Два из них – довольно крупных размеров – представляли собой самостоятельные зольные площадки. Они, несомненно, находились в прямом взаимоотношении с искусственными ямами и костными выкладками.

Несмотря на большие трудности в воссоздании этого комплекса на основе сохранившихся строительных остатков, попытаемся, хотя бы в общих чертах, восстановить планировку и назначение каждого участка площадки в отдельности.

В связи с тем что данная работа не позволяет нам детально рассмотреть все исследованные здесь конструкции, остановимся только на описании наиболее крупных и четче выраженных компонентов.

При внимательном рассмотрении плана (рис. 1–3) можно заметить, что основное количество всевозможных ям и отдельных костных выкладок сосредоточено в цент-

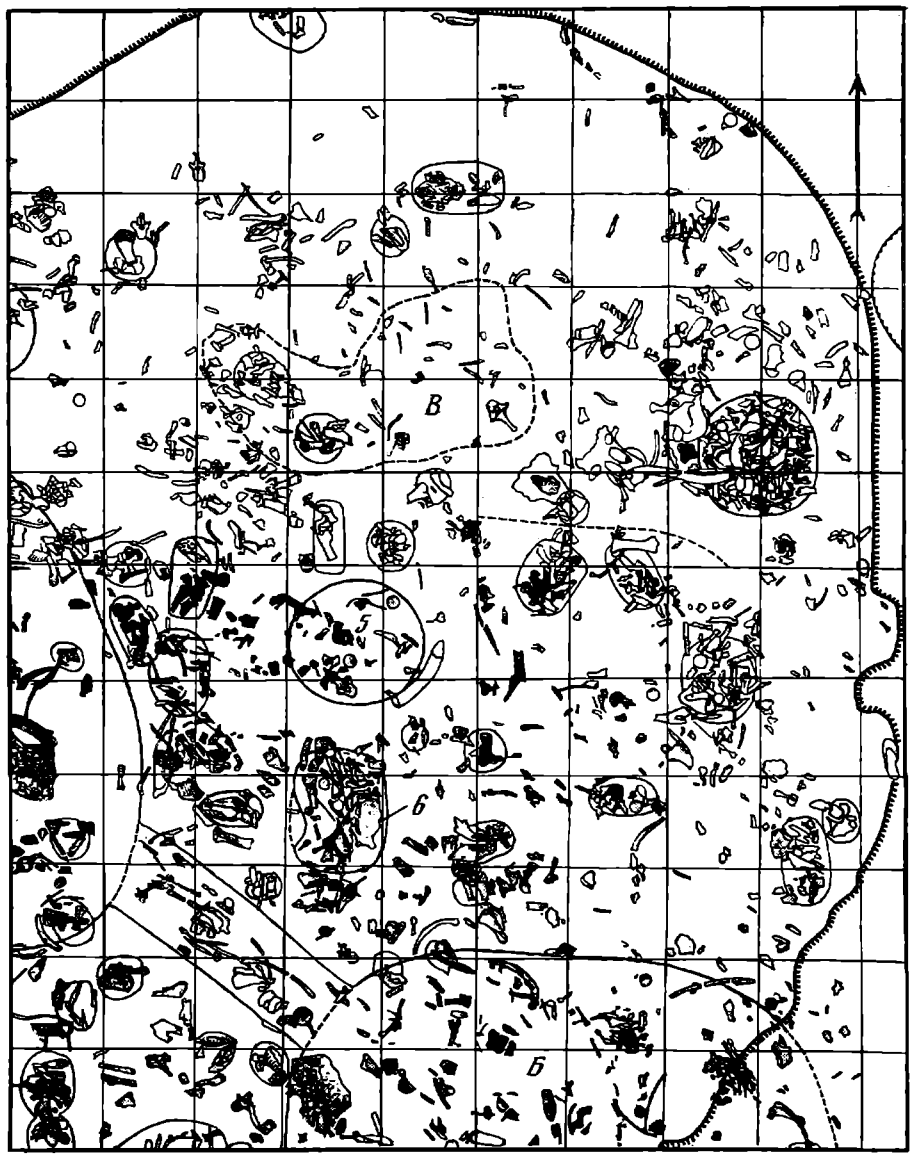


Рис. 1. (окончание)

ральной части площадки и окружают зольник А, который имел не совсем правильную округло-удлиненную форму с ориентацией по оси СЗ-ЮВ (рис. 4). Длина зольника достигала 8 м, наибольшая ширина 5 м. Окружающие зольник ямы и костные остатки образовывали не совсем правильный круг (рис. 5, 6).

Основную массу зольника составляли крупные куски костного угля и костная зола. В разных частях зольника довольно равномерно по всей толще были рассеяны очень мелкие осколки костей, кремневые отходы, кусочки минеральной краски, костяные поделки – материал, типичный для пола жилищ. Мощность зольника 0,1–0,15 м. В северной половине зольника, на его поверхности, были разбросаны разнообразные кости, зубы и бивни мамонтов, возможно, от каких-то внутренних конструкций или упавшие с верхних покрытий.

В южной части зольника в материке была вскрыта очажная яма (рис. 3, 4, яма 1) подквадратной формы, размером 1,5 × 1,5 м, глубиной 0,15 м, с блюдообразным днищем. Ее заполняла зольная масса с мелкими кусочками костного угля. Общая мощность зольника на участке этой формы – около 0,4 м. Не исключено, что сам зольник на участке площадки образовался в результате выгребания зольной массы из очажной ямы и равномерно рассыпался вокруг нее. С южной стороны очажной ямы,

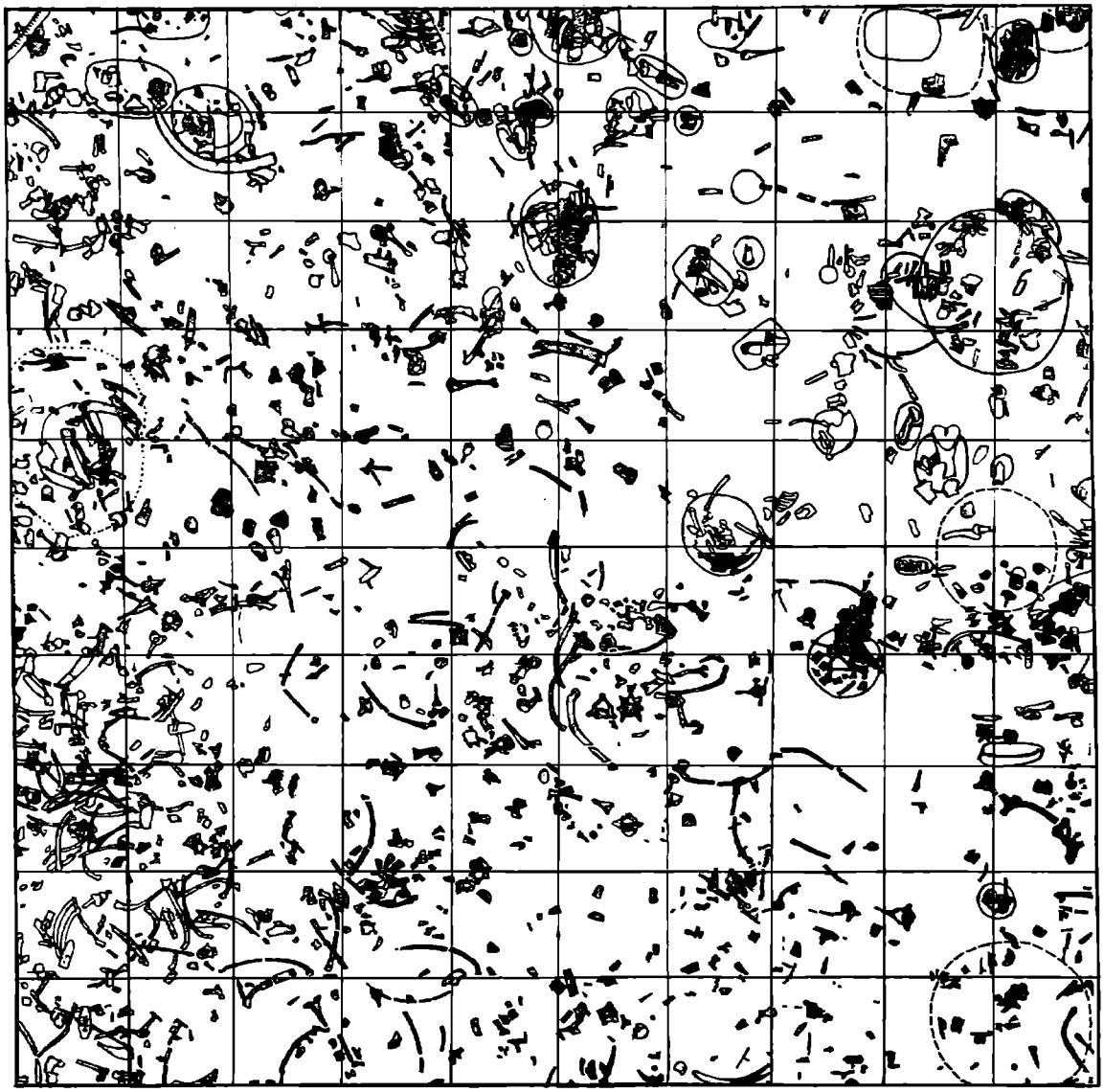


Рис. 2. Общий план исследованной площади. Южная половина

преимущественно вне зольника, прослеживалась другая, предочажная яма округло-удлиненной формы, у своего дна размером 1,05 × 0,8 м, глубиной 0,3 м (рис. 3, яма 2). На краю ямы под лопаткой мамонтенка помещался обожженный бивень. На его частично сохранившейся поверхности имелось шесть рядов парных нарезок.

Как уже отмечалось, вокруг этого зольника наблюдалось скопление ям, отдельных костных выкладок и скоплений кремневых отходов. Всего в него нами включено 46 различных ям, 6 наиболее компактных скоплений костей. Полтора десятка ям содержали обломки трубчатых костей, находившихся в них обломанными концами вниз, сочленованными вверх. Наблюдения показали, что эти кости находились там в вертикальном положении. Имелись ямы со специально закопанными и хорошо подогнанными друг к другу костями. Тринадцать ям были заполнены углисто-зольной массой, смешанной с кремнем и мелкораздробленными костями. Найдены также ямы, плотно набитые одними кремневыми отходами. Большинство ям в этом поясе размещалось в два ряда, причем в более или менее выдержанных интервалах. Иногда эти интервалы заполняли преднамеренно положенные кости. В двух местах имелись свободные интервалы: один – 2,3 м, другой – 1,7 м. Видимо, эти интервалы представляли собою входные проемы.

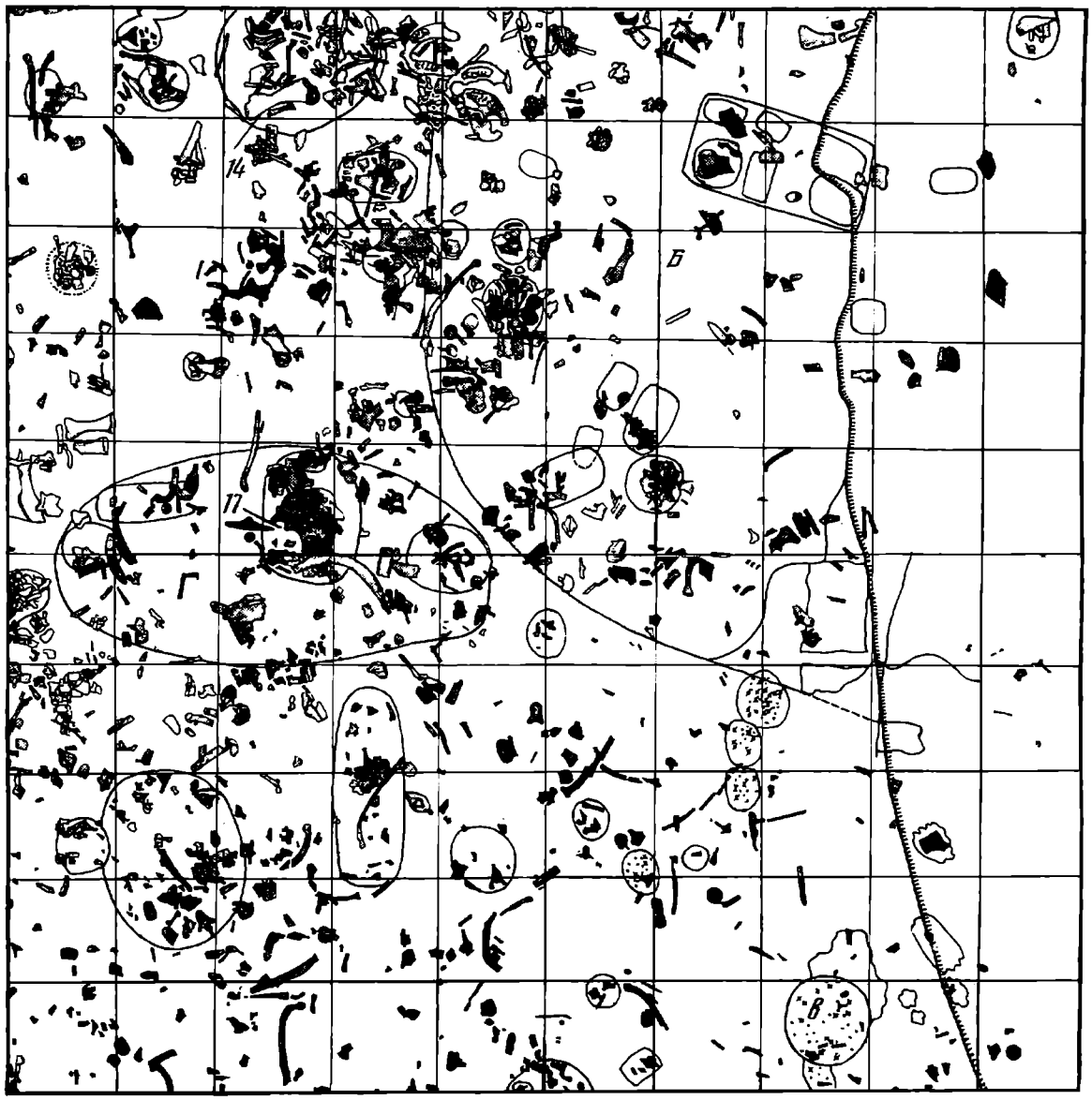


Рис. 2. (окончание)

Пояс внешних ям на уровне культурного горизонта, над их устьем, имел также скопления костных остатков, кремневого и костно-углистого материала. Иногда зольно-углистые скопления образовывали над ямами тонкие прослойки вперемежку с лессовидными образованиями. Все это указывало на то, что на поверхность ям внешнего пояса сбрасывались производственные и бытовые отходы, которые присыпались грунтом.

В целом находившиеся в этом поясе ямы, кости и завалы отбросов составляли довольно компактный комплекс, опоясывавший зольник. Большинство ям этого пояса, по-видимому, являлись опорными. В них были закреплены жерди, столбы, так что совместно с другими костными остатками и отходами образовывали чуть ли не сплошные оградки-завалинки.

Аналогичные ямки известны и на других верхнепалеолитических памятниках, в частности таких, как Костенки I на Дону (Ефименко П.П., 1957, с. 129, рис. 17), Пушкари на Десне (Грехова Л.В., 1969, с. 94). Исследователи этих стоянок тоже считали их столбовыми.

Можно полагать, внешний пояс ям со всеми его дополнительными накоплениями представлял не что иное, как основание самостоятельного округлого жилища с плот-

ным слоем зольной массы на полу и очажной ямой в центре. Зольный субстрат способствовал утеплению помещения, задерживал проникновение почвенной влаги. Горячая костная зола убивает инфекционные и гнилостные бактерии.

Вероятно, непосредственно с этим жилищем были связаны две ямки-кладовки, размещавшиеся с северной стороны зольника (рис. 3, ямы 3, 4).

Яма 3 имела округлую форму, диаметром 1,1 м, днище блюдообразное. Наибольшая глубина 0,15 м. Помимо небольшого числа разломанных костей в ней находилась лопатка небольшого мамонтенка. Культурный слой у дна ямы был густо окрашен красновато-коричневатой минеральной краской. Местами она залегала прослойками в 2 см мощностью. В ней найдено костяное изделие в виде кинжала и раковина юрского моллюска в виде небольшого сосудика.

Яма 4 имела округлую форму диаметром 1,1 м, днище блюдообразное. Наибольшая глубина 0,2 м. В верхней части заполнения ямы изредка встречались обломки костей. С северной стороны лежало два крупных ребра. На дне ямы культурный слой был сплошь окрашен красновато-коричневатой минеральной краской в виде отдельных прослоек. На самом дне ямы найдена раковина моллюска, аналогичная той, которая была обнаружена в яме 3.

На то, что остатки описанного сооружения относятся к жилому помещению, указывают и многочисленные кремневые и костяные изделия, собранные как во внутренней его части, так и рядом с ним в выброшенном мусоре. Особый интерес среди них представляют изделия из кости. Только во внутренней части их найдено 54 экземпляра. Этот материал представлен отходами от обработки кости, заготовками, готовыми и дефектными предметами. Костяные предметы представлены орудиями труда и предметами первобытного искусства.

На памятниках костенковско-боршевского и пушкаревского палеолитических регионов подобных обширных зольников нет. Однако в археологической литературе есть сведения о каких-то больших пепелищах ориньякского времени в Солютре (Обермайер Г., 1913, с. 220), в которых также в изобилии встречались кремневые орудия. Наслоения, состоявшие из золы, угля, дробленых костей с массой кремневых изделий и предметов из кости известны на стоянке Пржедмост в Чехословакии (Ефименко П.П., 1938, с. 357). Кострище с толстым слоем раздробленных и пережженных костей описывает Байер на палеолитической стоянке Ланг-Маннерсдорф (Ефименко П.П., 1938, с. 55–65). Достаточно крупный зольник был исследован на соседней Елисеевичской стоянке на верхней Судости (Поликарпович К.М., 1968, с. 97). Насколько известно, наземные жилища на открытых пространствах Восточной Европы появились еще в позднемустьерское время. А.П. Черныш остатки такого древнейшего наземного жилища открыл и исследовал в четвертом мустьерском слое на стоянке Молодова I (Черныш А.П., 1965, с. 36–47). Оно имело округло-овальную форму. Костные остатки являлись основой для жердей, на которых держалось покрытие. Хотя по своей планировке, строительным особенностям и деталям остатки хотылевского сооружения отличались более сложным характером, все же по форме и расположению костей они имеют некоторые общие черты с перечисленными выше жилыми конструкциями.

Зольник Б (рис. 3). С юго-восточной стороны в 2,5 м от зольника А находились остатки другого зольника, значительная часть которого, к сожалению, оказалась разрушенной боковым оврагом. Судя по сохранившейся половине, он тоже имел округлую форму. Длина сохранившейся части – около 8 м, ширина – около 5 м. Поверхность зольника имела почти горизонтальное положение, чуть просевшее в центральной части. За исключением отдельных разбитых костей и зубов мамонтов, на ней никаких костных скоплений не имелось.

Зольник представлял собою слой очажной массы. Состоял из костного угля и костной золы, смешанной с большим количеством кремневого материала. Изредка встречались осколки костей, фрагменты или целые зубы мамонтов небольших размеров, осколки бивней, различные эпифизы. Зольная масса отличалась большой

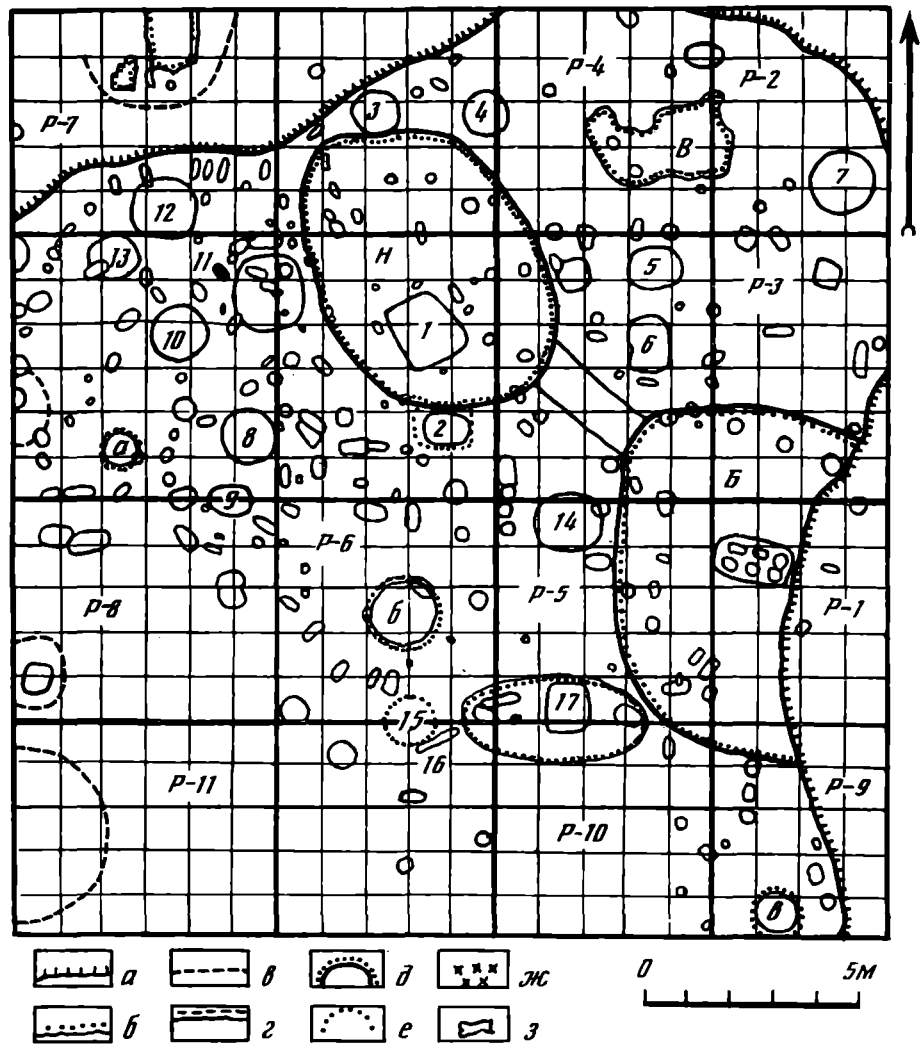


Рис. 3. Расположение зольников и всевозможных ям на вскрытой площади стоянки. Условные обозначения:

а – границы разрушения культурного слоя; *б* – границы зольников; *в* – предполагаемые границы объектов; *г* – границы ям; *д* – границы наземных очагов; *е* – предполагаемая очажная яма; *ж* – скопления кремня; *з* – кости

плотностью, словно она была утрамбована или уплотнена ногами людей. Местами зольник имел коричневый цвет от присутствия разложившейся краски. В профиле зольник имел линзообразное сечение. Наибольшая мощность 0,2 м.

Чуть ли не в самой центральной части под зольной массой в материковом грунте сохранились следы прямоугольной западины размером 1,7 × 0,9 м при наибольшей глубине 0,07 м. На ее днище прослеживались три параллельно расположенных ряда округлых и округло-удлиненных ямок. Две из них были забиты крупными кремневыми нуклеусами, отщепами, пластинами и осколками кремня. Одну донную ямку прикрывал крупный зуб мамонта, в другой помещался обломок крупной бедренной кости, а в остальных – костно-углистый субстрат. Думается, здесь были укреплены какие-то детали внутреннего интерьера. На это как будто указывали кости и зубы мамонтов, располагавшиеся по окружности на поверхности зольника над самой западиной.

С внутренней стороны по краю зольника прослеживалось корытообразное углубление шириной около 1 м при глубине 0,05–0,07 м. С западной стороны вдоль этого ровика сохранялось валообразное возвышение, вероятно, возникшее вследствие выгребания грунта при расчистке площадки под зольник. Здесь же в отдельных

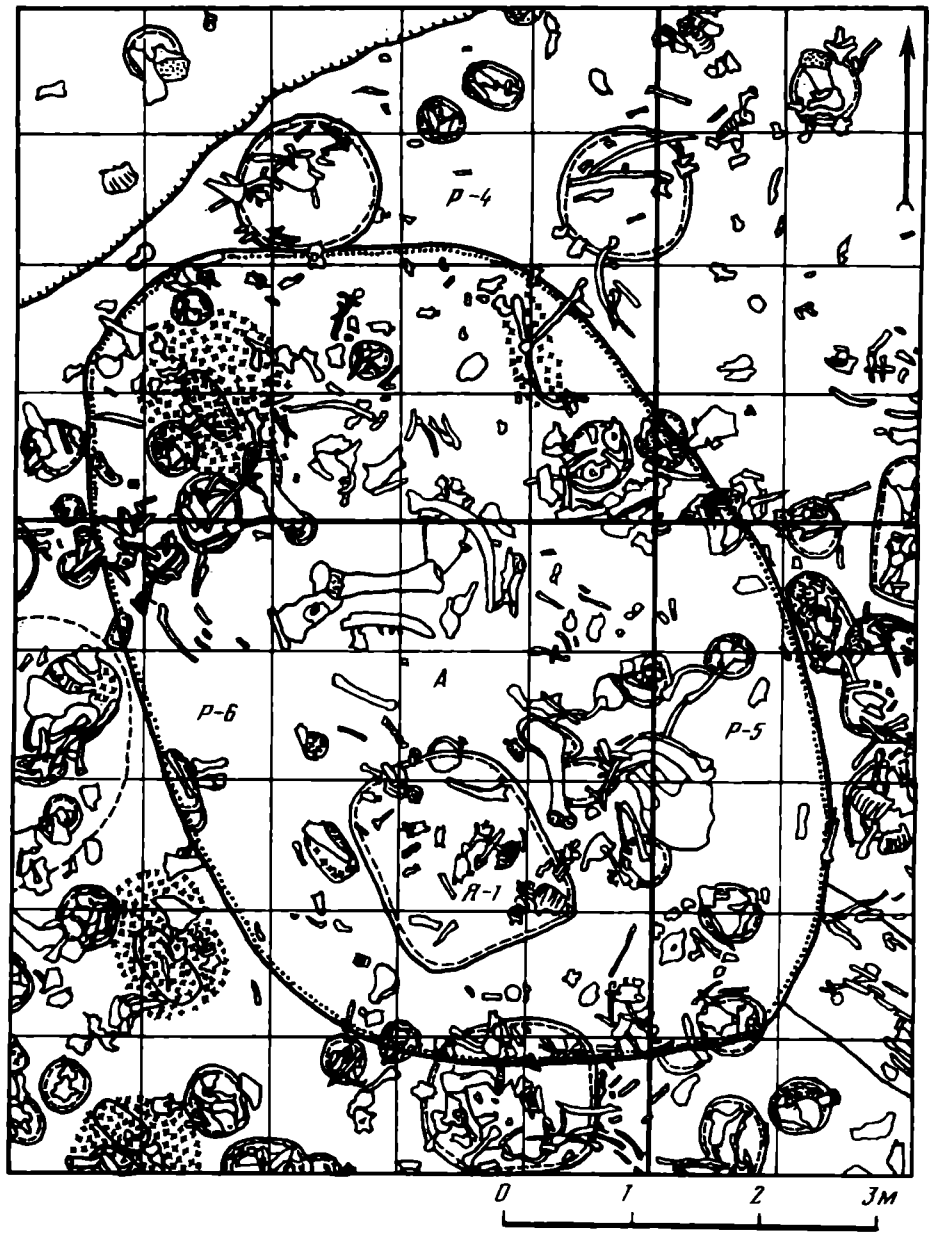


Рис. 4. План зольника А с окружающими ямами и костными остатками. Условные обозначения см. на рис. 3

местах сохранялись небольшие костные скопления в ямках, которые можно связывать с краевыми конструкциями.

Между зольником А и зольником Б прослеживалась зольная "дорожка". Она как бы соединяла между собою обе постройки.

На сохранившемся участке зольника помимо огромного количества изделий из кремня обнаружено 27 костяных предметов: 15 клыков и резцов мелких хищников с отверстиями в корне, два фрагмента острий, фрагмент узкого браслета, трапециевидная костяная пластинка с нарезками в виде ромбов. Найдено семь кремневых изделий, на меловой корке которых сохранились геометрические нарезки.

Остатки жилища, представленного зольником Б, по своим конструктивным особенностям отличались от тех, которые обнаружены на площади зольника А. Не исключено, что это жилище являлось домом, где собирались для решения общинных вопросов и где могла мужская половина проводить ночное время. Очевидно, оно и по своему внешнему виду отличалось от первого.

Рис. 5. Южная часть зольника А после расчистки очажной ямы и окружающих ямок в его юго-западной стороне

С северо-западной стороны зольника А прослеживались следы третьего крупного зольника. Однако он почти полностью разрушен, за исключением небольших участков, поэтому сказать о нем что-нибудь определенное не представляется возможным.

Другими более или менее выраженными комплексами в общей планировке жилой площадки выступали обособленные скопления костных выкладок и всевозможных ям.

Один из таких комплексов размещался в северо-восточном секторе раскопанной площади, между зольником А и северной стороной зольника Б. Второй комплекс прослеживался с юго-западной и западной сторон зольника А. Третий – в юго-восточном секторе (рис. 1, 2). Все три скопления ям и костей, по нашим наблюдениям, имели очажные ямы, которые довольно равномерно, через определенные интервалы размещались вокруг зольника А.

Комплекс костных скоплений и ям, находившийся в северо-восточном секторе, образовывал круг диаметром около 8 м и в то же время имел несколько обособленных участков.

Наиболее интересные объекты в первом из них – ямы 5 и 6 (рис. 3).

Яма 5 находилась в полутора метрах от зольника А, имела округлую форму размером 1,4 × 1,3 м, днище блюдообразное. Наибольшая глубина 0,25 м. Всю яму заполняла тонкая костная зола. В верхней части заполнения встречались куски полуобожженных костей. В самом низу костная зола была слегка окрашена в ярко-коричневый цвет от присутствия минеральной краски. С юго-восточной стороны ямы лежал фрагмент бивня длиной около 1 м, диаметром 0,25 м. Он располагался вогнутой, обколотой, стороной внутрь очага, так что почти целиком вписывался в дугу внешнего края ямы. По нашему мнению, яма вполне могла быть очажной.

С ее южной стороны на расстоянии 0,5 м находилась другая блюдообразная яма, сверху полностью заполненная обломками различных костей (рис. 6). Она имела округло-удлиненную форму и была ориентирована по оси север-юг. Размер ямы 1,4 × 1 м, глубина 0,25 м. На дне ямы, покрытом тонким слоем ярко-коричневой и

Рис. 6. Северная часть зольника А на уровне верхней расчистки

красноватой краски, помещались две лопатки мамонтов: одна длиною 0,55 м, другая – 0,38 м. Обе лопатки располагались в южной половине ямы своими сочлененными концами в противоположном друг от друга направлении. Они были окрашены в коричневатый цвет. Под большей лопаткой найдена "лопаточка" с нарезками по ребру.

Со всех сторон очажную и предочажную ямы окружало скопление мелких ямок, заполненных костями. Несколько севернее очажной ямы наблюдалось скопление зольной массы неопределенной формы (рис.3 зольник В), в котором встречались мелкие осколки костей и кремневые отходы. Местами в зольной массе прослеживались тонкие лессовидные прослойки. Этот зольник скорее всего возник в результате выгребания золы из очажной ямы, где она смешивалась с грунтом и разными бытовыми отходами.

Как показали наблюдения, все ямки, окружавшие очажную и предочажную ямы, видимо, являлись остатками оградки этого небольшого очажного комплекса.

Несколько восточнее его были вскрыты четыре ямы, размещавшиеся по окружности, охватывавшей площадь размером 3 × 3 м (если измерять от внешней стороны). Между этими ямами прослеживалась канавка шириной до 1 м и глубиной 0,1 м, имевшая корытообразное днище. По этой канавке были разбросаны отдельные обломки костей, местами – небольшие скопления кремня. Наиболее четко она прослеживалась с южной стороны. В местах наибольшего скопления костей под ними находились трубчатые кости, загнанные в грунт сломанными концами вниз. Некоторые из них сохраняли еще свое первоначальное вертикальное положение.

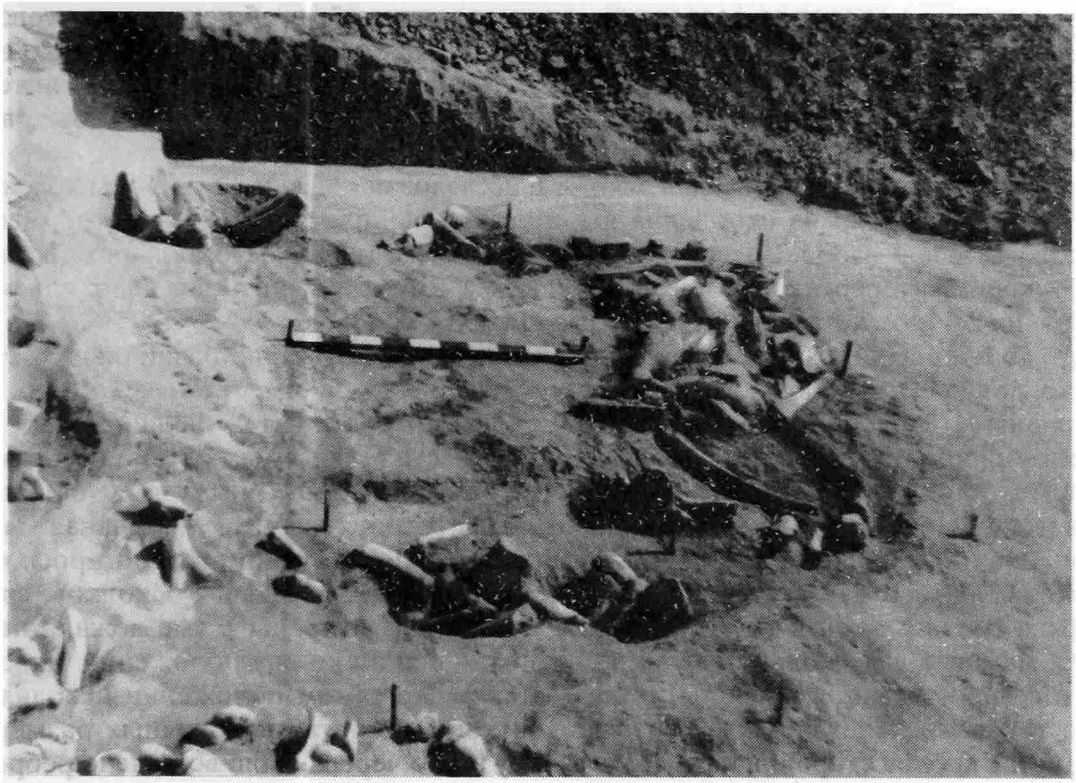


Рис. 7. Остатки округлого сооружения в северо-восточном секторе раскопанной площади

Внутренний участок, оконтуренный поясом этой канавки с ямами, возвышался до 0,15 м над внешними краями (рис. 7).

Почти по всех ямах этого небольшого комплекса помимо костных остатков встречалась минеральная краска коричневого, красноватого и даже желтого цветов в виде прослоек и отдельных крупных кусков. С северной стороны одной из таких ям обнаружена большая женская статуэтка. В другой яме под костями найдено длинное костяное острие со стилизованной антропоморфной головкой. И здесь же, у южного края ямы, найден другой стержневидный костяной предмет в виде схематизированной фигурки человека с головкой.

На полу внутренней части этого небольшого сооружения и в ямах под костями встречалось много кремневых изделий. Среди них выделялись хорошо ограненные тонкие и длинные ножевидные пластинки разнообразных размеров и скребки на точно таких же заготовках. Создавалось впечатление, что для данного комплекса характерно не только обилие краски, антропоморфной скульптуры, а и своеобразие кремневого инвентаря.

Возможно, ямы и костные скопления на этом участке представляли собою остатки небольшой округлой постройки, обращенной своим устьем в сторону очажной ямы 5.

С северо-восточной стороны к этой округлой постройке примыкала большая яма (рис. 3, яма 7). Она имела почти правильную округлую форму диаметром 1,5 м, днище ямы блюдообразное. Наибольшая глубина 0,25 м. Яму заполняли в основном осколки разбитых трубчатых костей. Отдельные обломки трубчатых костей имели следы обжига. В центральной части ямы на днище помещались две нижних челюсти мамонтов зубами книзу. Одна из нижних челюстей – меньших размеров.

С западной стороны своим основанием в яму упирался бивень мамонта. С северной стороны имелись разрозненные скопления различных костей, а с той же западной стороны находились остатки двух черепов мамонтов, в свое время стоявших, очевидно, в вертикальном положении. Об этом свидетельствовали остатки вкопанных альвеол.

Несмотря на некоторое разделение этих сооружений, в общем в этом северо-восточном секторе они образовывали компактный округлый комплекс. Однако вряд ли это было самостоятельное одно жилище с таким сложным внутренним интерьером. Скорее это были остатки самостоятельных небольших объектов бытового назначения, но, несомненно, связанных между собою.

Другой подобный комплекс был вскрыт и исследован с западной стороны зольника А. Он также состоял из скопления ям, костных выкладов, скопления кремневых отходов и зольной массы. Внутри его выделялось тоже три самостоятельных объекта. Наибольший интерес из них представляла яма 8 (рис. 3), которая находилась на расстоянии 2,4 м от юго-западной границы зольника А.

Еще до открытия этой ямы здесь прослеживалось скопление различных костей. Только после того, как часть верхних костей была убрана, стало ясно, что они заключены в блюдообразном углублении, на дне которого затем была вскрыта яма округлой формы диаметром 0,9 м, глубиной 0,5 м. Стенки ямы крутые, особенно с южной стороны, днище – слегка вогнутое. Всю верхнюю часть ямы заполнял глинисто-зольный субстрат и кости. На дне ямы сохранялась тонкая зольная масса, окрашенная в темный коричневато-красноватый цвет. Мощность этой прослойки достигала 0,1 м. В ней встречалось множество мелких кремневых осколков, среди которых имелись кремневые орудия труда. С южной стороны в яме лежала часть черепа мамонта в несколько наклонном по отношению ко дну положении. Рядом с ним, с северо-западной стороны, почти в таком же самом положении находилась точно такая же лицевая часть черепа от другого мамонта аналогичных размеров, повернутая лобной стороной книзу. В глазницу этого черепа было вставлено ребро. У обоих черепов преднамеренно отбиты затылочные и височные части, а также зубные отделы, вследствие чего лицевые стороны представляли собой уплощенные маски. Рядом с одним черепом, с северо-западной стороны, помещалась половинка таза мамонта, один конец которого также был опущен в яму. С северной стороны к яме примыкало небольшое скопление зольной массы мощностью до 0,08 м, которая, по-видимому, выгребалась из ямы. На это как будто указывает меньшая крутизна стенок с данной стороны. Что же касается костей над ямой и в яме, они могли быть частью оградки вокруг ямы с преднамеренно укрепленными более крупными костями над ямой. Возможно, эта группа костей отражает определенные идеологические представления обитателей стоянки.

Особый интерес представляют находки, сделанные в яме и возле нее. В пределах самой ямы на одной из черепных "масок" обнаружен фрагмент ребра с целой серией нарезок на уплощенной поверхности в виде условной пиктограммы. С другой стороны в яме под костями найдено костяное острие с антропоморфной головкой, а с южной стороны под костями на зольной массе – длинное лощило с заостренным концом внизу. С той же южной стороны лежало веретенообразное острие, совершенно распавшееся скорее всего от пребывания на огне. Возле ямы, под тазом мамонта, открыто орнаментированное острие, воткнутое еще при жизни людей на стоянке в грунт. Оно находилось в полувертикальном положении под углом в 45 градусов. Основание острия было обломано в древности и нигде не обнаружено. С западной стороны ямы лежала половинка черепа пещерного медведя с одним клыком, а также лицевая часть черепа россомахи, окрашенная в коричневый цвет.

Данная яма нам представляется очажной. Вокруг нее довольно правильным кольцом размещалось скопление мелких костей и ямок со вкопанными и вбитыми костями. Диаметр этого скопления составлял примерно 3,5 м. Наибольшие разрывы между ямками прослеживались с северной стороны. Можно полагать, что здесь мы имеем оградку, по отношению к которой яма была несколько смещена в северную сторону.

В южной половине оградки имелась округлая яма с блюдообразным дном, размером 1,4 × 1 м при наибольшей глубине 0,4 м (рис. 2, яма 9), в которой помещались часть черепа мамонта с двумя очень крупными зубами, а также обломки позвонков и

Рис. 8. Остатки ям и костных выкладок в западном секторе (на площади раскопа 7)

трубчатых костей. По своим размерам и положению она напоминает предочажную. Но, возможно, в свое время в яме был укреплен череп или часть его.

Другое более или менее обособленное скопление ям, костных выкладок и разрозненных костей располагалось на западной стороне зольника А (рис. 8). Центральной частью этого скопления можно считать яму 10 (рис. 3). Она находилась в 2,4 м западнее зольника, имела округлую форму диаметром 1,3 м, дно блюдообразное. Наибольшая глубина 0,2 м. Прослеживалась по слою краски мощностью в 5 см, выстилавшей все дно и стенки. Костный и кремневый материалы размещались выше ее заполнения. В пределах ямы и рядом с ней обнаружены: шило со шляпковидной головкой, обломок тонкой проколки и несколько других костяных поделок.

Вокруг этой ямы, хотя и не всегда выразительно, прослеживались отдельные скопления костей и мелких ямок, заполненных костно-зольным субстратом, кремневыми отходами, иногда одной минеральной краской. Имелись ямки с забитыми или вкопанными костями.

Среди них особенный интерес представляла небольшая ямка округло-удлиненной формы, ориентированная по оси СЗ-ЮВ (рис. 3, яма 11). Ее размеры: 0,35 × 0,25 м, глубина 0,5 м. С северной стороны в яме находился обломок верхней части плечевой кости мамонта, распложенный сломанным концом книзу. Перпендикулярно к нему в верхней части заполнения у самой плечевой кости лежала крупная лебяжья трубчатая кость с отпиленными концами, обильно покрытая мелкими нарезками. С северной стороны на обломок плеча налегала в таком же полувертикальном положении стилизованная статуэтка головой вниз. Ниже ее с восточной стороны в юго-восточной части ямы помещалась женская реалистическая статуэтка. Всю яму заполнял костно-углистый субстрат, смешанный с кремневым материалом, среди которого встречались отдельные орудия труда. На расстоянии 0,25 м от этой ямки, с ее северо-западной стороны, лежала часть разломанной лопаточки с головкой, вся по ребру покрытая нарезками.

Рядом с ямкой, в которой обнаружена статуэтка (рис. 3, яма 11), находилось еще несколько ямок, заполненных костно-углистой массой, кремневыми отходами, мелкими костями, местами окрашенными минеральной краской. Создавалось впечат-

ление, что ямки в свое время имели одно общее блюдообразное углубление, над которым существовало какое-то покрытие.

За пределами данного комплекса, на расстоянии 2,5 м северо-западнее зольника А, размещалась большая округлая яма размером 1,65 × 1,45 м (рис. 3, яма 12). Ее северо-западная часть была разорвана мерзлотобойной трещиной и поднята над своим противоположным краем на 0,13 м. Яму заполняла углисто-зольная масса, смешанная с лессовидным грунтом, слегка окрашенным минеральной краской в коричневатый цвет. В заполнении встречались кремневые отходы, смешанные с мелкодроблеными костями. В заполнении ямы найдено два костяных изделия: кончик от острия с желобком и шило сунгирского типа.

Несколько юго-западнее от нее находилась еще одна большая яма округлой формы размером 1,4 × 1,2 м, глубиной 0,1 м (рис. 3, яма 13). Она была заполнена глинисто-зольным субстратом, местами окрашенным в коричневато-красноватый цвет. В заполнении встречались только кремневые отходы.

В двух местах западнее очажной ямы 8 было вскрыто обособленное скопление мелких ямок и костей, которые образовывали небольшую округлую конструкцию диаметром 1,6 м. В данную конструкцию входили ямки с вкопанными или вбитыми костями, которые, по-видимому, являлись остатками оградки. Внутри этой оградки культурный слой состоял из скопления костей и углисто-зольной массы, местами смешанной с бурой и коричневатой минеральной краской. Мощность ее достигала 0,1 м. Здесь же в центральной части наблюдалось округлое скопление плотной очажной массы диаметром 0,8 м с разбросанными вокруг обломками различных костей от распавшейся боковой наземной оградки (рис. 3, очаг "а").

Несмотря на кажущееся разграничение отдельных таких комплексов, они не были оторваны друг от друга и являлись частями единого целого, вероятно, большого открытого сооружения, примыкавшего к зольнику А. На такую возможность взаимосвязанности небольших комплексов указывало наличие на древнем горизонте общей между ними костной углисто-зольной массы, мелкодробленых костей, кремневых отходов, минеральной краски. Кроме того, их с трех сторон окружала цепочка ритмично расположенных ям и западин с вбитыми и вкопанными костями или заполненных костной трухой, углисто-зольной массой и кремнем. Они напоминали какую-то внешнюю ограду, прикрывавшую весь комплекс в целом.

Наиболее интересны из северо-западного и юго-западного комплексов два: яма 8 и яма 10 с их окружением. Наличие на них и вокруг них большого количества предметов искусства и предметов идеологического характера указывает, быть может, на их культовое назначение.

С южной стороны зольника А и юго-западной стороны зольника Б в юго-восточном секторе раскопанной площади был вскрыт еще один комплекс ям и костных скоплений, которые образовывали компактные конструкции. Хотя на данном участке наблюдались следы явных перестроек, мы все же попытаемся восстановить их планировку и, по мере возможности, интерпретировать их характер и назначение (рис. 9).

На расстоянии 2,2 м юго-восточнее зольника А находилась большая округлая яма размером 1,5 × 1,3 м с блюдообразным дном, глубиной 0,25 м (рис. 3, яма 14). Яму заполняла тонкая костная зола. Над верхним уровнем ямы прослеживалось скопление крупных и мелких костей, иногда со следами обжига. Из крупных костей выделялись плечевая кость мамонта, видимо, скатившаяся с ее края, а также часть позвоночника в анатомическом порядке (десять позвонков). Вместе с костями в зольной массе встречалось много кремневого материала. Судя по зольному материалу, обожженным стенкам и костям, яма являлась очажной. С юго-западной ее стороны наблюдалось большое скопление костей мелких животных и птиц. В этом же скоплении имелись разбитые кости более крупных животных. Их разбивали, несомненно, для извлечения костного мозга. Такое бесформенное скопление костей – не что иное, как кухонные отбросы. Кроме того, с восточной стороны очажной ямы находились остатки черепа

Рис. 9. Скопление костных выкладок и ям в юго-восточном секторе раскопанной площади (раскоп 5)

и трех нижних челюстей мамонтов различных размеров, сложенных в одну кучу. Внимательное рассмотрение местонахождения всех ям и костных остатков на этом участке показало, что все они размещались вокруг очага, образуя нечто вроде оградки округлой формы примерных размеров 4 × 3 м.

Помимо кремневых изделий в пределах этой ограды встречались клыки мелких хищников с прорезанными отверстиями в корневой части, дефектные костяные заготовки для веретнообразных острий, крупная раздавленная заготовка для браслета из бивня мамонта и даже миниатюрная женская статуэтка. Видимо, на очаге готовили не только пищу, но и здесь же производили обработку кости.

На расстоянии 4 м к югу от зольника А и на расстоянии 4 м к западу от зольника Б как-то обособленно помещалось скопление зольной массы и костей, располагавшихся по кругу размером 1,6 × 1,4 м (рис. 3, очаг "б"). Мощность зольного слоя в центральной части достигала 0,13 м. Костные остатки представляли собой распавшуюся оградку. По-видимому, в систему этой оградки входили рядом располагавшиеся вбитые или закопанные кости, которые закрепляли в грунте какие-то приочажные конструкции. Как нам представляется, остатки скопления зольной массы и оградки являлись местом древнего открытого очага.

К югу от наземного очага "б" были вскрыты следы сильно деформированной, разорванной ввиду просадки грунта, округлой ямы с блюдообразным дном (рис. 3, яма 15) диаметром 1,1 м, глубиной 0,15 м. Яму заполняли костный уголь и зола. С южной стороны ямы имелось скопление костных остатков, которые подстилала зольная масса. Большинство костей, лежавших на зольной подстилке, – это позвонки и перегородчатые кости от черепов мамонтов. Такие части скелета животных содержат большое количество костного жира, легче воспламеняются, почему мы рассматриваем их как запасы топлива для очага. С юго-восточной стороны к яме 15 примыкала удлиненная яма 16 с вбитыми обломками трубчатых костей, заполненная обломками позвонков, ребер и неопределенными осколками. Помимо костных остатков вокруг ямы 15 имелись другие различные ямки с вкопанными и вбитыми

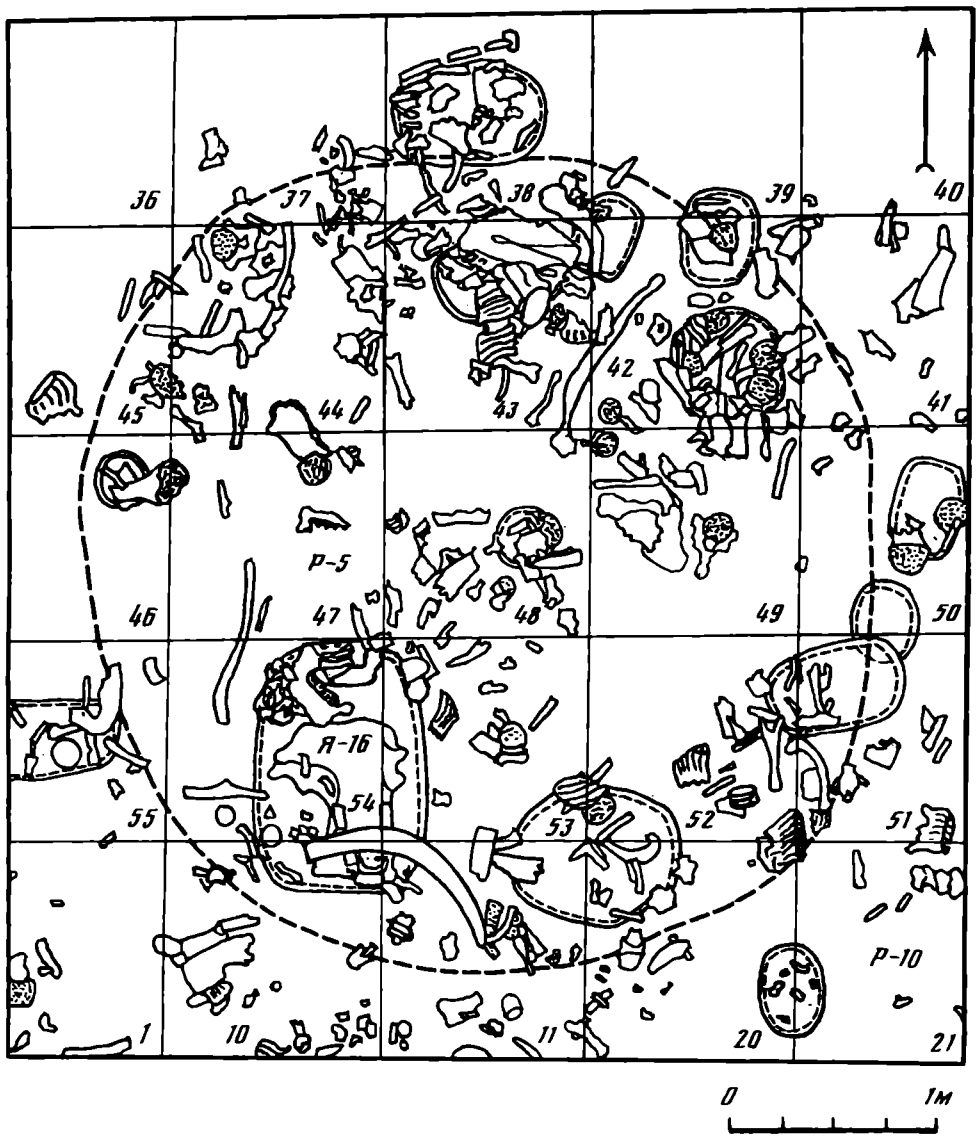


Рис. 10. Скопление костных остатков и ям в юго-восточном секторе в виде остатков округлого сооружения. Условные обозначения см. на рис. 3

костями, по-видимому, представлявшие тоже остатки каких-то наземных конструкций.

На расстоянии 3 м к югу от ямы 14 был вскрыт малый зольник (рис. 3, зольник Г), простиравшийся с востока на запад на 4 м, шириной с севера на юг около 2 м. Мощность зольной массы не превышала 0,07 м. В северной половине зольника, в его центральной части под зольным субстратом была вскрыта яма 17 округло-удлиненной формы, ориентированная по оси север-юг размером 1,2 × 0,85 м, глубиной 0,35 м. Заполнял яму костный уголь, смешанный с кремневым материалом. Над ямой помещался череп мамонта. В свое время, очевидно, он находился в вертикальном положении, лобной стороной на север. Помимо зольного и кремневого материала, на северной стороне в яме помещалась раздавленная нижняя челюсть мамонта и небольшое количество других раздавленных костей. Скорее всего с помощью этих костей в яме или возле ямы с южной ее стороны был укреплен череп мамонта в стоячем положении. Здесь же, с южной стороны, рядом с черепом лежал бивень мамонта, окрашенный в темно-коричневый цвет.

С разных сторон, преимущественно с северной, яму окружало скопление более мелких ям и западин с вбитыми и вкопанными костями, а также различные кости и

костные выкладки, частично захватывающие юго-западный край зольника Б, образуя, таким образом, округлую оградку диаметром в 3–3,5 м. Небольшой разрыв в этой ограде наблюдался с юго-западной стороны. Не исключено, что в целом остатки этой ограды являлись основанием какого-то округлого помещения, примыкавшего к зольнику Б (рис. 10).

В юго-восточном углу раскопанной площади по дуге окружности было вскрыто несколько неясных западин культурного слоя и небольших круглых ямок, заполненных костным углем. С восточной стороны, у обреза оврага, находилось плотное скопление зольной массы в виде наземного очага правильной круглой формы диаметром 0,8 м, мощностью 0,1 м (рис. 3, очаг "в"). Судя по окружавшим этот очажок ямкам, видимо, здесь имелись остатки наземной конструкции.

В юго-западном углу раскопанной площади, совершенно оторванно от жилой площадки, выделялось частично вскрытое скопление более мелких и раздробленных костей, преимущественно ребер мамонтов (рис. 11). Наиболее четко часть этого скопления прослеживалась в своем юго-западном углу с северной и восточной сторон. На вскрытом участке оно имело округлую форму размером 4,5 × 2 м. Вокруг него сохранилось почти пустое пространство шириной около 1 м. Оно, очевидно, опоясывало все это скопление. За ним, также по окружности, размещались отдельные скопления мелких костей. Сверху оно было засыпано костной трухой и мелкими осколочками раздробленных зубов мамонтов. Создалось впечатление, что это внешнее скопление являлось завалинкой шалашеобразной постройки.

Подводя общие итоги нашим исследованиям на Хотылевской верхнепалеотической стоянке, можно с некоторой уверенностью сказать, что вскрытая площадка по своей планировке и внутренним конструкциям представляет довольно редкое и оригинальное, если не совсем новое, явление в известной нам строительной практике палеолитического человека.

Исследованные здесь два зольника с хорошо утрамбованной поверхностью – не что иное, как остатки полов зимних жилищ. Вокруг центрального зольника А в несколько рядов располагались очаги с обособленными приспособлениями и навесами, какие-то небольшие наземные сооружения для летних условий жизни, кладовки и хранилища хозяйственно-бытового и культового назначения. Каждый самостоятельный комплекс имел свое особое назначение, которому соответствовали сугубо специфические находки костяных и даже кремневых изделий. Однако, несмотря на обособленность различных конструкций, в их размещении существовали закономерное распределение и взаимосвязанность.

Хотылевская жилая площадка в значительной мере отличается от других, известных науке, палеолитических площадок. Основными строительными деталями здешних конструкций являлись небольшие костные выкладки и всевозможные ямы с самыми различными укрепляющими материалами. Можно предполагать, что большинство таких ям использовалось для закрепления в грунт жердей, всевозможных упоров, накладок, натяжек.

Несмотря на свои отличительные черты, хотылевская жилая площадка все же имела и некоторое общее сходство, присущее строительству ранней поры верхнего палеолита, с жилыми площадками других палеолитических памятников Восточно-Европейской части России.

В некоторой степени она может быть сопоставлена с палеолитической площадкой Костенок I, исследовавшейся П.П. Ефименко (1957) и палеолитической площадкой Авдеевской стоянки, исследовавшейся Рогачевым А.Н. (Рогачев А.Н., 1953). Это сходство прослеживается в очажных ямах, ямах-хранилищах, в различных ямках и углублениях, заполненных костями, кремневыми отходами, обломками трубчатых костей, в распределении их на строго ограниченной площади и т.д.

Однако, судя по расположению очажных ям, кладовок, отсутствию в Хотылево крупных землянок по внешнему периметру площадки, а в Костенках и Авдеево – крупных зольников, они все же значительно отличаются друг от друга.

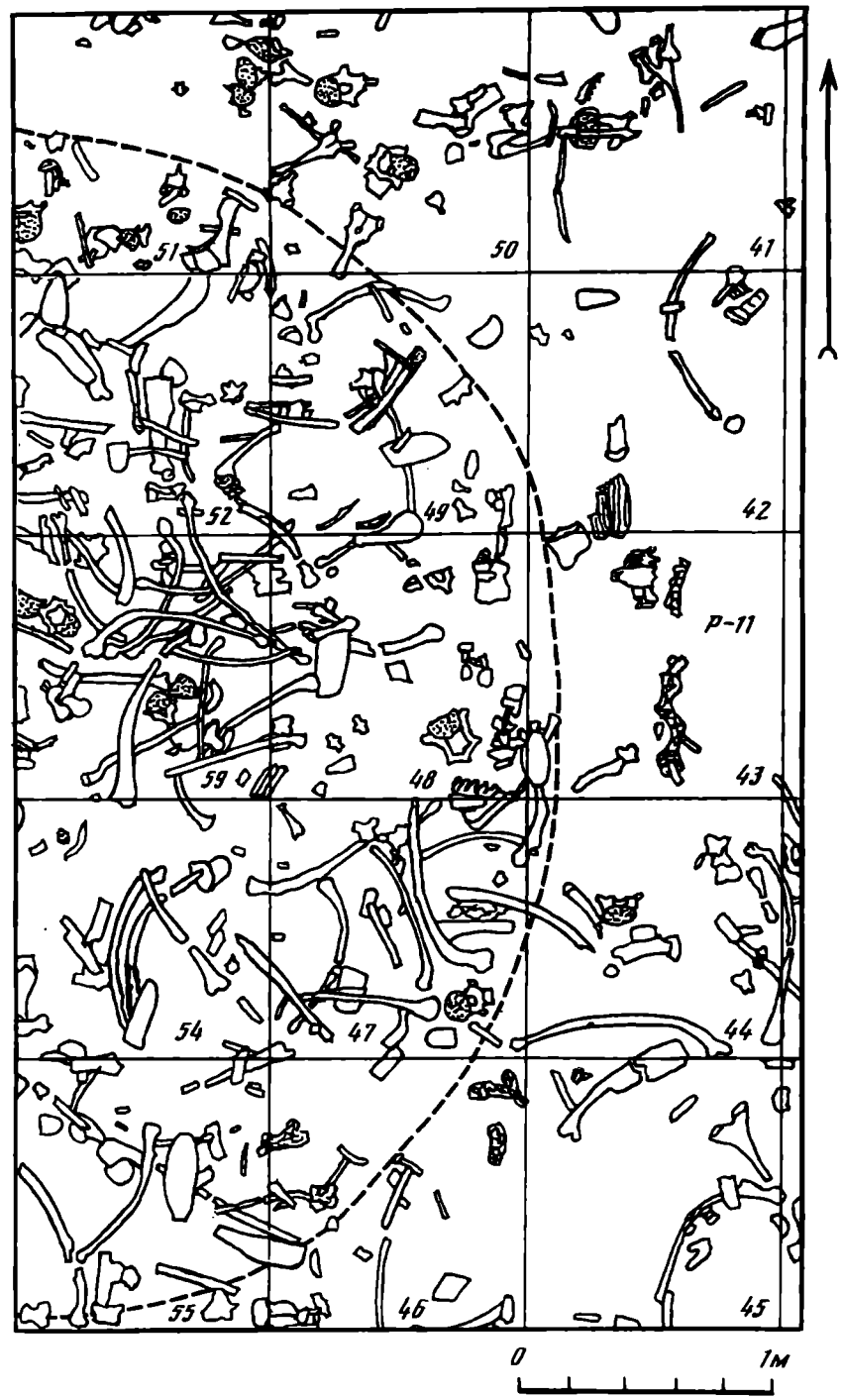


Рис. 11. Скопление раздробленных костей в юго-западном углу раскопанной площади. Условные обозначения см. на рис. 3

Немного ближе планировка Хотылевской палеолитической стоянки к новому памятнику Костенок I, исследование которой вели Рогачев А.Н. и Праслов Н.Д. Автор имел возможность познакомиться с этими раскопками в августе 1970 г., когда один из больших раскопов был представлен участникам Всесоюзного совещания "Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры Центра Русской равнины (в связи со 100-летием открытия палеолита в Костенках)". Здесь можно было наблюдать остатки основания большого округлого сооружения, выложенного из крупных костей мамонтов диаметром около 7–8 м (в тот год оно было вскрыто частично). Вокруг этого сооружения на небольшом от него расстоянии находились

две округлых ямы около 1 м глубиной, заполненные костями мамонтов, а у днища – костным углем, а также длинные ряды ямок с вбитыми и вкопанными костями, очень напоминавшие хотылевские. Однако, если судить по геологическим условиям залегания культурного слоя, по применению здесь для строительства крупных костей мамонта, умению выкапывать глубокие ямы и более совершенному уровню строительства, костенковская площадка может быть отнесена к более поздней поре верхнего палеолита.

Из местного палеолита деснинского бассейна по своей планировке, жилищно-бытовым, хозяйственным и культовым сооружениям ближе всего к Хотылево стоит Елисеевичская стоянка (Поликарпович К.М., 1968). Здесь большой зольник являлся, по мнению Поликарповича К.М., полом овального наземного жилища, вокруг которого размещались ямы-хранилища диаметром до 2,5 м, обложенные крупными костями и бивнями мамонтов. Вероятно, поэтому он считал, что тип жилища в Елисеевичах совмещает в себе черты сходства как ориньяко-солютрейского, так и мадленского времени (Поликарпович К.М., 1968, с. 57).

Судя по занятой площади, разнообразию всевозможных жилищно-бытовых, хозяйственных и культовых конструкций, обилию кремневых и костяных изделий, кремневых отходов, скученности застройки и даже следам некоторых перестроек в поселке обитала продолжительное время семейно-родовая община.

Американская исследовательница Ольга Соффер в своей монографической работе отмечает, что Хотылёво II, Мезин, возможно, Радомышль и Супонево заселялись в теплое и холодное время года и что Хотылёво являлось базовым лагерем, несколько отличным от других (Кольцов Л.В., 1988, с. 269, 270).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грехова Л.В., 1969. Поздний палеолит бассейна средней Десны // Природа и развитие первобытного общества. М.

Ефименко П.П., 1938. Первобытное общество. Л.

Ефименко П.П., 1957. Костенки I. М.; Л.

Кольцов Л.В., 1988. Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain 1985. Acad. Press Inc., 1985 // СА. № 4.

Обермайер Г., 1913. Доисторический человек. СПб.

Поликарпович К.М., 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск.

Рогачев А.Н., 1953. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 году // МИА. № 39.

Черныш А.П., 1965. Ранний и средний палеолит Приднестровья // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. XXV. М.

F.M. ZAVERNYAEV

THE REMAINS OF DWELLING AND HOUSEHOLD ASSEMBLAGE AT THE UPPER PALAEOLITHIC SITE OF KHOTYLEVO

Summary

The author presents for the first time a characteristic of the settled area studied during the last ten years within the excavated territory of Khotylevo Upper Palaeolithic site. The remains of bones, ash accumulations and pits are regarded as a single assemblage of living and household nature. Two large ash accumulations are described, the author interprets them as dwellings' remains, possibly of stationary winter construction. The characteristic of interrelated smaller building constructions is given, as well as that of hearth pits, ground ovens, and storage pits. Some constructions including bones, pits and hearths can be connected with some areas of cultic purpose. The studied settled assemblage the author dates back to early stage of the Upper Palaeolithic.

А.Ф. ШОРИН

СТРАТИГРАФИЯ И КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ

Среди археологических памятников лесной зоны Зауралья, да и, пожалуй, всей Северной Евразии, особое место занимают так называемые "жертвенные холмы", или "чудские бугры". Известны они еще с дореволюционного времени, но только на трех из них – Кокшаровском в Верхнесалдинском, Махтыльском и Усть-Вагильском в Гаринском районах Свердловской области проведены раскопки. Причем на двух последних – рекогносцировочные (Старков В.Ф., 1969; Стоколос В.С., 1960, с. 50, 51). Материалы же Кокшаровского холма, хотя он и исследован в большей своей части, также мало известны специалистам, так как результаты этих работ практически не опубликованы.

В литературе выдвинуты три версии функционального назначения чудских бугров, район распространения которых, кстати, четко локализован лесной зоной Зауралья и прилегающей к ней территорией севера Западной Сибири. Первая из них – это погребальные комплексы – не нашла подтверждений. Вторая – это жилые бугры. Они образованы в результате последовательного строительства на одном месте больших жилищ с основательной земляной обваловкой. Для подтверждения этой версии археологических данных также нет. Третья – это культовые места-святилища, причем не родового, а скорее племенного и межплеменного значения. На сегодня такая трактовка чудских бугров, с археологической точки зрения, выглядит более предпочтительной, хотя в данной статье развернутая аргументация в пользу какой-то из трех точек зрения сознательно опускается. Основная цель работы – ввести в научный оборот керамические материалы и показать их соотношение с основными стратиграфическими слоями одного из трех исследованных холмов – Кокшаровского, раскопки которого были возобновлены после длительного перерыва в 1995 г. экспедицией Института истории и археологии УрО РАН под руководством автора статьи. Именно материалы этих раскопок послужили основой данной публикации.

Кокшаровский холм (другие местные названия – "Лысая", или "Вшивая горка") расположен на южном коренном берегу Юрьинского озера, ныне заторфованного, в 0,7 км к востоку от бывшего Второго поселка Басьяновского торфопредприятия. В физико-географическом отношении это лесная зона Среднего Зауралья, выходящая уже за пределы восточных отрогов Уральского хребта. Это зона Зауральского пеноплена, холмисто-волнистой возвышенности. К востоку она переходит в равнинную Западно-Сибирскую низменность.

Холм до революции неоднократно подвергался грабительским раскопкам "бугровщиков" (его принимали за большой курган), а также исследовался археологами-краеведами, поэтому во многих местах (особенно верхние горизонты холма) он перекопан. В 50-е – начале 60-х годов западная его половина исследована раскопками А.И. Россадович, но материал остался неопубликованным. В 1964 г. юго-восточная часть холма уничтожена Басьяновским торфопредприятием. Отсюда экскаватором взят грунт для строительства гаража. Таким образом, нетронутой осталась, видимо, только северная часть холма площадью около 100 м^2 (рис. 1). Общие же размеры этого искусственного насыпного земляного сооружения округлой формы составляют в диаметре до 40 м при высоте в южной пологой его части до 1 м и до 3,5 м в се-

© А.Ф. Шорин, 2000 г.

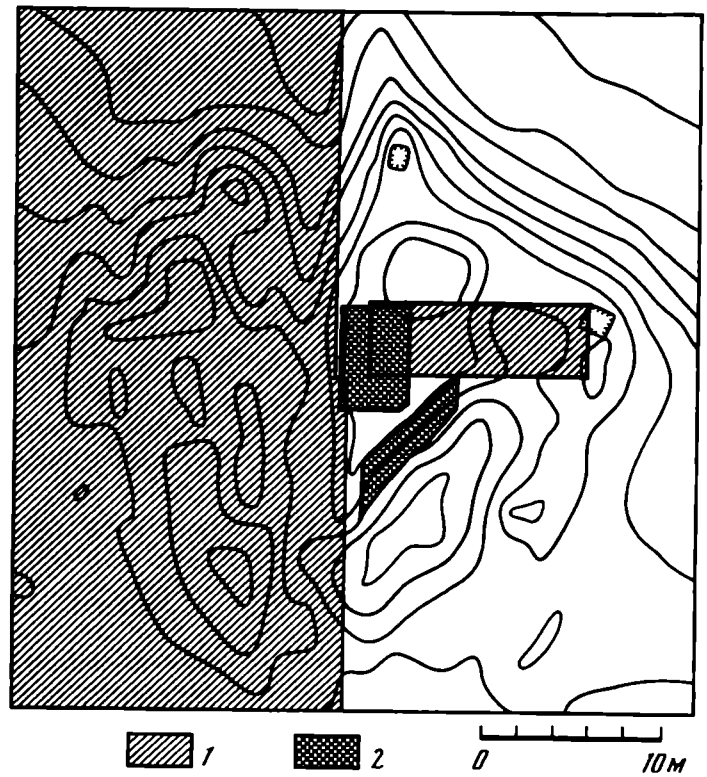


Рис. 1. Кокшаровский холм. Топографический план. *1* – раскопы А.И. Россадович; *2* – раскопы 1995 г. Горизонтали проведены через 30,5 м

верной, где прослеживается береговой уступ озера. Глубина раскопа 1995 г. в центральной части холма составила чуть более 3 м.

Раскопками 1995 г. зачищен северо-западный борт экскаваторной ямы 1964 г. примерно в том же месте, где подобную зачистку этого же борта ямы проводил В.Ф. Старков (1969, рис. 1), а также заложен рекогносцировочный раскоп площадью 24 м^2 (6 × 4 м) в центральной части холма преднамеренно в том же месте, где должны были вплотную подходить друг к другу перпендикулярно разбитые раскопы А.И. Россадович 1957 и 1960 гг. (они были засыпаны и сейчас, особенно раскоп 1957 г., на поверхности не прослеживаются). В результате этих работ удалось восстановить границы раскопов А.И. Россадович (а значит, выявить предположительно нетронутые участки поверхности холма), изучить стратиграфический разрез холма в его центральной части и сравнить его с разрезом, опубликованным В.Ф. Старковым (на его анализе во многом строилась гипотеза культового характера холма), получить новые артефакты общим числом более 11 тыс. экз., в основном керамики и каменного инвентаря, связать их со стратиграфическими слоями холма и немногочисленными объектами (6 ям, 2 канавы, 15 столбовым ям, 3 или 4 конструкции типа прямоугольных деревянных оград размерами около 2 × 2 м). Получен ответ о времени сооружения и функционирования холма, выделены основные керамические комплексы и последовательность их отложений на холме.

Стратиграфия холма сложна. Так как это искусственное насыпное сооружение, причем насыпь его формировалась в несколько приемов, а для подсыпки брался, вероятно, и грунт с Юрьинского неолитического поселения, на территории которого он возводился. Прочтение стратиграфической ситуации холма осложняется многочисленными грабительскими перекопами и дореволюционными работами археологов-любителей, раскопы которых часто не доведены до материка, а полевая документация, естественно, отсутствовала.

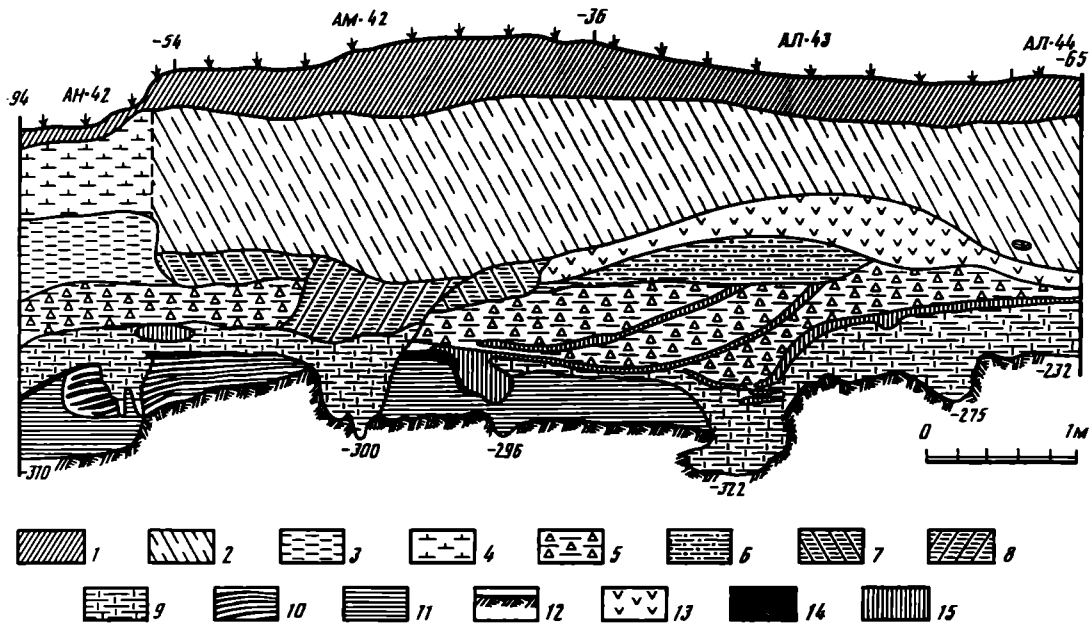


Рис. 2. Стратиграфический разрез северо-западной стенки экскаваторной ямы 1964 г. *1* – темно-серая супесь с небольшим количеством гальки – осыпь экскаваторной траншеи; *2* – темно-серый переотложенный суглинок с включением угольков и гальки – заполнение раскопов и грабительских ям дореволюционного времени; *3* – темно-серо-коричневый суглинок с включением угольков и гальки – верхний насыпной слой холма; *4* – рыхлый переотложенный темно-коричневый суглинок с небольшим включением угля и гальки; *5* – темно-серый однородный суглинок с более интенсивными, чем в слое 2, включениями угля и гальки – средний насыпной слой холма; *6* – темно-серый суглинок с включением пятен темно-коричневого суглинка, угольков и гальки – переотложенные и перемешанные слои 2 и 3; *7* – серо-коричневый суглинок с интенсивными включениями мелких пятен материкового (желтого и светло-коричневого) песка и глины, с включением угля и гальки – заполнение дна дореволюционных раскопов, грабительских ям либо ям позже неолитического времени; *8* – перемешанный коричневый суглинок с небольшим включением угля и гальки – заполнение дна дореволюционных раскопов, грабительских ям либо ям позже неолитического времени; *9* – темно-серый суглинок, интенсивно насыщенный углем и мелкими пятнами (мощностью 1–3 см) прокалов и светло-коричневого материкового суглинка – нижний насыпной слой холма; *10* – толща тонких горизонтально залегающих чередующихся прослоек мощностью 1–3 см углей, светло-серой и желтой материковой глины и песка; *11* – слой, состоящий из перемешанных и замытых прослоек слоя 7, *12* – желтый или светло-коричневый крупнозернистый песок с большим включением гальки, светло-серая или светло-коричневая глина – материк; *13* – материковый слой в переотложенном состоянии – выкиды из ям с раскопов, углубленных в материк; *14* – слой угля или насыщенные углем прослойки суглинка; *15* – прокалы и прокаленные прослойки суглинка

Наиболее полный и в то же время сложный стратиграфический разрез холма в 1995 г. получен при зачистке северо-западной стенки экскаваторной ямы 1964 г. (рис. 2), поэтому именно его возьмем за основу анализа стратиграфической ситуации холма; он к тому же самый протяженный из имеющихся (6,75 м). Описание его для удобства последующей интерпретации выделенных слоев холма[1] в рамках данной статьи приводится в обратной последовательности: от основания к вершине холма.

1. Материк (слой 9 в нумерациях профиля) – желтый или светло-коричневый крупнозернистый песок с большим включением гальки либо светло-серая или светло-коричневая глина. Его фиксация начинается с глубины от 210 в южной до глубины

[1] Следует учитывать, что при анализе стратиграфии любого археологического объекта, особенно такого насыпного искусственного сооружения, как Кокшаровский холм, допустимы ошибки субъективного плана. Автор это прекрасно понимает и не исключает, что при дальнейших полевых работах на холме стратиграфическая его колонка будет несколько видоизменяться за счет объединения (или разъединения) некоторых описываемых слоев как на уровне их визуальной фиксации, так и при их интерпретации после консультации с коллегами-археологами и специалистами-почвоведами.

310 см в северной части холма от условного "0"[2]. Обычно верхняя граница этого слоя фиксируется на глубине 220–230, 250–260, 290 см в разных частях холма.

2. Слой, состоящий из перемешанных или замытых (?) тонких (1–3 см) прослоек углей, светло-серой и желтой материковой глины (слой 8). Мощность этого слоя 20–40 см. Он лежит над материковым слоем обычно значительными линзами, но не везде. Этим же слоем заполнена канава 2, углубленная в материк. Этот слой, видимо, имеет не антропогенное, а естественное происхождение. Он образовывался (и это подтверждает палеопочвовед канд. биол. наук Г.И. Махонина) в результате интенсивного проникновения воды через мелкие капиллярные почвенные воронки в предматериковый слой. Чаще эти проникновения осуществлялись в естественных понижениях или даже в искусственных перекопах материка, поэтому этот слой мог заполнять и археологические объекты, углубленные в материк, а иногда включать в себя и некоторые артефакты. Близок к описанному и слой 7, имеющий ту же структуру, но прослойки угля и материкового песка и глины в нем не замыты и прослеживаются в четкой горизонтальной зональности.

3. Темно-серый суглинок (слой 6), интенсивно насыщенный углем и мелкими пятнами (мощностью 1–2 см) прокалов и светло-коричневого суглинка. Залегает либо прямо на материке, либо над вышеописанными слоями (линзами) 8 и 7. Это нижний основной слой холма, вероятно, характеризующий самый ранний этап подсыпки и функционирования холма. Мощность его в разных частях холма колеблется от 7 до 40 см, но, как правило, составляет 20–30 см. Обычно этим же суглинком заполнены канава 1 и ямы, которые углублены в материк. Иногда в этот слой вклиниваются довольно-таки интенсивные прослойки угля, прокалов и прокаленного суглинка мощностью до 27 см. Вне сомнения, этот слой несет в себе ярковыраженные следы воздействия огня, причем следы интенсивные.

4. Темно-серый однородный суглинок (слой 3) с интенсивным включением угля и гальки. Мощность этого слоя в разных частях холма колеблется от 8 до 106 см, но обычная его мощность – от 40 до 80 см. Как правило, этот слой 3 залегает над слоем 6, крайне редко на материке, иногда отделен от слоя 6 углисто-прокаленной прослойкой суглинка (слои 10, 11) мощностью 2–8 см (а иногда и более) или включает в себя одну-две таких прослойки (или линзы). Не исключено, что эти прослойки маркируют определенные горизонты обитания неолитического населения на холме. Нередко этот слой перерезан переотложенными слоями 4, 5 (структуру их см. в легенде к рис. 2) – заполнениями каких-то более поздних, чем неолитическое время, ям или грабительских (любительских) дореволюционных раскопов, не доведенных до материка. Слой 3 маркирует второй этап подсыпки холма. Он фиксирует также (по прокаленно-углистым прослойкам 10, 11) по крайней мере два горизонта обитания древних людей на этом уровне подсыпки холма. Над этим слоем на большей площади холма залегает явно переотложенный слой 3а. Это темно-серый суглинок с включением темно-коричневого суглинка, угольков и гальки. Образовался слой 3а скорее всего в результате постоянных перекопов и смешения основных слоев холма 3 и 2 (о последнем ниже). В некоторых частях холма над слоем 3 залегают слои 9а и 9б. Это материковые слои в переотложенном состоянии, т.е. это выкиды из тех раскопов и ям, которые были углублены в материк;

5. Выше слоев 3 и 3а залегает темно-коричневый суглинок с небольшим включением угля и гальки (слой 2). Видимо, это верхний насыпной слой холма. Его мощность в разных частях холма колеблется от 13 до 186 см. Как правило, он

---

[2] Разница между условным "0" раскопов 1995 г. и современными верхними точками поверхности холма не превышала "+15", "–74" см, но следует учитывать, что на холме были значительные перекопы, а на его поверхность выбрасывался грунт, в том числе из обширных раскопов А.И. Россадович, поэтому реальная разница между условным "0" 1995 г. и современной поверхностью холма вряд ли превышала 10–15, в крайнем случае 50 см. Разница же в соотношении древней (археологической) поверхностью холма и современной будет оговорена ниже.

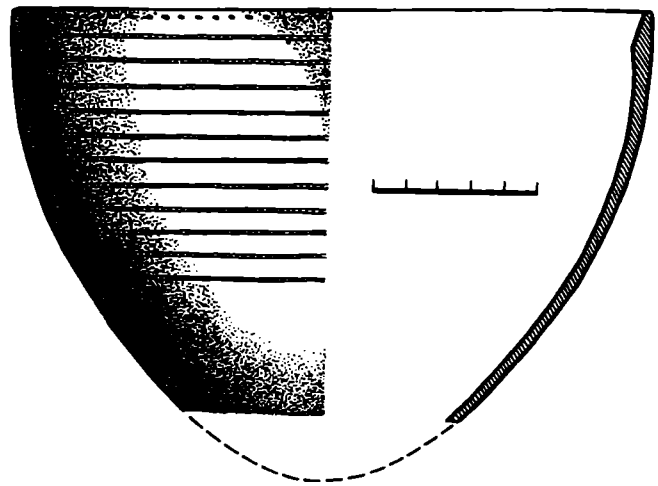


Рис. 3. Сосуд кошкинской культуры

находится под лежащими выше переотложенными слоями 2а, 1б (их структуру см. в легенде к рис. 2). В среднем мощность слоя 2 была в пределах 1 м и более.

И, наконец, самый верхний слой холма – это современный дерн и темно-серая гумусированная супесь с небольшим включением угольников и гальки. Это отвалы раскопов А.И. Россадович или осыпь экскаваторной ямы. Мощность этого слоя 1 в разных частях холма от 10 до 106 см. Но обычно она равна 40–50 см.

Таким образом, по стратиграфии раскопов 1995 г. можно предполагать наличие на холме трех (6, 3, 2) основных насыпных культурных слоев. Не исключено, что они отражали не менее трех этапов подсыпки холма в древности. Углисто-прокаленные прослойки, встречаемые в слоях 6 и 3, возможно, маркировали еще более дробные этапы в функционировании холма (горизонты обитания и жизнедеятельности древних людей на холме). В древности холм мог иметь высоту примерно на 1 м ниже современной, так как верхние слои холма 1, 1б, 2а носят явно переотложенный характер. Все основные непотревоженные слои холма несут в своей структуре явные следы воздействия огня, что уверенно позволяет реконструировать большую роль огня в тех процессах, которые сопровождали деятельность древних коллективов на данном пространстве. Одним из структурных элементов этой жизнедеятельности было сооружение на холме деревянных конструкций – оградок подпрямоугольной формы размером около 2 × 2 м и высотой не менее 0,5 м, которые также подвергались воздействию огня. Скорее всего это остатки культовых амбарчиков, близких тем, что до сих пор фиксируются на мансийских святилищах (Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., 1986, с 8, 9, рис. 2, *92, 93,* 85 и др.).

Как уже отмечалось, в раскопах 1995 г. найдено более 11 тыс. находок. Из них фрагменты керамики составляют коллекцию в более чем 9 тыс. экз. Так как керамика для ранних эпох, как правило, главнейший культурно-хронологический индикатор археологических памятников, а стратиграфия холма имеет структуру последовательных напластований (подсыпок), то далее в тексте статьи будет приведена краткая характеристика основных типов керамики и тенденции их концентрации в основных непотревоженных слоях холма (7/8, 6, 3, 2).

Керамика Кокшаровского холма представляет три археологические эпохи: неолит, энеолит, средневековье. Керамика всех эпох изготовлена, видимо, на месте, во всяком случае в пределах горно-лесного Зауралья, на что указывает примесь в тексте абсолютного большинства сосудов талька. Эта примесь характерна только для культур территории горно-лесного Зауралья.

Самая многочисленная категория – это керамика эпохи неолита. Она представлена четырьмя типами: кокшаровско-юрьинским, полуденским, кошкинским и посудой, близкой по форме боборыкинской. Посуда кошкинского (не менее 50 сосудов) и

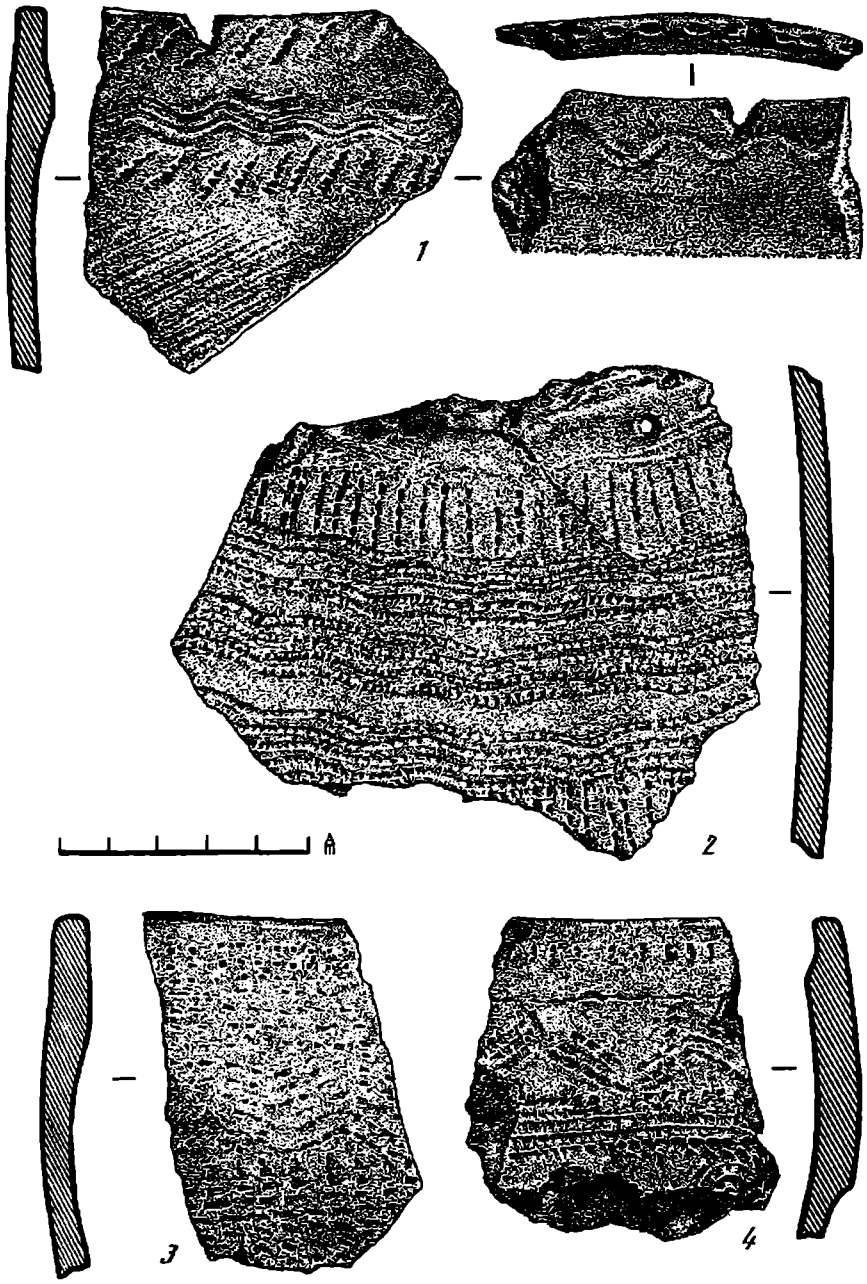


Рис. 4. Керамика полуденской культуры

полуденского (не менее 30 сосудов) типов Кокшаровского холма (рис. 3, 4) мало чем отличается от уже опубликованной в литературе посуды данных типов с других памятников, поэтому специально не описывается.

Кокшаровско-юрьинский тип – самый многочисленный на памятнике (не менее 90 сосудов). Название этому типу посуды как самостоятельному культурному явлению в рамках козловского этапа уральского неолита предложено в неопубликованной дипломной работе тагильского археолога В.А. Арефьева[3]. Хотя впервые на отличия в

[3] Глубоко признателен В.А. Арефьеву за неоценимую помощь в проработке полевых материалов из раскопов А.И. Россадович, без чего невозможно было начинать работы в 1995 г., а также за самое активное участие в раскопках 1995 г. наряду с В.Д. Викторовой, Р.Б. Волковым, Е.А. Гаджиевой, Н.И. Курлаковой, В.С. Зайцевым, М.Ю. Барановым, Е.А. Киселевым, Н.Р. Тихоновой, С.Н. Паниной, О.И. Шориной и др.

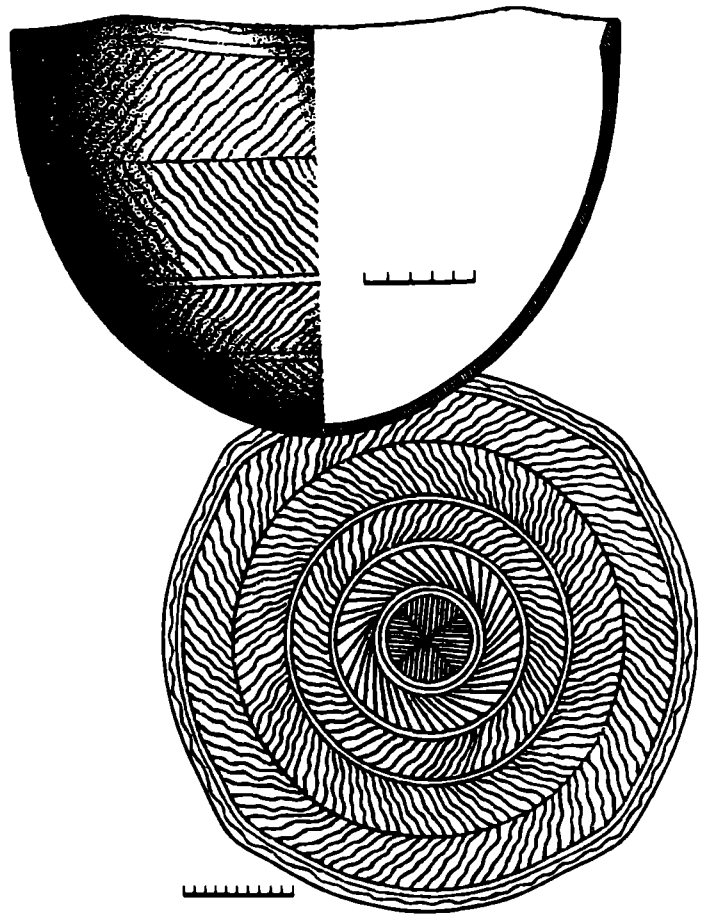


Рис. 5. Сосуд кокшаровско-юрьинского типа

рамках козловского этапа керамики северных регионов Зауралья обращал ранее внимание О.Н. Бадер (1970, с. 159–161).

Посуда кокшаровско-юрьинского типа (рис. 5) круглодонная. В одном случае отмечено уплощенное дно. Обычно сосуды открытой формы без выраженной шейки. И только у единичных сосудов шейка слегка намечена. Срезы венчиков плоские, уплощенные, округлые и приостренные. Некоторые сосуды имеют волнистый срез венчика (рис. 6, *2*). Обязателен наплыв с внутренней стороны в верхней части горловины, формы которого различны: треугольный, овальный. Часто наплыв довольно резко переходит в утонченную стенку (рис. 6, *1*). Орнамент покрывал всю внешнюю поверхность сосуда, включая дно, а нередко и срез горловины. С внутренней стороны горловины орнамент в виде горизонтального зигзага отмечен только один раз. Зональность узоров горизонтальная. Хотя нередко в каждой из зон сосуда, особенно в верхней его части, прослеживается стремление к разбивке узора на вертикальные подзоны за счет наклонных рядов наколов (рис. 6, *3*). Характерные орнаментальные мотивы в верхней части горловины – это горизонтальные ряды (ряд) наколов обычно овальной и треугольной форм. Они, как и горизонтальные линии, выступают часто и в качестве разделителей зон. На тулове обычно фигуры в виде взаимопроникающих треугольных зон. Эти композиции придают сосудам напрядный облик. Причем взаимопроникающие треугольные зоны выполнены чаще даже не прямыми, а волнистыми наклонными линиями. Типичные орнаментальные композиции на сосудах данного типа – также чередующиеся зоны узоров из наклонных волнистых линий, разделенных рядами (рядом) горизонтальных наколов (рис. 5). Изредка, на сосудах, в верхней части присутствуют сформованные валики и воротнички (примерно 6% сосудов). Иногда на 3 сосудах в верхней части нанесены слабоуглубленные широкие

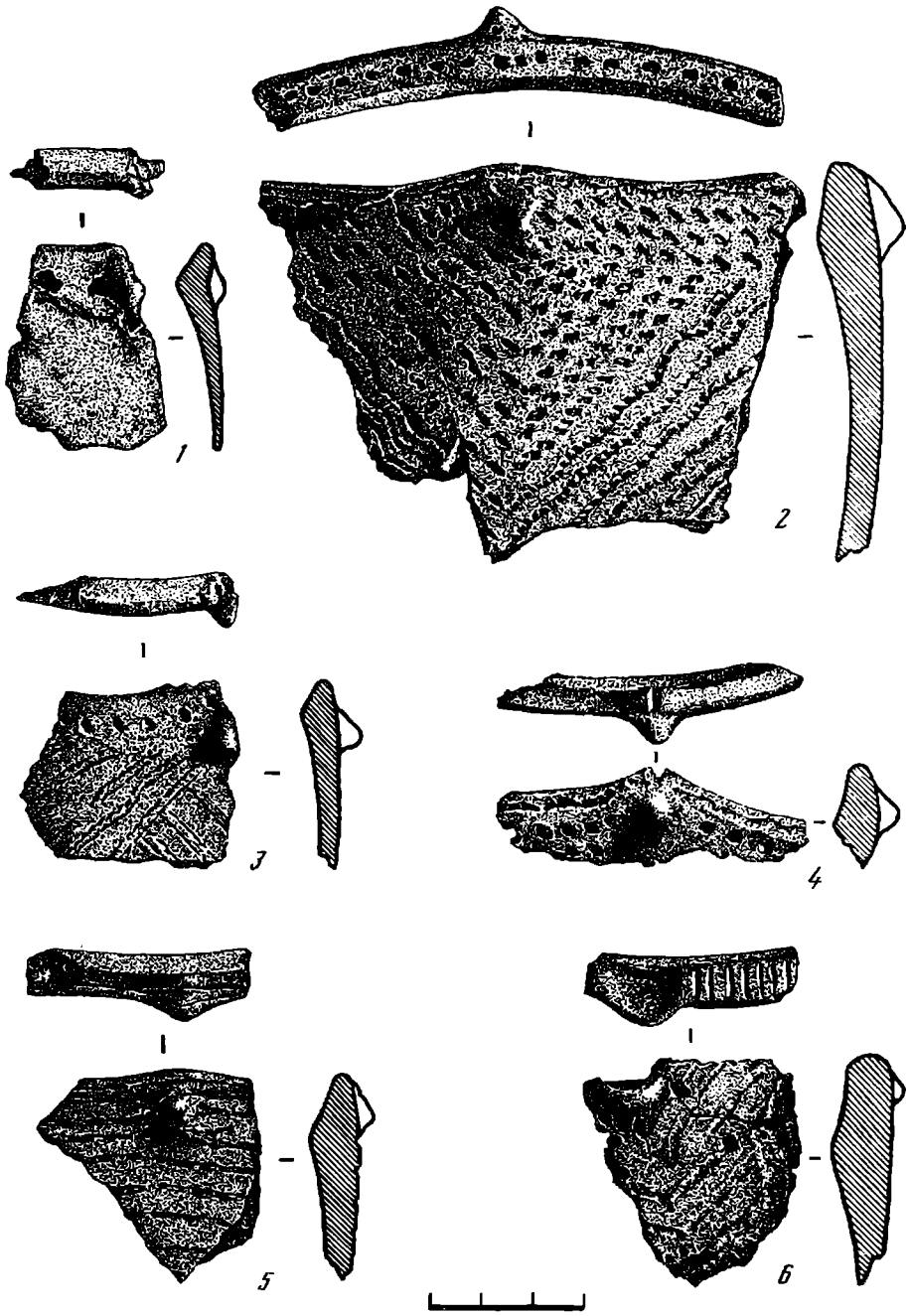


Рис. 6. Керамика кокшаровско-юрьинского типа с зооморфными налепами

желобки, заполненные обычно наколами (3% сосудов). Основной узор на днищах сосудов – круг со вписанным прямым крестом. Секторы этого круга заполнены наклонными отрезками, нанесенными в смежных секторах с противоположным наклоном (рис. 5).

В приемах орнаментации абсолютно господствует линейно- или отступающе-накольчатая техника в сочетании с наколами, прочерчиванием; или прочерченная в сочетании с наколами (примерно 13% сосудов). Причем накольчатое отступание выполнено не только палочкой, но и двузубым штампом (примерно 65% сосудов). И только приблизительно на 15% сосудов отступающе-накольчатая техника сочетается с печатно-гребенчатой: крупный, реже мелкий гребенчатый штамп, в одном случае – шагающая гребенка. Особо следует отметить фрагмент керамики, имеющий кокшаровско-юрьинскую орнаментальную схему, но выполненную сочетанием техник ша-

гающей и крупной печатной гребенки. Возможно, это (как и отмеченные выше 15% сосудов с использованием в орнаментации печатного и шагающего штампов наряду с отступающе-накольчатой техникой) отражение взаимодействия кокшаровско-юрьинской и полуденской орнаментальных традиций на одном из этапов функционирования холма.

Только на 10 фрагментах посуды кокшаровско-юрьинского типа в раскопках 1995 г. отмечены рельефные зооморфные налепы (рис. 6) (примерно столько же или чуть более фрагментов было в раскопках А.И. Россадович (Ковалева В.Т., Арефьев В.А., 1993, рис. 1, 2). Они расположены у среза горловины как с внешней, так и с внутренней стороны. Форма их, как правило, конусовидная. Этот конусовидный выступ подчеркнут по обоим бокам и обычно снизу глубокими наколками, нанесенными специально или вписанными в орнамент, выполненный округлыми наколами (т.е. эти глубокие наколы – часть орнамента). Зрительно эта фигура воспринимается как изображение какого-то животного или птицы, у которого нос выражен налепом, глаза – глубокими наколами по бокам налепа, рот – глубоким наколом под налепом. Иногда изображение дополнено зарубкой (или несколькими), нанесенной на срезе горловины над налепом (рис. 6, *4*). Они передают как бы ушки зооморфного изображения. Восприятие ушек происходит обычно также за счет того, что срез горловины у сосудов с зооморфными налепами, как правило, волнистый. На месте налепа он или возвышен, либо, наоборот, налеп находится в нижней части волнистого среза горловины между двумя бугорками (рис. 6, *2–5*). В глиняном тесте многих сосудов с зооморфными налепами даже визуально фиксируется примесь охры, иногда обильная.

Более предпочтительна трактовка образа, переданного зооморфным налепом, как совы. Почитание совы как священной птицы фиксируется в этнографии многих народов. Этот сюжет хорошо представлен и в культовой пластике ряда археологических культур.

Видимо, и фрагменты сосудов с зооморфными головками с Махтыльского холма, судя по публикации В.Т. Ковалевой и В.А. Арефьева (1993, рис. 3, 4), также относятся к кокшаровско-юрьинскому типу.

Керамика, близкая по форме боборыкинской (рис. 7). Она немногочисленна: 75 фрагментов не более чем от 21 сосуда. Днищ нет. Сосуды имеют как ярковыраженную шейку, так и баночную форму. Сосуды с шейкой разных вариаций: прямая высокая шейка, через резкий отгиб переходящая в тулово (ведущая форма); прямая шейка с плавным переходом в тулово; прямая шейка, но со слабым внешним наплывом на месте перехода в тулово. С внутренней стороны сосуды, как правило, имеют низко опущенный подтреугольный валик или уступ на месте отгиба шейки в тулово. Редок подтреугольный наплыв с внутренней стороны в самом верху шейки. На немногих только сосудах резкого перегиба или наплыва при переходе шейки в тулово с внутренней стороны нет (рис. 7, *4*). Венчики сосудов плоские или округлоуплощенные, на маленьких по размерам сосудах чаще округло-приостренные; пять из них имеют орнамент в виде вертикальных насечек (рис. 7, *2, 4*). У двух сосудов отмечен орнамент с внутренней стороны в виде вертикальных насечек по верхнему краю горловины или горизонтального зигзага, образующего оттиск в виде двойной линии за счет нанесения его методом прочерчивания двузубой палочкой. Внешняя поверхность сосудов орнаментирована, видимо, сплошь или в значительной ее части. Узоры наносились способом прочерчивания двузубой палочкой, образующей оттиск в виде двойной линии (такой прием известен и при орнаментации кокшаровско-юрьинской посуды), или тем же инструментом по принципу периодического нажима на поверхность (прочерченно-накольчатая керамика). Причем эти приемы часто сочетались при орнаментации одного и того же сосуда при нанесении разных элементов орнамента. На одном же из фрагментов по верху сосуда с внутренней и внешней его сторон вертикальные отрезки нанесены тонкозубым гребенчатым штампом. Композиционные узоры достаточно просты и представляют обычно чередование горизонтальных зигзаговых и прямых линий. На ряде сосудов, но крайне

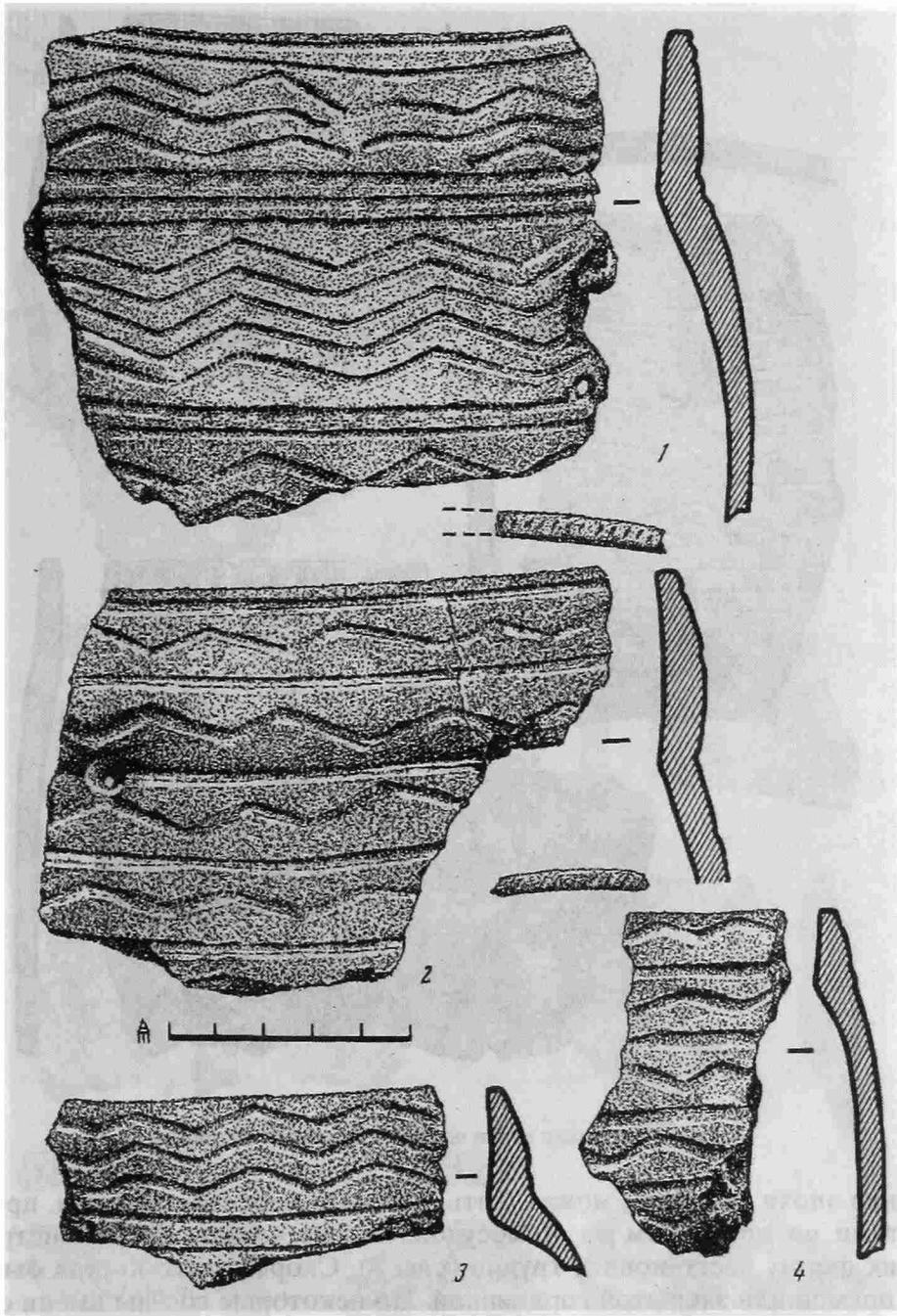


Рис. 7 Керамика басьяновского типа

редко, в дополнение к этим композициям по краю шейки с внешней стороны нанесены вертикальные насечки. Плотная зональность узора, обычно без оставления неорнаментированного пространства, создает впечатление насыщенности и нарядности орнаментальной схемы сосудов. Нарядный облик некоторых сосудов усиливает и манера нанесения спаренных горизонтальных зигзаговых линий таким образом, что создается впечатление присутствия в орнаментальной композиции сосудов фигур типа цепочки горизонтальных ромбов.

Как уже отмечалось, форма сосудов данного типа напоминает боборыкинскую, но орнамент его своеобразен, поэтому не исключено, что этот тип посуды должен иметь собственный культурный статус и может быть обозначен **басьяновским** (памятник находится на территории Басьяновского торфомассива).

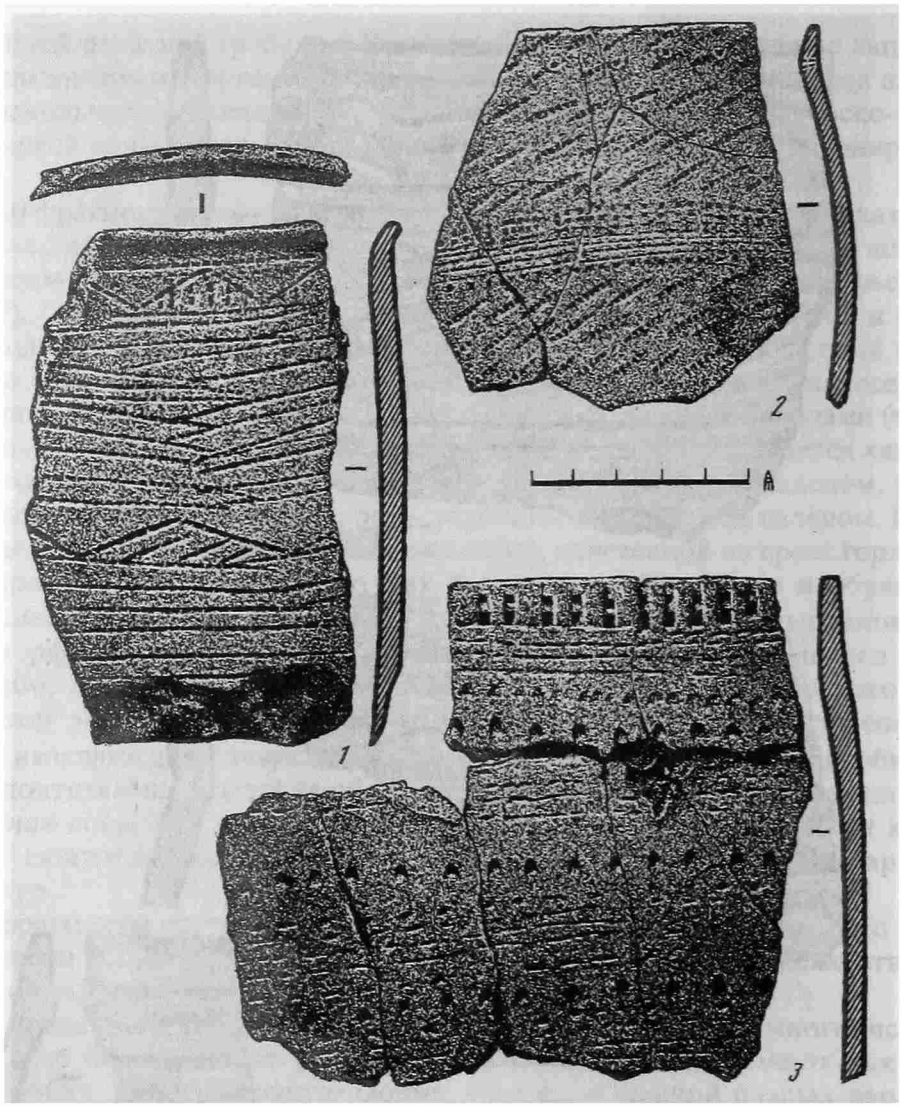


Рис. 8. Керамика эпохи позднего неолита – энеолита

Керамика эпохи энеолита, может быть, позднего неолита-энеолита, представлена фрагментами не менее чем от 40 сосудов. Целые сосуды не реконструируются, поэтому их форму восстановить трудно (рис. 8). Скорее всего посуда была круглодонной с прямой или закрытой горловиной. Но некоторые сосуды имели слабовыраженную отогнутую наружу короткую шейку. Срез горловины округлый, уплощенный или приостренный, иногда скошенный наружу. У одного сосуда он волнистый. Наплывы неолитического типа с внутренней стороны горловины практически не встречаются, но слабое утолщение здесь обычно. Оно орнаментировалось редко. Обычно это наклонные оттиски мелкого печатного гребенчатого штампа или вдавления. Один раз здесь встречено волнистое прочерчивание. Редко орнаментирован срез венчика. Обычно это треугольные наколы или наклонные оттиски того же мелкого печатного гребенчатого штампа. Внешняя поверхность в подавляющем большинстве случаев орнаментирована сплошь, обычно без просветов (неорнаментированных зон), характерных для энеолитической посуды других территорий Урала. Зональность узоров горизонтальная. Орнамент наносился в подавляющем большинстве случаев печатными гребенчатыми штампами, средними и мелкими, редко крупными. Изредка на сосудах гребенчатые узоры сочетаются с отступающе-наколь-чатыми, прочерченными, в том числе двузубой палочкой, или вдавлениями. Основная часть посуды украшена композициями, состоящими из чередования простых узоров:

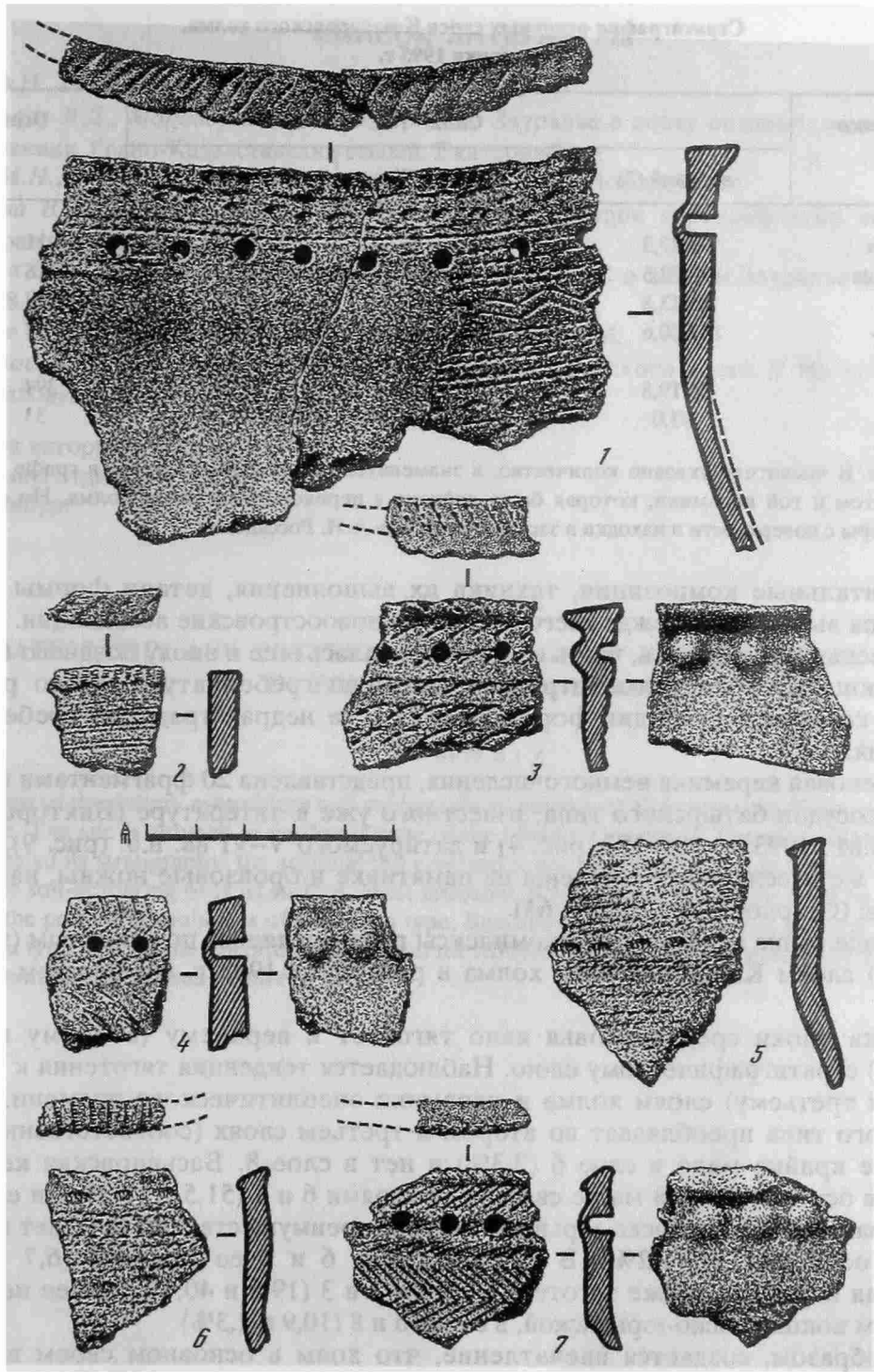


Рис. 9. Керамика батырского типа

наклонных и вертикальных оттисков, горизонтальных зигзагов и линий, ромбической сетки, вертикальных зигзагов, волнистых линий. Последние обычно нанесены прочерчиванием или протаскиванием по поверхности двузубой палочки. Но примерно пятая часть сосудов этого комплекса содержит в орнаментации геометрические фигуры – заштрихованные взаимопроникающие треугольные зоны, цепочки заштрихованных равнобедренных треугольников, незаштрихованные ромбы и треугольники (рис. 8, *1*). В орнаментации некоторых сосудов отмечены явные сбои в построении орнаментальных схем. Ряд сосудов имеет сквозные ямки в верхней части (рис. 8, *2*).

Стратиграфия основных слоев Кокшаровского холма, раскопки 1995 г.

Тип керамики	Слои			Всего
	верхний (2)	средний (3)	нижний (6, 7/8)	
Средневековая	3/27,3	–/–	1/9,1	11
Энеолитическая	49/22,5	76/34,7	8/3,7	218
Полуденская	65/23,8	101/37,0	9/3,3	273
Кокшаровско-юрьинская	153/20,6	306/41,2	58/7,8	742
Кокшинская	78/19,8	159/40,4	52/13,2	394
Басьяновская	1/3,0	6/18,2	17/51,5	33

Примечание. В числителе указано количество, в знаменателе – процент. Подсчет в графе "Всего" ведется с учетом и той керамики, которая была найдена в перекопанных слоях холма. Но сюда не включены сборы с поверхности и находки в засыпке раскопов А.И. Россадович.

Орнаментальные композиции, техника их выполнения, детали формы сосудов данного типа вызывают прежде всего аятско-сосновоостровские ассоциации. Видимо, энеолитическая (может быть, часть ее формировалась еще в эпоху позднего неолита) посуда Кокшаровского холма отражает местную гребенчатую линию развития уральской керамики на стадии формирования в ее недрах традиций гребенчатого геометризма.

Средневековая керамика немногочисленна, представлена 20 фрагментами не менее чем от 11 сосудов батырского типа, известного уже в литературе (Викторова В.Д., Морозов В.М., 1993, с. 180–183, рис. 4) и датируемого V–VI вв. н.э. (рис. 9). Скорее всего этим же населением оставлены на памятнике и бронзовые ножны, найденные еще в XIX в. (Старков В.Ф., 1980, с. 64).

Описанные выше керамические комплексы распределялись по основным (непотревоженным) слоям Кокшаровского холма в раскопках 1995 г. следующим образом (таблица).

Керамика эпохи средневековья явно тяготеет к верхнему (второму в нашей нумерации) стратиграфическому слою. Наблюдается тенденция тяготения к верхним (второму и третьему) слоям холма и керамики энеолитического времени. Посуда полуденского типа преобладает во втором и третьем слоях (соответственно 23,8 и 37%), но ее крайне мало в слое 6 (3,3%) и нет в слое 8. Басьяновская керамика, наоборот, в основной своей массе связана со слоями 6 и 3 (51,5 и 18,2%), и ее мало в слое 2. Керамика кокшаровско-юрьинского типа преимущественно залегает в слоях 2 (20,6%) и особенно 3 (41,2%). В нижних слоях 6 и 8 ее немного (6,7 и 1,1%). Кошкинская керамика также тяготеет к слоям 2 и 3 (19,8 и 40,4%), но ее несколько больше, чем кокшаровско-юрьинской, в слоях 6 и 8 (10,9 и 2,3%).

Таким образом, создается впечатление, что холм в основном своем виде был сооружен в неолитическое время. В эпоху энеолита он если и подсыпался, то ненамного. Посещение же его людьми эпохи средневековья носило явно эпизодический характер.

В неолитическое время основным комплексом на холме был кокшаровско-юрьинский. Скорее всего в более ранние этапы функционирования холма кокшаровско-юрьинскому комплексу сопутствовали кокшинский и басьяновский, а в более поздние периоды неолита – полуденский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н., 1970. Уральский неолит // МИА. № 166.

Викторова В.Д., Морозов В.М., 1993. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., 1986. Религия народа манси. Новосибирск.

Ковалева В.Т., Арефьев В.А., 1993. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // ВАУ.

Старков В.Ф., 1969. О так называемых "богатых буграх" в лесном Зауралье // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. № 5.

Старков В.Ф., 1980. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.

Стоколос В.С., 1960. Археологическая разведка Серовского музея // Из истории Урала. Свердловск.

Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург

A.F. SHORIN

STRATIGRAPHY AND POTTERY ASSEMBLAGE OF KOKSHAROVSKY KHOLM IN THE MIDDLE TRANSURALS

S u m m a r y

Analysis of the pottery assemblage and stratigraphical column of Koksharovsky kholm are published in the article. The site is situated in the forest zone of the Middle Transurals. The excavations conducted in 1995 revealed its stratigraphy: the artificial hill emerged in the Neolithic period as a result of at least three successive soil-scattering over its surface. Most probably, it functioned as a shrine used by the population who left the pottery assemblages of Koshkino type, Basyanovo type, Koksharovo and Yur'yino type, and Poludenka type. During the Eneolithic period and the Middle Ages the hill was practically abandoned, and soil-scattering was practised no more.

С.В. ЛЯХОВ, В.И. МОРДВИНЦЕВА

РАННЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У ПОСЕЛКА ПИТЕРКА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В последние века до н.э. в материальной культуре сарматов Волго-Донских степей происходят значительные изменения, которые, видимо во многом определялись общей нестабильной этнополитической ситуацией в степном поясе Евразии, активизацией миграционных процессов. Возникновение в конце III – начале II вв. до н.э. на далеких восточных окраинах евразийских степей мощной империи хунну повлекло за собой целую цепь событий, в том числе падение Греко-бактрийского государства в Средней Азии и утверждение во главе бывших эллинистических государств – Бактрии и Парфии – кочевых династов.

Внимание археологов всегда привлекали находки в сарматских погребениях данного периода вещей восточного облика, а может быть, и происхождения – украшений конской упряжи, поясной гарнитуры, бронзовых подвесок-амулетов в виде котелков и колокольчиков и пр. Такие погребения довольно редки и поэтому особенно интересны.

Одно такое погребение было исследовано в 1993 г. экспедицией Саратовского государственного университета (Ляхов С.В., 1993) в кургане 1, расположенном на вершине второй надпойменной террасы левого берега р. Малый Узень, около пос. Питерка Питерского района Саратовской области. Курган, центр которого нарушен многократными перекопами, содержал 13 захоронений раннежелезного века. Курган сооружен в два приема. Первичная насыпь овальной формы возведена в савроматское время над погребениями 4 и 5. Досыпка произведена в так называемый "период расцвета прохоровской культуры" III–I вв. до н.э. (Мошкова М.Г., 1963, с. 8) над группой погребений 3, 7–13, прорезавших первичную насыпь и устроенных по кругу вокруг центрального захоронения 2. Кроме того, в насыпи выявлены остатки тризн: кострище, кости животных, керамика, а также человеческие кости из погребения 2. Среди этих находок только фрагмент сосуда с "жемчужинами", обнаруженный около входной ямы погребения 4, датируется савроматским временем. Остальные относятся к раннесарматским комплексам.

Особый интерес представляет погребение 9, которое было совершено в западном секторе кургана. По углам могилы практически на одной глубине (около 0,6 м от центрального репера) отмечены скопления костей животных: у северо-восточного – крупного рогатого скота, у юго-восточного – кабана, у юго-западного – барана. Возможно, тризна была совершена до сооружения могильной ямы, так как кости барана были перекрыты выкидом, который фиксировался в насыпном грунте западнее погребения.

Могильная яма широкой прямоугольной формы длинной осью ориентирована по линии С–Ю. Ее длина 2,2 м, ширина 1,75 м, глубина 3 м от центрального репера, 1,85 м от уровня материка. Вдоль всего периметра могилы, в верхней ее части, на глубине 1,63–1,78 м от центрального репера, сооружены заплечики шириной 0,1–0,23 м. Заплечики коротких сторон глубже длинных на 10 см. Вдоль коротких сторон ямы было сооружено перекрытие из 12 досок, остатки которых зафиксированы на длинных заплечиках. Стенки могилы расширяются ко дну. Размеры ямы по дну 2,12 × 1,37 м. В мягком заполнении ниже перекрытия обнаружены вдоль

© С.В. Ляхов, В.И. Мордвинцева, 2000 г.

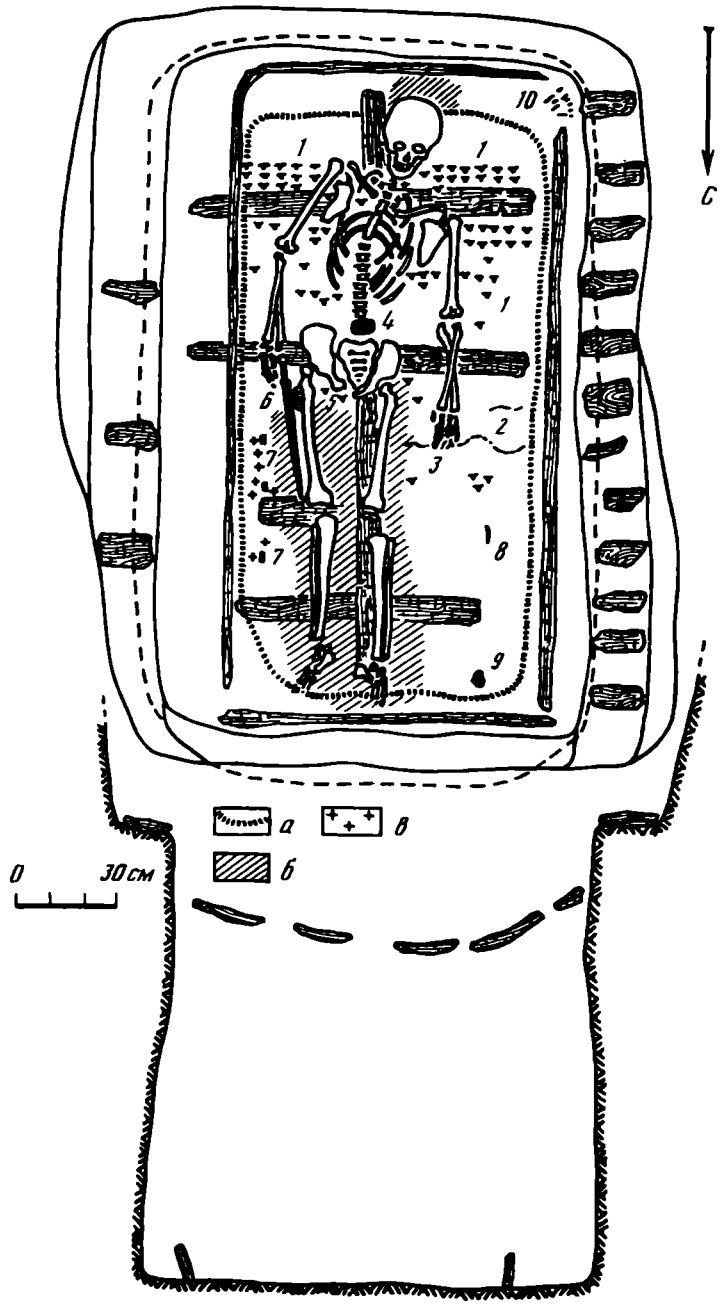


Рис. 1. План погребения 9 кургана № 1. *1* – золотые бляшки; *2* – золотые спирали; *3* – золотая обкладка; *4* – гагатовая пряжка; *5* – бронзовая пряжка; *6* – железный кинжал; *7* – обломок оселка; *8* – железный предмет; *9* – деревянный сосудик; *10* – бронзовые предметы: *а* – коричневый тлен; *б* – желтый тлен; *в* – угли

западной стенки на глубине 0,4 м от края заплечика кости барана; в северной части ямы – кости подростка[1] и уголь (рис. 1).

На дне ямы расчищена деревянная несколоченная конструкция: прямоугольная рама 1,95 × 1,0 м, высотой 10 см, которая покоилась на четырех поперечных плахах. Внутри рамы, на темно-коричневой подстилке, лежал скелет взрослого человека вытянуто, на спине, черепом на юг – юго-запад. Кости ног вытянуты. Кости левой руки – вдоль корпуса, правая – слегка откинута в сторону. Под черепом и костями ног

[1] Возможно, это человеческие останки из погребения 5, попавшие сюда в результате деятельности грызунов, норы которых частично нарушили часть северо-восточного угла могильной ямы.

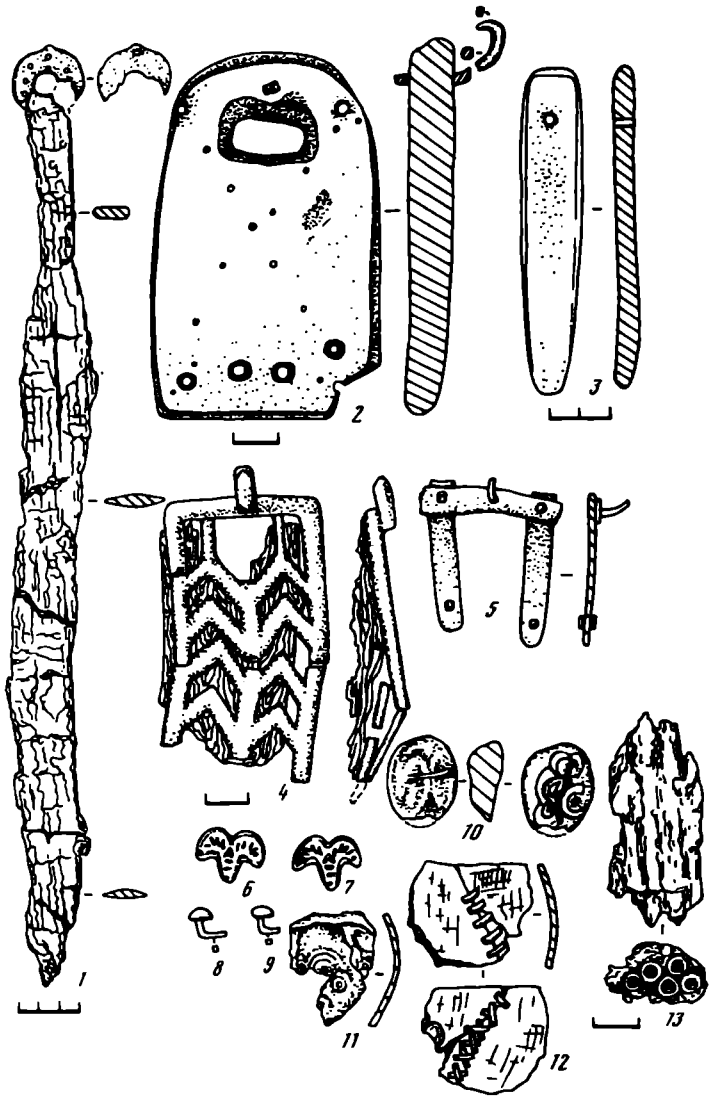


Рис. 2

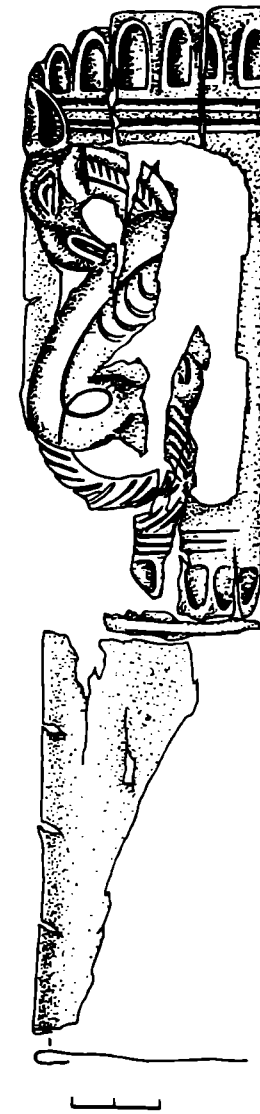


Рис. 3

Рис. 2. Вещи из погребения: *1, 13* – железо; *2* – гагат, бронза; *3* – камень; *4, 5, 8–10, 12* – бронза; *11* – дерево, серебро; *6, 7* – золото

Рис. 3. Золотая орнаментированная пластина

фиксировалась органика темно-желтого цвета. Справа от коленного сустава правой ноги обнаружены угольки. Череп умершего покоился на "подушке" из волокнистой органики темно-коричевого цвета с белыми органическими включениями.

По всей площади темно-коричневого тлена найдены золотые тисненые нашивные бляшки (309 шт.) в виде рогов барана, на которых выдавлен орнамент в виде треугольников и насечек (рис. 2, *6, 7*). Размеры бляшек 1,6 × 1,0 см. Максимальное скопление их наблюдалось в районе груди. В отдельных случаях удалось проследить их первоначальное расположение: параллельными рядами вдоль коротких сторон покрывала.

По всему дну могилы встречались фрагменты золотой спиральной ленты разной длины, шириной 0,3–0,4 см, выполненной из тонкого листа.

Левую кисть умершего покрывала тонкая орнаментированная пластина длиной 23,2 см, шириной 6 см, толщиной 0,1 мм (рис. 3). Золотая фольга, из которой она была сделана, настолько тонкая, что значительная часть ее рассыпалась. На одной половине пластины помещено изображение горбоносого травоядного животного, ве-

роятно сайгака. Голова его повернута назад и касается спины. Рот обозначен выпуклым валиком. Ухо неестественно крупного размера оформлено в виде каста, когда-то, видимо, содержавшего вставку из камня или стекла миндалевидной формы. На туловище резцом показаны ребра и линия позвоночника, на бедрах закрученная в петлю (возможно, графическая замена вставки). Хвост и шерсть на шее показаны валиком с насечками. Сохранившаяся часть задней ноги заканчивается копытом. Судя по очертаниям фрагментированного внутреннего края пластины (тонкая фольга обычно ломается по линии сгиба), животное было изображено с подогнутыми ногами. Зооморфный мотив ограничен с двух сторон тисненым орнаментом в виде "ионików", базирующихся на двух рядах валиков.

Края обкладки загнуты на оборотную сторону и имеют следы от пришивания.

Около правой ноги погребенного найден каменный оселок прямоугольной формы со сквозным отверстием, разбитый на четыре части. Длина его 11,3 см (рис. 2, *3*).

На поясе, поверх нижних позвонков скелета, немного выше крестца лежала гагатовая прямоугольная пряжка длиной 8,5 см, шириной 4,5–5 см, толщиной 1 см (рис. 2, *2*). Край одной короткой стороны закруглен, в центре его имеется обломанный бронзовый крючок, пробивающий пряжку насквозь. Отломанный конец крючка найден среди других бронзовых предметов в юго-западном углу могилы. Рядом с крючком на пряжке имеется небольшое прямоугольное отверстие для ремня (2 × 1 см). Вдоль другой короткой стороны пластины находятся пять сквозных круглых отверстий со следами сработанности диаметром 0,3–0,5 см. Аналогичные отверстия имеются с другой стороны. Края пряжки скошены в сторону внутренней и внешней поверхности. С лицевой стороны пряжка орнаментирована двумя перекрещивающимися пунктирными линиями, состоящими из углублений диаметром 0,1 см. В четырех из них сохранились золотые гвоздики.

Рядом с правой бедренной костью покоился железный кинжал без перекрестия, с деревянным кольцевым навершием, толщиной около 0,3 см. Общая его длина 41,5 см, длина клинка 30 см (рис. 2, *1*). Сечение лезвия линзовидное. Диаметр навершия 3,5 см. На его поверхности видны шляпки железных штифтов. По всей поверхности оружия зафиксированы остатки древесного тлена от ножен. Поверх дерева на клинке обнаружены фрагменты кожи, окрашенной в красный цвет.

Поверх кинжала лежала бронзовая прямоугольная ажурная пряжка с боковым неподвижным крючком. Ее размеры 5,5 × 3,5 см (рис. 2, *4*). К пряжке с внутренней стороны с помощью тонких кожаных ремешков привязаны куски кожи и толстая волокнистая органика темно-коричневого цвета. Видимо, с помощью этой пряжки кинжал крепился к портупее.

У левого колена, с внешней стороны, найдены железные наконечники стрел с длинной втулкой и небольшой головкой – около 10 экземпляров. Длина наконечников около 6 см (рис. 2, *13*). Наконечники сильно коррозированы, поэтому тип их точно не определяется.

Слева от ступней лежал фрагмент венчика деревянного сосуда (чаши?), прошитый плоской серебряной лентой. На поверхности сосуда отпечатались остатки материи, в которую он, видимо, был завернут (рис. 2, *11*).

В юго-западному углу, на дне могилы, выявлен ряд бронзовых предметов: крючок от гагатовой пряжки (рис. 2, *2*); два гвоздика с полусферическими шляпками (рис. 2, *8*, *9*); пряжка П-образной формы с боковым неподвижным язычком (рис. 2, *5*); небольшая тонкая пластина прямоугольной формы 2,5 × 2 см (рис. 2, *12*); округлая бляха с припаянной с внутренней стороны тонкой, квадратной в сечении проволокой (рис. 2, *10*); прямоугольная обойма-наконечник ремня, изготовленная из двух пластин, между которыми видны остатки кожи. Все эти предметы, по всей видимости, составляли гарнитуру пояса.

Погребение 9, как и сооруженные приблизительно в то же самое или чуть более раннее время погребения 1–3, 6–8, 10–13, относится к эпохе так называемой "раз-

витой" раннесарматской культуры. На это указывает характерный погребальный обряд этого комплекса, представляющего вместе с другими могилами курган-кладбище одной семейно-родовой группы. Деревянная конструкция, обнаруженная в исследуемом погребении имеет многочисленные аналогии в сарматской культуре Поволжья и Приуралья (Смирнов К.Ф., 1975, рис. 44, 45, рис. 53, 59; Синицын И.В., 1947, рис. 62, 63, рис. 70).

Погребение 9 расположено обособленно от других могил, в западной поле кургана. По своей форме – яма с заплечиками – оно представляет собой достаточно редкий вид могил, встречающихся в раннесарматское время. По данным различных исследователей, такие могилы составляют от 2,5–4 до 6% всех раннесарматских погребений (Мошкова М.Г., 1989, с. 38; Скрипкин А.С., 1988, с. 123). С точки зрения социальной принадлежности погребенного, этот тип могильных ям представляется нам весьма престижным. Об этом свидетельствует тот факт, что среди центральных погребений курганов-кладбищ могилы с заплечиками занимают второе место после узких прямоугольных ям – 22% (Мордвинцева В.И., 1993, с. 32). Остальные захоронения III–I вв. до н.э. в кургане 1 совершены в подбойных могилах (семь погребений) и узкой прямоугольной яме (одно погребение), два погребения обнаружены в насыпи.

Своеобразен вещевой материал, найденный в этой могиле. Погребенный лежал на покрывале, расшитом золотыми бляшками в виде рогов барана. На данный момент это единственный случай такой находки в раннесарматском погребении, четко зафиксированный в ходе раскопок. Подобный обычай отмечен в богатых захоронениях, относящихся к среднесарматской культуре (Беспалый Е.И., 1992, с. 177, рис. 2; Симоненко А.В., 1993, с. 70, 71, 74, 79).

Кинжал, обнаруженный в погребении 9, не имеет полных аналогий среди древностей раннесарматской культуры Поволжья. По своим основным морфологическим признакам – отсутствие перекрестия, круглое деревянное навершие, линзовидное сечение двулезвийного клинка – он обнаруживает сходство с оружием из Лявандакского могильника, которое датируется О.В. Обельченко II–I вв. до н.э. (Обельченко О.В., 1961, с. 106–108, 131–133, рис. 8, 9). Менее точная аналогия – случайная находка на Среднем Дону – кинжал без перекрестия с железным кольцевидным навершием (Медведев А.П., 1990, рис. 6, *26*).

Предметы вооружения в исследуемом погребении помимо кинжала представлены железными наконечниками стрел с длинными втулками и узкими боевыми головками треугольной формы, точную типологическую принадлежность которых из-за сильной коррозии определить сложно: трехгранные или трехлопастные. М.Г. Мошкова датирует железные втульчатые наконечники стрел в Поволжье IV–II вв. до н.э. (Мошкова М.Г., 1963, табл. 14). А.С. Скрипкин различные типы таких наконечников отнес к списку вещей III–I вв. до н.э. (Скрипкин А.С., 1990, с. 167, рис. 48). При этом он отмечает, что такие наконечники получили распространение у сарматов Поволжья в III–II вв. до н.э. в результате связей с населением Прикубанья, Нижнего и Среднего Дона (Скрипкин А.С., 1990, с. 134). По мнению И.И. Марченко, в Прикубанье втульчатые железные наконечники стрел продолжают бытовать в I в. до н.э. (Марченко И.И., 1996, с. 65, рис. 116). А.М. Ждановский полагает, что большая часть прикубанских железных втульчатых наконечников стрел датируется II–I вв. до н.э., хотя отдельные экземпляры встречаются и в комплексах I–II вв. н.э. (Ждановский А.М., 1988, с. 66, 67). Втульчатые железные наконечники стрел обнаружены также в богатых сарматских погребениях Поволжья и Нижнего Дона середины и второй половины I в. н.э. (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993, с. 155; Беспалый Е.И., 1992, с. 176, 177, рис. 1, *10*). Необходимо отметить, что в остальных погребениях кургана 1 найдены наконечники совершенно других типов – бронзовые трехлопастные наконечники с короткой выступающей втулкой и сводчатой головкой, а также железные трехлопастные наконечники с длинным черешком и узкой вытянутой головкой, длина которой колеблется в пределах от 1,8 до 3,5 см.

Наконечники стрел из погребения 9, возможно, были положены в колчан, от которого сохранились фрагменты обмотки из золотой фольги. Остатки колчанов, обшитых золотой лентой, довольно часто встречаются в погребениях сарматской знати ранне- и среднесарматского времени.

Большой интерес представляет находка в погребении из Питерки двух пряжек – гагатовой (рис. 2, *2*) и бронзовой (рис. 2, *4*). Две пряжки, составляющие точную аналогию первый из них, хранятся в фондах Волгоградского областного краеведческого музея (сходство прослеживается даже в орнаменте из пересекающихся точечных линий). Они происходят из погребения 4 кургана 27 могильника Жутово (Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А., 1999, с. 148, рис. 6, *7*). Аналогичные гагатовые пластины бытовали у населения Средней Азии (Обельченко О.В., 1956, с. 209, 217, рис. 5, *13*) во II–I вв. до н.э. Что касается бронзовой прямоугольно-рамчатой пряжки с зигзагообразным орнаментом, то полной аналогии ей нам найти не удалось. Но близкие ей экземпляры происходят с территории Монголии (Артамонов М.И., 1973, рис. 215) и Сибири (Дэвлет М.А., 1980, табл. 16, 17), и датируются преимущественно II–I вв. до н.э., хотя некоторые экземпляры встречаются и в I в. н.э. (Дэвлет М.А., 1980, с. 16). Пряжка, аналогичная вышеперечисленным, была найдена в известном косикинском погребении, сложение вещевого комплекса которого датируется авторами публикации серединой I в. н.э. (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993, с. 175, 178, рис. 20, *1*). На этих пряжках, так же как и на питерской, орнамент состоит из вписанных в прямоугольную рамку прямой и ломаных линий. Продольная центральная перемычка соединяется с рамкой при посредстве поперечных ступенек. На одной из коротких сторон также имеется крючок для застегивания. Нам представляется, что все эти изделия относятся к одному и тому же кругу.

Золотая накладка, найденная на левой кисти погребенного (рис. 3), является, возможно, особой наручной пластиной, служившей для защиты от удара тетивы, "гастагной". О таком ее функциональном назначении, видимо, свидетельствуют дырочки по краю для нашивания на кожаную основу, а также то, что она была надета на левую кисть погребенного. А.В. Симоненко, исследуя "гастагну" из богатого сарматского комплекса I в. н.э. у с. Пороги, отмечает редкость подобных находок у сарматов и приводит несколько примеров, в том числе пластину из раннесарматского погребения у с. Верхнее Погромное Волгоградской области, ранее атрибутированную как пряжка (Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991, с. 47, 48, рис. 25, *3*). Следует отметить, однако, что "гастагна" из Питерки была сделана из тонкой золотой фольги и вряд ли являлась надежной защитой от ударов тетивы. Не исключено, что нашивная пластина в данном случае выполняла скорее декоративно-магическую функцию.

По своему декору пластина из Питерки оригинальна. Полная аналогия ей нам не известна. Она сделана из тонкой фольги с помощью тиснения по твердой, скорее всего деревянной, модели. Такая техника довольно проста, поэтому не исключено, что это изделие – продукт творчества сарматских торевтов. Наиболее близкие ей экземпляры – золотая обкладка меча из уже упоминавшегося погребения 4 в кургане 27 могильника Жутово (Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А., 1999, с. 144, рис. 2, *2*) и золотая обкладка из раннесарматского (конец III–II вв. до н.э.) погребения 13 кургана 7 у станицы Раздольной, исследованного А.А. Нехаевым на Нижней Кубани (Марченко И.И., 1996, рис. 63, *15*). Особенно сближает эти три пластины такой элемент орнамента, как ряды "ионików", обрамляющие декоративную композицию.

Изображения травоядных (олень, козел) в аналогичной позе – с подогнутыми ногами и повернутой назад головой, касающейся спины – известны на Кубани со скифского времени (Анфимов Н.В., 1987, с. 116, 117). Композиционно близки сайгаку с питерской пластины также грифоны, изображенные на фаларах уздечки из Северского кургана (Анфимов Н.В., 1987, с. 184), и на гривне из кургана "Хохлач" (Древнее искусство..., 1974, № 72, 73). Нужно отметить, что изображение животного, помещенное на обкладке из Питерки, как и грифоны из "Хохлача", выполнено в очень статичной манере, что сильно отличает его от памятников искусства ко-

чевников того же времени в более восточных районах степной Евразии, например на Алтае.

Вещевой материал погребения 9 позволяет датировать его в рамках II–I вв. до н.э. Для более узкой датировки нет оснований. Наиболее близкий и, видимо, одновременный питерскому комплекс из Жутово датируется концом II–I вв. до н.э. (Мордвинцева В.И., 1994, с. 99 спр.). Видимо, в этой могиле был погребен знатный воин, так как она выделяется на фоне довольно однообразных раннесарматских погребений нестандартностью погребального обряда (яма с заплечиками, пышная тризна по углам могилы) и составом вещевого материала (поясной набор, золотая наручная пластина, расшитый золотыми бляшками покров). В настоящее время в Нижнем Поволжье известен целый ряд раннесарматских могил подобного рода, также входящих в состав курганов-кладбищ. Видимо, погребенные в них представляли собой элиту раннесарматского общества. Диагностирующими признаками этих социально престижных погребений являются парадное вооружение, одежда или покров, расшитые золотыми бляшками, золотые украшения, вещи восточного происхождения.

Обнаруженные в погребении 9 кургана 1 у пос. Питерка вещи (меч, пряжки) и элементы погребального обряда (ложе, выстланное плащом, расшитым золотыми бляшками), видимо, имеющие восточные корни, выступают в ряду новаций, появившихся у сарматов в последние века до н.э., но особенно в первые века н.э., что выразилось в оформлении новой – среднесарматской – культуры. Найденные в том же погребении втульчатые наконечники стрел, в целом не характерные для волго-донских погребений, свидетельствуют о контактах местного населения с Прикубаньем, где в последние века до н.э. накопление "восточных" элементов в культуре сарматов (Зубовско-Воздвиженская группа) происходит особенно интенсивно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.

Артамонов М.И., 1973. Сокровища саков. М.

Беспалый Е.И., 1992. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. № 1.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993. Сарматское погребение Скептуха I в н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. № 3.

Древнее искусство. Памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории Советского Союза. Собрание Государственного Эрмитажа, 1974. Л.

Дэвлет М.А., 1980. Сибирские ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // САИ. Вып. Д4-7.

Ждановский А.М., 1988. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар.

Ляхов С.В., 1993. Отчет об охранных раскопках курганов в Хвалынском, Питерском и Татищевском районах Саратовской области. Саратов.

Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж.

Мордвинцева В.И., 1993. К проблеме семейно-родовых отношений у сарматов (по материалам сарматских погребений последних веков до нашей эры) // Вопросы краеведения. Вып. 2. Волгоград.

Мордвинцева В.И., 1994. Серебряные фалары из Жутовского курганного могильника // ПАВ. № 8.

Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1-10.

Мошкова М.Г., 1989. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности. Научный доклад, представленный в качестве дисс. ... докт. ист. наук. М.

Обельченко О.В., 1956. Кую-Мазарский могильник // Труды института истории и археологии. Вып. VIII. Ташкент.

Обельченко О.В., 1961. Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент.
Симоненко А.В., 1993. Сарматы Таврии. Киев.
Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребение знати у с. Пороги). Киев.
Синицын И.В., 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов.
Скрипкин А.С., 1988. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры // Проблемы археологии и культуры. Тез. конф. Азов.
Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
Смирнов К.Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Саратовский государственный университет
Волгоградский государственный университет

S.V. LYAKHOV, V.I. MORDVINTSEVA

EARLY SARMATIAN BURIAL NEAR PITERKA SETTLEMENT IN SARATOV REGION

Summary

Recently the investigators of early Sarmatian culture concentrate their attention on the finds of Oriental origin discovered in Sarmatian burials: horse harness ornaments, buckles, bronze amulets-pendants made in shape of cauldrons, bells, and so on. A burial of this type was investigated in 1993 by the expedition of Saratov State university near the settlement of Piterka, Saratov region. A number of artefacts of Oriental origin were discovered, such as sword, buckles, some elements of burial rite – a bier covered with a cloak sewn with golden plates. They represent innovations adopted by the Sarmatians in the late centuries BC and especially in the early centuries AD, and contributed to formation of so-called middle-Sarmatian culture. Socketed arrow-heads found in the grave are not generally characteristic of the Volga-Don burials' type; they are regarded as evidence of the contacts between the local population and that of the Kuban' river basin.

М.Г. АБРАМЗОН, Н.А. ФРОЛОВА, Ю.В. ГОРЛОВ

КЛАД БРОНЗОВЫХ БОСПОРСКИХ МОНЕТ КОНЦА I в. до н.э. – II в. н.э. (АНАПА, 1978 г.)

В августе 1978 г. во время работы Анапской экспедиции на территории Анапского археологического заповедника при зачистке южной стены подвала помещения № 15 был обнаружен клад бронзовых боспорских монет в количестве 34 экз. (Нестеренко Н.Д., 1981, с. 87). Монеты лежали компактно в тайнике, расположенном в юго-западном углу помещения, на высоте 1,7 м от уровня пола (рис. 1)[1] и были покрыты толстым слоем сажи. Комплекс поступил на хранение в фонды Анапского музея под названием "Гуняевского клада"[2] (см. Приложение, рис. 2 и 3).

Монеты в кладе распределяются следующим образом: монеты Агриппии – 2 экз.; Аспург – 5 экз.; Гипепирия – 2 экз.; Котис I – 3 экз.; Рескупорид II – 4 экз.; Савромат I – 16 экз.; Котис II – 2 экз.[3] (рис. 2; 3). Комплекс примыкает к группе кладов Боспора римского времени, в которых основу составляют монеты I – начала III в. н.э. Из 17 кладов этой группы[4] монеты боспорских царей I – первой трети II в. н.э. встречаются в следующих девяти кладах: 1) клад 1846 г. из страницы Усть-Лабинской Краснодарского края, в составе которого есть монеты Савромата I и Котиса II (Пахомов Е.А., 1949, с. 19); 2) клад 1852–1853 гг. из окрестностей Анапы, среди монет которого также имеются типы Савромата I и Котиса II (Люценко Е.Е., 1880, л. 29); 3) клад 1867 г. с горы Митридат, среди монет которого – статеры Котиса II (Люценко Е.Е., 1880, л. 11–13); 4) клад 1868 г. из окрестностей Гниловского городища, среди монет которого имеются статеры Савромата I (Люценко Е.Е., 1880, л. 53); 5) клад до 1884 г. из Керчи, среди других монет – статеры Котиса II (Бурачков П., 1884, с. 19); 6) клад 1960 г. из окрестностей Краснобатарейского городища, в составе которого имеются золотые монеты Савромата I и Котиса II (Фролова Н.А., 1974, с. 27); 7) клад 1977 г. из с. Сукко Анапского района – 93 бронзовые монеты, в том числе: Кесария – 5 экз.; Агриппия – 1 экз.; Аспург – 21 экз.; Гипепирия – 2 экз.; Митридат VIII – 63 экз. (Крушкол Ю.С., 1978, с. 61–63); 8) клад 1984 г. из Анапы, среди которого имеются медные монеты Рескупорида II – 2 экз., Савромата I – 5 экз., Котиса II – 2; 9) клад 1987 г. из Анапы: 517 монет (III в. до н.э. – III в. н.э.), в котором имеются медные монеты Рескупорида II – 1 экз., Савромата I – 29 экз.; Котиса II – 2 экз. (Фролова Н.А., 1996, с. 44–72).

Уникальность издаваемого клада определяется тем, что подобных комплексов, датируемых концом I в. до н.э. – правлением Котиса II, еще не было найдено в Горгиппии. В приведенном выше перечне публикуемый клад является как бы связующим звеном между кладом из Сукко, отражающим денежное обращение Боспора с конца I в. н.э. до Митридата VIII включительно, и кладами, в которых присутствуют монеты, начиная со второй половины I в. н.э.

Статья написана в рамках проекта "Клады античных монет на юге России", поддержанного РГНФ. Код 98-01-00113.

[1] Авторы благодарят начальника Анапской экспедиции Е.М. Алексееву за любезно предоставленные фотографии раскопа.

[2] Инвентарный № АК-12 (АМ 10750/1-34).

[3] В предварительном сообщении состав клада определен несколько иначе: чекан Агриппии – количество не указано: Аспург – 2 экз.; Котис I – 2 экз.; Гипепирия – 2 экз.; Рескупорид II – 4 экз.; Савромат I – 16 экз.; Котис II – 2 экз. (Нестеренко Н.Д., 1981, с. 87). В других публикациях, где упомянут данный клад, говорится о 5 экз. монет Аспурга (Алексеева Е.М., 1997, с. 195; Фролова Н.А., 1997а, с. 146).

[4] К 1989 г. Н.А. Фроловой было учтено 14 таких кладов (Фролова Н.А., 1989а, с. 196). К этому числу следует добавить упоминаемый П. Бурачковым клад из Керчи (Бурачков П., 1884, с. 19), клад из Сукко 1977 г. (Крушкол Ю.С., 1978, с. 61–63) и Анапский клад 1987 г. (Фролова Н.А., 1996, с. 44–72).

© М.Г. Абрамзон, Н.А. Фролова, Ю.В. Горлов, 2000 г.

Рис. 1. Раскоп на заповеднике Горгиппии. Помещение № 15, тайник с кладом в юго-западном углу

Самыми ранними монетами клада являются монеты Агриппии (№ 1, 2). Проблема датировки этих монет была рассмотрена в специальной статье Н.А. Фроловой (1989б, с. 3–18), доказавшей, что их выпуск следует датировать не 14–8 гг. до н.э., как было принято считать раньше (Зограф А.Н., 1951, с. 193), а 18–12 гг. до н.э.

Медные монеты, выпущенные в Агриппии, а также ассы Аспурга и Гипепирии встречаются в кладах редко: кроме публикуемого клада нам известен всего еще один комплекс, в котором присутствуют эти монеты, – клад из Сукко 1977 г. (Крушкол Ю.С., 1978, с. 61–63), включающий 1 монету Агриппии, 21 – Аспурга и 2 – Гипепирии. Монеты Аспурга с портретом Гая Калигулы на аверсе (№ 3–7) были выпущены после марта 37 г. н.э., после того, как вступивший на римский престол император (18 марта 37 г.) подтвердил право Аспурга на царство и чеканку (Фролова Н.А., 1997б, с. 73). Особый интерес вызывает асс Аспурга с клеймом в виде звезды на оборотной стороне (рис. 2, № 6).

В 37 г. н.э. Аспург умер, и правительницей Боспора становится Гипепирия. На основании нумизматических источников Н.А. Фролова определила даты ее правления: оно приходится не на 37/38–38/39 гг. н.э., как считалось раньше (Фролова Н.А., 1977, с. 166–174; Анохин В.А., 1986, с. 95; Абрамзон М.Г., 1997, с. 176–183), а на 37–38 гг. (Фролова Н.А., 1997б, с. 80). Этим временем и должны датироваться медные монеты этой царицы из данного клада (№ 8, 9).

В кладе имеются два дупондия с изображением пятиколонного храма: один с монограммой ВАК и один с монограммой ВАЕϒ (№ 11–13). Не касаясь вопроса об идентификации храма на боспорских монетах (см.: Карышковский П.О., 1953, с. 181–187; Харко Л.П., 1950, с. 97–99), остановимся только на проблеме их атрибутирования. А.Н. Зограф приписывал монеты с этими монограммами Котису II и

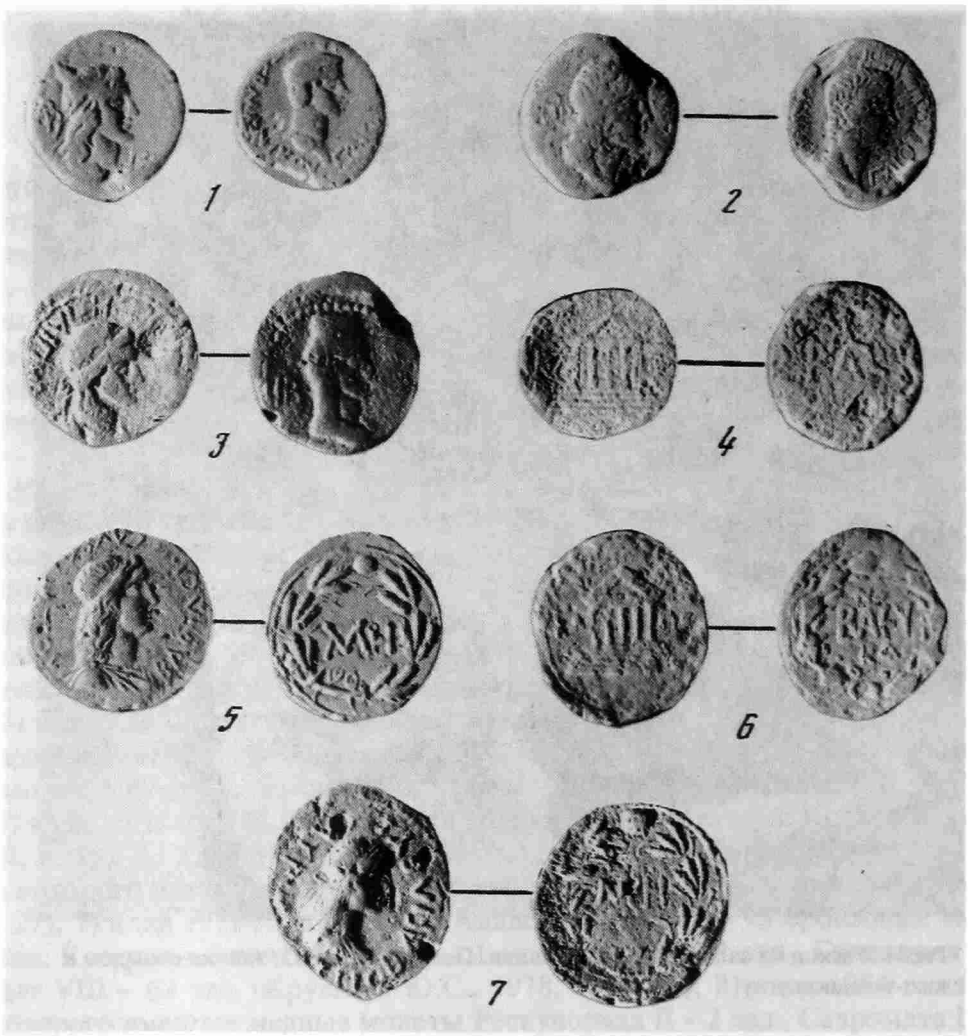


Рис. 2. Монеты из анапского клада 1978 г.

Евпатору (Зограф А.Н., 1951, с. 202, 203), другие исследователи – Котису I и его супруге Евнике (Анохин В.А., 1986, с. 161; Фролова Н.А., 1997б, с. 100). Принадлежность этих монет чекану Котиса I и Евники была аргументирована еще П.О. Карышковским (1953, с. 187). Анализируя особенности политических отношений между Боспором и Римом во время правления Нерона. Н.А. Фролова предположила, что монеты с изображением храма чеканились в 63–68 гг. н.э. Котисом I, а затем его вдовой Евникой до 69 г. н.э. Также Н.А. Фролова обратила внимание на такой факт, что монеты с монограммой ВАЕҮ тяжелее по весу монет с монограммой ВАК[5] и их выпуск носит более интенсивный характер. Это позволяет считать, что после смерти Котиса I его супруга Евника оставалась единовластной правительницей Боспора подобно Динамии и Гипепирии (Фролова Н.А., 1997б, с. 102).

По мнению В.А. Анохина (1986, с. 161), дупондии с изображением храма и упомянутыми монограммами чеканились Рескупоридом II (которого В.А. Анохин называет Рескупоридом I – М.А., Н.Ф., Ю.Г.) в честь покойных родителей – Котиса I и Евники. Однако эту попытку В.А. Анохина (1986, с. 161) отнести данные монеты к первой серии меди Рескупорида II следует признать неубедительной.

Монеты Рескупорида II (№ 14–17) представлены в кладе сестерциями второй и третьей серии медной чеканки классификации Н.А. Фроловой (1968, с. 50; 1997б, с. 103–107) и датируются 80–93 и 90–93 гг.

---

[5] Кстати, монеты с монограммами ВАЕҮ и ВАК различаются и по составу сплава, из которого изготовлены (Дюков Ю.Л., Смекалова Т.Н., 1998, с. 294).

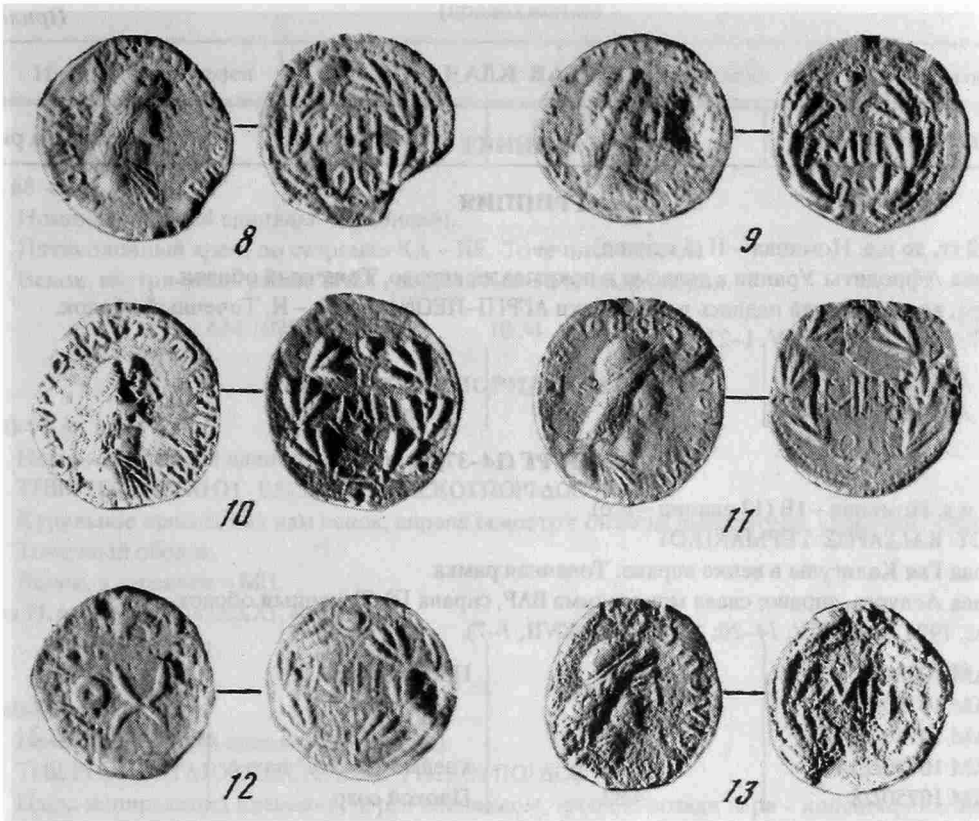


Рис. 3. Монеты из анапского клада 1978 г.

Самую большую группу монет в кладе составляют сестерции Савромата I. Регистрация находок единичных монет из раскопок в Горгиппии и анализ кладов позволяют говорить о том, что со времени правления Савромата I начинается подъем денежного обращения в Горгиппии (Фролова Н.А., 1997а, с. 147).

Время зарытия клада определяется, видимо, последними годами правления Котиса II. Представленный в кладе тип дупондия с легендами ΤΕΙΜΑΙ ΒΑCΙΛΕΩ-CKOTΥOC на аверсе и ΤΟΥ ΑCΠΟΥΡΓΟΥ (№ 34) отнесен Н.А. Фроловой к четвертой группе медных монет Котиса II, датированной 129–132 гг. или же, возможно, даже к первым годам его правления (Фролова Н.А., 1997б, с. 139–141). Начиная с XIX в. исследователи приписывали эти монеты Котису I, но А.Н. Зограф допустил, что монеты с такой легендой мог чеканить Рескупорид II, стремившийся этим выпуском подчеркнуть преемственность права монетной чеканки, перешедшего ему от Котиса I (Зограф А.Н., 1951, с. 198; Фролова Н.А., 1968, с. 68). Проанализировав весь боспорский нумизматический материал царского периода, Н.А. Фролова пришла к выводу, что эти монеты следует приписать Котису II. К тому же в специальной литературе имеются сведения о существовании монет Савромата I с надписью ΤΟΥ ΑCΠΟΥΡΓΟΥ (Фролова Н.А., 1997б, с. 141). Следовательно, монеты с легендой ΤΕΙΜΑΙ ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC – ΤΟΥ ΑCΠΟΥΡΓΟΥ могли появиться только после подобных монет Савромата I. Возможно, выпуск данных монет был связан с большой победой, одержанной боспорянами над скифами в 123 г. Легенду ΤΟΥ ΑCΠΟΥΡΓΟΥ на монетах Савромата I и Котиса II можно также рассматривать как символ уважения этих царей к памяти своего предка – Аспурга, основателя династии.

Состав комплекса показывает, что тезаврация монет не была связана с пожаром, в котором погибло помещение № 15 и соседние дома: слой пожара датирован временем около 240 г. н.э.

Таким образом, издаваемый нами клад является важным источником по истории денежного обращения Боспора I в. н.э. – первой трети II в. н.э.

СОСТАВ КЛАДА*

№ п.п.	Инв. № Анап. музея	Вес, г	Примечания	№ фото на рис.
		АГРИППИЯ		
	18–12 гг. до н.э. Номинал – Н (8 единиц).			
Л.с.	Голова Афродиты Урании в диадеме и покрывале, вправо. Точечный ободок.			
О.с.	Прора, влево, над ней надпись в две строки АГРІП–ПЕΩN, справа – Н. Точечный ободок.			
Фролова 1997, табл. III, 8–25; IV, 1–23.				
1.	АМ 10750/5	4.53	Плохой сохр.	
2.	АМ 10750/30	5.74	Плохой сохр.	
		АСПУРГ (14–37)		
	37 г. н.э. Номинал – IB (12 единиц – асс).			
Л.с.	ГАІОҮ КАІΣАРОΣ ГЕРМАNІКОҮ			
	Голова Гая Калигулы в венке вправо. Точечная рамка.			
О.с.	Голова Аспурга, вправо; слева монограмма ВАР, справа IB. Точечный ободок.			
Фролова Н.А., 1997, табл. XV, *14–20*; XVI, *1–21*; XVII, *1–7*).				
3.	АМ 10750/7	8.49	Плохой сохр.	
4.	АМ 10750/11	7.85		Рис. 2, *1*
5.	АМ 10750/12	6.79		Рис. 2, *2*
6.	АМ 10750/15	5.28	клеймо "звезда" на о.с.	
7.	АМ 10750/28	4.82	Плохой сохр.	
		ГИПЕПИРИЯ (37–38)		
	37–38 гг. н.э. Номинал – IB (12 единиц – асс).			
Л.с.	ВАСІЛІССНС ГНПАІПҮРЕΩС			
	Бюст Гипепирии вправо; на голове царская повязка, концы которой опускаются на плечи. Точечная рамка			
О.с.	Голова Афродиты Урании в калафосе, слева – IB.			
Фролова Н.А., 1997, табл. XVIII, *1–18*.				
8.	АМ 10750/3	8.40	Плохой сохр.	
9.	АМ 10750/32	7.07		Рис. 2, *3*
		КОТИС I (45–68)		
I тип. 49–54 гг. н.э.				
	Номинал – IB (12 единиц – асс).			
Л.с.	ТІ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙCΑΡΟC			
	Голова Клавдия в венке вправо, внизу – IB. Точечный ободок.			
О.с.	ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΝΑΝ CΕΒΑCΤΗΝ			
	Голова Агриппины влево, слева монограмма ВАК. Точечный ободок.			
Фролова Н.А. 1997, табл. XXV, *4–21*.				
10.	АМ 10750/29	6.36	Плохой сохр.	
II тип. 63–68 гг. н.э.				
	Номинал – КΔ (24 единицы – дупондий).			
Л.с.	Пятиколонный храм, по сторонам КА – ПЕ. Точечный ободок.			
О.с.	Венок, внутри монограмма ВАК, под ней КΔ. Точечный ободок.			
Фролова Н.А., 1997, табл. XXVIII, *11–18*.				
11.	АМ 10750/1	5.16		Рис. 2, *4*

* При описании монет ссылки даются по каталогу: Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. М., 1997.

(продолжение)

№ п.п.	Инв. № Анап. музея	Вес, г	Примечания	№ фото на рис.

ЕВНИКА

III тип. 68–69 гг. н.э.

Номинал – КΔ (24 единицы – дупондий).

Л.с. Пятиколонный храм, по сторонам КА – ПЕ. Точечный ободок.

О.с. Венок, внутри монограмма ВΛЕΥ, под ней КΔ. Точечный ободок.

12.	АМ 10750/13	10.34		Рис. 2, *6*

РЕСКУПОРИД II (69–93)

I тип. 80–93 гг. н.э.

Номинал – МН (48 единиц – сестерций).

Л.с. ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑCΙΛΕΟC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC

Курульное кресло, над нам венок, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем. Точечный ободок.

О.с. Венок, в середине – МН.

Фролова Н.А., 1997, табл. XXXI, *4–15*.

13.	АМ 10750/22	неизв.		Рис. 3, *12*

II тип. 80–93 гг. н.э.

Номинал – МН (48 единиц – сестерций).

Л.с. ΤΙΒΕΡΙΟC ΙΟΥΛΙΟC ΒΑCΙCΛΕΟC ΡΗCΚΟΥΠΟΙΔΟC

Царь, попирающий пленника, перед пленником, трофей, позади царя – коленопреклоненная фигура побежденного со связанными за спиной руками. Точечный ободок.

О.с. Крылатая Ника с венком и пальмовой ветвью, по бокам – М – Н.

Фролова Н.А., 1997, табл. XXXIII, *9–18*.

14.	АМ 10750/30	5.74	Плохой сохр.	

III тип. 90–93 гг. н.э.

Номинал – МН (48 единиц – сестерций).

Л.с. ΤΙΒΕΡΙΟC ΙΟΥΛΙΟC ΒΑCΙΛΕΥC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙC

Бюст царя вправо, справа – трезубец, слева – палица. Точечный ободок.

О.с. Скачущий вправо всадник, под обрезом – МН. Точечный ободок.

Фролова Н.А., 1997, табл. XXXIV, *15–17*; XXXV, *1–8*.

15.	АМ 10750/33	неизв.		
16.	АМ 10750/34	неизв.		

САВРОМАТ I (98–103/104)

I тип. 98–103/104 гг. н.э.

Номинал – МН (48 единиц – сестерций).

Л.с. ΤΙ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑCΙΛΕΟC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ

Курульное кресло с венком на нем, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем. Точечный ободок.

О.с. Венок, в середине МН. Точечный ободок.

Фролова Н.А., 1997, табл. XLII, *1–12*.

17.	АМ 10750/14	10.89		

II тип. 98–103/104 гг. н.э.

Номинал – МН (48 единиц – сестерций).

Л.с. ΤΙ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑCΙΛΕΟC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ

Два погрудых бюста царя и царицы против друг друга. Точечный ободок.

О.с. Ника влево. МН Точечный ободок.

Фролова Н.А., 1997, табл. XLII, *1–12*.

18.	АМ 10750/24	неизв.		

(окончание)

№ п.п.	Инв. № Анап. музея	Вес, г	Примечания	№ фото на рис.
III тип. 98–103/104 гг. н.э.				
	Номинал – МН (48 единиц – сестерций).			
Л.с.	ΤΙ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑCΙΛΕΟC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ			
	Курульное кресло с венком на нем, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем. Точечный ободок.			
О.с.	Ника с венком влево. Справа и слева М – Н. Точечный ободок.			
Фролова Н.А., 1997, табл. XLI, *14–15*.				
19.	АМ 10750/26	неизв.		
IV тип. 108–115 гг. н.э.				
	Номинал – МН (48 единиц – сестерций).			
Л.с.	ΒΑCΙΛΕΥC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ			
	Бюст Савромата I вправо. Точечный ободок.			
О.с.	Венок, в середине МН. Точечный ободок.			
Фролова Н.А., 1997, табл. VLVI, *4*.				
20.	АМ 10750/21	9.25		Рис. 2, *7*
V тип. 108–115 гг. н.э.				
	Номинал – МН (48 единиц – сестерций).			
Л.с.	ΒΑCΙΛΕΩC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ			
	Бюст Савромата I вправо. Точечный ободок.			
О.с.	Венок, в середине МН. Точечный ободок.			
Фролова Н.А., 1997, табл. XLVII, *4*.				
21.	АМ 10750/4	неизв.		
22.	АМ 10750/6	неизв.		
23.	АМ 10750/9	10.46		Рис. 3, *8*
24.	АМ 10750/10	неизв.		
25.	АМ 10750/16	11.85		Рис. 3, *9*
26.	АМ 10750/20	10.49		Рис. 3, *10*
27.	АМ 10750/23	10.93	Плохой сохр.	
28.	АМ 10750/25	7.97	Плохой сохр.	
29.	АМ 10750/27	неизв.		
VI тип. 115–118 гг. н.э.				
	Номинал – МН (48 единиц – сестерций).			
Л.с.	ΒΑCΙΛΕΩC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ			
	Бюст Савромата I вправо. Точечный ободок.			
О.с.	Венок, в середине МН. Точечный ободок.			
Фролова Н.А., 1997, табл. XLVIII, *18*.				
30.	АМ 10750/8	6.39		Рис. 3, *11*
31.	АМ 10750/17	7.20		Рис. 3, *5*
32.	АМ 10750/19	10.49		Рис. 3, *13*

КОТИС II (123–132)

Около 123–126 или 129–130 гг. н.э.				
	Номинал – КΔ (24 единицы – дупондий).			
Л.С.	ΤΕΙΜΑΙ ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC			
	Курульное кресло с венком на нем, справа скипетр с бюстом императора. Точечный ободок.			
О.с.	ΤΟΥ ΑCΠΟΥΡΓΟΥ			
	Щит с копьем, справа – голова человека, меч в ножнах, слева – голова лошади и коринфский шлем, справа и слева от копья под щитом – КΔ. Точечный ободок.			
Фролова Н.А., 1997, табл. LV, *21–23*; LV, *1–15*.				
33.	АМ 10750/18	неизв.		
34.	АМ 10750/2	4.59	плохой сохр.	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М.Г., 1997. Медный чекан Гипепирии и некоторые проблемы политической истории Боспора // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IV. М., Магнитогорск.

Алексеев Е.М., 1997. Античный город Горгиппия. М.

Анохин В.А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Бурачков П., 1884. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса.

Дюков Ю.Л., Смекалова Т.Н., 1998. Исследование сплавов монет Боспора первых веков нашей эры из коллекции Эрмитажа // НС.

Зограф А.Н., 1951. Античные монеты // МИА. № 16.

Карышковский П.О., 1953. Боспор и Рим в I в. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. № 3.

Крушкол Ю.С., 1978. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района // ВДИ. № 4.

Люценко Е.Е., 1880. Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах, частью в Новороссийском крае (на юге России). Рукопись // Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. 28. Д. 22.

Нестеренко Н.Д., 1981. Клады Горгиппии // КСИА. № 168.

Пахомов Е.А., 1949. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. V. Баку.

Фролова Н.А., 1968. Монетное дело Рискупорида II // НЭ. Вып. VII.

Фролова Н.А., 1974. Денежное обращение Боспора в 45–234 гг. н.э. // НиСФ. Вып. 5.

Фролова Н.А., 1977. О времени правления Гипепирии и Митридата III // ВДИ. № 3.

Фролова Н.А., 1989а. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. № 4.

Фролова Н.А., 1989б. Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. // НЭ. Вып. XV.

Фролова Н.А., 1996. Уникальный клад боспорских монет III в. – 238 г. н.э. из древней Горгиппии (Анапа, 1987) // ВДИ. № 2.

Фролова Н.А., 1997а. Монеты из раскопок Горгиппии 1979–1989 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IV. М.; Магнитогорск.

Фролова Н.А., 1997б. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. I. М.

Харко Л.П., 1950. О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах // ВДИ. № 1.

Магнитогорский государственный
педагогический институт
Государственный исторический музей,
Москва

Институт археологии РАН, Москва

M.G. ABRAMZON, N.A. FROLOVA, Yu.V. GORLOV

HOARD OF BRONZE BOSPORAN COINS OF LATE 1st CENTURY DC – 2nd CENTURY AD (ANAPA, 1978)

S u m m a r y

During the field season of Anapa expedition, 1978, in the territory of Anapa archaeological resort a hoard of bronze Bosporan coins was discovered. It consisted of 34 items. The coins distribution is as follows: Agrippa – 2 coins, Aspurg – 5, Hypepiria – 2, Kotis I – 3, Reskuporid II – 4, Sauromat I – 16, Kotis II – 2 coins. The assemblage is similar to the group of hoards in which the coins struck by Bosporan kings of the 1st – 2nd centuries AD are represented. The assemblage published is an important source on the history of money circulation in Bosporan kingdom in the first half of the 1st century AD – first third of the 2nd century AD.

М.Ю. ТРЕЙСТЕР

МЕСТНЫЕ ПОДРАЖАНИЯ ДЕТАЛЯМ РИМСКОГО ВОЕННОГО КОСТЮМА НА БОСПОРЕ

Металлические детали римского военного костюма – чрезвычайно редкая категория находок в Северном Причерноморье. Проведенный нами анализ показал, что первые образцы появляются здесь не ранее середины I в.н.э. и связаны, по-видимому, с военными экспедициями римлян на Боспоре и в юго-западной Таврике. В значительно большем количестве известные находки середины II – первой половины III в.н.э. из Тиры, Херсонеса, Боспора объясняются пребыванием римских гарнизонов, в состав которых входили солдаты и офицеры, ранее служившие в Британии, Германии и Реции, или службой в указанных областях выходцев из Северного Причерноморья (Трейстер М.Ю., 1993, в печати; Treister M. Yu., 1994; 1995). Римский военный костюм и конская сбруя, проникшие вместе с солдатами римских военных контингентов и гарнизонов в Северное Причерноморье, оказали определенное влияние на созданные в местных мастерских аналогичные изделия. Это прежде всего бытовавшие главным образом во II в.н.э.[1] пряжки с завитками, оформленными в виде лебединых головок (рис. 1, *4, 5*) (см. например: Richter G.M.A., 1915, № 1090–1093; von Mercklin E., 1928, Sp. 453–455, Abb. 165, a–c; Зубарь В.М., 1982, с. 105, рис. 71, *1–3*; Трейстер М.Ю., 1983, с. 119, 120, рис. 2, *6, 7*; 1992, с. 108, прим. 182; Treister M.Yu., 1996, p. 78, fig. 4, *4, 5*), параллели которым известны также на позднескифских и сарматских памятниках Украины (Вязьмитина М.И., 1972, с. 133). Литейная форма для таких пряжек была найдена в 1979 г. в Танаисе. Подобная форма второй половины II в. известна и в римском лагере Тибискум на территории совр. Румынии (Benea D., Petrovszky R., 1987, S. 233, Abb. 5, *4*; Bishop M.C., Coulston J.C., 1989, p. 46, 49, fig. 35, *5*). Подобные пряжки хорошо известны в могильниках и на поселениях середины II – первой половины III в. н.э. на Рейне и Дунае (Behrens G., 1912, S. 87, Abb. 3, *14–17*; Ritterling E., 1913, S. 150, Abb. 28, Taf. XII, *24*; Моринц С., 1961, с. 407, рис. 8; Fülep F., 1977, pl. 39, *8*; Kloiber Ä., 1962, Taf. LVII, *6*; Petru S., 1972, Tab. IV, *23*; Oldenstein J., 1976, Taf. 74–76; Bishop M.C., Coulston J.C., 1989, p. 36, 46, fig. 23, *6*; 35, *5–7*; Istvánovits E., Kulcsár V., 1994, p. 410, 412, fig. 5, *1, 2*; Szirmai K., 1995, p. 427, fig. 1, *1*; p. 431, N 1), в Галлии (Boucher S., 1971, № 877), в Британии (Lloyd-Morgan G., 1987, p. 90, pl. III*a*; Bishop M.C., 1991, p. 22, 23, fig. 5.1D, *5*; 5.2B, *5*; D, *1*), в Марокко (Boube-Piccot Ch., 1980, p. 139; 1994, № 51–53, pl. 5, 69). В Бригецио известна такая пряжка с дефектами литья (Bónis É., 1986, S. 303, Abb. 2, *1*). Язычки некоторых пряжек оформлены в виде летящей птицы (Трейстер М.Ю., 1983, с. 119, рис. 2, *2, 3*; Античные государства..., 1984, с. 346, табл. CLV, *15*). Эта деталь находит параллель в оформлении пряжек с территории Верхнегерманского и Рецийского лимесов (Lindenschmidt L., 1870, Taf. V, *8*; Oldenstein J., 1976, Taf. 74, № 977; Connoly P., 1980, p. 51, fig. 13).

В некоторых случаях пряжки этого типа, найденные на Боспоре, имели ажурные щитки с тамгообразными знаками боспорских царей (рис. 1, *4*) (Шкорпил В.В., 1910,

[1] В хорошо датированных комплексах некрополя Пантикапея подобные пряжки встречены в погребениях со стеклянными бальзамариями первой половины II в. (Кунина Н.З., Сорокина Н.П., 1972, с. 161, рис. 8, *41*); середины II – середины III вв. (Кунина Н.З., Сорокина Н.П., 1972, с. 161, 166, рис. 9, *5*; 10, *30, 35*).

© М.Ю. Трейстер, 2000 г.

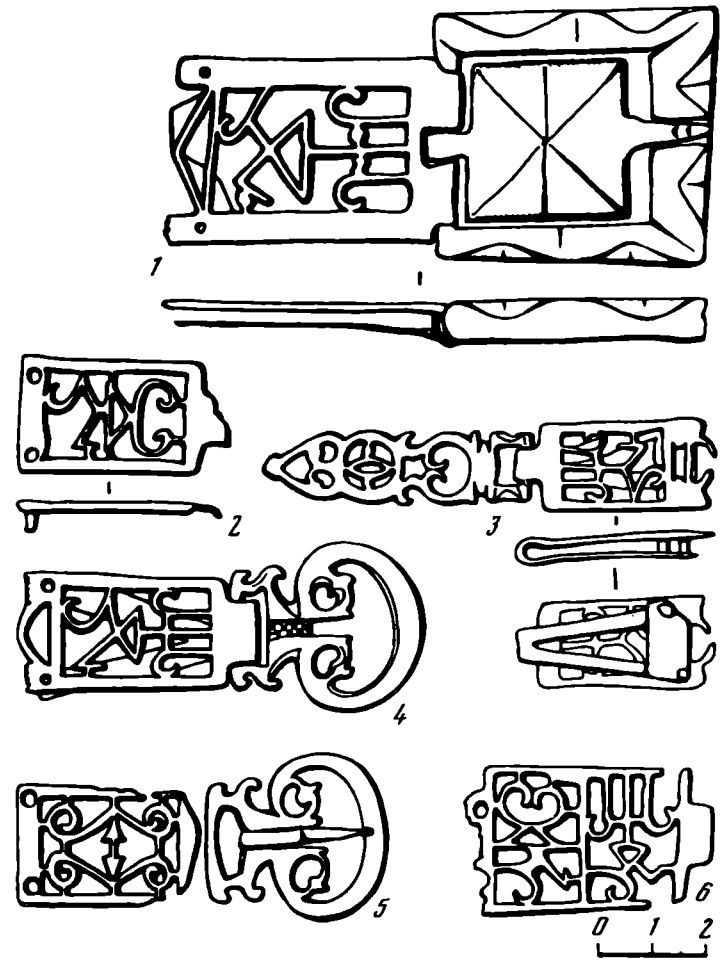


Рис. 1. Пряжки, щитки пряжек и наконечник пояса из Пантикапея. *1* – 1903 г., могила 203; *2* – ГИМ, планшет IV, 2а/5; *3* – Гос. Эрмитаж. П. 1909.142; *4* – Гос. Эрмитаж. П. 1909.141; *5* – Гос. Эрмитаж. П. 1891. 742; *6* – Гос. Эрмитаж

31, 32, рис. 8; Richter G.M.A., 1915, № 1092; Treister M.Yu., 1996, p. 78, fig. 4, *4*). В частности, на щитках пряжек из Пантикапея (рис. 1, *4*) (Античные государства..., 1984, с. 346, табл. CLV, *9*; Treister M.Yu., 1996, p. 78, fig. 4, *1, 4*) имеется тамга Тиберия Юлия Евпатора, царствовавшего на Боспоре в 154–170 гг. (ср.: Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991, с. 66, рис. 34, *2*; Rostowzew M.I., 1993, S. 97, 144, Anm. 22 (Ju. Vinogradov), Taf. 21, *3, 2*), тогда как на одном из щитков из Керчи (рис. 1, *2*) и на двух пряжках, происходящих из Крыма, в Одесском музее и Эрмитаже (Драчук В.С., 1975, с. 67, табл. XIV, рис. 11, *2, 3*; Treister M.Yu., 1996, p. 78, fig. 4, *2*) верхняя часть тамги идентична тамге Евпатора, центральная также имеет вид треугольника, однако перевернутого вершиной вниз, тогда как нижняя представляет собой овальную фигуру с двумя завитками внутрь, напоминающую оформление нижней части тамг схемы Фарзоя и Инисмея (ср.: Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991, с. 63, рис. 32; Rostowzew M.I., 1993, Taf. 21, 1, *4–6*; 2, *2*). Интересно, что еще на одном щитке (рис. 1, *6*) (Treister M.Yu., 1996, p. 78, fig. 4, *6*) используется такая же тамга, помещенная справа от тамги Евпатора и отделенная от нее вертикальной чертой. В.С. Драчук (1975, с. 70) вслед за Э.И. Соломоник (1959, с. 35 сл.) предположительно соотносил этот знак с каким-то выходцем из сарматской среды, лицом знатным, но, судя по другим данным, не царем, возможно, его наместником или человеком породнившимся с ним. Вместе с тем на двух бронзовых пряжках, найденных в Крыму и хранящихся в Одесском музее (Драчук В.С., 1975, с. 67, табл. XIV, рис. 11, *2, 3*) аналогичные тамги

помещены вместе с тамгами, напоминающими тамги Евпатора, но отличающимися в центральной части – вместо треугольника у них помещен ромб (Козыренко И.И., 1957, с. 92, № 2, табл. 1, 2; Соломоник Э.И., 1959, с. 134, рис. 85, 136, № 85; Драчук В.С., 1975, с. 67, табл. XIII, рис. 1, *16, 17*; Алексеева Е.М., 1986, с. 120, 121, рис. 3, *ж*). В.С. Драчук (1975, с. 67) предположил следующее: "Очевидно, владелец этого знака и был тем боспорским царем, правление которого примыкало к царствованию Тиберия Эвпатора и который, как и Тиберий Эвпатор, был как-то связан с владельцем упомянутого сарматского знака. Выяснить имя этого царя сейчас не представляется возможным, так как унаследование власти Тиберием Эвпатором непосредственно от Реметалка пока не засвидетельствовано вполне достоверными данными. Если будет доказано, что Тиберий Эвпатор действительно унаследовал власть от Реметалка, а Савромат II – от Тиберия Эвпатора, то не останется никаких сомнений в принадлежности царского знака на крымских пряжках боспорскому царю Реметалку".

Таким образом, очевидна как хронологическая близость всех рассмотренных памятников, так и их вероятная принадлежность к одному производственному центру.

Интересно, что тамга Тиберия Евпатора имеется на серии золотых и бронзовых пряжек с прямоугольными рамками: в том числе на трех золотых – из коллекции Е. Запорожского (Шкорпил В.В., 1910, с. 31, рис. 4, *6, 7*); двух золотых, найденных в 1910 г. у Карантинного шоссе в Керчи (Шкорпил В.В., 1910, с. 31, 32, рис. 10, 11) и большой бронзовой, рамка которой украшена фасетками, а язычок в центральной части расширяется, имеет квадратную форму и украшен гравировкой (рис. 1, *1*) (Драчук В.С., 1975, табл. XV, *6*; Treister M.Yu., 1996, p. 78, fig. 4, *1*).

На длинном составном наконечнике пояса (рис. 1, *3*), найденном в 1909 г. в Керчи в погребении вместе с пряжкой, на щитке которой имеется тамга Евпатора (Шкорпил В.В., 1910, с. 31, 32, рис. 9; 1913, с. 27, № 67(14); Treister M.Yu., 1996, p. 78, fig. 4, *3*), переднюю часть ажурного щитка украшает тамга, отличающаяся от тамги Евпатора отсутствием треугольника в центральной части. Известны подобной формы золотые составные щитки, но с тамгой Евпатора. Один в свое время находился в коллекции Е. Запорожского (Шкорпил В.В., 1910, с. 31, рис. 5), другой был найден в Керчи возле Карантинного шоссе в 1910 г. (Шкорпил В.В., 1910, с. 31, 32, рис. 12). Аналогичная тамга имеется на ажурном щитке пряжки с завитками в виде лебединых головок из окрестностей Ольвии, хранящейся в Гамбурге (von Mercklin E., 1928, Sp. 454, 455, Abb. 165*b*). Такая же тамга была найдена на известняковой плите в Танаисе в 1964 г. и определена Д.Б. Шеловым (1966, с. 268–277) как тамга царя Тиберия Юлия Римиталка, правившего на Боспоре в 131–153 гг. Аргументы Д.Б. Шелова: 1) относительная простота знака по сравнению с знаками Евпатора, Савромата II и Рискупорида III; 2) бытование двучленных тамг во II в. подтверждается таманской плитой с надписью Евпатерия; 3) употребление таких тамг на пряжке и поясном наконечнике сопоставимо с аналогичными изделиями с тамгой Евпатора и, наконец, присутствие в одной из могил пантикапейского некрополя наконечника с предполагаемой тамгой Римиталка и пряжки с тамгой Евпатора (Шелов Д.Б., 1966, с. 272, 273). Аргументы Д.Б. Шелова в пользу атрибуции знака на плите из Танаиса как тамги Римиталка были подвергнуты критике как В.С. Драчуком (1975, с. 66, 67), который отмечал, что наследственное развитие знаков шло скорее по пути их упрощения, так и Е.М. Алексеевой (1986, с. 122): "Изображение двух различных тамг на имуществе одного погребенного не является доказательством непосредственной хронологической преемственности тамг и их владельцев; однотипность знаков может лишь свидетельствовать о принадлежности обладателей знаков одному роду, тем более что не выявлен принцип образования новых тамг при видимой схожести многих". В.С. Драчук (1975, с. 67) приходит к выводу, что знак на танаисской плите 1964 г. принадлежал "одному из неизвестных боспорских царей из числа тех, кто царствовал с конца I в. до н.э. до середины III в.н.э." По мнению Е.М. Алексеевой (1986, с. 122), танаисская плита с тамгой скорее связана с Савроматом I (93–123 гг.), о чем, как полагает исследовательница, свидетельствуют танаисская надпись о проведении

последним больших строительных работ и контекст находки. На мой взгляд, трудно предположить, что детали поясного набора из одного погребения были сделаны с интервалом в полстолетия. Вне зависимости от конкретной атрибуции рассматриваемой тамги она была скорее всего хронологически близка времени царствования Евпатора.

Аналогичные пряжки с тамгами находили и за пределами Боспора, например в Херсонесе (Драчук В.С., 1974; Зубарь В.М., 1982, с. 105, 106), юго-западном Крыму (Чернореченский могильник: Дашевская О.Д., 1991, с. 36, 119, табл. 63, *25*), в окрестностях Ольвии (von Mercklin E., 1928, Sp. 453–455, Abb. 165) однако исследователи не сомневаются в их боспорском происхождении (Драчук В.С., 1974, с. 40–43). В.С. Драчук (1975, с. 76) предполагает, что такие пряжки могли поступать в Херсонес в результате торговли. Высказывались мнения, что подобные пряжки принадлежали представителям выдвинувшейся племенной знати или видным государственным сановникам. Вопрос о том, были ли пояса частью только военного или официального костюма, неоднократно дискутировался. С. Хоукс, анализируя материалы из Британии, высказала предположение, что ношение поясов было исключительно прерогативой солдат (Hawkes S.Ch., Dunning G.C., 1961, p. 28). Ж. Кларк пришел к выводу, что лишь пряжки отдельных типов можно считать частью костюма солдат римских пограничных отрядов (Winchester Studies 3, 1979, p. 290, 291). На мой взгляд, пряжки с тамгообразными знаками, в том числе и царскими, могли получать за особые заслуги солдаты и командиры боспорской армии подобно тому, как государственные чиновники или наместники получали перстни с царскими тамгами (ср.: Алексеева Е.М., 1986, с. 123). В пользу этого свидетельствуют изображения тамг на сероглиняных мисках из укрепленного поселения в окрестностях Новороссийска, оставленных, вероятно, боспорским пограничным отрядом (Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1982, с. 110, рис. 3). Хорошо известно, что в римской армии такие украшения, как фалары, браслеты и пряжки, в том числе выполняли функции знаков различия и наградных знаков (см., например: Maxfield V.A., 1981). Декрет о награждении пантикапейца золотым кольцом свидетельствует о проникновении на Боспор римских традиций (Колобова К.М., 1958, с. 193–197) и говорит в пользу нашей гипотезы. Таким образом, в случае с боспорскими пряжками и наконечниками поясов, украшенными тамгообразными знаками, вероятно, можно видеть сочетание римской традиции с глубоким содержанием, вкладывавшимся в оформление тамгообразных знаков сарматского типа. Несомненно, римские прототипы боспорских пряжек с ажурными щитками подтверждаются не только соответствием формы и декора собственно пряжек, но и широким употреблением ажурных щитков, выполненных в технике opus interrasile, правда с другим орнаментом на пряжках из Остербуркена, Штраубинга (см., например: Oldenstein J., 1976, Taf. 75, № 997, 998; Bishop M.C., Coulston J.C., 1989, p. 46, fig. 35, *7*), которые не могут датироваться ранее 150 г.н.э. (Oldenstein J., 1976, S. 216). Интересно, что к группе боспорских пряжек с ажурными щитками с тамгообразными знаками примыкают пряжки со щитком из Херсонеса (Minns E., 1913, p. 507, fig. 339; Драчук В.С., 1974, с. 41, рис. 1) и Пантикапея (рис. 1, *5*)[2] (Richter G.M.A., 1915, № 1093; Treister M.Yu., 1996, p. 78, fig. 4, *5*), украшенные орнаментом в виде симметричных завитков[3], чрезвычайно напоминающим декор щитка, выполненного в технике opus interrasile, из Штраубинга[4] (Oldenstein J., 1976, Taf. 75, № 1000). Привлекает внимание и упомянутый выше сложносоставной ажурный наконечник пояса из Пантикапея

---

[2] Еще одна аналогичная пряжка, происходящая из Северного Причерноморья, хранится в Берлинском музее (Ebert M., 1909, S. 71, Abb. 5, 6).

[3] В.С. Драчук (1974, с. 43) считал, что на пряжке из Херсонеса изображен сарматский знак, который принадлежал представителю правящей боспорской династии, имевшему мастерскую, производящую такие пряжки. Вряд ли можно согласиться с данной гипотезой, учитывая отмеченную выше параллель из Штраубинга и отсутствие подобных "сарматских" знаков на других предметах.

[4] Ср. также декор накладки из Чернореченского могильника (Дашевская О.Д., 1991, с. 119, табл. 63, *26*).

(рис. 1, *3*) (Treister M.Yu., 1996, p. 78, fig. 4, *3*), первая часть которого содержит предполагаемую тамгу Римиталка (по Д.Б. Шелову) в прямоугольной рамке, а вторая – узкая – состоит из симметричных завитков полукружий, выполнена в технике, характерной для изделий с Trompetenmotiv[5], и находит аналогии и по форме, и по декору из тех же памятников по Верхнегерманскому и Рецийскому лимесу (ср.: Oldenstein J., 1976, Taf. 41, № 392).

Таким образом, на Боспоре около середины II в.н.э. под влиянием римского военного костюма организуется, вероятно, в царских мастерских (ср.: Соломоник Э.И., 1959, с. 35; Шелов Д.Б., 1966, с. 272), производство поясных наборов с царскими тамгами, со щитками, наконечниками поясов и бляшками, подражающими изделиям мастерских Верхней Германии и Реции. Возможно, мастерская была основана еще при царствовании Римиталка, восхождение которого на боспорский трон, вероятно, явилось результатом вмешательства в вопросы боспорского престолонаследия римской императорской власти, а правление характеризовалось энергичной внутренней и внешней политикой (Шелов Д.Б., 1966, с. 273–275; Зубарь В.М., 1994, с. 37), однако расцвет ее деятельности приходится на царствование Евпатора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Б.М., 1986. Царская тамга на золотом перстне из Горгиппии // Проблемы античной культуры. М.

Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР, 1984. М.

Вязьмитина М.М., 1972. Золотобалковский могильник. Киев.

Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1-7.

Драчук В.С., 1974. Пряжка римского времени с тамгообразным знаком // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев.

Драчук В.С., 1975. Система знаков Северного Причерноморья. Киев.

Зубарь В.М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев.

Зубарь В.М., 1994. Херсонес Таврический и Римская Империя. Киев.

Козыренко И.И., 1957. Тамги на археологических памятниках Одесского Государственного археологического музея // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. I. Одесса.

Колобова К.М., 1958. К вопросу о награждении пантикапейца золотым кольцом // СА. Вып. 28.

Кунина Н.З., Сорокина Н.П., 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора // Тр. ГЭ. Вып. XIII.

Моринц С., 1961. Новый облик дакийской культуры в римскую эпоху // Dacia. n.s. T. 5.

Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1982. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. № 2.

Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в.н.э. Киев.

Соломоник Э.И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Трейстер М.Ю., 1983. Результаты спектральных анализов бронзовых украшений из Горгиппии // КСИА. Вып. 174.

Трейстер М.Ю., 1992. Бронзолитейное ремесло Боспора // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. 10. М.

Трейстер М.Ю., 1993. Римляне в Пантикапее // ВДИ. № 2.

Трейстер М.Ю., в печати. К вопросу о металлических деталях римского военного костюма и конской сбруи в Северном Причерноморье // РА.

Шелов Д.Б., 1966. Тамга Римиталка // Культура античного мира. М.

Шкорпил В.В., 1910. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. Вып. 37.

Шкорпил В.В., 1913. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. Вып. 47.

[5] Аналогичные наконечники из окрестностей Ольвии хранятся в Гамбурге (von Mercklin E., 1928, Sp. 454, 455, Abb. 165, *d–e*). См. о технике Trompetenmotiv: Frisch T.G., Toll N.P., 1949; Трейстер М.Ю., в печати.

Behrens G., 1912. Neue Funde aus dem Kasstell Mainz // Mainzer Zeitschrift. Jg. VII.

Benea D., Petrovszky R., 1987. Werkstätten zur Metallverarbeitung in Tibiscum im 2. und 3. Jahrhundert n. Chr. // Germania. Bd. 65. 1.

Bishop M.C., 1991. Soldiers and Militäry Equipment in the Towns of Roman Britain // Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the XVth Intern. Congress of Roman Frontier Studies. Exeter.

Bishop M.C., Coulston J.C., 1989. Roman Military Equipment. London.

Bonis E., 1986. Das Miltarhandwerk der Legio I Adiutrix in Brigetio // Studien zu den Militargrenzen Roms. III. 13. Intern. Limeskongress Aalen, 1983. Vorträge. Stuttgart.

Boube-Piccot Ch., 1980. Les bronzes antiques du Maroc. V. III. Rabat.

Boube-Piccot Ch., 1994. Les bronzes antiques du Maroc. V. IV. L'equipment militaire et l'armement. Paris.

Boucher S., 1971. Vienne. Bronzes Antiques. Paris.

Connoly P., 1980. The Roman Army. London.

Ebert M., 1909. Die fruhmittelalterlichen Spangenhelmen vom baldenheimer Typus // Prahistorische Zeitschrift. Jg. 1.

Frisch T.G., Toll N.P., 1949. The Bronze Objects. The Excavations at Dura-Europos. Final Reports. Pt. IV. Fasc. 1. New Haven.

Füler F., 1977. Roman Gemeteries on the Territory of Pecs (Sopianae). Budapest.

Hawkes S.Ch., Dunning G.C., 1961. Soldiers and Settlers in Britain, fourth to fifth century // Medieval Archaeology. V. 5.

Istvanovits E., Kulcsar V., 1994. Roman and Germanic Elements in the Armament of the Barrow-graves of the 2-3rd centuries AD in the Great Hungarian Plain // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin, Marburg.

Kloiber A., 1962. Die Graberfelder von Lauriacum des Espelmazrfeld. Linz.

Lindenschmidt L., 1870. Die Alterthumer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz.

Lloyd-Morgan G., 1987. Professor Robert Newstead and Finds of Roman Military Metalwork from Chester // Roman Military Equipment. The Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Research Seminar. BAR Intern. Ser. 336. Oxford.

Maxfield V.A., 1981. The Military Decorations of the Roman Army. Berkeley; Los Angeles.

von Mercklin E., 1928. Antiken in Hamburgischen Museum fur Kunst und Gewerbe // AA.

Minns E., 1913. Scythians and Greeks in South Russia. Cambridge.

Oldenstein J., 1976. Zur Ausrustung romischer Auxiliareinheiten. Studien zu Beschlagen und Zierat an der Ausrustung der römischen Auxiliareinheiten der obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. // Ber. RGK. Jg. 57.

Petru S., 1972. Emonske nekropole. Ljubljana.

Richter G.M.A., 1915. The Metropolitan Museum of Art: Greek, Etruscan and Roman Bronzes. New York.

Ritterling E., 1913. Das frührömische Lager bei Hofheim im Taunus. Wiesbaden.

Rostowzew M., 1993. Skythien und der Bosporus. Bd. II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes (hrsg. H. Heinen) // Historia Einzelschriften. Bd. 83. Stuttgart.

Szirmai K., 1995. Small Bronze and Iron Finds from the vicus of the Military Fort Budapest-Albertfalva // Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992 (Nederlandse archeologische Rapporten. V. 18). Nijmegen.

Treister M.Yu., 1994. Roman Military Equipment in the Kingdom of Bosporus // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg.

Treister M.Yu., 1995. The Romans in Pantikapaion // ACSS. V. 2. № 2.

Treister M.Yu., 1996. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // Colloquia Pontica I. New Studies on the Black Sea Littoral. Oxford.

M.Yu. TREISTER

LOCAL REPLICAS OF ROMAN MILITARY COSTUME DETAILS IN BOSPORUS

Summary

Roman military costume had penetrated into the North Pontic area with the soldiers of Roman military contingents and garrisons; there they influenced similar artefacts produced by local workshops. They are represented first of all by the buckles ornamented with tendrils made in shape of swan heads. In some cases the buckles of this type and belt-tips originating from Bosporus had open-work panels with tamga-like signs of Bosporan kings on them. Between the signs that by Tiberius Julius Eupator can be identified. Chronological closeness of the material considered is obvious, as well as its connection with single producing centre. Similar buckles with tamga-like signs on them were found also outside Bosporus, namely, in Chersones, south-western Crimea, and the vicinity of Olbia, but the investigators have no doubts as for their Bosporan origin. Around mid 2nd century AD production of belt-sets was organized, probably, in royal workshops, under the influence of Roman military costume.

Н.Д. ДВУРЕЧЕНСКАЯ

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛИТКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОДХИСАТТВЫ ИЗ ВОСТОЧНОЙ КАШКАДАРЬИ

Вопрос распространения и бытования буддизма в Согде является достаточно сложным. Немногочисленные известные на сегодняшний день сведения письменных источников довольно противоречивы, археологические материалы скупы (Литвинский Б.А., 1975, с. 198; 1992, с. 437; Ставиский Б.А., 1998; Мкртычев Т.К., в печати). Из этого сложилось вполне справедливое мнение, что буддизм не играл серьезной роли в религиозной жизни согдийцев. Но тем не менее, вопрос о значении и характере буддизма в Согде еще далек от разрешения, что заставляет быть более внимательным к любому источнику информации. Обращаясь к теме проникновения или влияния буддизма на территорию Южного Согда – Кеша в период раннего средневековья, приходится полагаться исключительно на материалы археологических исследований. Таким материалом являются терракоты.

За годы с начала проведения в этом регионе разведочных и стационарных археологических исследований кафедрой археологии ТашГУ был собран обширный материал по коропластике, насчитывающий десятки различных сюжетов. Среди этого материала выделяются три терракотовые плитки, отражающие непосредственное знакомство с буддийской иконографией. Две из них были опубликованы, третья же, с изображением сидящего бодхисаттвы, была обнаружена в 1991 году Н.П. Столяровой на раннесредневековом замке Культепа, и вводится в научный оборот впервые[1].

Терракота представляет собой глиняную плитку с барельефным изображением на лицевой стороне (рис. 1). Выполнена она оттиском штампа. С оборотной стороны имеется глубокое пальцевое вдавление. Верхний край плитки отбит и, вероятно, имел вид округлой арки, сохранившейся лишь частично. Арка выделена гладким бордюром, высота рельефа которого увеличивается в верхней половине плитки и почти сходит на нет к низу, что создает дополнительные тени, углубляет зрительно фон и более ярко выделяет верхнюю часть изображения, где расположена сидящая фигура.

Персонаж сидит, скрестив ноги в позе полулотоса (сиддхасане) правая нога над левой, руки согнуты в локтях и соединены на уровне живота в жесте дхъяни-мудра: в правой ладони, повернутой вверх внутренней стороной, лежит тыльной стороной левая ладонь, указательный и большой пальцы которой соединены, образуя зрительно круг. Одежда, покрывающая оба плеча, образует косые складки на правом предплечье, доходит до начала кистей и отмечается в виде небольших рельефных валиков – возможно, это накидка сангхати. Ниже уровня шеи рельефной полоской намечен ее верхний край. Чуть ниже такой же полоской обозначено нагрудное украшение. По уровню груди от плеча к плечу идет широкий рельефный валик, возможно, это гирлянда. На ногах из-за сильной сглаженности поверхности плитки одежда четко не прослеживается.

---

[1] Автор выражает искреннюю признательность Н.П. Столяровой за предоставленный материал и ценные замечания.

© Н.Д. Двуреченская, 2000 г.

Рис. 1. Терракотовая плитка с изображением бодхисаттвы с поселения Культепа V–VI вв.

Лицо округлое с правильными очертаниями. Высокий открытый лоб, прямой нос, большие глаза с опущенными, припухлыми, "тяжелыми" веками, небольшой рот, губы слегка приподняты в уголках и намечают легкую улыбку. Голова увенчана высоким головным убором типа короны, состоящим из округлого ободка и ряда подтреугольных зубцов, обращенных вершинами вверх, над зубцами либо округлое навершие, либо высокий шиньон, либо деталь короны.

Сюжетно связанную композицию с описанным персонажем составляют расположенные непосредственно под ним три человеческие фигурки меньшего масштаба. Из них лишь правая хорошо читается. Человек сидит, повернувшись в три четверти влево, с высоко поднятой и обращенной наверх головой, в согнутых и приподнятых руках он держит сосуд. Двое других в той же позе, но обернувшись в три четверти вправо. К сожалению, остальные детали неразличимы. Можно лишь предположить, что это дароносцы, изображение которых столь характерно для буддийской иконографии и часто символизирует тройное приподношение, а именно, предписанное мирянам подаяние пищи, одежды и крова (Пугаченкова Г.А., 1982, с. 138). Расположение поклоняющихся непосредственно под изображением Будд или бодхисаттв, без сюжетной разобщенности, часто архитектурно оформляемой, характерно в основном для школы Амаравати третьего периода. Так, на барельефе ступы Амаравати, датируемом III–IV вв. н.э., непосредственно под изображением Будды расположены три фигуры поклоняющихся женщин, обращенных к Будде приподнятыми в жесте чайтья руками (Deneck M.M., 1962, f. 68, 69).

Налицо целый ряд иконографических черт бодхисаттв, как то – каноничное изображение лица, характерная поза, жест рук, украшения нагрудные и головные. При этом имеется и ряд особенностей: дополнение в виде круга в жесте дхъяни-мудра,

вероятно, символизирующего Поворот колеса Закона; не прослеживается изображение оттянутых мочек ушей, а также урны, что можно отнести за счет потери наиболее выступающих деталей в процессе редуцирования; украшение головы в виде короны. Последнее будет более объяснимым, если вспомнить какое место данный атрибут занимал в иконографии согдийских божеств в период раннего средневековья. Короны были представлены самыми различными типами и венчали самых различных персонажей. Для примера достаточно вспомнить короны персонажей на Миankальских оссуариях или у богинь с согдийских серебряных чаш VI–VII вв. Наделение божеств, мифологических героев и других персонажей символами власти – каковыми являются короны, можно было бы назвать традиционным, глядя на столь многочисленные примеры. Подобные примеры есть и в коропластике самого Кеша (Чунихин Д.В., 1989, с. 74–77; Мусакаева А., 1992, с. 150, 151). Такая иконографическая особенность как корона встречается также и непосредственно в иконографии Будд и бодхисаттв в живописи Бамиана V в. (Tarzi Z., 1977, pl. D-52, 53, g, h.).

Замок Культепа, в культурном слое которого была обнаружена рассматриваемая терракота, был датирован Н.П. Столяровой V–VI вв. Плитка была обнаружена в хозяйственной яме, заполнение которой датируется тем же временем. Обращает на себя внимание стиль изображения, который далек от канонов позднекушанской иконографии с ее очевидной закостенелостью и диспропорцией. Все персонажи на терракотовой плитке имеют близкие к нормальным пропорции тела, позы их естественны и свободны. Несмотря на то, что главный персонаж изображен фронтально, сидит в каноничной позе и неподвижен, благодаря концентрации внимания на его внутреннем состоянии, отраженном в лице, не создается впечатления оцепенелости. Фигуры дароносцев изображены в динамичных позах, обращенных к бодхисаттве, что придает всей композиции сюжетную связанность и живость. Несомненно, в этом проявляются черты нового стиля эпохи раннего средневековья с присущей ему выразительной силой и живостью, что также косвенно подтверждает датировку (Мешкерис В.А., 1989, с. 20; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1961, с. 51, 52; Ремпель Л.И., 1987, с. 84). Кроме того, рассматриваемая терракота относится к типу "крупных плиток", получивших широкое распространение на территории Согда именно в период раннего средневековья (Мешкерис В.А., 1989, с. 31).

Изображение на терракотовой плитке с Культепа сильно редуцировано, что отразилось на заглаженности поверхности всей терракоты, и возможно, утрате части деталей, но можно утверждать, что первоначальная матрица относилась к ярким образцам художественной коропластики. Об этом говорит умелая компоновка на небольшой по размерам плитке (145 × 150 × 82 мм) главного персонажа и дароносцев; расположение всей изобразительной композиции под аркой с постоянным углублением фона и одновременно повышением высоты рельефа как самой арки, так и верхней части центральной фигуры, чем достигалось акцентирование внимания на лице главного персонажа. Помимо проработки мелких и потому сложно исполнимых деталей, таких как кисти рук, их правильного изображения, мастеру удалось отразить в лице бодхисаттвы психологическое состояние самопогруженного размышления и глубокой отрешенности, столь сложно выполнимого в рамках коропластики. Подобное нельзя отнести к случайному проявлению новаторства ремесленника, изготавливавшего оттиск.

Коропластического материала с изображениями буддийских персонажей, открытого на сегодняшний день в Средней Азии очень немного. Он не выходит за рамки двух десятков терракот. В это число входят терракоты как кушанского, так и раннесредневекового периода. Большая часть этого материала происходит с территории Тохаристана. Небольшое количество терракот с изображением буддийских персонажей, тем не менее, не имеет идентичных повторений. На них представлена иконография как Будд, так и бодхисаттв в разных позах и с различными жестами рук, за исключением иконографического типа, лежащего в парининрване Будды. Близкой аналогии культепинской плитки из этого ряда терракот нет, но по некоторым

признакам: оформлению плитки гладким бордюром, расположению персонажа, сидящего в позе лотоса с жестом рук в дхъяни-мудра в поле плитки со значительным отступлением от нижнего края, и по технологии изготовления оттиском штампа на плитке, можно назвать аналогичной терракотовую плитку с городища Старого Термеза (Массон М.Е., 1941, с. 79, рис. 54). Необходимо оговориться, что эта плитка также не полной сохранности, верх ее утрачен, и само изображение сильно заглажено.

Прямых аналогий сюжету культепинской плитки не удалось найти и в монументальном искусстве как в сопредельных с Восточной Кашкадарьей регионах Средней Азии, так и в Афганистане, Индии и Восточном Туркестане. Но, несмотря на это, мы видим прямую взаимосвязь с индо-буддийским искусством в передаче выработанного к IV–V вв. иконографического канона персонажей буддийского пантеона. Влияние художественных принципов и иконографии Индии на памятники буддийского и не буддийского искусства Средней Азии отмечено не впервые (Литвинский Б.А., 1996, с. 174). Зафиксировано оно и в скульптуре малых форм Кеша: в изображениях "воинствующего божества" на терракотовой плитке с Безымянного тепа № 47, а также в сюжетной композиции с "четверорукими танцующими божествами" на оссуарии с территории Яккобагского района (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 104, 105; Лунина С.Б., Усманова З.И., 1985, с. 48–50).

Для понимания места и значения сюжета культепинской плитки в религиозной жизни раннесредневекового Кеша важно было бы рассмотреть ее в контексте обнаруженных ранее на этой территории еще двух терракот, несущих черты буддийской иконографии. Обе терракоты происходят с территории небольшого городища Сарыктепе.

Первая терракота сохранилась фрагментарно, представлена верхней частью плитки с барельефным изображением головы Будды с присущими ему иконографическими чертами. Терракота оттиснута штампом. Происходит с территории самого города из культурного слоя, датированного монетой царя Согда Вузурга второй четвертью VII в. (Лунина С.Б., Усманова З.И., 1990, с. 65, 66; Усманова З.И., 1990, с. 45)[2].

Вторая плитка опубликована С.Б. Луниной (1990, с. 48–50), она без орнаментального бордюра, неровно обрезана; заметен брак с правой стороны, край вывернут наружу (рис. 2). На плитке изображена фронтально шествующая фигура, что передано слегка согнутой в колене правой ногой. У персонажа прямые мощные плечи, придающие фигуре коренастость и приземистость; правая рука согнута в локте и направлена на зрителя, положение кисти не прослеживается из-за скола, вероятно, она в позиции обхайя-мудра, левая, по всей видимости, придерживает край одежды. Голова персонажа выполнена в более высоком рельефе, и при оттиске было смято изображение левой части лица. По этой причине сохранилось только правое ухо с сильно оттянутой книзу мочкой. Прическа имеет высокий шиньон – ушницу на макушке. Лицо персонажа округлое с высоким лбом, рельефно выделенными бровями, большими глазами, широким носом и довольно крупным ртом, по своей пластической разработке и стилю находит очень близкую аналогию в лице вышеупомянутого "воинствующего божества" на терракотовой плитке с Безымянного тепе № 47. Одет персонаж в дхоти и сангхати. Накидка сангхати из тонкой ткани образует многочисленные, характерно расположенные, складки; поверх нее на груди идущая от плеч и доходящая до бедер перевязь. По всему контуру фигуры расположены выпуклые кружки, идущие также между туловищем и руками, что существенно отличается от обычного вписывания персонажей на терракотовых плитках раннесредневекового Согда в орнаментальный картуш (Мешкерис В.А., 1989, с. 247, 256, 258, 282, рис. 141, *1*, 149, 258, *1*, 176, *2*). Слегка расставленные ноги стоящей фигуры завершаются, по мнению С.Б. Луниной, крупными птичьими лапами. Возможно, что это неточно понятое ремесленником изображение ступней ног, обутых в сандалии с

[2] Терракота утеряна, вследствие чего не представляется возможным привести ее изображение.

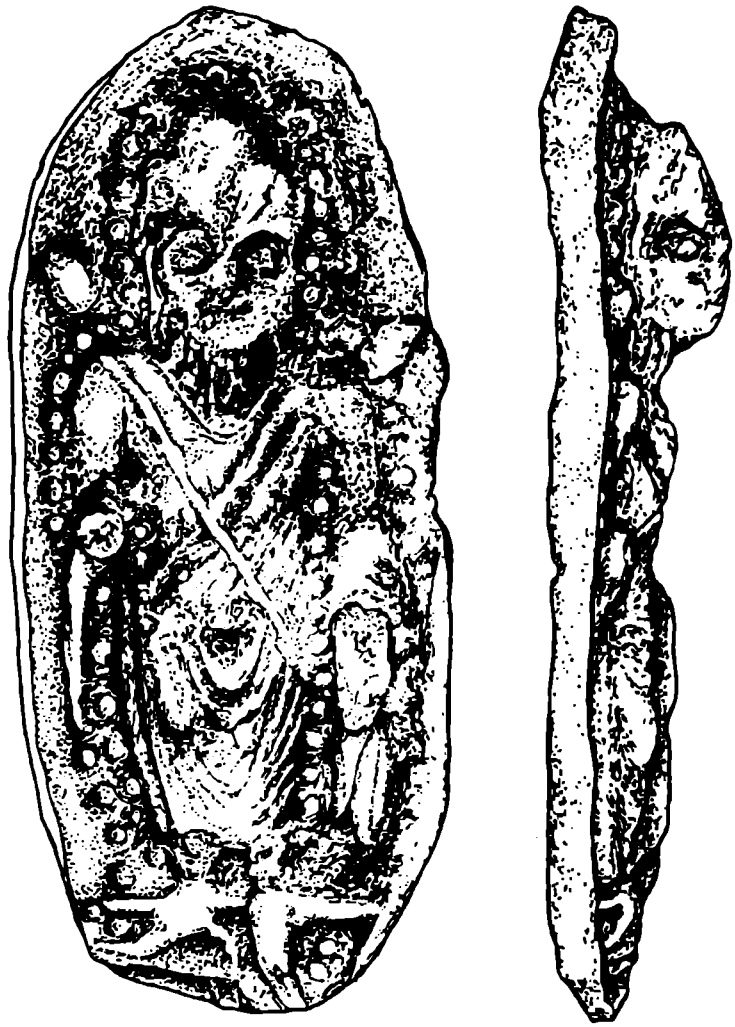


Рис. 2. Терракотовая плитка с территории пригорода Сарыктепа

крестообразным перекрестием или брак, хотя трудно с уверенностью отрицать возможность передачи какого-то мифологического синкретического образа.

Из-за плеч описанного персонажа выступают два вытянутых рельефных бугорка. В качестве варианта[3] можно предположить, что это изображение огней. Такая особенность как "языки пламени из-за плеч" хорошо известна как в буддийской иконографии, так и в иконографии среднеазиатских божеств и героев. Древнейшие изображения буддийских персонажей с подобным элементом, датируемые первыми веками н.э. отмечены в монументальной скульптуре Шоторака (Auboyer Y., 1968, pl. 43, 42) и в настенной росписи буддийского монастыря Кара-тепе, в виде целого пояса из стилизованных языков пламени вокруг изображения Будды (Stavisky B.J., 1980, p. 90–92, 93, 94). Позднее, в период раннего средневековья, изображение Будды с "огненными крыльями" зафиксировано в настенной живописи Пенджикента (Беленицкий А.М. и др., 1994, с. 123, рис. 9; Маршак Б.И., Распопова В.И., 1988, с. 142, 143). Элемент "огненных крыльев" интерпретируется исследователями буддийской иконографии как символ вечной жизни (Coomaraswamy A.K., 1935, p. 8–10, 31, fig. D).

В среднеазиатском пантеоне божеств элемент "языки пламени из-за плеч" являлся отличительной чертой божества Атеш, изображение которого известно по монетам Канишки I (Зеймаль Е.В., 1983, с. 194). Позднее, в период раннего средневековья этот

[3] С.Б. Лунина интерпретирует их как два трилистника.

элемент зафиксирован также в мелкой пластике Кеша (Лунина С.Б., 1992, с. 107; Мусакаева А., 1992, с. 150, 151).

У сарыктепинского персонажа мы наблюдаем ряд особенностей, не характерных для изображения бодхисаттв: крестообразная перевязь поверх сангхати, изображение на шее нескольких рельефно выделенных вертикальных бороздок. Последний элемент трудно объясним, он находит прямую аналогию в иконографии мужского персонажа на терракоте с городища Гаравкала из Северной Бактрии (Зеймаль Т.И., Седов А.В., 1985, с. 138, ф. 371). Изображение на этой плитке интерпретируется авторами как мужское божество, а вертикальные защипы на шее – как высокий стоячий ворот одежды, состоящей также из дхоти. На мой взгляд, персонаж действительно одет в дхоти, но торс его обнажен, и лишь поверх левой руки накинут шарф. Соответственно, упомянутые бороздки невозможно трактовать как стоячий ворот, тем более, насколько нам известно, в индийском мужском костюме отсутствует подобный элемент. Кроме того, на персонаже украшения: шейная гривна и нагрудное украшение с крупным медальоном и многочисленными подвесками. Фигура изображена стоящей – правая рука согнута в локте и внутренней поверхностью ладони обращена к зрителю, что соответствует жесту обхайе-мудре. Левая рука также согнута в локте и, вероятно, придерживает шарф. Анализируя все приведенные иконографические черты, можно предположить, что перед нами персонаж, наиболее близкий по иконографии к изображению бодхисаттвы.

Возвращаясь к особенностям персонажа сарыктепинской плитки, хотелось бы напомнить, что трактовка ступней ног как птичьих лап С.Б. Луниной стала основой для интерпретации этого образа как некоего синкретичного местного божества, для изображения которого была использована иконография Будды. Д.В. Чунихин, развивая мысль и синкретичности образа, пришел к выводу, что на плитке представлен образ Вишны-Гаруды, за основу изображения которого была взята иконография буддийского монаха (Чунихин Д.В., 1992, с. 154, 155), хотя перечисленные иконографические признаки персонажа относятся именно к образу самого Будды. Данная интерпретация предполагает на территории Кеша не только близкое знакомство с пантеоном индуистских божеств, но и возможность свободного мифотворчества, создание нового иконографического синкретического образа, неизвестного на родине самого индуизма, что на сегодняшний день далеко не однозначно и требует отдельного рассмотрения.

Не затрагивая глубоко вопроса по интерпретации данного образа, отметим лишь, что его создателям была детально знакома буддийская иконография. Это обстоятельство объединяет все три приведенные выше кешские терракоты в отдельную группу, так или иначе отражающую влияние буддийского искусства на этот регион.

Немаловажное значение имеет вопрос о происхождении рассматриваемых терракот. Так С.Б. Лунина ранее пришла к выводу о несомненности местного происхождения сарыктепинской плитки на основе анализа технологии ее изготовления, а также стиля, в котором исполнено изображение в сопоставлении с другими терракотами Кеша (Лунина С.Б., 1990, с. 48). Разделяя это мнение, нам представляется возможным отнесение его ко всем трем рассматриваемым терракотам. Напомним, что все они имеют совокупность следующих признаков: выполнены оттиском штампа на плитках, в составе теста имеются примеси белого цвета, с оборотной стороны характерные вдавления, близки по размерам с рядом местных терракот, а главное, сюжеты двух целиком сохранившихся терракот оригинальны и не находят прямых аналогий. Кроме того, терракоты с территории городища и пригорода Сарыктепа представляют из себя производственный брак, а плитка с Культепа далеко не первая реплика с матрицы-калыба, что не характерно для импортных вещей.

Подводя итог вышеописанному материалу из Кеша, хотелось бы еще раз акцентировать внимание на следующих важных моментах: местное происхождение терракот; два иконографических положения – сидящей в сидхасане с жестом дхъяни-мудра и шествующий с положением рук в обхайе-мудре; широкие хронологические

рамки на основе стратиграфически датированных плиток с Культепа и Сарыктепа от V–VI вв. до второй четверти VII в., причем наиболее ранний экземпляр был обнаружен на сельском поселении Культепа, остальные с территории зарождающегося города Сарыктепа. Наряду с этим рассматриваемые терракоты имеют целый ряд отступлений от индо-буддийских иконографических канонов Будд и бодхисаттв. Это обстоятельство не является неординарным для памятников Средней Азии. Вопросу о наличии определенной специфики и локальных особенностей на памятниках буддийского искусства и в иконографии основных буддийских персонажей, и более того, внесения в буддийские представления элементов древних местных верований в Средней Азии и, в частности, на пограничной с Кешем территории Бактрии, посвящена обширная литература (Литвинский Б.А., 1992, с. 436; Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., 1971, с. 107; Пугаченкова Г.А., 1979, с. 176, 177; Ставинский Б.Я., 1990, с. 11; 1998; Тургунов Б.А., 1990, с. 142).

Важно отметить, что помимо кешских терракот на территории Согда на сегодняшний день зафиксировано и опубликовано лишь несколько археологических памятников, отражающих знакомство с иконографией основных буддийских персонажей[4]. В центральном Согде это находки на городище Пенджикент – настенная роспись с изображением Будды в помещении объекта XXV и терракотовая форма с сидящей фигурой Будды, датируемые концом VII–VIII вв.[5] Оба памятника, как ранее отмечалось исследователями материалов Пенджикента свидетельствуют о поверхностном знакомстве исполнителей как настенной росписи, так и терракотовой матрицы с буддийской иконографией, что отразилось в непонимании характерной особенности – жеста рук. В обоих случаях и на росписи и на терракотовой форме они переданы принципиально неверно (Маршак Б.И., Распопова В.И., 1988, с. 142, 143; Маршак Б.И. и др., 1996; Ставиский Б.Я., 1998; Мкртычев Т.К., в печати).

На этом фоне выше рассмотренные терракоты Кеша не дают столь очевидного незнания символов буддийской иконографии, несущих определенную смысловую нагрузку. Так на культепинской плитке, несмотря на заглаженность поверхности, ясно передан жест дхъяни-мудра, более того, он дополнен символом круга. На плитке с пригорода Сарыктепа у персонажа поднята и согнута правая рука, направленная вперед как в жесте обхайя-мудра, хотя положение ладони не прослеживается из-за скола рельефно выступающей части. Кроме того, на кешских терракотах отражено знакомство с двумя иконографическими типами – сидящим и шествующим. Хроно-

---

[4] В перечень не входят: импортные изделия, такие как бронзовая статуэтка бодхисаттвы с городища Афрасиаб китайского производства эпохи Вей (Ставиский Б.Я., 1998; Мкртычев Т.К., в печати); а также материалы храма в долине Санзара, интерпретируемого как буддийский (Альбаум Л.И., 1955), так как в зафиксированных предметах материальной культуры нет следов, непосредственно отражающих иконографию основных буддийских персонажей.

[5] Для территории Центрального (Самаркандского) Согда В.А. Мешкерис относит целый ряд лепных от руки с лицом, выполненным штампом терракот "к отражающим буддийские персонажи". Автор основывается на стилистике изображения лица, прически, в отдельных случаях головного убора, ссылаясь на анологии в монументальной скульптуре Гандхары. Отсутствие таких важных деталей иконографии Будды и бодхисаттвы, как характерные позы и жесты рук, трактовка одежды, прическа – ушниша, оттянутые мочки ушей и нагрудные украшения очень осложняет возможность ссылаться на приводимые терракоты как на отражающие, именно персонажей буддийского круга. Кроме того, среди приводимой категории целых лепных терракот у некоторых из них низ оформлен для крепления как у всадников, таким образом, если рассматриваемые персонажи принадлежат к буддийскому кругу, то напрашивается вывод о разработанной только на этой территории иконографии в мелкой пластике, изображающей Будд и бодхисаттв верхом. Необходимо напомнить, что количество рассматриваемых В.А. Мешкерис этого типа терракот достаточно велико – более шести десятков. Большей частью терракоты происходят с городища Афрасиаб, датировка их основана на сопоставлении с идентичными налепами на оссуариях V–VIII вв. (Мешкерис В.А., 1989, с. 177–183, табл. 59–62). Отсутствие хотя бы нескольких терракот, отражающих большую часть иконографических черт буддийских персонажей в крупнейшем коропластическом центре, вряд ли случайно, и потому не дает серьезных оснований относить эту группу лепных терракот к буддийским (Мешкерис В.А., 1989, с. 177–183, табл. 59–62).

логические рамки от V–VI до VII вв. позволяют сказать, что по данным археологии на сегодняшний день, это наиболее раннее свидетельство проникновения индо-буддийской иконографии в предметы материальной культуры Согда. Тем не менее полученный в Кеше материал еще далеко не достаточен для каких-либо выводов о распространении и бытовании здесь буддизма как религиозной системы представлений, во-первых, за недостаточным количеством материала, во-вторых, из-за невозможности на сегодня утверждать, что изображенные персонажи, несущие черты иконографии Будд и бодхисаттв на кешских терракотах воспринимались местным населением адекватно, а не несли иного смыслового содержания.

В заключение можно отметить, что на данный момент рассмотренные выше терракоты выступают как единственный артефакт, фиксирующий влияние буддийского искусства на коропластику раннесредневекового Кеша и отражают знакомство с иконографией Будды и бодхисаттвы. Можно предположить, что этому способствовало непосредственное соседство с Бактрией – Тохаристаном, областью, где позиции буддизма были очень сильны. Таким образом, область Южного Согда – Кеш, вписывается конкретными вещественными данными в контекст сложной и далеко еще незаконченной картины судьбы буддизма на территории Средней Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альбаум Л.И., 1955. Буддийский храм в долине Санзара // Доклады АН УзССР. № 8.

Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., 1994. Раскопки городища древнего Пенджикента // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXV. Душанбе.

Зеймаль Е.В., 1983. Древние монеты Таджикистана. Душанбе.

Зеймаль Т.И., Седов А.В., 1985. Древности Таджикистана. Каталог выставки. М.

Литвинский Б.А., 1975. Распространение буддизма в Средней Азии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М.

Литвинский Б.А., 1992. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.

Литвинский Б.А., 1996. Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии // Азия: диалог цивилизаций. СПб.

Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., 1971. Аджина-тепе. М.

Лунина С.Б., 1990. Изделия художественного ремесла Кеша // Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент.

Лунина С.Б., 1992. Терракоты Сарыктепе // Времен связующая нить. Ташкент.

Лунина С.Б., Усманова З.И., 1985. Уникальный оссуарий из Кашкадарьи // ОНУ. № 3.

Лунина С.Б., Усманова З.И., 1990. Терракотовая плитка с изображением Будды из Сарыктепа // ОНУ. № 4.

Маршак Б.И., Распопова В.И., 1988. Новые открытия в Пенджикенте // Наука и жизнь. № 2.

Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г., 1996. Раскопки в Пенджикенте в 1995 г. // Новые археологические открытия в изучение культурной трансформации. СПб.

Массон Н.Е., 1941. Городище старого Термеза и их изучение // Тр. Уз. Филиала АН СССР. Сер. I. История, археология. Вып. 2. ТАКЭ. Ташкент.

Мешкерис В.А., 1989. Согдийская терракота. Душанбе.

Мкртычев Т.К., в печати. Буддизм в Согде.

Мусакаева А., 1992. О воинствующем божестве с пламенем // Времен связующая нить. Ташкент.

Пугаченкова Г.А., 1979. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.

Пугаченкова Г.А., 1982. Искусство Гандхары. М.

Пугаченкова Г.А., 1989. Об одном иконографическом образе в искусстве Бактрии // ВДИ. № 4.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1961. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент.

Ремпель Л.И., 1987. Цепь времен. Ташкент.

Ставиский Б.Я., 1990. Исследование Кара-тепа в Старом Термезе и значение его для изучения культурных взаимосвязей между народами древнего мира // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М.

Ставиский Б.Я., 1998. Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии). М.
Тургунов Б.А., 1990. К вопросу об иконографии Будды и других буддийских персонажей в искусстве Северной Бактрии поры античности // Международная конференция "Средняя Азия и мировая цивилизация". Ташкент.
Усманова З.И., 1990. Терракотовая фигурка с изображением Будды // Памятники Туркменистана. № 2. Ашхабад.
Чунихин Д.В., 1989. Терракотовая плитка с Кургантепе // История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент.
Чунихин Д.В., 1992. Вишну-Гаруда // Международная конференция "Средняя Азия и мировая цивилизация". Ташкент.
Auboyer Y., 1968. L'Afghanistan. Praga.
Coomaraswamy A.K., 1935. Elements of Buddhist iconographe. Cambridge.
Deneck M.M., 1962. Indian sculpture. London.
Stavisky B.J., 1980. "Buddha-Mazda" from Kara-tepe in Old Termez // The Journal association of buddhist Studies. V. 3. № 2.
Tarzi Z., 1977. L'architecture et le decor rupestre des grottes de Bamian. Paris.

Центр археологических исследований г. Москвы

N.D. DVURECHENSKAYA

TERRACOTTA PLAQUE WITH BODHISATVA IMAGE FROM EASTERN KASHKADARIA

S u m m a r y

The article is devoted to the publication of a terracotta plaque bearing the image of bodhisatva and the donators. The terracotta was discovered in the territory of Eastern Kashkadaria, in a household pit of the early Medieval site of Kultepa dated back to the 5th–6th centuries. The main personage's iconography displays the affiliations with Indian Buddhist art, though differs in some aspects from the Buddhist rules, which had been established by that period. The plaque in question is regarded against the background of the two terracottas, also with Buddhist images, which were found earlier in the same territory.

И.Г. РАВИЧ, В.С. ФЛЁРОВ

ВЫСОКООЛОВЯННЫЕ КОВАНЫЕ ВОСТОЧНЫЕ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ХАЗАРИИ

Возможность прямых контактов Хазарского каганата со странами Средней Азии, а через них и далее на восток и юго-восток никем из исследователей не отрицалась, однако археологических следов таких контактов в бассейне Дона почти нет. В связи с этим должны привлечь внимание два предмета, облик которых a priori позволяет предположить их неместное происхождение.

Это фрагмент большого бронзового зеркала из Правобережного Цимлянского городища и бронзовое блюдо из кургана у слободы Большая Орловка. Оба памятника расположены в нижнем течении р. Дон (Ростовская обл.), расстояние между ними около 60 км по прямой (рис. 1).

Правобережное Цимлянское городище, представляющее развалины белокаменной крепости, известно в науке давно (Артамонов М.И., 1935, с. 27; Ляпушкин И.И., 1958). В настоящее время городище лежит у южной оконечности Цимлянского водохранилища на его правом (западном) берегу, невдалеке от затопленного Саркела.

Слобода Большая Орловка находится ниже по течению Дона, на его притоке р. Сал. Стоит напомнить, что в районе слияния Сала с Доном находилась еще одна крепость – Семикаракорская (Флёров В.С., 1973), вероятно, синхронная Правобережной Цимлянской. Для полноты картины укажем, что на левобережье Дона между Цимлянским водохранилищем и Салом известна большая группа курганов хазарского времени, к числу которых надо отнести и курган у Большой Орловки.

Зеркало с Правобережного Цимлянского городища (хранится в ГИМе), происходит из заполнения хозяйственной ямы № 32, находившейся в окружении юртообразных построек в южном углу крепости (Флёров В.С., 1994, с. 479, 508, рис. 17, *1*). В этой же яме были типичные для городища пряслице из стенки сероглиняного сосуда и каменное грузило, а также фрагменты керамики салтово-маяцкого облика.

От зеркала сохранился только фрагмент, 6,7 × 11,5 см, позволивший произвести частичную реконструкцию (рис. 2). Основу зеркала составлял диск диаметром около 20 см, толщина которого менялась от 3,4 мм вблизи края, завершавшегося бортиком, до 2,8 мм, 2,5 мм и 2 мм по мере удаления от края к центру диска. Высота бортика достигала 7 мм, край зеркала был слегка выгнут. Орнамент зеркала составляли два пояса из кружочков диаметром по 6 мм. Кружочки, как и границы поясов, были гравированы циркулем. В центре кружков пробиты точки. На внешнем поле реконструируется 28 кружочков. На внутреннем – их было примерно девять. Между внешним поясом и бортиком не очень отчетливо просматриваются слегка углубленные линии радиального направления, связанные, вероятно, с выравниванием поверхности зеркала с помощью полировальника. Исследование поверхности показало также, что она подверглась коррозионному разрушению, особенностью которого являлось проявление специфического типа коррозии, называемой "бородавчатой" из-за спиралеобразных бугорков, появляющихся на поверхности изделия; некоторые участки зеркала имели благородную глянцево-черную патину, однако большая ее часть была матовой и темной (рис. 3). Характерный вид разрушения бронзы, связанный с появлением благородной черной патины и бородавчатой коррозии, отмечается в ряде публикаций,

© И.Г. Равич, В.С. Флёров, 2000 г.

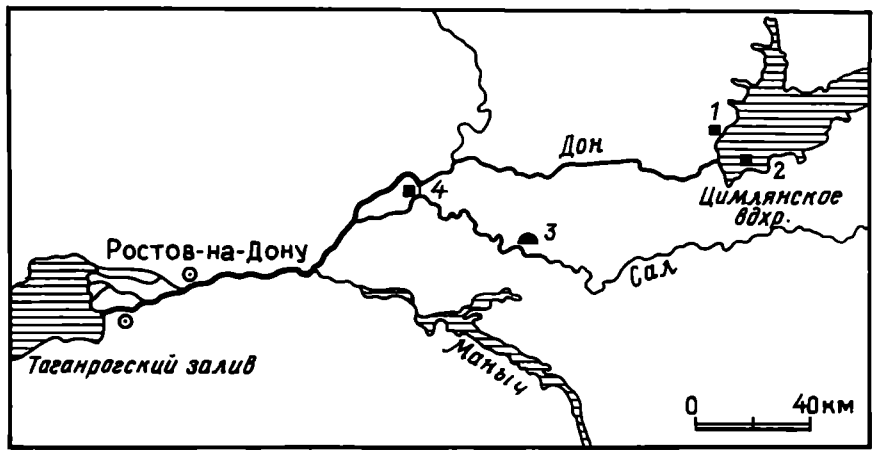


Рис. 1. *1* – Правобережное Цимлянское городище, *2* – Саркел, *3* – Большая Орловка, *4* – Семикаракорское городище

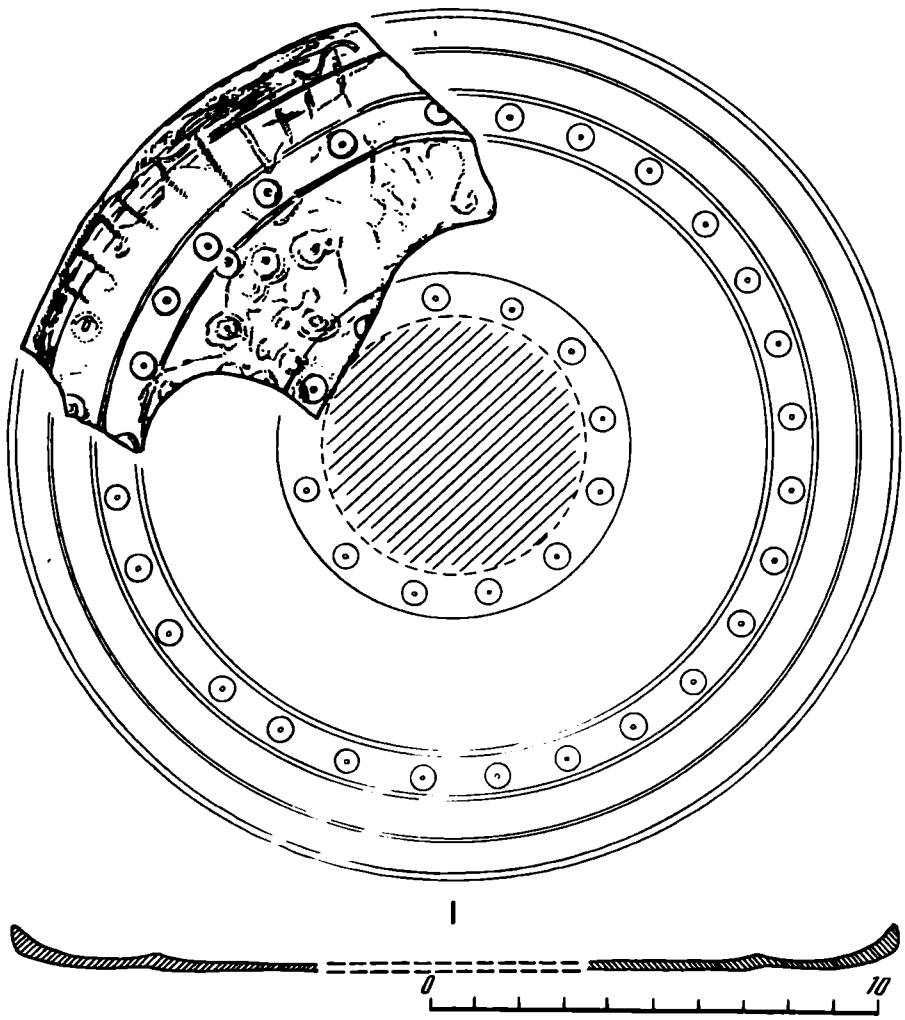


Рис. 2. Правобережное Цимлянское городище. Фрагмент зеркала и реконструкция

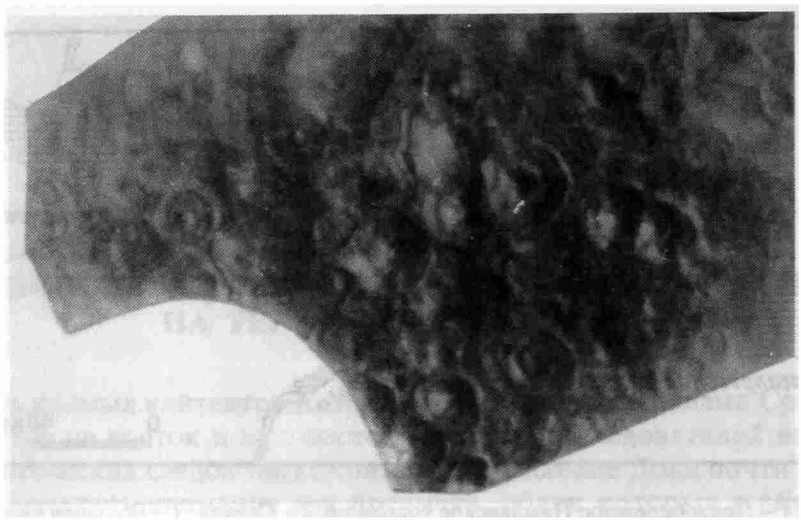


Рис. 3. Зеркало Правобережного Цимлянского городища

посвященных коррозии археологических бронз (Равич И.Г., 1987, с. 215–218; Равич И.Г., Шемаханская М.С., 1987, с. 81; Chase W.T., Franklin U.M., 1978). Установлено, что чаще всего этот тип разрушения проявляется в сплавах с высоким содержанием олова. Для более точного определения типа зеркала не хватает данных о ручке. Полагаем, какие-либо предположения о ней излишни. Прямые аналогии цимлянскому зеркалу нам, к сожалению, неизвестны. Лишь с большой осторожностью укажем на циркульный орнамент на маленьких зеркалах первой половины – середины VIII в. из Пенджикента (Распопова В.И., 1980, с. 119).

По всем признакам, прежде всего по размеру и оформлению края, наш экземпляр резко выделяется на фоне маленьких зеркал салтово-маяцкой культуры. Одно из таких было ранее найдено и на Правобережном городище (Плетнева С.А., 1994, с. 389, рис. 52, *16*) (о типологической принадлежности и дате второго зеркала без ознакомления с оригиналом, только по рисунку, судить трудно – там же, рис. 52, *15*).

Правобережная Цимлянская крепость датируется первой половиной IX в. (Флёров В.С., 1994, с. 485–487; 1996, с. 111), но, как будет показано далее, время изготовления зеркала может быть несколько иным, хотя более вероятно, что оно принадлежало непосредственно обитателям крепости, хотя попасть к ним могло и до ее возведения, т.е. на рубеже VIII и IX вв. Впрочем, ради объективности укажем, что в культурном слое соседнего Саркела оказались два зеркала сарматского времени (Артамонов М.И., 1958, рис. 16). Однако и в сарматское время зеркала, аналогичные правобережному, на Нижнем Дону не известны (Косяненко В.М., 1994; Максименко В.Е., 1983).

Блюдо из Большой Орловки (рис. 4) входит в состав большого набора из разрушенного кургана (хранится в Ростовском областном музее), предварительная информация о котором опубликована (Косяненко В.М., 1981).

Блюдо круглодонное, с горизонтально оформленным загнутым внутрь бортиком (рис. 5). Диаметр сосуда около 35,5 см, высота по центру 6,4 см, толщина стенок в среднем 3 мм. Поверхность не совсем гладкая, но заполирована, причем внутренняя поверхность обработана более тщательно. Цвет сосуда после реставрации светло-золотистый, что характерно для бронз с высоким содержанием олова. На фотографиях блюда до реставрации хорошо видны следы "бородавчатой" коррозии, наблюдавшиеся, как отмечалось выше, и на фрагменте зеркала и свойственные высокооловянным бронзам (рис. 5). Внутри в центре дна прочеканена плохо различимая розетка с восемью или девятью лепестками.

Этот весьма большой сосуд с блестящей поверхностью выглядит чрезвычайно парадно, однако сформован он несколько небрежно. Прежде всего отметим нарушение

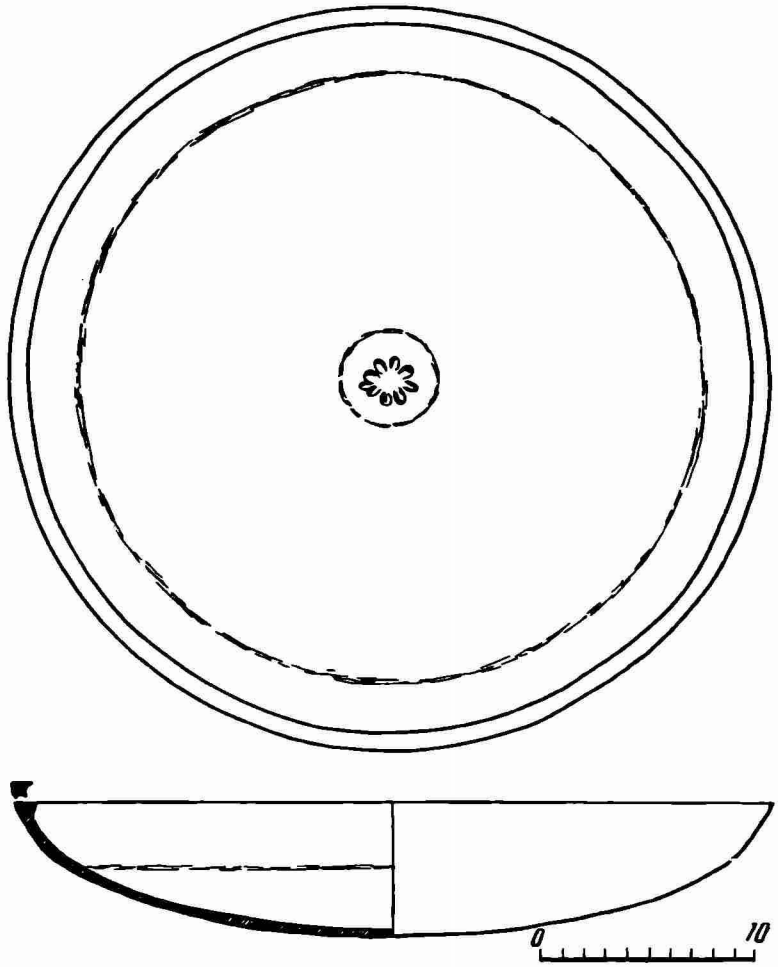


Рис. 4. Большая Орловка. Блюдо

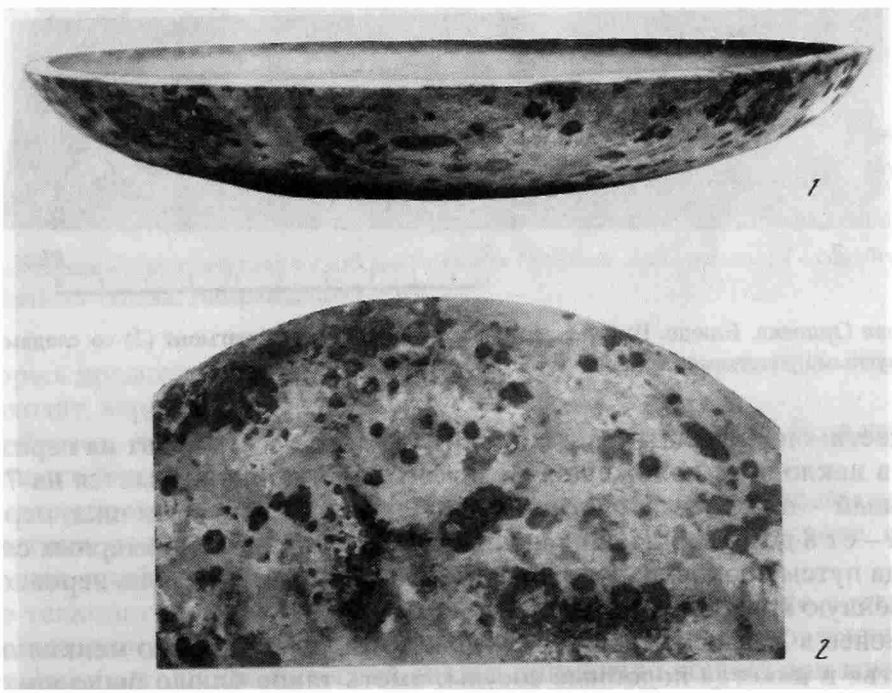


Рис. 5. Большая Орловка. Блюдо. Фотографии до реставрации сбоку (*1*), наружной поверхности (*2*)

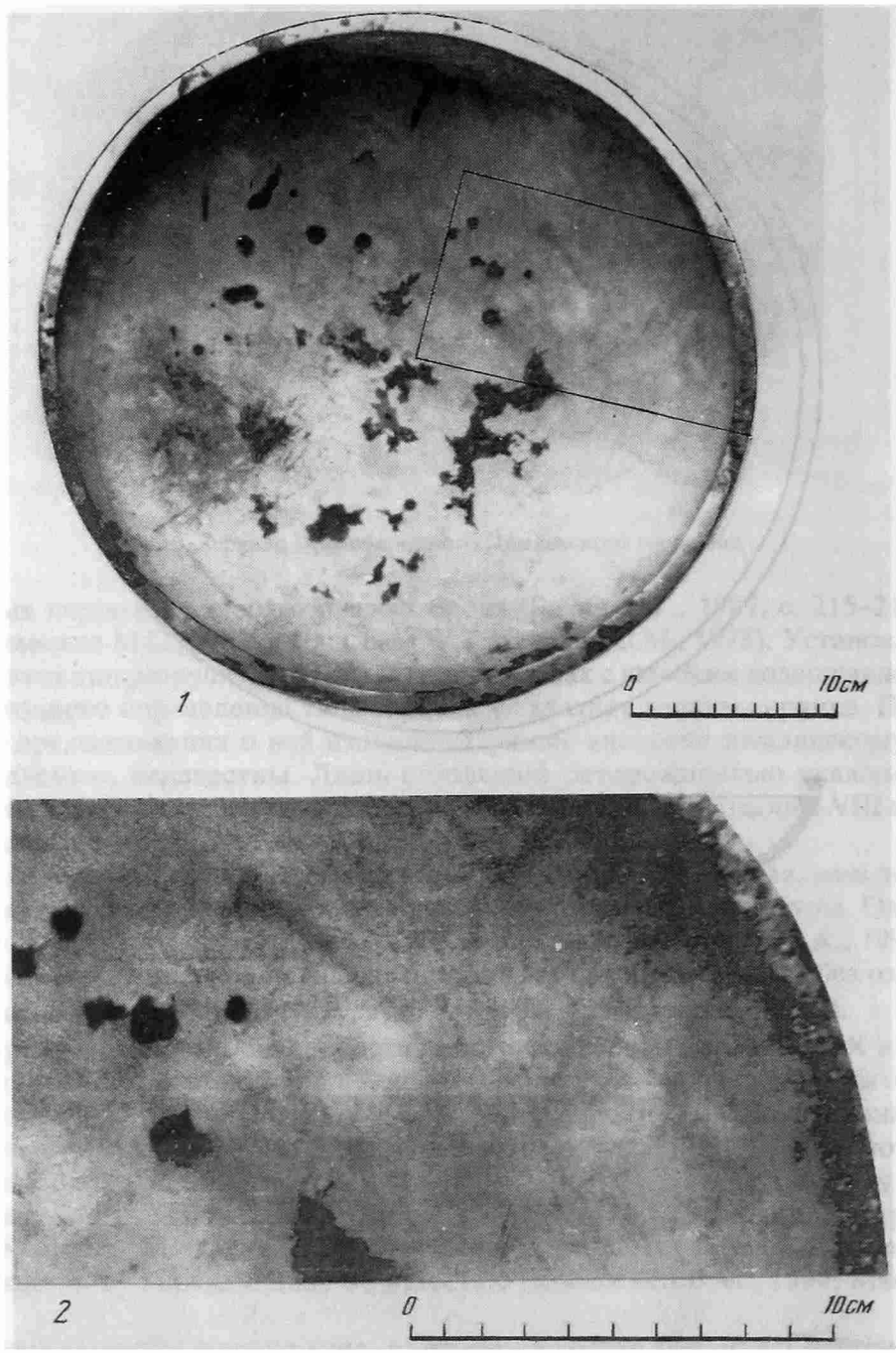


Рис. 6. Большая Орловка. Блюдо. Внутренняя поверхность (*1*) и ее фрагмент (*2*) со следами рельефа от проковки и круглыми участками "бородавчатой" коррозии

центра тяжести: он смещен к краю розетки, из-за чего сосуд стоит на горизонтальной плоскости в наклонном положении – один его край приподнимается на 7,3 см, противоположный – на 4,8 см. Нечетко выполнена окружность венчика, неравномерна его ширина – от 8 до 10 мм. Наконец, полировка не скрыла характерных следов обработки блюда путем проковки: хорошо заметную на глаз и на ощупь неровность рельефа, свойственную кованой поверхности (рис. 6).

Тем не менее в Хазарском каганате, где изготовлялись только мелкие предметы в технике литья и никогда подобные сосуды, иметь такое блюдо было явно престижным. Это полностью соответствует престижности всей серии вещей Больше-Орловского погребения, включающего культовые предметы, украшения из золота и др.,

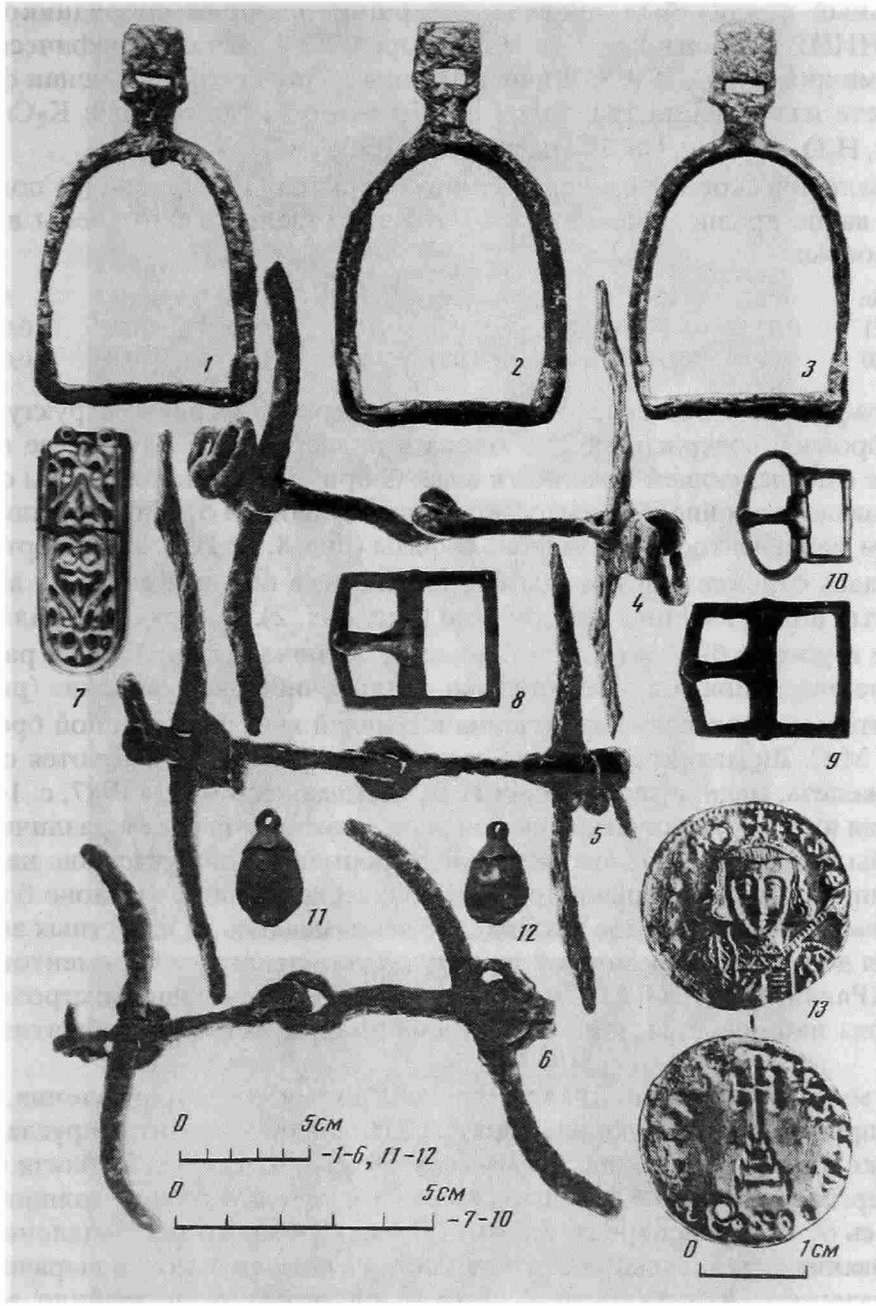


Рис. 7. Некоторые вещи из кургана у слободы Большая Орловка. *1–6* – железо, *7* – серебро, позолота, *8–12* – бронза, *13* – солид, Тиберий III (695–705)

часть которых представлена на рис. 7. Среди них солид Тиберия (695–705). Дата кургана не выходит, вероятно, за пределы рубежа VIII–IX вв.

Таким образом, зеркало Правобережного городища и блюдо Большой Орловки хронологически близки.

В этой связи представлялось целесообразным сравнить и химико-технологические характеристики рассматриваемых находок и попытаться на основе полученных данных решить проблему их происхождения.

Химико-технологическое исследование включало определение состава изделий методом эмиссионного спектрального анализа и технологии изготовления с помощью металлографии (металлографический анализ применяли только при изучении фрагмента зеркала, исследовать блюдо с помощью этого метода, к сожалению, не было возможности).

Спектральный анализ был проведен старшим научным сотрудником отдела металла Гос НИИР Дубровиным А.Ф. на приборе СТЭ-1, металлографическое исследование – на микроскопе МИМ-8. Шлиф готовили на поперечном сечении фрагмента зеркала в месте излома. Для травления применяли реактив состава: $K_2Cr_2O_7$ – 2 г, H_2SO_4 – 8 мл, H_2O – 100 мл, NaCl – (насыщ.) – 4 мл.

Спектроаналитическое определение состава зеркала (1) и блюда (2) подтвердило высказанное выше предположение о том, что эти изделия изготовлены из высокооловянной бронзы:

	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co
1. осн.		21	0,02	0,1	0,01	0,04	0,01	0,06	0,6	0,05	0,02
2. осн.		20	0,07	0,05	0,006	0,005	0,007	0,1	0,03	0,05	0,004

Металлографическое исследование фрагмента зеркала выявило структуру, характерную для бронзы, содержащей 21% олова и подвергшейся в процессе формовки зеркала ковке с последующей закалкой в воде. О применении такой схемы обработки свидетельствовало строение α-фазы, содержавшей двойники отжига и расположенной на игольчатом мартенситообразном фоне β-фазы (рис. 8, *1*). В сечении бортика α-фаза располагалась отдельными крупными глобулями, в области диска ее включения были вытянуты в направлении деформации (рис. 8, *1, 2*). В структуре сплава различались также серо-голубые интерметаллические включения, имевшие в районе бортика округлые очертания, а в сечении диска – строчечное расположение (рис. 8, *1, 3*). Подобные интерметаллические включения в древней высокооловянной бронзе были исследованы М.С. Шемаханской, которая установила, что они являются сложными сульфидами железа, меди, и серы (Равич И.Г., Шемаханская М.С., 1987, с. 146). Изменение строения интерметаллических включений, а также α-фазы на различных участках зеркала было связано с разной степенью деформации этих участков: наибольшей деформации при формовке зеркала (60–80%) подвергался диск, в районе бортика обжатие не превышало 40% (данное заключение основывалось на известных закономерностях теории деформации металла и на результатах наших экспериментов по моделированию), (Равич И.Г., 1983, с. 139). Согласно полученным данным, строчечное расположение фаз наблюдается лишь после деформации металла с обжатиями более 40%.

Характер микроструктуры зеркала отражал схему его изготовления, которую можно было представить следующим образом. Первоначально литая круглая заготовка, толщина которой не превышала 6 мм (исходя из высоты диска вблизи бортика – 3,4 мм), подвергалась расковке от центра к краям, в результате чего толщина сечения диска менялась от 2 мм в центре до 2,5 мм, 2,8 мм и 3,4 мм по мере удаления от него. Для формирования вертикального бортика мастер с помощью ковки выравнивал края диска (так называемая "отбортовка"), затем вновь нагревал зеркало до 700 °С, выдерживал его незначительное время при этой температуре и закаливал в воде. В итоге закалки изделие приобретало мелкоигольчатую структуру (рис. 8, *1*), которая, как установлено исследованиями T. Matsuda (1928, p. 68), формируется в бронзе с 20% олова только после охлаждения в воде указанной температуры. Этим же исследователем показано, что закалка устраняет хрупкость, свойственную бронзам с 20% олова после медленного охлаждения на воздухе или в печи. По этой причине все подобные литые бронзы хрупкие и поддаются ковке только в горячем состоянии, отковать их вхолодную невозможно.

Это означает, что перечисленные выше технологические этапы формовки зеркала с Цимлянского городища осуществлялись с помощью горячей ковки. Таким же способом древние мастера должны были формовать и высокооловянное блюдо из Большой Орловки, на поверхности которого, как отмечалось выше, сохранились следы ковки.

Горячая обработка высокооловянной бронзы требовала от мастеров длительных навыков работы с этим материалом, так как с точки зрения ковкости, бронза с 20%

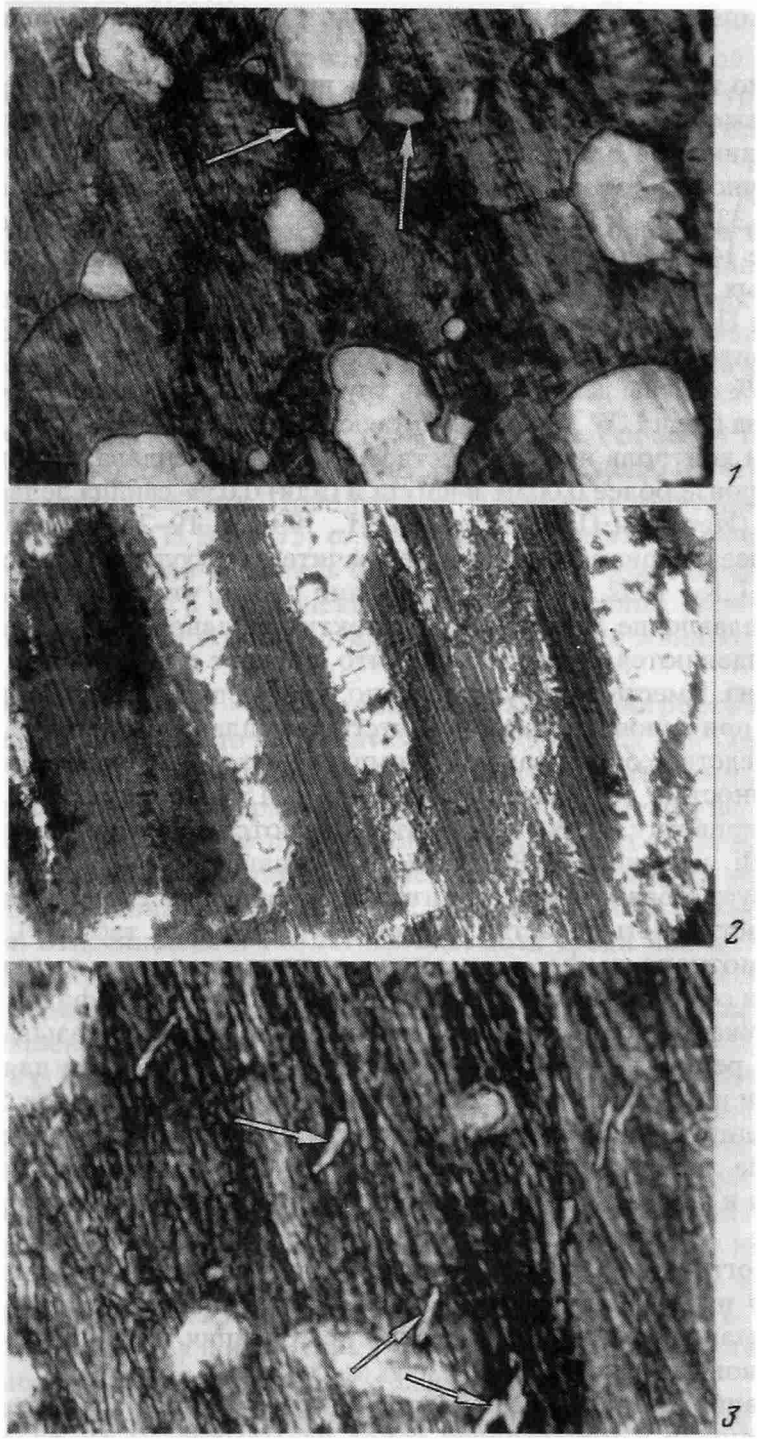


Рис. 8. Зеркало Правобережного Цимлянского городища. Микроструктура поперечного сечения: *1* – сечение бортика, *2–3* – сечение диска, ×200; стрелками показаны интерметаллические включения – сложные сульфиды меди и железа

олова – весьма нетехнологичный материал. Это обусловлено рядом ее свойств, которые мы описываем ниже.

1. Она имеет узкий температурный интервал горячей ковки: металл пластичен только после нагрева выше 520 °С (Matsuda T., 1928, p. 67–108; Kent L.W., 1926, p. 45–53; Chadwick R., 1939, p. 331–346), а уже при 798 °С начинается его плавление. Наиболее высокие значения пластичности проявляются при 600 °С (Kent L.W., 1926, p. 50, tabl. 1; Chadwick R., 1939, p. 340). Практически это означает, что ковка осуществляется в нешироком температурном интервале красного каления металла: 600–750 °С.

Повышение температуры обработки приводит к укрупнению зерна и возрастанию хрупкости.

2. Необходимо тщательно контролировать процентное содержание олова в сплаве, не допуская снижения его до 14–16% или роста свыше 26%, это связано с тем, что уменьшение количества олова до 14–16% делает невозможной горячую ковку из-за провала пластичности, который проявляется в процессе их горячей обработки (Chadwick R., 1939, p. 335, fig. 3; Ravich I.G., 1991, p. 25, fig. 9). В холодном состоянии бронзы, содержащие 14–16% олова, обладают ковкостью только после длительных высокотемпературных отжигов (Ravich I.G., 1991, p. 22, fig. 4; Pansery C., Leoni M., 1957, p. 312; Истомин П.С., Берман С.И., 1934, с. 303). Бронзы с 16% олова трудно ковать даже после значительных выдержек при высокой температуре. При росте содержания олова свыше 26% сплавы делаются столь хрупкими, что никакая их обработка давлением невозможна (Kent L.W., 1926, p. 51; Ravich I.G., 1991, p. 22, 24, fig. 4, 9).

3. Необходим контроль над количеством и составом сплава по примесям, так как присутствие в бронзе более 0,005% висмута и (или) 0,05% свинца делает невозможной горячую ковку (Истомин П.С., Берман С.И., 1934, с. 19–24). Содержание в сплаве свыше 0,1% железа и примесь серы также значительно ухудшают способность бронзы к ковке (Дьюс Г.К., 1932, с. 47). Это связано с тем, что при температурах ковки происходит расплавление легкоплавких эвтектик на основе висмута и свинца, а примеси железа выделяются в чистом виде, что снижает пластичность и способствует ржавлению бронз. Вместе с тем установлено, что вредное действие свинца и висмута нейтрализуется при одновременном присутствии в сплаве примесей мышьяка, сурьмы и кислорода вследствие образования их комплексных соединений, обладающих достаточной пластичностью (Смирягин А.П., 1956, с. 15). Истомин П.С. и Берман С.И. (1934, с. 19–24) приводят данные о том, что поддаются прокатке бронзы, содержащие 0,6% As и 0,5% Bi, а также 0,1% Pb и 0,5% As. Устранению вредного влияния железа и серы способствует образование их интерметаллических соединений, обладающих достаточной пластичностью (Металловедение..., 1983, с. 41, табл. 14). Напомним, что, как было рассмотрено выше, в древних кованых изделиях из высокооловянной бронзы железо и сера также присутствуют в виде сложных сульфидов железа и меди.

Анализ содержания примесей в горячекованых зеркалах показывает, что древние мастера сумели решить проблему выбора их состава, используя для горячей ковки такие сорта меди и олова, в которых содержание вредных элементов было минимальным или нейтрализовалось присутствием других необходимых элементов (Ravich I.G., 1996). Подобные знания, вероятно, накапливались в процессе длительного экспериментирования и формировались в районах с определенной технологической традицией.

Откуда же могли попадать в среду хазар кованые высокооловянные бронзовые изделия? Обзор публикаций, посвященных этим бронзам, показывает, что их использование связано со странами Востока, где традиция горячей обработки высокооловянных сплавов насчитывает более двух тысяч лет.

Примером наиболее ранних кованых высокооловянных предметов – являются браслеты, найденные в могильниках саков на Памире VI–IV вв. до н.э. (Shemakhanskaya M.S., 1991, p. 5).

Производство горячекованых высокооловянных сосудов связано с различными районами Востока. В Северной Индии, например в районе Nilgiri Hills, обнаружена горячекованая посуда III–I вв. до н.э. (Craddock P.T., 1985, p. 59–67), в Южной Индии изготовление кованых сосудов, датируемых III–I в. до н.э., известно в нескольких провинциях, в ряде районов этой области оно существовало до X–XI вв., в провинции Kerala в Юж. Индии это производство продолжается и до настоящего времени (Srinivasan S., Glover I., 1995, p. 69–88). К исламскому периоду (VII–XI в.) относятся чаши из Ирана, полученные методом горячей ковки (Melikian-Chirvani, Assadullak Souren, 1974, p. 123–151), XII–XIV вв. датируются чаши, найденные в Корее (Coghlan H.H., 1951, p. 112–115); на Дальнем Востоке при раскопках Шайгинского городища XII–

XIII вв. также обнаружены небольшие горячекованые чашечки из высокооловянной бронзы (Конькова Л.В., 1983, с. 80, рис. 30, *1, 2, 5*). В Центральной Азии чаши, курильницы и киафы, относящиеся к IV–V вв. н.э., выполненные в традиции горячей ковки, найдены на поселениях Ак-Тепе II (Равич И.Г., Шемаханская М.С., 1987, с. 144–146, 166, табл. 11; Shemakhanskaya M.S., 1991, p. 3–9; Равич И.Г. и др., 1982, с. 23–27) и Зартепе (Завьялов Г.А., Галибин В.А., 1990, с. 95–101). Типы и размеры горячекованых высокооловянных сосудов, оформление их бортиков весьма многообразны, иногда в центре изделий имеется омфал. В свете данных о районах распространения горячекованой посуды правомерно, вероятно, предположить, что блюдо, найденное при раскопках кургана хазарского времени в районе Большой Орловки на Нижнем Дону, имеет восточное происхождение, как это и предполагалось ранее (Косяненко В.М., 1981, с. 69, 70).

Переходя к горячекованым зеркалам, отметим, что в отличие от посуды, которой посвящен ряд публикаций, зеркальные бронзы мало отражены в литературе. Группа закаленных сарматских зеркал Поволжья и Приуралья описана в публикации (Мошкова М.Г., Рындина Н.В., 1975, с. 117–131). Проведенные нами исследования зеркальных бронз позволили выделить большой массив горячекованых высокооловянных изделий, найденных в захоронениях сармат Приуралья, Поволжья, Сев. Кавказа, а также в Центральной Азии в могильниках саков и кочевников более позднего периода.

Самые ранние экземпляры – это зеркала из сакских погребений Приаралья – Баланды и Тагискен (VI–IV в. до н.э.) (Ravich I.G., 1996, p. 22, 23). Одно из них имеет вертикальный бортик по краю диска и петлю в центре (Тагискен), другое характеризуется выпуклым валиком по краю диска (Баланды). Диаметры их 133 мм и 240 мм соответственно. В Приаралье же при раскопках могильников джетыасарской культуры обнаружена и наиболее обширная коллекция горячекованых зеркал различных типов (118 изделий) (Левина Л.М., Равич И.Г., 1995, с. 287–300). Это преимущественно поздние зеркала, относящиеся к IV–VII вв. н.э., хотя среди них имеется некоторое количество изделий, датируемых рубежом нашей эры. Поверхность одного из джетыасарских зеркал (№ 251), имеющего диаметр 120 мм и невысокий бортик по краю диска, украшена цепочкой в виде кружков и окружностями, так же как зеркало с Правобережного Цимлянского городища. Благодаря джетыасарским находкам, мы можем видеть, что вплоть до VI–VII вв. н.э, методом горячей ковки производили чрезвычайно разнообразные по типу горячекованные зеркала, повторяющие формы савроматских и сарматских зеркал. Исследование других экземпляров горячекованых зеркал, найденных в Хорезме, в Западной Фергане, в Бухарском оазисе (Ravich I.G., 1996), в Бишкентской долине (Равич И.Г., Шемаханская М.С., 1987, с. 144–146; Равич И.Г. и др., 1982, с. 23–26), на Кара-Тепе (Равич И.Г., 1996, с. 287–300), и датируемых широким отрезком времени от VI в. до н.э. по IV–VI в. н.э., позволяет предположить, что в Центральной Азии в течение столетий существовала традиция изготовления высокооловянных зеркал методом горячей ковки.

Каким же образом, в свете вышеизложенного, решается вопрос о происхождении фрагмента зеркала, найденного на Правобережном Цимлянском городище? Несомненно, это зеркало привезено с Востока, вероятно, из Центральной Азии. Однако анализ распределения во времени известных нам горячекованных зеркал показывает, что наиболее поздними среди этих изделий являются найденные в Приаралье зеркала джетыасарской культуры, относящиеся к VII в. н.э. Горячекованые высокооловянные зеркала, датируемые временем существования Правобережного Цимлянского городища, т.е. первой половиной IX в., нам пока неизвестны. Не исключено, однако, что это связано с весьма немногочисленными химико-технологическими исследованиями подобных изделий.

Подведем некоторые итоги. Курган у сл. Большая Орловка и Правобережное Цимлянское городище территориально близки и вместе относятся к весьма узкому хронологическому отрезку: VIII – первые десятилетия IX вв., но эта дата не может

быть безоговорочно перенесена на блюдо и зеркало. Хронологически ближайшие горячекованые высокооловянные изделия зафиксированы только в VII веке в Центральной Азии. Лишь очень осторожно можно предположить, что эта технология сохраняется в Центральной Азии и несколько позднее, как это имело место в соседних с ней странах Востока. Будем, однако, исходить из имеющихся на сегодня фактов. Зеркало и блюдо могли быть действительно изготовлены не позднее VII в. и пройти через многие руки, прежде чем оказаться на Нижнем Дону, причем попасть сюда не прямым путем и не через купцов. Для особо прочных горячекованых высокооловянных бронзовых изделий жизнь в 100–150 лет – не предел. То, что длительное по времени путешествие зеркала и блюда вполне реально, подтверждает судьба другого изделия восточного происхождения. Речь идет о потертой от длительного употребления шахматной фигурке из слоновой кости, найденной в Саркеле. М.И. Артамонов ошибочно отнес ее к обиходу не собственно саркельцев, а беловежцев (Артамонов М.И., 1958, с. 75), что повторил и другой автор. В.Е. Флёрова (Нахапетян) любезно разрешила нам воспользоваться следующим фрагментом из еще не опубликованной монографии об изделиях из кости Саркела-Белой Вежи: «Шахматный слон пока является единственной достоверно шахматной фигурой, найденной в Саркеле. То, что И.М. Линдер относит фигурку к русскому слою и датирует находку XI в. (Линдер И.М., 1975, с. 32, 52) – ошибка. Фигурка, изображающая слона с сидящим на нем погонщиком, найдена в типично салтовской землянке с очагом в центре, в яме. В заполнении этой ямы присутствовали фрагменты лощеных и рифленых кухонных сосудов салтово-маяцкой культуры. Перекрывает землянку более позднее жилище, тоже с салтовской керамикой в заполнении (Белецкий В.Д., 1959, с. 54). Наиболее близкая аналогия датируется по монетным находкам началом второй половины VIII в. Эта фигура слона с погонщиком-карнаком на голове была обнаружена на Афрасиабе. Размеры ее, 3,7 × 3,0 см, примерно те же, что у саркельской находки: 4,4 × 3,6 см. Слон имеет такой же опущенный хобот, а погонщик – округлый шлем и щит (Буряков Ю.Ф., 1980, с. 164, рис. 1, *3*). По заключению публикатора, фигурка с Афрасиаба не может быть датирована ранее конца VII в., так что по типу саркельская фигурка относится к доарабским шахматам Среднего Востока». Итак, мы имеем еще один случай находки в Хазарии вещи, изготовленной на Востоке в VII веке, т.е минимум за 150 лет до ее выпадения в напластования Саркела. Обратим внимание, что фигурка эта – единственная. Шахматы в Хазарии распространения не имели. Фигурку слона, наверняка, воспринимали не как шахматную, но как забавный раритет.

Напомним еще об одной столь же случайно оказавшейся в Саркеле находке – обрывке бумаги среднеазиатского происхождения, датируемой VIII – первыми годами IX вв., т.е. изготовленной еще до возникновения Саркела, вполне соотносимой по времени с Больше-Орловским курганом и Правобережным городищем. В отношении данного образца бумаги надо добавить, что, вероятно, не она сама представляла интерес для владельца, а завернутая в нее хна, которая и законсервировала бумагу. Больше-Орловское блюдо и правобережное зеркало, как и саркельские шахматный слой и бумага, не были предметами постоянного импорта. Каждая вещь могла появиться при особых обстоятельствах и по разным маршрутам. Наиболее заметное из двух бронзовых изделий – блюдо. В Хазарии оно могло оказаться и как дар, и как трофей. Как трофей блюдо могло быть захвачено, например, в ходе арабо-хазарских войн. Впрочем, любое предположение таким и останется. Подчеркнем другое. Менее всего, на наш взгляд, блюдо и зеркало могут служить доводом в пользу регулярных торговых отношений Хазарии со странами Востока, в частности Средней Азии. Скорее наоборот. При достаточно широком масштабе раскопок на Правобережном Цимлянском городище никаких иных бытовых предметов восточного происхождения не выявлено. Не дают повода говорить о регулярной восточной торговле и многочисленные исследованные на Нижнем Дону курганы Хазарского времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И., 1935. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Вып. 131.

Артамонов М.И., 1958. Саркел-Белая Вежа // МИА. № 62.

Белецкий В.Д., 1959. Жилища Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75.

Буряков Ю.Ф., 1980. К датировке и атрибуции некоторых шахматных наборов (в свете находок 1977 г. на Афрасиабе) // СА. № 3.

Дьюс Г.К., 1932. Металлургия бронзы. М.

Завьялов Г.А., Галибин В.А., 1990. Бронзовая посуда позднекушанского времени из Зар-Тепе // КСИА. № 199.

Истомин П.С., Берман С.И., 1934. Прокатка цветных металлов. Ч. 1. М.

Конькова Л.В., 1983. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока (рубеж II–I тыс. до н.э. – XIII в. н.э.). Л.

Косяненко В.М., 1981. Два предмета среднеазиатского производства с Нижнего Дона // Культурные взаимосвязи Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М.

Косяненко В.М., 1994. К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып. 13. Азов.

Левина Л.М., Равич И.Г., 1995. Бронзовые зеркала из Джетыасарских памятников // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Джетыасарская культура. Вып. 5. Ч. 5. М.

Линдер И.М., 1975. Шахматы на Руси. М.

Ляпушкин И.И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. № 62.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Металловедение и термическая обработка стали, 1983. Ч. 1. М.

Мошкова М.Г., Рындина Н.В., 1975. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование) // Очерки технологии древнейших производств. М.

Плетнева С.А., 1994. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь.

Равич И.Г., 1983. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. № 8 (38).

Равич И.Г., 1987. Древние зеркала (состав, технология изготовления, разрушение) // Исследование, консервация и реставрация этнографических предметов. Рига.

Равич И.Г., 1996. Исследование трех бронзовых зеркал из Кара-Тепе // Буддийские памятники Кара-Тепе в Старом Термезе. М.

Равич И.Г., Седов А.В., Шемаханская М.С., 1982. Применение моделирования к изучению древних бронз Южного Таджикистана // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.

Равич И.Г., Шемаханская М.С., 1987. Химико-технологическое исследование изделий из медных сплавов, найденных на поселении Ак-Тепе II // Седов А.В. Кобадиан на пороге раннего средневековья. М.

Распопова В.И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.

Смирягин А.П., 1956. Промышленные цветные металлы и сплавы. М.

Флёров В.С., 1973. Раскопки Семикаракорского городища // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.

Флёров В.С., 1994. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь.

Флёров В.С., 1996. Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. № 1.

Chadwick R., 1939. The Effect of the Composition and Constitution on the Working and on some Physical Properties of the Tin Bronzes // J. Inst. Met. V. 64. № 1.

Chase W.T., Franklin U.M., 1978. Early Chinese Black Mirrors and Pattern Eatched Weapons // Ars Orientalis. № 11.

Coghlan H.H., 1951. Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old Age. Oxford.

Craddock P.T., 1985. Three Thousand Years of Copper Alloys: from Bronze Age to the Industrial Revolution // Application of Science in the Examination of Work of Arts. Boston.

Kent L.W., 1926. The Brittle Ranges of Bronzes // J. Inst. Met. V. 35. № 1.
Matsuda T., 1928. On the Quenchening and Tempering of Brass, Bronze and Aluminium Bronze // J. Inst. Met. № 1.
Melikian-Chirvani, Assadullak Souren., 1974. The White Bronzes of Early Islamic Iran // Metropolitan Museum J. № 9.
Pansery C., Leoni M., 1957. Sulla Technica di Fabrisazione Degli Spechi Etruschi // Metallurgia Italiana. № 4.
Ravich I.G., 1991. Study of the Composition of Scythian and Sarmathian Bronze Mirrors and Technologies of their Manufactures // Bulletin of the Metals Museum. Japan Inst. Met. V. 16.
Ravich I.G., 1996. The Origins and the Composition Peculiarities of the High-Tin Hot-Forged Bronze Mirrors with the Thickened Edge // Bulletin of the Metals Museum. Japan Inst. Met. V. 26. II.
Shemakhanskaya M.S., 1991. New Aspect of the Origin of the Ancient Bronze // Bulletin of the Metals Museum. Japan Inst. Met. V. 16.
Srinivasan S., Glover I., 1995. Wrought and Quenched, and Cast High – Tin Bronzes in Kerala State, India // JHMS. 29/2.

Государственный научно-исследовательский
институт реставрации, Москва
Институт археологии РАН,
Москва

I.G. RAVICH, V.S. FLYOROV

FORGED BRONZES WITH HIGH TIN CONTENT IN THE TERRITORY OF KHAZARIA

Summary

Two bronze artefacts – a mirror fragment and a dish (Fig. 2 : *4*) were found in the territory of Khazaria, at the site of Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe fortified settlement in a household pit, and near Bolshaya Orlovka settlement in a destroyed barrow mound. Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe fortified settlement is dated back to the second half of the 9th century, while the burial from Bolshaya Orlovka falls within the 8th century. Chemical and technological investigation of the artefacts showed, that both were made of bronze with 20–21% tin by method of hot forging. Similar technology of producing vessels, mirrors and other items emerged in the 6th–4th centuries BC in such Oriental territories, as Central Asia, India, Iran, south-eastern Asia. It still exists in some countries nowadays. The authors do not conclude, however, that the finds in question represent the evidences of regular trade contacts between Khazaria and the Orient, since the artefacts are of singular character.

Заметки

С.В. КРАСНИЕНКО, А.В. СУББОТИН

АРХЕОНИМЫ, ИЛИ О НАЧАЛАХ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Археология как историческая наука имеет дело с объектами протяженными во времени и пространстве. Второе обстоятельство предполагает обращение археологии к данным географии. Будучи одновременно и социальным (т.е. относящимся к сфере человеческой деятельности), и географическим (т.е. находящимся на поверхности земли, в том числе и отчасти углубленным в землю) объектом, археологический памятник обладает двойственной природой. Как географический объект он получает свое имя – топоним. При этом необходимо выделить его в ряду как географических, так и социальных объектов. Поэтому наряду с "идеонимами" (именами собственными предметов духовной культуры) и "хрематонимами" (именами собственными предметов материальной культуры) (Подольская Н.В., 1978, с. 161, 198), целесообразно ввести понятие "археоним", т.е. название археологического объекта или совокупности объектов с точки зрения географических характеристик (от греческих слов ἀρχαῖος древний и ὄνομα, ὄνυμα имя, название). Одновременно, чтобы отличить современное название от бывшего или утраченного, появляется необходимость введения ономастического термина "палеоним" (от греческих слов παλαιός – древний и ὄνομα, ὄνυμα – имя, название). Предлагаемые термины отвечают объективным критериям оценки терминов (Подольская Н.В., 1978, с. 9, 10) и закрывают образовавшуюся лакуну в ономастике. Кроме того, эти термины вписываются в существующую ономастическую иерархию: оним – реалионим (имя реального объекта, в данном случае, земного пространства) – топоним (географическое название) (Подольская Н.В., 1978, с. 12–14).

Обратившись к истории вопроса, к "археонимизации" (т.е. к процессу образования номенклатуры археологических пространственных объектов), увидим, что всю их совокупность можно с достаточной уверенностью разделить на три таксономические группы: отдельные археологические памятники, археологические культуры (для эпохи палеолита используется также термин "индустрия"), совокупности культур. Последние не имеют четко определенного единого термина и применительно к конкретным ситуациям звучат как "группа археологических культур", то или иное "культурное единство" и т.д. История археологии свидетельствует, что привязка конкретных находок, т.е. обнаруженных памятников, к географическим реалиям осуществлялась несколькими способами число которых достаточно ограничено. Один из них заключается в том, что открытый памятник идентифицируется с упомянутым в древних письменных источниках, в том числе и найденных на самом памятнике: Кносс (Геродот, III, 122), Помпеи, Геркуланум, Персеполь, Мемфис, Троя, Микены, Тейшебаини (Пиотровский Б.Б., 1950–1955), Вщиж и т.д. Согласно второму, памятник или археологическая культура (для эпохи палеолита также "индустрия") получают название по имеющемуся современному и существующему географическому названию (топониму):

астиониму и *полисониму* (название города): Рас-Шамра, Иерихон, Мохенджо-Даро;

© С.В. Красниенко, А.В. Субботин, 2000 г.

гидроним (название водного объекта): речка Карасук (и карасукская культура) (Теплоухов С.А., 1927), канал Тазабагъяб и одноименная культура (Толстов С.П., 1962), культура СУМ (Сены-Уазы-Марны) (Монгайт А.Л., 1974, с. 51, 109);

гелоним (название болота); Горбуновский, Шигирский торфяники (Дмитриев П.А., 1951, с. 10–13);

дримоним (название леса, лесного участка);

микротопоним (название географического микрообъекта: в частности, урочища)[1]; множество примеров, в т.ч. многочисленные "тепе", "телли", "хююки", "селищны могилы";

пелагоним (название моря); Беломорская культура (Брюсов А.Я., 1952, с. 137–146);

инсулоним (название острова или полуострова); Оленеостровский могильник (Равдоникас В.И., 1940), Апеннинская культура (Монгайт А.Л., 1974, с. 88–91);

лимноним (название озера, пруда); Тагарское озеро (и культура) (Киселев С.В., 1929);

спелеоним (название образования); Капова пещера, Тешик-Таш, Кеик-Коба, Кударо, Двуглазка и др., многочисленные пещеры Франции и Испании (Монгайт А.Л., 1973, с. 149–152);

ойконим (название любого поселения): в частности, Береш, Дубинино, Парная и т.д. (см. напр.: Красниенко С.В., Субботин А.В., 1997а);

литтоним (название прибрежного объекта); Калмацкий брод (пример и для следующего термина; Дмитриев П.А., 1934);

дромоним (название дороги, любого пути сообщения); Великий Шёлковый путь (?);

ороним (название элемента рельефа Земли); Афонтова гора, плато Тагискен (Толстов С.П., 1962), многочисленные "тепе", "телли", "хююки", "селищны могилы";

комоним (название сельского поселения): Андронова и андроновская культура, а также самая многочисленная группа археологических памятников в России;

годоним (название улицы, линейного объекта в городе): Кирилловская стоянка (Хвойко В.В., 1903).

К этой же группе можно отнести и название по современному или древнему *этнониму* (названию этноса): культура Пуэбло. Кроме того, известны примеры названий памятников по *антропонимам* (имя собственное человека): стоянка Иностранцева (Гурина Н.Н., 1961, с. 389), стоянка им. Касьянова (Иванов В.А., 1977, с. 96, 97).

Совокупности археологических памятников, объединенные одной территорией, временем существования и типами материальных объектов (культуры или "индустрии") получают название, кроме отмеченных выше способов (в основе лежит название первого из найденных или самого характерного для данной совокупности памятника), также по макротопонимическому принципу (от "макротопоним" – название географического макрообъекта) – среднеднепровская культура; по природным зонам – культура пустынь Северной Америки; по типичным предметам материальной культуры – культура Дзёмон, воронковидных кубков, культура свайных поселений; по характерным обрядам – древнеямная, катакомбная, срубная; или по обнаруживаемым на современной дневной поверхности сооружениям древности – культура длинных курганов, "кьёккенмёддингов" (Эртебёлле) (Монгайт А.Л., 1973, с. 22).

В силу вышеизложенного вызывает возражение принцип, предписываемый Сектором сводов ИА для наименования вновь открытых памятников (Памятники..., 1988). Принцип этот заключается в присвоении памятнику названия близлежащего

---

[1] "Урочище – местность, отличающаяся по природным условиям от окружающей территории. Ландшафтная граница, природный рубеж... Исходным значением термина следует считать "обусловленная, определенная межа"... Термин принят многими авторами в качестве низшей таксономической единицы при классификации ландшафтов в географической литературе" (Мурзаев Э.М., 1984, с. 582).

населенного пункта. Это требование ведет к тому, что: 1) там, где плотность современных населенных пунктов меньше, возрастает число археологических памятников, "привязанных" к "ближайшему" населенному пункту, что приводит к появлению археонимов с немыслимыми номерами, например, Ивановка, поселение XXIX; 2) нарушается исторически сложившееся разнообразие археонимов; 3) нарушается преемственность названий даже одних и тех же памятников, так как, прежде всего, именно населенные пункты подвергались многочисленным переименованиям в зависимости от политической конъюнктуры (Поспелов Е.М., 1993).

Также неудачен принцип, согласно которому все археологические памятники a priori с момента обнаружения относятся к одной определенной категории и получают номера внутри этой категории. Пример: Ивановка Поселение I, Ивановка Курганный могильник I и т.д. Но часто бывает так, что до раскопок невозможно сказать, что на данном памятнике есть и чего там нет. Так грунтовые могилы в ряде случаев невозможно обнаружить без специальных исследований, некоторые грунтовые могильники до раскопок имеют внешний вид кургана (см.: Кузьмин Н.Ю., 1988), часто встречаются сочетания разных видов памятников в пределах одной локальной территории. Путаница возникает также от ситуаций, когда различные исследователи называют один и тот же памятник по разным населенным пунктам, находящимся от него на равном расстоянии, но в разных направлениях. Между тем, если пользоваться всем имеющимся банком топонимов, т.е. называть памятники не только по населенным пунктам, но и по другим географическим объектам, не возникнет необходимости отличать, допустим, Ивановку Поселение XXX от Ивановки Курганный могильник XXX.

Использование **всего разнообразия** географических названий для наименований археологических памятников основано также и на том факте, что топонимика как научная дисциплина основана на данных трех наук: лингвистики, истории и географии, и как подчеркивает крупнейший специалист по топонимике и этимологии географических названий Э.М. Мурзаев, "нередко географические названия обусловлены содержанием географического объекта" (Подольская Н.В., 1966). Например, название горы Свялик происходит от хакасского слова "све" – укрепление, крепость. Сооружение этого типа действительно сохранилось на этой горе, но в ближайшей округе нет населенного пункта с таким названием (Красниенко С.В., Субботин А.В., 1997б).

В этих условиях название памятника приобретает характер неотъемлемой части его ландшафтно-географического описания, привязки его к определенному природному окружению и становится, таким образом, неформальным элементом характеристики памятника. При этом подходе топонимический разряд *археонимы* становится частью всего массива ономастики. Ономастика (греч. ονομαστικη) же в свою очередь означает не просто раздел лингвистики, но "искусство давать имена (процесс номинации) и искусство изучать имена" (Подольская Н.В., 1978, с. 7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брюсов А.Я., 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М.

Геродот, 1993. История в девяти книгах. М.

Гурина Н.Н., 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА. № 87.

Дмитриев П.А., 1934. Раскопки стоянки Калмацкий брод. Свердловск.

Дмитриев П.А., 1951. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА. № 21.

Иванов В.А., 1977. Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры Курмантау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.

Киселев С.В., 1929. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартьянова. Т. 6. Вып. 2. Минусинск.

Красниенко С.В., Субботин А.В., 1997а. Археологическая карта Шарыповского района Красноярского края // АИ-48. СПб.

Красниенко С.В., Субботин А.В., 1997б. Сибирская экспедиция: итоги двадцатого полевого сезона // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. АИ-42. СПб.

Кузьмин Н.Ю., 1988. Тесинский могильник у деревни Калы // Археологические работы в зонах мелиорации Южной Сибири. Л.

Монгайт А.Л., 1973. Археология Западной Европы. Каменный век. М.

Монгайт А.Л., 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.

Мурзаев Э.М., 1984. Словарь народных географических терминов. М. Памятники истории и культуры, 1988. Часть II. Первичная учетная документация на памятники археологии. Методические рекомендации // Министерство культуры РФ. Основные служебные материалы по отраслям культуры и искусства за 1970–1986 гг. Вып. 6. М.

Пиотровский Б.Б., 1950–1955. Результаты работ археологической экспедиции Института истории АН Армянской ССР и Государственного Эрмитажа. Кармир-Блур. Т. 1–3. Ереван.

Подольская Н.В., 1966. Совещание "Принципы топонимики" // Изучение географических названий. "Вопросы географии". Сборник семидесятый. М.

Подольская Н.В., 1978. Словарь русской ономастической терминологии. М.

Поспелов Е.М., 1993. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992). Топонимический словарь. М.

Равдоникас В.И., 1940. Неолитический могильник на Онежском озере // СА. № VI.

Теплоухов С.А., 1927. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. Т. IV. Вып. 2.

Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

Хвойко В.В., 1903. Киево-Кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи мадлен // Археологическая летопись Южной России. № 1. Киев.

Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург

Н.В. ЛОПАТИН

О НЕКОТОРЫХ РАЗРЯДАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья С.В. Красниенко и А.В. Субботина "Археонимы, или о началах географической археологии" посвящена редко обсуждаемой, но важной теме – упорядочению археологической терминологии. В статье затрагивается несколько вопросов.

В первую очередь попытаемся оценить предложенные в начале статьи термины – "археоним" и "палеоним". Авторы определяют, что "археоним – это название археологического объекта или совокупности объектов с точки зрения географических характеристик". Иными словами, в понимании авторов, археонимы – это названия археологических памятников и археологических культур. Представляется, что предложенный термин не выражает приписываемого ему содержания. В нем не заложено отношение не только к географической (пространственной) характеристике, но и к собственно археологическим объектам: использованные для его построения два греческих слова указывают лишь на "имя (название) древности, чего-либо древнего", т.е. термин имеет слишком общее значение и ему искусственно придается более частный и узкий смысл. Такая операция при создании нового термина вряд ли корректна.

Еще менее оправдан термин "палеоним" ("бывшее или утраченное название"). Во-первых, греческие слова "архайос" и "палайос" фактически синонимичны в современной научной терминологии и при образовании парных терминов (археография/палеография, археоантроп/палеоантроп) имеют случайное, традиционное соотно-

© Н.В. Лопатин, 2000 г.

шение, а вовсе не означают противопоставление по смыслу "более современное/более древнее"). Во-вторых, вообще не ясно, что нужно понимать под "утраченным названием". Если речь идет об исторических топонимах, то это всего лишь один из источников (кстати, в общей массе по объективным причинам довольно редко используемый) именования памятников археологии, каковые источники подробно перечисляются ниже в обсуждаемой статье. Однако с точки зрения системы научной терминологии (если на основе исторического топонима принято современное название памятника археологии) такие имена равноправны с любыми другими, независимо от способа образования.

Авторы считают, что предлагаемые ими термины "закрывают образовавшуюся лакуну в ономастике". Судя по ссылкам, имеется в виду отсутствие подобных слов в "Словаре русской ономастической терминологии" (Подольская Н.В., 1978). Действительно, автор этого словаря считает, что появление новых терминов ономастики (науки о собственных именах вообще), обозначающих определенные понятия отдельных областей знания, можно и нужно прогнозировать и стимулировать (Подольская Н.В., 1978, с. 8, 15). Однако ознакомление со словарем Н.В. Подольской приводит к выводу, что значительная часть учтенных в нем терминов не используется за пределами чисто ономастических исследований. Так, наряду с общеупотребительными терминами "топоним", "гидроним" и др., там присутствуют и такие, как "гелоним" (соб. имя болота), "дримоним" (соб. имя леса), "экклезионим" (соб. имя места поклонения любой религии) и мн.др. Создается впечатление, что ликвидация "лакун в ономастике" более важна для самой ономастики, чем для конкретных областей знания, терминологию которых она изучает.

Напротив, терминология конкретных наук должна развиваться в первую очередь не путем терминотворчества (которое может долгое время оставаться на стадии использования свободного словосочетания – Подольская Н.В., 1978, с. 15), а на основе осмысления системы понятий в самих этих науках. В связи с этим, появление статьи С.В. Красниенко и А.В. Субботина правомерно. Однако достаточно ли основательно рассмотрена здесь система пространственных объектов, изучаемых в археологии? Представляется, что нет. Во-первых, неполон и неточен список "археологических пространственных объектов": памятник, культура (и индустрия), совокупность культур. Здесь явно недостает таких объектов, как локальный вариант, культурный круг, культурно-хронологический горизонт и др. Все эти объекты (за исключением, пожалуй, памятников) не являются чисто пространственными, поскольку для них в разной степени существенна и хронологическая составляющая. Так, например, при рассмотрении археологической истории микрорегиона археологическая культура становится понятием в первую очередь хронологическим. Другие понятия, казалось бы, чисто хронологического значения (эпоха, период, стадия), в определенном археологическом контексте могут приобретать пространственный смысл. Представляется, что все вышеперечисленные "объекты" (кроме памятников, о чем ниже) составляют единое широкое поле понятий "культурно-хронологической атрибуции" (или пространственно-временно́го определения) в археологии. Этот подход реализовывался в моей работе над указателями к ежегоднику "Археологические открытия" (Лопатин Н.В., 1995, с. 338; Указатель..., 1995; 1996; 1997; 1999).

Во-вторых, применение единого термина ("археонимы") к названиям памятников и культур свидетельствует об отнесении всех этих слов авторами статьи к одному классу археологической терминологии. Однако такой подход не согласуется с традиционным: если названия памятников бесспорно являются именами собственными, то названия культур таковыми не признаются, коль скоро их принято писать со строчной ("маленькой") буквы. В связи с этим они, строго говоря, вообще находятся за пределами ведения ономастики.

Позволю себе здесь отступление. К сожалению, орфография русского языка (в части употребления прописных и строчных букв) исторически сложилась таким образом, что многие разряды слов, занимающих близкое положение к именам

собственным, пишутся со строчной буквы. В частности, в недавно опубликованной новой редакции правил употребления прописных и строчных букв, учитывающей существующую орфографическую практику, сказано: "Примечание 5. Названия геологических периодов и эпох, археологических эпох и культур пишутся со строчной буквы" (Правила..., 1999, с. 23). Тот же параграф "Правил" определяет – так же, как и в предыдущей редакции (Правила..., 1956, с. 58, 59), но более последовательно: "§ 23. В названиях исторических эпох и событий... с прописной буквы пишется первое слово (которое может быть единственным)..., напр.: Возрождение. Средние века... Смутное время..." (Правила..., 1999, с. 22). Следовательно, в ряду археологических эпох только те из них, которые совпадают с историческими, следует писать с прописной буквы: "Средневековье", "эпоха Великого переселения народов", но "эпоха камня", "палеолит", "ранний железный век".

Близость перечисленных групп слов (названий археологических эпох и культур, геологических периодов и эпох, а также, добавлю, названий этносов и языков) к именам собственным обосновывается тем, что они выделяют именуемый индивидуальный объект среди ему подобных, а это и является основным признаком имени собственного (Суперанская А.В., 1973, с. 98, 105, 113; Подольская Н.В., 1978, с. 95). В связи с этим их было бы логично и удобно писать с прописной буквы, назначение которой – выделять слово в тексте (кстати, именно так принято писать все эти категории слов, например, в английском языке). Тенденцию неправильного написания названий археологических культур с прописной буквы можно наблюдать в последние годы во многих провинциальных изданиях, что является одним из проявлений общего снижения роли профессионального корректора в издательском деле, но в то же время подтверждает близость данного разряда слов к собственным именам.

Представляется, что названия археологических культур, образованные от топонимов, должны были бы подпасть под действие § 21 "Правил": "Прилагательные, образованные от собственных географических названий, пишутся с прописной буквы, если они являются частью составных географических и административно-территориальных названий... Ср., напр.: ...северокавказская природа и Северо-Кавказский регион, Северо-Кавказский военный округ" (Правила..., 1999, с. 21). Если попытаться добавить в цитируемый пример "северокавказскую археологическую культуру", то это словосочетание окажется по своему статусу ближе именно к последним, в которых используются прописные буквы. Действительно, археологическая культура в некоторых случаях может пониматься не просто как общность, ограниченная в пространстве и времени, но и (предположительно) как отражение административно-территориальной единицы (как, например, черняховская культура). Напротив, "северокавказская культура" в смысле "культура народов Северного Кавказа вообще" попадет в один ряд с "северокавказской природой". Как бы то ни было, изложенные здесь соображения не могут в настоящее время поставить под сомнение действующие орфографические нормы.

Таким образом, названия археологических культур и памятников относятся к разным разрядам терминов по целому ряду признаков (с точки зрения не только правил написания, но и сути самих явлений), и применение одного общего термина к ним неправомерно.

Важный момент статьи С.В. Красниенко и А.В. Субботина – полемика с методическими рекомендациями по составлению учетной документации на памятники археологии в части именования археологических памятников (Памятники..., 1988), требующими именовать памятники археологии по ближайшему населенному пункту. Этот принцип был определен, очевидно, с целью совершенствования системы учета и охраны памятников и планомерно применяется при составлении многотомной "Археологической карты России". Думаю, что с авторами обсуждаемой статьи в этом вопросе можно согласиться: не следует отказываться от исторически сложившегося многообразия способов именования памятников. Ведь произвольное название не отменяет точного адреса памятника, а также привязки географическими координатами

(которые все чаще применяются в археологии). Справедливости ради следует отметить, что "Методические рекомендации" предлагают: 1) прежние названия известных ранее памятников указывать в скобках; 2) при отсутствии вблизи памятника населенного пункта как исключение именовать его по названию реки, урочища (Памятники..., 1988, с. 5, 6). К сожалению, вопреки мнению С.В. Красниенко и А.В. Субботина, вряд ли свободное именование памятников спасет от возникновения длинных списков нумерованных памятников с одинаковым именем в случаях высокой концентрации последних. Более того, при именовании памятников внутри гнезд присвоение памятникам одинаковых названий с номерами может быть вполне оправданным. С другой стороны, очень неудобны раздельные нумерации памятников разных типов у одного населенного пункта: приходится встречать даже параллельные раздельные нумерации курганных могильников и одиночных курганов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лопатин Н.В., 1995. О принципах составления указателей // АО–1994.

Памятники истории и культуры. Первичная учетная документация на памятники археологии. Методические рекомендации, 1988. М.

Подольская Н.В., 1978. Словарь русской ономастической терминологии. М.

Правила русской орфографии и пунктуации, 1956. М.

Правила употребления прописных букв, 1999 // Лопатин В.В., Чельцова Л.К., Нечаева И.В. Орфографический словарь русского языка. Прописная или строчная? М.

Суперанская А.В., 1973. Общая теория имени собственного. М.

Указатель археологических культур, эпох, периодов, 1995 // АО–1994.

Указатель археологических культур, эпох, периодов, 1996 // АО–1995.

Указатель археологических культур, эпох, периодов, 1997 // АО–1996.

Указатель археологических культур, эпох, периодов, 1999 // АО–1997.

Институт археологии РАН, Москва

Археологические коллекции в музеях

Л.М. НОСКОВА, В.Р. ЭРЛИХ, Т.К. МКРТЫЧЕВ, К.А. ДНЕПРОВСКИЙ

АРХЕОЛОГИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ВОСТОКА

В 1998 г. Государственному музею Востока исполнилось 80 лет. Созданный в октябре 1918 г. как первое специализированное учреждение по сибиранию, хранению, научному изучению и пропаганде памятников материальной культуры народов Востока Музей искусства Азии (его первоначальное название) с первых лет своего существования превратился в научный центр по изучению историко-культурного развития народов Средней Азии и Кавказа. Отсутствие в музейных фондах, формирующихся из национализированных частных коллекций, материалов из азиатских регионов страны сразу же определило одно из основных направлений музейной деятельности: организация археолого-этнографических экспедиций в среднеазиатские и закавказские республики.

Организатором музейных археологических экспедиций в Среднюю Азию стал директор музея, известный исследователь восточной культуры и искусства проф. Б.П. Денике. В 1924 г. он совместно с группой ученых по направлению Туркестанского комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы провел обследование знаменитых узгенских мавзолеев XI–XII вв. в Фергане. В 1926–1928 гг. с целью фиксации, реставрации и охраны были обследованы древние и средневековые памятники Семиречья, Шахрисябса, Мерва, Ура-Тюбе, Нисы, Анау и др.

В 1926–1928 гг. Музей совместно со Среднеазиатским комитетом по делам музеев и охране памятников старины и искусства организовал большую экспедицию под руководством проф. Б.П. Денике, которая положила начало широкому археологическому изучению Средней Азии. Экспедиция исследовала городище Старого Термеза. В ходе работ были открыты остатки дворца правителей Термеза XI–XII вв. с уникальной штуковой декорацией, а также выявлены памятники буддийской культуры (Сычева Н.С., 1978, с. 27, 28).

В эти же годы организуются музейные археологические экспедиции в Крым и на Северный Кавказ. В Крыму сотрудники Музея во главе с проф. И.Н. Бороздиным проводят исследования крупного золотоордынского экономического и культурного центра Солхата. На Северном Кавказе под руководством проф. А.С. Башкирова ведутся работы на средневековых памятниках Дагестана в районе аула Кубачи.

Материалы, полученные в результате археологических раскопок, стали основой создаваемой в Музее археологической коллекции по древней и средневековой культуре среднеазиатских и кавказских народов.

Несмотря на то, что с 40-х годов главное место во всей музейной деятельности стали занимать проблемы, связанные с изучением культуры классического Востока (Китай, Индия, Япония, Иран и др.), а также исследование современного декоративно-прикладного искусства народов Средней Азии и Кавказа, Музей продолжал пополнять свои археологические коллекции за счет поступлений из частных собраний и материалов, переданных экспедициями других учреждений.

© Л.М. Носкова, В.Р. Эрлих, Т.К. Мкртычев, К.А. Днепровский, 2000 г.

Разрабатывая отдельные вопросы древней и средневековой культуры и искусства Средней Азии и Кавказа, сотрудники музея неоднократно принимали участие в археологических раскопках на территории Таджикистана, Узбекистана, Грузии, Армении, на Северном Кавказе. С 1962 г. Музей в составе совместной археологической экспедиции приступил к исследованию буддийского культового центра Кара-тепе в Старом Термезе.

Важнейшим этапом в развитии археологической науки в Музее стало создание самостоятельного археологического подразделения: Отдела истории материалной культуры и древнего искусства народов Востока (ОИМК и ДИ). Отдел бы создан в январе 1981 г. под руководством д-ра исторических наук А.М. Лескова в рамках общегосударственной программы по охране и использованию памятников истории и культуры (1976 г.). Выросшие в 60–70-х годах объемы народно-хозяйственного строительства требовали расширения охранно-спасательных работ в районах крупных новостроек.

Первоочередной задачей вновь созданного Отдела стала организация археологических экспедиций на Северный Кавказ с целью исследования и сохранения памятников древней и средневековой культуры народов этого региона.

Летом-осенью 1981 г. Кавказская археологическая экспедиция Музея провела свои первые работы на территории Адыгеи. Уже в первый полевой сезон был получен интереснейший материал по древней культуре Северо-Западного Кавказа. Подавляющее большинство находок было обнаружено в насыпях регулярно распахиваемых курганов на глубине менее 0,5 м. Широкое археологическое обследование в районах проведения раскопок показало, что более 30% древних памятников уже погибло в результате активной хозяйственной деятельности и воздействия природных условий, а бóльшая часть оставшихся находится под угрозой полного уничтожения. В 1985 г. Государственный Комитет по науке и технике (Постановление – 484 от 16 августа 1984 г.) выделил Музею дополнительные ассигнования для расширения охранно-спасательных работ по изучению разрушающихся памятников культуры и искусства. Одновременно с исследованиями на Северном Кавказе Отдел истории материальной культуры приступил в работам в Средней Азии и на Чукотке. В 1983 г. в рамках Отдела была организована Среднеазиатская археологическая экспедиция, а в 1986 г. – Чукотская экспедиция.

В связи с расширением тематики и объема научных исследований в 1985 г. в Отделе было образовано два сектора: сектор археологии Кавказа и сектор археологии Средней Азии. В 1996 г. в рамках Отдела была выделена "Группа по изучению истории материальной культуры и древнего искусства народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока", в 1998 г. преобразованная в самостоятельный Сектор. Были определены и скорректированы направления каждого структурного подразделения: охранно-спасательные археологические изыскания, проведение фундаментальных исследований по проблемам истории, материальной культуры и древнего искусства народов Средней Азии, Северного Кавказа и Крайнего Севера, комплектование, пополнение и обработка фондов.

На основе полученных в результате археологических раскопок материалов, а также уже имеющихся музейных коллекций в Отделе было образовано три фонда: фонд археологии Кавказа, фонд археологии Средней Азии, фонд археологии Чукотки, где коллекции хранятся в соответствии с хронологической периодизацией и культурной принадлежностью. Отдельно выделен фонд хранения экспонатов из драгметаллов.

Коллекции фонда археологии Кавказа в основном представлены материалами раскопок на Северо-Западном Кавказе (Адыгея и Краснодарский край), а также в Северной Осетии и охватывают значительный хронологический диапазон: от III тыс. до н.э. до позднего средневековья (XVI в.). Кроме того, сюда вошли материалы, переданные в Музей экспедициями Института археологии: Селитренное городище (раскопки 1967 г. Г.А. Федорова-Давыдова), могильник Мокрая Балка (раскопки

1969 г. В.Б. Ковалевской); могильник Клин-Яр III (раскопки 1983–1986 гг. В.С. Флерова), могильник Терезе (раскопки 1975–1978 гг. В.И. Козенковой) и небольшая коллекция закавказской керамики, приобретенная Музеем во время закупочных экспедиций в Азербайджан, Грузию и Армению.

Формирование фонда археологии Средней Азии происходило на основе уже имеющихся в Музее археологических коллекций. Сюда вошли материалы из раскопок Б.И. Деник в Старом Термезе, произведения древнего и средневекового искусства из коллекций Б.Н. Кастальского, М.А. Ратнера, А.И. Смирнова, С.Н. Юренева. За время раскопок музейной экспедицией буддийского культового центра Кара-тепе в Старом Термезе фонды пополнились материалами II–III вв. н.э. В 1964 г. поступила коллекция керамических сосудов IV–III тыс. до н.э. с поселения Чонг-депе в юго-восточных Каракумах, в 1972 г. – керамика первой половины V в. до н.э. с усадьбы древнего Хорезма – Дингильдже, в 1971–1972 гг. Г.А. Брыкина передала в Музей уникальную коллекцию памятников материальной культуры из раскопок поселения Кайрагач середины I тыс. н.э. После создания сектора археологии Средней Азии фонды пополнились материалами из раскопок Среднеазиатской экспедиции музея на городищах Пайкенд, Дурмен, Варахша. В 1991–1993 гг. поступили коллекции из Института этнологии и антропологии РАН с таких археологических памятников как Джигербент, Калаллы-гыр, Кой-Крылган-кала, Топрак-Кала, Чирик-рабат, Джеты-Асар, а также погребальные и культовые комплексы с Нижней Сыр-Дарьи (раскопки Л.М. Левиной, Б.И. Вайнберг, Ю.А. Рапопорта, О.А. Вишневской, С.А. Трудновской, М.А. Итиной).

Фонды сектора археологии Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока начали формироваться с момента организации Чукотской экспедиции Музея. На основе материалов могильника Эквен, которые датированы последними веками до н.э. – первыми веками н.э., был создан фонд археологии Чукотки. Позднее он был дополнен находками из одноименного поселения, исследования которого начаты в 1995 г. В феврале 1998 г. после передачи проф. Л.Р. Кызласовым в Музей сибирской коллекции МГУ (Малые Копены 1–5, Унюк, Медведка, Усть-Кандырга, хребет Корова, Волчий Лог, Переводинский чаатас) в Отделе был создан фонд археологии Сибири.

В настоящее время в фондах Отдела на инвентарном и научно-вспомогательном хранении находится около 100 000 единиц хранения.

Сектор археологии Кавказа

В 1981 г. при вновь созданном Отделе материальной культуры и древнего искусства была образована Кавказская археологическая экспедиция (КАЭ ГМИНВ).

В первый полевой сезон она уже смогла развернуть широкомасштабные охранно-спасательные работы как на правом берегу Кубани (ст. Пашковская), так и на левом – на территории Адыгеи у ст. Новосвободной (грунтовый могильник "Фарс"), у аула Шенджий (позднесредневековая курганная группа), у с. Четук (курганы с погребениями эпохи бронзы и сарматского периода) и у аулаУляп (некрополь, состоящий из курганов-святилищ раннего железного века и двух грунтовых могильников VI–V вв. и IV – начала III в. до н.э.).

У аула Уляп были исследованы два кургана некрополя скифского времени, давшие богатые находки. Успех этого сезона предопределил работу экспедиции на несколько лет. В 1982–1991 гг. Кавказская экспедиция являлась крупнейшей археологической экспедицией в системе Министерства культуры СССР. Основной упор в исследованиях был сделан на Закубанье, на территории Адыгейской АО (ныне Республика Адыгея). Охранно-спасательные работы велись в Красногвардейском, Шовгеновском, Теучежском и Майкопских районах области. В 1990–1991 гг. проводились исследования в Причерноморской зоне Краснодарского края и в Мостовском районе. В 1986, 1988–1989 гг. отряд под руководством Т.А. Габуева работал в Осетии.

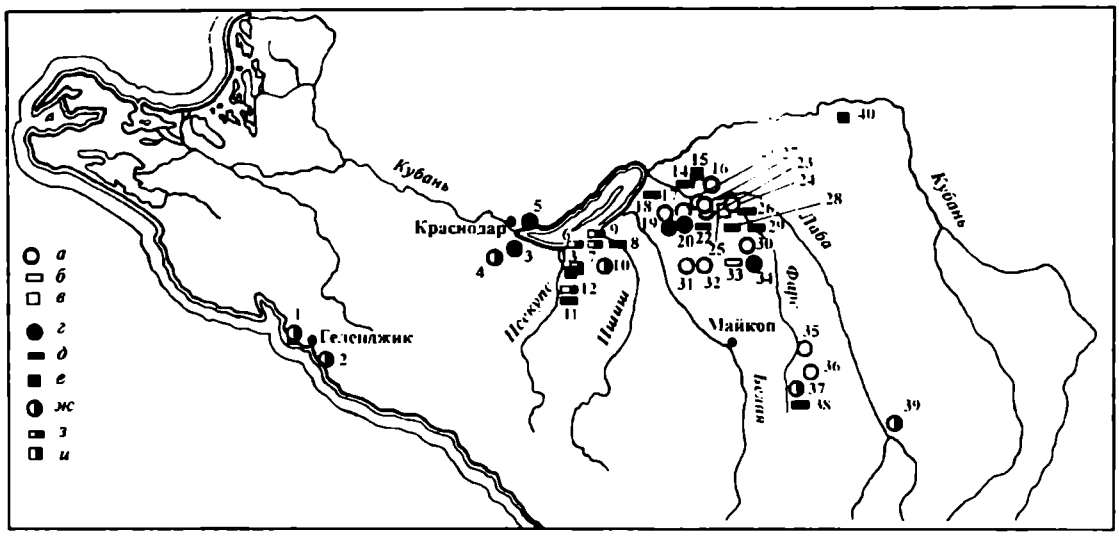


Рис. 1. Карта работ Кавказской археологической экспедиции: *а* – курганы эпохи бронзы; *б* – грунтовые могильники эпохи бронзы; *в* – поселения эпохи бронзы; *г* – курганы эпохи раннего железа; *д* – грунтовые могильники эпохи раннего железа; *е* – поселения и городища эпохи раннего железа; *ж* – средневековые курганы; *з* – средневековые грунтовые могильники; *г* – средневековые городища. Номера на карте совпадают с номерами в таблице

Наряду с систематическими раскопками большое внимание уделялось проведению археологических разведок. В исследуемых районах были составлены карты археологических памятников.

Объем данной статьи позволяет лишь коротко охарактеризовать работу на Северном Кавказе, поэтому мы в табличном варианте перечисляем пункты наших раскопок по годам и хронологию исследованных памятников (таблица) (рис. 1).

Хронологический диапазон памятников охватывает период с ранней бронзы (майкопской культуры) до средневековья.

Погребения майкопской культуры исследовались экспедицией в курганах у аула Уляп, хуторов Чернышев, Дукмасов в Адыгее (раскопки А.М. Лескова, К.А. Днепровского, Т.А. Габуева), а также у ст. Костромской в Мостовском районе Краснодарского края (раскопки В.Р. Эрлиха). В большей части курганов встречены впускные северокавказские и катакомбные погребения. В районе аула Кабехабль 1988 г. при исследовании кургана Уашхиту I был открыт грунтовой могильник майкопской культуры (раскопки А.М. Лескова, К.А. Днепровского, В.Р. Эрлиха). В 1987–1988 гг. у хутора Чернышев в Шовгеновском районе Адыгеи исследовалось Серегинское поселение эпохи ранней бронзы (раскопки К.А. Днепровского).

В Осетии к эпохе средней бронзы относились курганы, исследованные в 1986 г. у ст. Черноярской Моздокского района (раскопки Т.А. Габуева).

Самый большой удельный вес в исследованиях КАЭ ГМИНВ занимали раскопки памятников раннего железного века.

К древнемеотскому периоду относился могильник Фарс у ст. Новосвободной, исследовавшийся в 1981–1983 гг. и 1986 г. (раскопки И.М. Балинского и В.Р. Эрлиха). Большое приращение материала этого периода дали разведки в зоне затопления левого берега Краснодарского водохранилища в устьях р. Пшиш и Псекупс. Работами экспедиции был открыт и частично исследован могильник Пшиш (раскопки Л.М. Носковой и С.П. Кожухова). В 1988 г. экспедицией исследуется курган предскифского времени Уашхиту I. В этом кургане были найдены упряжка и остатки колесницы новочеркасского времени. Памятники скифского времени в Адыгее изучались в основном в окрестности аула Уляп. В 1982 г. экспедицией был раскопан последний 10-й курган знаменитой Ульской группы конца VI в. до н.э., раскопки которой в 1889, 1908, 1909 гг. вел проф. Н.И. Веселовский. В километре от нее в 1981–

Работы Кавказской ареологической экспедиции

Номер на карте (рис. 1)	Памятники	Годы исследования	Датировка	Номера отчетов в Архиве ИА РАН, фонд Р-1	Публикации
1	К.м. Кабардинка	1990	XIII–XV вв.	15175	
2	К.м. Церковная Щель	1991	XVI в.	16039	
3	К.м. Четук	1981	II–I вв. до н.э.	8848	
4	К.м. Шенджий	1981	XVI в.	8848	Носкова, 1991
5	К.м. Пашковская	1981	V–IV вв. до н.э.	8848	Лапушнян, 1988
6	Г.м. Псекупс	1982	V–XV вв.	8969	
7	Г.м. Ленинохабль	1986–1988	XVI в.	13766, 12140, 12820	
8	Г.м. Пшиш	1986–1988	XIV–XVI вв.	13766, 12140, 12820	
9	Г.м. Пшиш	1986–1988	XIII–XII вв. до н.э.	13766, 12140, 12820	
10	К.м. Пшекуйхабль	1989	XV в.	14085–86	
11	Г.м. Ново-Вочепший	1985–1988	III в. до н.э. – I в. н.э.	10904, 13766, 12140, 12820	Кожухов, Носкова, 1989
12	Г.м. Ново-Вочепший	1985–1988	XIII–IX вв. н.э.	10904, 13766, 12140, 12820	Носкова, 1990
13	Г-ще Ново-Вочепшийское	1983–1987	II в. до н.э. – VI в. н.э.	9363, 10350, 10904, 13766, 12140	
14	Г.м. Тенгинский	1994–1997	III в. до н.э.– II в. н.э.		
15	Г-ще Тенгинское	1994–1996	VI–IV вв. до н.э.		
16	К.н Тенгинский	1995	IV–II тыс. до н.э.		
17	К.м. Уляпский	1982–1983	IV–II тыс. н.э.	8672, 9855	
18	Г.м. Штурбино	1986–1987	I–III вв.	11292, 12383	
19	К.м. 10 Ульский	1982	VI–V вв. н.э.	8672	
20	К.м. Уляпский	1981–1983	IV вв. до н.э.	8848, 9855, 8672	
21	К. Чернышев	1982	II тыс. до н.э.	8672	
22	Г.м. Уляпский	1982–1983	VI–III вв. до н.э.	8672, 9855	Беглова, 1989
23	К.м. Чернышев II	1984	IV–II тыс. до н.э.	10482	
24	К.м. Серегинский	1984–1986	II тыс. до н.э.	10482, 10973	
25	Пос. Серегинское	1986–1988	IV тыс. до н.э.	11292, 11292, 12383, 12894	

Таблица (окончание)

Номер на карте (рис. 1)	Памятники	Годы исследования	Датировка	Номера отчетов в Архиве ИА РАН, фонд Р-1	Публикации
26	Г.м. Серегинский	1984–1987	IV в. до н.э.	10482, 10973, 12894, 12383	
27	К.м. Чернышев I	1984–1985	IV–II тыс. до н.э.	10482, 10973	
28	Г.м. Чернышевский	1985–1988	I–III вв.	10973, 11292, 12383, 12894	
29	Г.м. Уашхиту II	1989	I–II вв.	14085–86	Эрлих, Кожухов, 1991
30	К.м. Зарево	1989	II тыс. до н.э.	14085–86	
31	К.м. Дукмасов	1989	IV–II тыс. до н.э.	14085–86	
32	К.м. Мокрый Назаров	1989	IV–II тыс. до н.э.	14085–86	
33	Г.м. Уашхиту	1988	IV тыс. до н.э.	12894	Эрлих, 1994
34	К-н Уашхиту I	1988	VII в. до н.э.	12894	Кореневский, Днепровский, Эрлих, 1995
35	К.м. Погуляево	1991	IV тыс. до н.э.	15998	
36	К.м. Костромской	1991	IV–II тыс. до н.э.	15998	
37	К.м. Фарс II	1989	XIV–XV вв.	14085–86	
38	Г.м. Фарс	1981–1983, 1986	VIII–VII вв. до н.э.	8848, 8672, 9855, 11292	
39	К.м. Малые кургашки	1990	XIV в.	15173	
40	Пос. Венцы	1989	VI в. до н.э.	14085–86	Беглова, 1991

Примечание. К.м. – курганный могильник, Г.м. – грунтовый могильник, К-н – курган, Г-ще – городище, Пос. – поселение

1983 гг. был исследован Уляпский погребально-культовый комплекс, давший богатейшую коллекцию произведений древнего искусства как местного производства, так и привозных. Он состоял из курганов-святилищ IV в. до н.э. (курганы 1, 2, 4, 5, 8, 14) и двух грунтовых могильников VI–V вв. до н.э. и IV – начала III в. до н.э. Здесь было вскрыто около 250 меотских погребений (Беглова Е.А., 1989).

К следующему периоду меотской культуры относится Серегинский грунтовый могильник около хутора Чернышев, где в 1984–1987 гг. было вскрыто более 200 погребений (раскопки Е.А. Бегловой, В.Л. Лапушняна, В.Г. Самойленко, В.Р. Эрлиха), и Ново-Вочепшийский могильник (раскопки Л.М. Носковой и С.П. Кожухова). Большая часть погребений этих могильников относятся к последним векам до н.э.

К сарматскому периоду (первые века н.э.) относятся Чернышевский и Штурбинский грунтовые могильники (раскопки Т.А. Габуева). Отрядом под руководством Л.М. Носковой в 1983–1987 гг. в Теучежском районе Адыгеи исследуется Ново-Вочепшийское городище.

Таким образом, в 80-е годы экспедицией было изучено достаточно большое количество погребений раннего железного века Закубанья, относящихся ко всем периодам меотской культуры.

Средневековые могильники исследовались в Теучежском, Майкопском районах Адыгеи (могильники Ново-Вочепшийский, Ленинохабльский, Пшиш, Псекупс, Пшикуйхабль, Шенджийский и Фарс II. В Геленджикском районе Краснодарского края раскапывались могильники Церковная щель и Кабардинка, на востоке края – в Лабинском районе – могильник Малые Кургашки. В хронологическом отношении эти памятники охватывают диапазон от раннего средневековья до белореченской культуры XIV–XV вв.

Особо следует сказать о раскопках в Осетии, где работал Северо-Осетинский отряд Кавказской археологической экспедиции под руководством Т.А. Габуева. В 1986 г. в районе ст. Черноярской Моздокского района было раскопано три кургана, содержавших как погребения эпохи средней бронзы, так и сарматского времени (III–I вв. до н.э.). Но более успешными можно считать сезоны 1989–1990 гг. На окраине села Брут Правобережного района было раскопано восемь курганов, один из которых относился к скифской эпохе (V в. до н.э.), а остальные семь принадлежали аланам и датировались V в. н.э. В двух курганах были обнаружены тайники, содержавшие золотые предметы аланского вооружения и конского снаряжения, выполненные в полихромном стиле гуннской эпохи.

Первые успехи раскопок на Северном Кавказе достаточно быстро стали достоянием широкой общественности. В 1985 г. в Москве и Майкопе с успехом экспонировалась выставка "Сокровища курганов Адыгей" и был издан ее каталог (Сокровища..., 1995), куда вошли древности, найденные экспедицией на Кавказе. Эта же выставка экспонировалась в Болгарии, Испании, Мексике. В 1987–1988 гг. в Москве, Краснодаре, Колумбии и Германии прошла выставка "Шедевры древнего искусства Кубани", где помимо находок Кавказской экспедиции были представлены экспонаты из музеев Краснодара и Майкопа (Шедевры..., 1997).

В 1989–1990 гг. в Швейцарии, Италии и Германии экспонировалась выставка "Сокровища Северного Кавказа", куда вошли лучшие находки экспедиции 1981–1988 гг. (I Tesori..., 1991).

В конце 1991–1993 гг. в связи с кризисной ситуацией с финансированием науки в стране работы экспедиции прекратились. Однако и тогда продожалась полевая деятельность сектора. По приглашению вновь созданного Комитета по охране памятников истории и культуры Адыгеи отряд под руководством сотрудника сектора В.Р. Эрлиха проводил разведки и инвентаризацию памятников в Кошехабльском, Гиагинском и Красногвардейском районах Адыгеи, где было вновь открыто более 200 новых памятников археологии.

Систематические работы экспедиции возобновились лишь в 1994 г. Их объемы стали менее масштабными. Поскольку в 80-е годы исследовались в основном некрополи и практически (за исключением Ново-Вочепшийского городища и поселения Венцы) не раскапывались бытовые памятники меотской культуры, было решено, прежде всего, сосредоточить усилия на поиск и изучение поселений скифского времени.

Весной 1994 г. после небольших разведок для исследования было выбрано II Тенгинское городище VI–IV вв. до н.э., находящееся на правом, высоком берегу Лабы в 10–15 км к северу от места основных могильников, раскопанных экспедицией в Адыгее. Исследования городища в 1994–1996 гг. показали достаточно раннее поступление античного импорта в столь глубинные районы Закубанья и позволили выявить древнейшие на сегодняшний день фортификационные сооружения меотской культуры, относящиеся к концу VI в. до н.э. (раскопки В.Р. Эрлиха и Е.А. Бегловой).

В 1994–1998 гг. экспедицией исследуется разрушающийся котлованом могильник на западной окраине станицы Тенгинской (III в. до н.э. – первые века н.э.), где уже выявлено более 150 погребений (раскопки Е.А. Бегловой и В.Р. Эрлиха).

Добытый многолетними работами экспедиции материал требовал определенного научного осмысления.

К.А. Днепровским были введены в научный оборот ряд памятников эпохи бронзы, исследованных экспедицией, среди которых особо следует отметить Серегинское поселение эпохи ранней бронзы (Днепровский К.А., 1988; 1991; Днепровский К.А. и др., 1995; Днепровский К.А., Кореневский С.Н., 1996).

Наибольшие усилия сотрудников сектора сосредоточены на изучении меотской культуры раннего железного века.

В.Р. Эрлих посвятил серию работ изучению вооружения и конского снаряжения предскифского и скифского времени Закубанья (Эрлих В.Р., 1944а, б; Эрлих В.Р., Кожухов С.П., 1991). В 1992 г. им была защищена кандидатская диссертация "Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья скифского времени" (Эрлих В.Р., 1992). Частично некоторые выводы этой диссертации нашли свое отражение в его монографии (Эрлих В.Р., 19944а).

Исследования Е.А. Бегловой посвящены изучению меотской керамики и происхождению гончарства у меотов (Беглова Е.А., 1991; 1992). На эту тему ею была защищена кандидатская диссертация (Беглова Е.А., 1995).

Проблемы военного дела Закубанья в III в. до н.э. – III в. н.э. осветил в своей кандидатской диссертации С.П. Кожухов (1989, 1994).

Исследованию Пашковского курганного могильника посвящена работа В.Л. Лапушняна (1988).

Исследование И.В. Ксенофонтовой связаны с проблемами поступления в Среднее Закубанье греческих и римских импортов (Ксенофонтова И.В., 1986; 1988; 1992; 1997).

Т.А. Габуев занят проблемой происхождения алан и к настоящему времени выпустил серию работ, посвященных этой теме (Габуев Т.А., 1994; 1997).

Проблемы истории и культуры Закубанья в период средневековья отражены в работах Л.М. Носковой, опубликовавшей ряд средневековых памятников, исследованных экспедицией (Носкова Л.М., 1990; 1991).

В 1997 г. при поддержке РГНФ (грант № 96-01-12050в) в секторе была создана на основе программ Visual Foxpro и Visual Basic полнотекстовая и картинно-графическая база данных, куда уже введены экспонаты, находящиеся на инвентарном хранении: 3000 предметов и около 1500 их изображений, а также карты микрорегиона с нанесенными на них памятниками.

Сектор археологии Средней Азии

После первых знаменитых экспедиций в Среднюю Азию, проводившихся под руководством Б.П. Денике в 20-е годы, археологическое изучение этого региона Музеем возобновилось только в начале 60-х годов. С 1962 г. сотрудники музея включаются в работы Совместной археологической экспедиции учреждений Министерства культуры СССР на Кара-тепе в Старом Термезе (современная Республика Узбекистан). Совместная экспедиция, возглавляемая Б.Я. Стависким, на протяжении многих лет вела раскопки культового буддийского центра II–V вв. За это время целый ряд музейных специалистов внесли свой вклад в изучение уникального памятника среднеазиатского буддизма (Н.С. Сычева, Э.В. Ганевская, А.Ф. Бердников, В.Н. Ланушнян, И.В. Ксенофонтова, П.А. Куценков и др.) (Сычева Н.С., 1975; Сычева Н.С., Сычев В.Л., 1982).

После создания ОИМК и ДИ помимо участия в раскопках на Кара-тепе было решено усилить среднеазиатское направление археологических работ Музея (рис. 2). В 1983–1985 гг. сотрудник Отдела А.И. Наймарк организует археологический отряд, который проводит раскопки на городище средневекового Пайкенда (Бухарский Согд). Кроме того, в эти годы отрядом под его руководством были выполнены разведочные работы в Бухарском Согде, в частности, на городище Кум-Султан. Осенью 1985 г. археологический отряд Отдела (руководитель А.И. Наймарк) исследует два неболь-

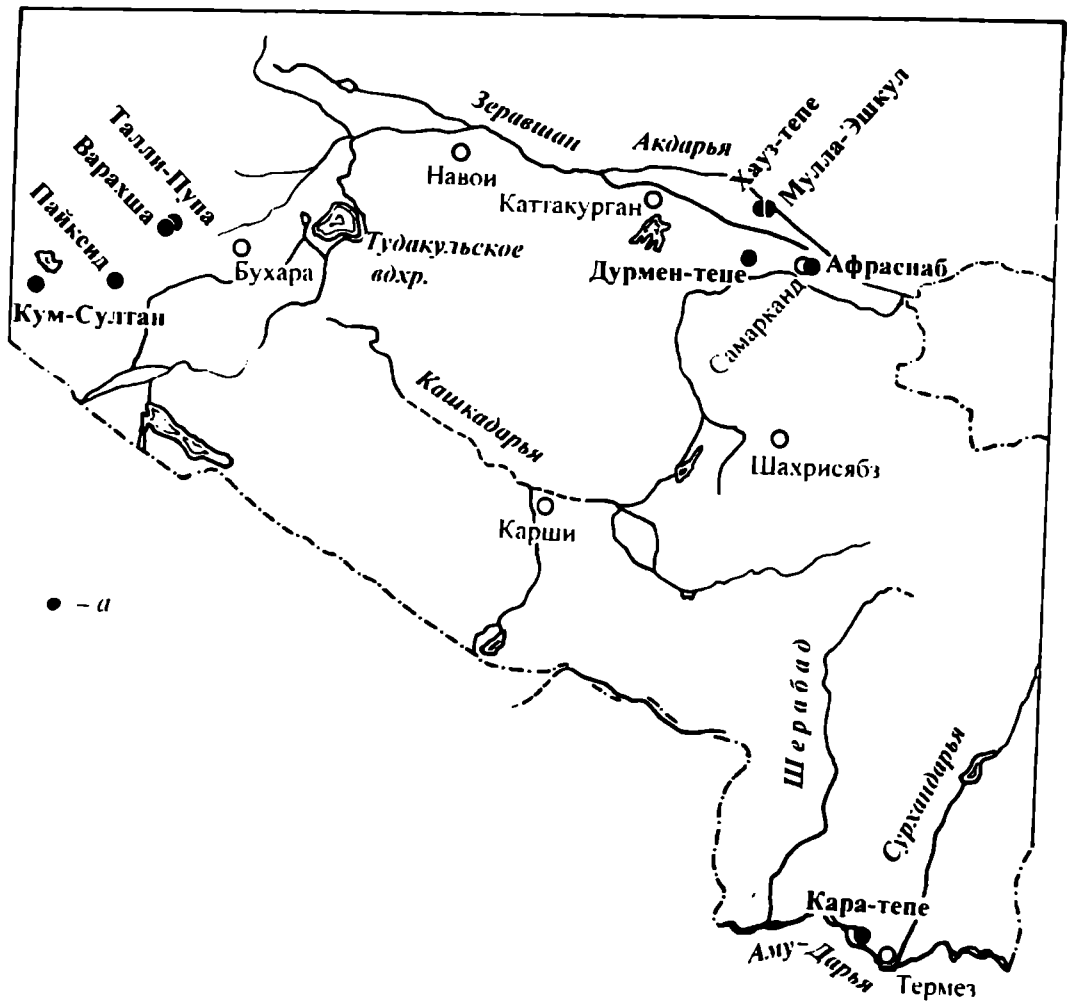


Рис. 2. Карта работ Среднеазиатской археологической экспедиции

ших памятника в Самаркандской области: остатки спланированного монументального сооружения античного времени Хаус-тепе и раннесредневековую усадьбу Мулло-Эшкул.

В 1985 г. внутри ОИМК и ДИ создается Сектор Средней Азии, который возглавила Г.В. Шишкина. Появление нового подразделения, занимающегося среднеазиатской археологией, был значительным шагом в научной жизни Музея. Будучи одним из ведущих специалистов в изучении согдийской культуры, Г.В. Шишкина связала основные задачи Сектора с согдийской проблематикой.

В качестве одного из базовых объектов исследования Среднеазиатской археологической экспедиции Сектора (начальник экспедиции Г.В. Шишкина) было выбрано городище Дурмен-тепе, расположенное в 19 км западнее Самарканда. Изучение исторической топографии городища Дурмен-тепе, его округи, а также памятников Даргомского ирригационного оазиса в сопоставлении с данными по другим согдийским городам позволило обратиться к проблеме генезиса и динамики согдийских городов (исследователи Г.В. Шишкина, А.И. Наймарк). На территории городища Дурмен-тепе было заложено несколько раскопов, по материалам которых планировалось получить целостное представление об истории города в различных хронологических интервалах. Установлено, что город основан в первые века до н.э. в период после походов Александра Македонского. Претерпевая различные территориальные изменения (отмечается тенденция к сокращению городской площади), город просуществовал до конца периода раннего средневековья.

Исследования в юго-западном углу городища Дурмен-тепе (раскоп 1 – Турт-тепе) выявили остатки монументальных укреплений античного периода (бастион античного города?), место которых в раннее средневековье заняла усадьба, располагавшаяся уже за пределами новых городских стен. Позднее, в XI – начале XII в., на этом же месте, которое представляло собой простую возвышенность, проводили захоронения в деревянных гробах представители тюркского племени, которые, судя по материалам, пришли из районов Южной Сибири (руководители раскопа Г.В. Шишкина, Т.К. Мкртычев, Т.Г. Алпаткина).

Работы на цитадели городища (руководитель А.И. Наймарк) помогли выявить планировку средневекового монументального сооружения (X–XI вв.) с каменным фундаментом и перевязками из древесины, имевшими, по всей видимости, антисейсмический характер.

В результате раскопок на нижней площадке цитадели (руководитель Н.Ю. Вишневская) выявлено поселение, на котором была открыта часть домовладений X–XI вв., содержавших богатый керамический материал.

Раскоп у стены раннесредневекового городища (руководитель З.С. Галиева) показал планировку жилого квартала города VII–VIII вв.

Для определения динамики городской жизни в разных частях городища были выполнены разрезы крепостных стен (руководитель А.И. Наймарк).

Помимо работ на городище Среднеазиатская археологическая экспедиция вела раскопки округи. На одном из них (раскоп 12, руководитель А.А. Яковлев) была получена уникальная коллекция фрагментов штампованных согдийских оссуариев первой половины VII в. н.э. Изучение дурмонтепинских оссуариев Т.К. Мкртычевым и А.И. Наймарком позволило по-новому взглянуть на историю штампованных согдийских оссуариев (Мкртычев Т.К., Наймарк А.И., 1991). Кроме того, на памятниках округи был выявлен интересный погребальный инвентарь, оставленный в XI–XII вв. тюркскими племенами, судя по материалам, возможно, христианами (Шишкина Г.В., 1995). На юге с внешней стороны городской стены выявлен раннесредневековый наус своеобразной конструкции, где осуществлялись захоронения в оссуариях и трупоположения (руководитель А.А. Яковлев) (Наймарк А.И., Яковлев А.А., 1990).

С 1987 г. Среднеазиатская археологическая экспедиция начала работы на городище Варахша в Бухарском Согде. На самом городище было заложено несколько раскопов, на основании материалов которых предполагалось скорректировать полученные ранее данные об истории города. Было продолжено изучение на центральном бугре, в результате чего были выявлены слои X–XI вв. (руководитель Т.К. Мкртычев). Для выяснения характера динамики городской застройки был заложен раскоп с внутренней стороны западной стены (руководитель Н.Ю. Вишневская). Новые интересные данные были получены в результате раскопок на территории Дворца бухархудатов (руководители Т.К. Мкртычев, Т.Г. Алпаткина, З.С. Галиева). Благодаря исследованиям были внесены существенные изменения в планировку айвана, а также выявлена его относительная периодизация.

Во время работ на айване и примыкающих помещениях дворца была собрана уникальная коллекция фрагментов ганчевого декора, украшавшего стены айвана. В ее состав входят как фрагменты различных орнаментальных панно, так и сюжетных композиций – части всадников, человеческих лиц, головы копытных, хищников и другие детали.

В связи с продолжением изучения урбанизационных процессов в Согде экспедиция проводила маршрутное изучение округи Варахши (исследователь Г.В. Шишкина). В этой связи были предприняты раскопки на раннесредневековом замке округи – Талли-пупа, где была найдена резная глина, а также фрагменты настенной живописи (руководитель А.А. Яковлев).

Таким образом, руководствуясь опытом изучения крупнейшего города Согда – Афрасиаба, сотрудниками Сектора была создана концепция научных исследований, которая дала возможность ставить проблемные задачи в исследовании Дурмен-тепе и

Варахши, в результате чего даже за несколько лет неожиданно прерванных работ по-новому осветилась история этих городов и были разрешены некоторые вопросы урбанизации Согда (Самаркандского и Бухарского).

С 1987 г. Музей активирует свое участие в работах Совместной археологической экспедиции на Кара-тепе в Старом Термезе. Каратепинский археологический отряд (руководитель Т.К. Мкртычев) приступил к изучению нового участка (комплекс Е), исследование которого стало значительным этапом в исследовании всемирно известного памятника буддизма (Мкртычев Т.К., 1996). В Результате раскопок был полностью открыт небольшой пещерно-наземный монастырь, построенный в конце I в. н.э. и просуществовавший до начала IV в. н.э. Анализ его планировки в сопоставлении с планировкой ранее изученных каратепинских комплексов позволил предложить новую типологию пещерно-наземных сооружений, а также реконструировать последовательность их возведения, что дало возможность обратиться к проблеме динамики существования буддийского культового центра. Во время работ был получен разнообразный материал, в том числе высокохудожественные образцы глиняно-ганчевой буддийской скульптуры. Особый интерес представляет уникальная орнаментальная живопись, выполненная на стенах пещеры во второй половине VIII в. н.э. (Staviskii B., Mkrtychev T., 1996; Mkrtychev T.K., 1995, Мкртычев Т.К., 1995; 1996; 1998).

С 1989 г. сотрудники Сектора О.Н. Иневаткина и Е.А. Куркина подключались к работе Совместной узбекско-французской экспедиции на городище Афрасиаб под руководством М. Исамитдинова и Ф. Грене, которые стали продолжением многолетнего изучения столицы Согда Г.В. Шишкиной.

Для решения проблемы ранней истории Афрасиаба ими проводилось изучение цитадели городища. В процессе работы О.Н. Иневаткиной был открыт до той поры неизвестный предахеменидский (или раннеахеменидский) период истории города и всего региона, открывающий новую страницу в процессе урбанизации Согда. Важность открытия состоит в том, что данный период впервые связывает Согд с древнеземледельческими культурами юга Средней Азии. Обоснована интерпретация цитадели с прилегающим к ней укреплением как акрополя – городской полифункциональной структуры, что вводит Самарканд в круг городов древнейших цивилизаций (Иневаткина О.Н., 1995).

Большое внимание было уделено изучению городской фортификации. На основании материалов, полученных сотрудниками музея, были выполнены графические реконструкции крепостных стен доэллинистических этапов жизни Самарканда (автор Е.А. Куркина).

Распад СССР в конце 1991 г. кардинальным образом сказался на продолжении археологических работ Сектора. Последняя экспедиция, которая была проведена на основании многостороннего Договора о сотрудничестве между российскими учреждениями (Государственный музей Востока совместно с Эрмитажем и Государственным научно-исследовательским институтом реставрации) и Институтом археологии АН Республики Узбекистан, состоялась на Кара-тепе в Старом Термезе осенью 1994 г. Были начаты новые объекты на южном холме Кара-тепе (комплексы Л.М.), открыты дворы с монументальной скульптурой и настенной живописью (комплекс Л), расчищены входы в пещерные помещения. По окончании сезона узбекская сторона аннулировала подписанные ранее документы, прервав более чем 30-летнюю историю буддийского культового центра. Несмотря на отсутствие официальных соглашений Музея с соответствующими учреждениями в Средней Азии, руководство целого ряда среднеазиатских экспедиций по-прежнему приглашает сотрудников Сектора как специалистов для проведения полевых исследований на многие памятники. В качестве приглашённых специалистов в составе узбекско-французской экспедиции работают на Афрасиабе О.Н. Иневаткина и Е.А. Куркина. Результатами последних лет их раскопок стали новые доказательства существования на городище в древности сложной ирригационной системы.

В связи с предстоящим юбилеем города Хазарасп Хорезмской области (Республика Узбекистан) Областной хакимиат и Хорезмский отдел Института археологии АН РУз разработали долгосрочную программу археологического изучения Южного Хорезма. По приглашению организаторов программы старший научный сотрудник Сектора С.Б. Болелов проводит археологическое изучение памятника Хумбуз-тепе. В процессе работ удалось установить, что он возник в конце VII – начале VI в. до н.э. В это время здесь существовал крупный центр по производству керамики, который, судя по всему, обеспечивал своей продукцией земледельческий оазис, столицей которого являлся Хазарасп. На памятнике открыт самый ранний из ныне известных в регионе обжигательный горн, выявлены остатки мастерских, получен обширный керамический материал, в том числе представительная коллекция терракоты.

Наряду с полевыми исследованиями Сектор активно проводит выставочную деятельность. В конце 80-х годов сотрудники Сектора провели большую работу по подготовке выставки "Культура и искусство древнего Узбекистана", в которой наряду с Музеем участвовали крупнейшие музеи и научно-исследовательские институты Узбекистана, располагающие археологическими коллекциями. К выставке был издан каталог, подготовленный при значительном участии сотрудников Сектора, который до сих пор является наиболее представимой публикацией ряда музейных коллекций Узбекистана.

В 1996 гг. в связи с 70-летием бессменного руководителя Совместной археологической экспедиции на Кара-тепе в Старом Термезе академика РАЕН, доктора исторических наук, проф. Б.Я. Ставиского Сектором была проведена выставка "Буддийские древности Старого Термеза". В 1997–1998 гг. Сектор организовывает выставку "Мифы и ритуалы древнего Приаралья", на которой были продемонстрированы коллекции, полученные в результате многолетних работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции и переданные Институтом этнологии и антропологии РАН на постоянное хранение в Музей Востока.

В 1998 г. Сектор участвовал в торжествах, приуроченных к 75-летию академика АН Таджикистана, доктора исторических наук, проф. Б.А. Литвинского, демонстрируя выставку "Из сокровищницы парфянских царей". На выставке были показаны хранящиеся в музее уникальные ритоны, найденные в 1948 г. на городище Старая Ниса.

Сектор археологии Сибири и Крайнего Севера

В 1987 гг. в Государственном музее Востока была организована Чукотская археологическая экспедиция для проведения охранно-спасательных работ на разрушающихся памятниках Крайнего Севера нашей страны (рис. 3). Одним из крупнейших центров древнеэскимосской культуры I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. является поселение Эквен с прилегающим обширным могильником, расположенное на побережье Берингова пролива в районе мыса Дежнева, в 25 км к югу от пос. Уэлен (Чукотский район Чукотского АО). Раскопки могильника были начаты еще в 1964 г. и продолжались до 1974 г. экспедициями Государственного музея этнографии народов СССР и Института этнографии АН СССР под руководством М.Г. Левина, Д.А. Сергеева и С.А. Арутюнова.

Возобновив в 1987 г. археологические работы в Эквене, Государственный музей Востока поставил перед собой в качестве одной из основных задач комплексное изучение памятника. В работе второй эквенской экспедиции принимали участие сотрудники Институтов археологии и этнологии РАН, палеоэкологи, антропологи, научные сотрудники Чукотского краеведческого музея (г. Анадырь). В 1991 г. в археологических памятниках на Эквене впервые приняли участие иностранные специалисты, а с 1995 г. экспедиция на Чукотке стала международной: в ее работах принимают участие ученые из Швейцарии, Германии, Дании, Канады.

В течение первых семи полевых сезонов раскопки проводились на Западном холме Эквенского могильника. В ходе исследований было выявлено 120 погребений, что с

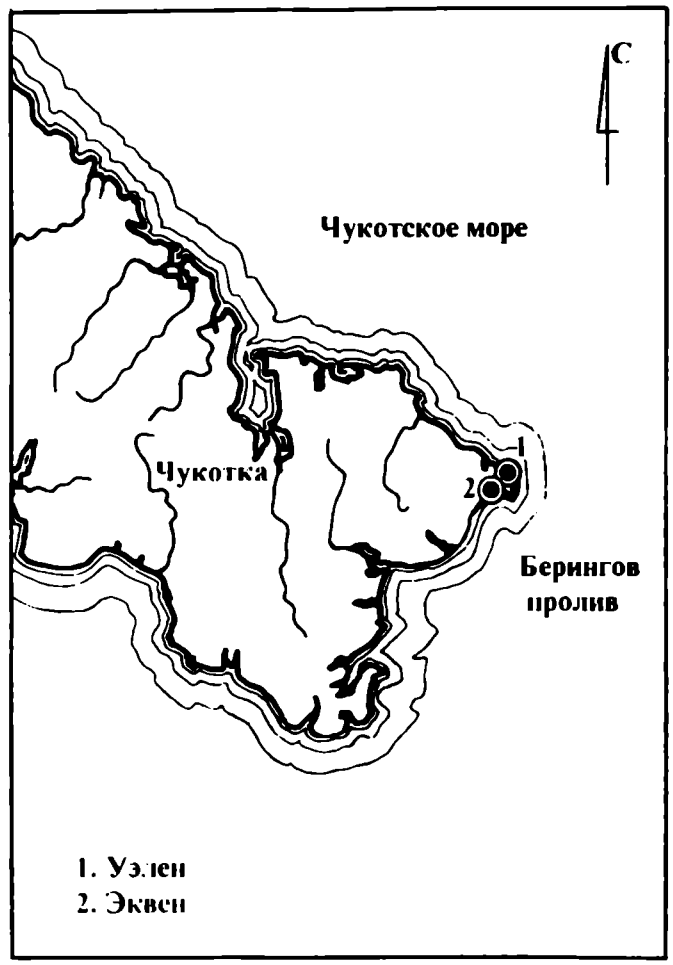


Рис. 3. Карта работ Чукотской археологической экспедиции

ранее изученными комплексами составило 340 погребений, значительная часть которых относится к ранней стадии древнеберингоморской археологической культуры (ДБК-1). Благодаря радиоуглеродным датировкам антропологического материала удалось установить, что продолжительность периода ДБК-1 была значительно большей и охватывала не только конец I тыс. до н.э., но и всю первую половину I тыс. н.э. В ходе работ были получены новые данные о погребальном обряде, охотничьем вооружении, изобразительном искусстве древнеберингоморцев.

Эквенский могильник дал ряд новых материалов, характеризующих бирникскую и пунукскую культурные традиции. В свете новых открытий представляется весьма вероятной гипотеза Г. Банди о существовании на Чукотке особой, не известной в других арктических регионах бирниркско-пунукской археологической общности. Подтвердилось предположение С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева о том, что древнеэскимосские культуры Берингова пролива активно контактировали друг с другом. Типологическое многообразие существовавших синхронно культурных традиций древних морских зверобоев Чукотки и Аляски, постоянные контакты между ними были, вероятно, важными компонентами стратегии выживания первобытных охотников в экстремальной природной среде. Эта гипотеза может быть, на наш взгляд, экстраполирована на другие архаические сообщества и, в частности на палеолитические племена Евразии ледникового периода, с образом жизни которых был, как известно, весьма схож образ жизни неолитических охотников на крупных морских млекопитающих полярных морей.

Начиная с 1995 г., экспедиция занимается исследованием жилых комплексов поселения Эквен, расположенных вдоль береговой линии Берингова пролива на протя-

жении около 250 м и 80–100 м вглубь тундры. Было раскопано жилище полуземляночного типа. Внутри оно представляло собой подквадратное помещение размером 5 × 6 м^2, заглубленное в материк до 0,5 м (до уровня вечной мерзлоты). В центральной части и вдоль стен располагались опорные столбы из дерева и челюстных костей кита. Такой же материал использовался для лаг перекрытия. Стены и кровля были выложены из кусков дерна. Пол жилища вымощен крупными сланцевыми плоскими шлифованными плитами. Воль северо-западной стены была сооружена грунтовая спальная платформа, покрытая деревянными плахами и пластинами из китового уса. А с противоположной восточной стороны находился коридорный вход в жилище, ориентированный в сторону моря. Многочисленные бытовые вещи, найденные внутри жилища, изготовлены из моржового клыка, камня, дерева, китового уса и кожи морских животных и являются значительным дополнением к погребальному инвентарю Эквенского могильника.

Культурная атрибуция жилого комплекса базируется на типологии наконечников гарпунов. Наряду с типичными для бирникской культуры наконечниками в жилище найдены крупные наконечники гарпунов, типологически относящиеся к пунукскому времени. Радиокарбонный анализ позволил датировать последний этап жизни этого комплекса первой половиной IV в. н.э.

Исследования на Эквенском поселении дали возможность выявить конструктивные принципы древнеэскимосской строительной техники. Квадратные в плане полуподземные жилища аналогичной конструкции исследованы Д. Фордом на поселении Бирнирк (м. Барроу). Материал из жилища на Эквене имеет аналоги на этом памятнике (наконечники гарпунов, копьеметалки, скульптурное изображение китов и т.д.), что подтверждает гипотезу о североазиатском происхождении малоизученной культуры Бирнирк, распространенной на территории Чукотки, Аляски Северной Канады.

В результате работ Чукотской экспедиции в Государственном музее Востока собрана одна из крупнейших в мире древнеэскимосских коллекций, состоящая из нескольких тысяч предметов. В 1993–1998 гг. эти материалы неоднократно экспонировались на выставках в музее Востока, а также за рубежом (Германия, Швейцария, Дания). Были изданы каталоги выставок (Leskov A., Müller-Beck H., 1993; Бронштейн М.М. и др., 1997).

По результатам исследования древнеэскимосского памятника Эквен сотрудники музея (Бронштейн М.М., Днепровский К.А., Сухорукова Е.С.) выступали с докладами на международных научных конференциях в Государственном музее Востока (1996 г.) и в Датском Национальном музее (1997 г.). Итогом десятилетних работ Чукотской археологической экспедиции ГМВ явился ряд научных публикаций.

В работах М.М. Бронштейна дан искусствоведческий анализ скульптурного декора древнеберингоморской мелкой пластики, разработаны принципы адаптации различных вариантов культуры древних жителей Чукотского п-ова к арктическим условиям (Бронштейн М.М., 1986; 1988; Bronshtein M., 1993). К.А. Днепровский ввел в научный оборот новые материалы о конструкции жилища бирникской культуры на поселении Эквен, им же исследованы некоторые категории орудий труда древних эскимосов (Днепровский К.А., 1997; 1998). В совместной статье М.М. Бронштейна и К.А. Днепровского предпринята попытка оценки уровня развития древнеэскимосской культуры морских зверобоев в первых веках до н.э. – первых веках н.э. (Бронштейн М.М., Днепровский К.А., 1997). Разработке типологии декора на одной из важнейших категорий предметов древнеэскимосской культуры посвящена работа Е.С. Сухоруковой (1998).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беглова Е.А., 1989. Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки Адыгов. Майкоп.

Беглова Е.А., 1991. Венцы I – поселение эпохи раннего железа Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Беглова Е.А., 1992. Гончарство меотов в V–IV вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск.
Беглова Е.А., 1995. Керамика Закубанья VI–IV вв. до н.э. как исторический источник // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Бронштейн М.М., 1986. Древнеэскимосское искусство как историко-этнографический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Бронштейн М.М., 1988. Скульптурный декор на древнеберингоморских изделиях из кости // Научные сообщения ГМИНВ. Вып. XIX. М.
Бронштейн М.М., Днепровский К.А., 1997. В поисках древней арктической цивилизации // Наука в России. Вып. 10. М.
Бронштейн М.М., Днепровский К.А., Отке Н.П., Широков Ю.А., 1997. Искусство Чукотки. М.
Габуев Т.А., 1994. Погребение аланского воина // Эхо Кавказа. Вып. 2.
Габуев Т.А., 1997. Алано-грузинские отношения в свете аланских вторжений в Закавказье в I–V вв. н.э. // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир; М.
Днепровский К.А., 1988. Об одном из вариантов погребального обряда майкопской культуры // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
Днепровский К.А., 1991. Серегинское поселение эпохи ранней бронзы // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
Днепровский К.А., 1998. К вопросу о гарпунном комплексе древних морских зверобоев Чукотки // Этнограф. обозрение. № 5.
Днепровский К.А., Кореневский С.Н., 1996. Сравнительный анализ керамики Галюгаевского и Серегинского поселения майкопской культуры // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир; М.
Днепровский К.А., Кореневский С.Н., Эрлих В.Р., 1995. Новые погребения "новосвободненской" группы у ст. Костромской в Закубанье // РА. № 3.
Иневаткина О.Н., 1995. Акрополь древнего Самарканда в структуре города (VI в. до н.э. – V в. н.э.) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
Кожухов С.П., 1989. Погребения всадников сарматского времени у аула Тауйхабль в Адыгее // Древний и средневековый Восток. Ч. 2. М.
Кожухов С.П., 1994. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Ксенофонтова И.В., 1986. Бронзовая чаша из 4-го Уляпского кургана // Научные сообщения ГМИНВ. Вып. XVIII. М.
Ксенофонтова И.В., 1988. О семантических влияниях в произведениях декоративно прикладного искусства Северного Причерноморья // Древний и Средневековый Восток. Ч. II. М.
Ксенофонтова И.В., 1992. Античные художественные бронзы из Уляпских (Ульских)//РА. № 2.
Ксенофонтова И.В., 1997. Серебряный ритон с промотой Пегаса из IV Уляпского кургана // ВДИ. № 2.
Лапушнян В.Л., 1988. Впускные погребения из курганов у станицы Пашковской // Материальная культура Востока. Ч. I. М.
Мкртычев Т.К., 1996. Предварительные итоги работ в комплексе Е (1987–1989 гг.) // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. (Кара-тепе 6). М.
Мкртычев Т.К., 1998. К вопросу о живописной традиции буддийских памятников Северной Бактрии кушанского времени // ВДИ. № 3.
Мкртычев Т.К., Наймарк А.И., 1991. Оссуарии // Культура и искусство древнего Узбекистана. Т. 2. М.
Наймарк А.И., Яковлев А.А., 1990. Согдийское погребение с трупоположением из некрополя Дурментепа // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тез. докл. советско-французского коллоквиума. Ташкент.
Носкова Л.М., 1990. Средневековые погребения Ново-Вочепшийского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар.
Носкова Л.М., 1991. Позднесредневековый курганный могильник близ аула Шенджий // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки, 1995. М.
Сухорукова Е.С., 1998. Крылатые предметы из Эквенского могильника. Закономерности художественного оформления и конструктивного устройства // Этнограф. обозрение. № 5.

Сычева Н.С., 1975. Керамика Кара-тепе // Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Сычева Н.С., 1978. Из истории изучения восточной художественной культуры в СССР. М.
Сычева Н.С., Сычев В.Л., 1982. К проблеме семантики изобразительных и декоративных мотивов на Кара-тепе // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки, 1997. М.
Шишкина Г.В., 1995. Несторианское погребение в Согде Самаркандском // Из истории древних культов Средней Азии. Ташкент.
Эрлих В.Р., 1992. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Эрлих В.Р., 1994а. У истоков раннескифского комплекса. М.
Эрлих В.Р., 1994б. Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // РА. № 3.
Эрлих В.Р., Кожухов С.П., 1991. Погребения сарматского времени из курганного могильника Уашхиту II // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
Bronshtein M., 1993. Ekven. Einzigartige archaeologische Fundstate in Nordostasien // Leskov A.M., Muller-Beck H. Arktische Waljager vor 3000 Jahren. München.
I Tesori dei kurgani del Caucaso Settentrionale. Nuove scoperte degli archeologi sovietici nell' Adygeja e nell' Ossezia settentrionale, 1991. Torino.
Leskov A., Muller-Beck H., 1993. Arktische Waljager vor 3000 Jahren. Unbekannte sibirische Kunst. Tubingen.
Mkrtychev T.K., 1995. New Buddhist Sculpture from Kara-tepe // Bulletin of Asia Institute. V. 9.
Staviskii B., Mkrtychev T.K., 1996. Qara-tepe in Old Termez: On the History of the Monument //Bulletin of Asia Institute. V. 10.

Государственный музей искусства
народов Востока, Москва

Критика и библиография

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ КОНЦА 80-х–90-х ГОДОВ XX в. ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ФИННО-УГРОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ (часть 2)

Продолжаются работы и по изучению поволжских финнов. Отрадно сознавать, что новыми изданиями пополнилась серия "Археология и этнография Марийского края", издаваемая МарНИИ языка, литературы и истории. За истекший период вышло пять выпусков с материалами эпохи средневековья.

В сборнике "Археологические работы 1980–1986 гг. в зоне Чебоксарского водохранилища" несколько статей посвящено средневековым памятникам. В.С. Патрушев в публикации Сомовского 1 городища разделил средневековый материал на два периода: до IX–XI вв. и более поздний (Патрушев В.С., 1989).

С результатами раскопок Отарского, Важнангерского и Янгосовского могильников XVI–XVII вв. знакомит Т.Б. Шикаева (Никитина). Тщательный анализ материала позволил ей сделать ряд важных наблюдений. Особое внимание уделено сходству материальной культуры, в частности, погребального обряда марийцев и мордвы. Автор склонна считать, что данное явление стало возможным вследствие непосредственных контактов между этими народами (Шикаева Т.Б., 1989).

О.В. Данилов вводит в научный оборот данные об исследованиях Важнангерского жертвенника. Он интерпретирует этот памятник как место моления ("кереметь") небольшой деревни и датирует его временем около XVI в. Автор представляет археологические источники на широком фоне описания языческих верований марийцев, основанного на этнографических и письменных источниках. Он считает, что полученные материалы отражают широкий спектр средневековых культов, часть из которых уже не прослеживается по описаниям XIX–XX вв. (Данилов О.В., 1989).

Казанский биолог А.Г. Петренко поместила в этот выпуск статью о формировании животноводческой деятельности на территории Среднего Поволжья. Анализируя остеологический материал со средневековых городищ (Алексеевское, Мало-Сундырское, Родановское, Редикорское, Иднакар, Анюшкар и др.), она приходит к выводам, что антропогенный фактор в животноводческой деятельности начинает сказываться в регионе лишь с эпохи Великого переселения народов. По ее мнению, в I тыс. н.э. в жизни обитателей края возрастает роль коня, а в первой половине II тыс. н.э. увеличивается значимость овцеводства (Петренко А.Г., 1989).

В 1990 г. издан сборник "Древности Поветлужья", в котором помещены две статьи Т.Б. Никитиной по материалам могильника "Нижняя Стрелка" X – нач. XII вв. В одной статье автор, основываясь на анализе погребального обряда, подтверждает участие разных компонентов в сложении марийского этноса (Никитина Т.Б., 1990а). Во второй статье эти же тенденции иллюстрируются различными категориями вещевого инвентаря. При этом Т.Б. Никитина отмечает большую близость материальной культуры населения, оставившего могильник, с памятниками финнов Поволжья (Никитина Т.Б., 1990б).

Выпуск 21 "Археологии и этнографии Марийского края" посвящен 60-летию Г.А. Архипова и содержит как статьи обобщающего характера, так и публикации материалов.

К первым относится работа А.Х. Халикова, в которой обосновывается азелинская и ананьинская подоснова марийского народа (Халиков А.Х., 1992).

Ю.А. Зеленеев считает, что ранняя марийская культура складывается в результате перемещения в низовья Оки и на левый берег Волги в I тыс. н.э. населения, оставившего рязанско-окские могильники (Зеленеев Ю.А., 1992).

А.В. Богачев предлагает хронологическую схему для раннесредневековых памятников Среднего Поволжья и Приуралья. Уточненная датировка позволяет сделать выводы и по этнической истории, в частности о времени появления венгров в регионе (Богачев А.В., 1992).

Ю.А. Зеленеев, Т.Б. Никитина, 2000 г.

В.И. Завьялов, проанализировав серию железных изделий из Младшего Ахмыловского могильника V–VII вв., считает, что технология их изготовления близка мордовской технике производства изделий из черных металлов (Завьялов В.И., 1992).

В одной из своих статей, посвященных контактам волжских болгар и финнов Поволжья, Е.П. Казаков отмечает, что наиболее интенсивными периодами в их истории были X–XII вв. и XIII–XV вв. (Казаков Е.П., 1992).

Результатом торговли марийцев и волжских болгар объясняют появление металлической посуды в марийском могильнике IX–XII вв. "Нижняя стрелка" Т.Б. Никитина и К.А. Руденко. По их мнению, эти привозные чаши играли важную роль в погребальной обрядности (Никитина Т.Б., Руденко К.А., 1992).

М.Г. Иванова и Е.М. Черных на примере городища Иднакар приходят к выводу о единой линии развития домостроительства от верхнекамского населения к поломской культуре и далее к чепецкой, а также о сохранении некоторых элементов в традиционном зодчестве удмуртов (Иванова М.Г., Черных Е.М., 1992).

Материалы Юльяльского могильника XIV–XV вв. опубликованы В.В. Никитиным (1992).

Данные по погребальной обрядности удмуртов XVI–XIX вв. систематизированы в статье Н.И. Шутовой. В ней она отмечает, что особенности погребального обряда удмуртов проявляются в сходстве с обрядом коми и поволжских финнов, и объясняет это географическим положением этих народов в финно-угорском мире (Шутова Н.И., 1992).

Очередной 23 выпуск целиком посвящен проблемам средневековой археологии волжских финнов, обсуждавшимся на полевом симпозиуме. В нем помещены статьи, в которых на конкретном археологическом материале решаются определенные, чаще всего локальные, вопросы истории финнов Поволжья.

Так, Т.Б. Никитина выделяет ряд проблем, возникающих при изучении городищ Марийского Поволжья III–XIII вв.: хронология, происхождение населения, оставившего эти городища, их этническая принадлежность (Никитина Т.Б., 1994).

А.И. Шадрин, анализируя изделия из железа, происходящие из памятников I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., предполагает, что технологии изготовления этих предметов являются результатом заимствований. По его мнению, у марийцев не сложился комплекс деревенского кузнечества (Шадрин А.И., 1994).

А.Е. Леонтьев отмечает появление новой системы расселения в районах озер Плещеево и Неро, которая сформировалась здесь в мерянскую эпоху, т.е. в VII–XI вв., и не имеет сходства с предшествующей ей системой расселения дьяковского периода (Леонтьев А.Е., 1994).

Полевые материалы Желтухинского могильника публикуются в статье А.В. Уткина и В.Ф. Черникова. Авторы датируют памятник VI–VII вв. и относят его к муромской культуре (Уткин А.В., Черников В.Ф., 1994).

Н.А. Кокорина выделяет группы керамики Волжской Болгарии, имеющей финно-угорское происхождение или изготовленной под влиянием финно-угорских традиций. Она считает, что наличие такой посуды позволяет говорить о сложном этническом составе этого региона в средние века (Кокорина Н.А., 1994).

Е.П. Казаков проанализировал круглодонную керамику средневековых памятников Волго-Камья. По его мнению, на заключительных этапах существования эта керамика сохраняется только в лесостепных памятниках чияликской культуры XII–XIV вв. и связана с уграми Урала, имеющими непрочную оседлость. Для подтверждения археологических материалов автор использует письменные источники (Казаков Е.П., 1994).

Металлическая посуда, найденная в Кузьминском могильнике XI–XIII вв. и на городище Иднакар IX–XIII вв., по мнению М.Г. Ивановой и К.А. Руденко, изготовлялась удмуртскими мастерами, но истоки приемов ее изготовления скорее всего среднеазиатские (Иванова М.Г., Руденко К.А., 1994).

В.В. Гришаков продемонстрировал возможность применения периодизации керамики погребальных комплексов для датировки поселенческих материалов. По его данным, верхний слой Ахунского городища нужно датировать второй половиной X – первой половиной XI вв. (Гришаков В.В., 1994).

Л.Д. Макаров показывает истоки русского заселения бассейна реки Пижмы и раскрывает причины сложения здесь полиэтнической ситуации (Макаров Л.Д., 1994).

Сборник "Археология и этнография Марийского края" (выпуск 24) посвящен публикации новых материалов по археологии Среднего Поволжья. Раздел по средневековой эпохе представлен статьей Т.Б. Никитиной. Автор исследует систему расселения марийцев в XIII–XV вв. и приходит к выводу, что она представляет собой патронимическую группу из нескольких поселений, могильника и мольбища (Никитина Т.Б., 1995).

Археологические материалы по позднесредневековой археологии и истории марийцев обобщила в своей монографии Т.Б. Никитина. Ею были изучены 1268 погребальных комплексов конца XVI – начала XVIII вв., реконструирован погребальный обряд, созданы классификация и типология погребального инвентаря. На основании изучения археологических, письменных, а также этнографических данных выделены три локальные группы марийских могильников этого времени и определена территория расселения мари. Используя комплексный анализ погребальных комплексов, Т.Б. Никитина пытается выделить специфические черты марийской культуры в эпоху позднего средневековья и установить место марийских могильников среди синхронных памятников Волго-Камья (Никитина Т.Б., 1992).

Большое значение для продолжения и развития археологических работ в Марийском Поволжье имело издание второго тома "Атласа археологических памятников Республики Марий Эл", который содержит сведения о памятниках раннего железного века – средневековья (Архипов Г.А., Никитина Т.Б., 1993). В "Атласе" помещены данные о 245 памятниках этого периода, составлены карты распространения археологических культур с привязкой всех упомянутых в тексте археологических объектов.

Три сборника с материалами по средневековой археологии выпустил в 90-е годы МарГУ. В 1990 г. был издан сборник "Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья", в котором в основном представлены публикации новых материалов и, частично, их анализ.

Изучая погребальный обряд мордвы V–XI вв., Ю.А. Зеленов выделил модели обряда, которые формируются в соответствии с местными традициями и результатами этнокультурных влияний (Зеленеев Ю.А., 1990).

Материалы раскопок мордовского могильника Красное 3 (конец VI – начало VIII вв.) в бассейне реки Теши опубликовали С.И. Алексеев, Ю.А. Зеленеев и В.Н. Мартьянов (Алексеев С.И. и др., 1990).

В.В. Гришаков проанализировал конские захоронения Чулковского могильника и пришел к выводу о существовании преемственности между захоронениями коней в Андреевском кургане и в могильниках волжских финнов V–X вв. (Гришаков В.В., 1990а).

Результаты раскопок поселения XIV вв. Шаверки IV, расположенного в Среднем Примокшанье, представлены в публикации авторов полевых работ. На поселении вскрыта крестьянская усадьба с жилой и хозяйственными постройками, погибшие в результате военных действий. Материалы дают возможность говорить о проникновении в этот регион русского населения (Аксенова Т.В. и др., 1990).

Опираясь на археологические, письменные и этнографические источники, О.В. Данилов ставит вопрос о сочетании в культах мари XVI–XIX вв. определенных черт религиозных представлений родового строя и новых представлений зарождающегося феодального общества (Данилов О.В., 1990).

В 1994 г. вышел в свет сборник "Историко-археологическое изучение Поволжья". В статьях, помещенных в этом издании, рассматривается широкий круг проблем, в том числе и по средневековой археологии финно-угров.

К числу историографических работ можно отнести статью О.В. Данилова, анализирующую взгляды А.П. Смирнова на марийское язычество (Данилов О.В., 1994). Истории изучения раннесредневековых мордовских могильников посвящена статья Ю.А. Зеленеева (Зеленеев Ю.А., 1994).

Новые взгляды на этногенез веси изложил А.Н. Башенькин. Он предполагает, что в ее формировании большую роль сыграли волго-окские и волго-камские финны. Возможно даже, что вепсы не являются прямыми потомками средневековой веси, имевшей явный волжско-финский облик культуры (Башенькин А.Н., 1994).

На основе изучения технологии изготовления изделий Больше-Тиганского могильника Ю.А. Семыкин и Н.Н. Терехова отмечают контакты проживавших в Прикамье венгров с болгарскими мастерами (Семыкин Ю.А., Терехова Н.Н., 1994).

Появление мечей X–XI вв. на территории Мордовии В.Н. Шитов объясняет следствием княжеской экспансии, происходившей по волжскому пути (Шитов В.Н., 1994).

Систему удмуртских средневековых знаков собственности, пусов, опубликовала О.В. Арматынская, которая считает, что они могут являться источником по изучению воршудно-родовой структуры.

В "Материалах и исследованиях по археологии Поволжья" Марийского университета (1998) две статьи посвящены финно-угорской тематике.

Торговые связи между Марийским Поволжьем и Волжской Болгарией в X–XI вв. на материалах металлической посуды прослеживают Т.Б. Никитина и К.А. Руденко (1998).

С материалами могильника мордвы-эрзи XI–XIII вв. Заречное II знакомит В.Н. Мартьянов (1998).

Учебное пособие по археологии муромы подготовлено В.В. Гришаковым и Ю.А. Зеленеевым. На основе обобщения известного археологического материала авторы попытались раскрыть этнокультурные особенности этого народа. Изложение идет по отдельным категориям археологических источников: поселения и могильники, женский и мужской костюмы, вооружение и снаряжение верхового коня, орудия труда и посуда. Исследователи дают четкие датировки комплексов материальной культуры и фактически представляют динамику развития этнической культуры. Авторами высказан ряд гипотез о происхождении муромы (Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А., 1990).

С 1994 г. в Йошкар-Оле выходит ежеквартальный журнал "Финно-угроведение", в котором печатаются статьи по различным отраслям наук, изучающих финно-угорские этносы. С археологической тематикой связаны статьи обобщающего характера о генезисе угорской общности (Могильников В., 1994), о роли женщины в древнеудмуртском обществе (Шутова Н., 1995), об итогах изучения древнепермского жилища (Черных Е., 1995), о язычестве и христианстве у Камско-Вятского населения в средние века (Макаров Л., 1996), об истоках марийского этноса (Никитина Т., 1996), о прибалтийско-финской языковой общности (Седов В., 1997), а также публикации археологического материала: сюльгамы из среднецнинских могильников (Зеленцова О., 1996), металлическая посуда из финно-угорских археологических памятников Поволжья и Приуралья (Руденко К., 1997; 1998) и т.д.

Журнал постоянно откликается на новые издания в области финно-угроведения. Так, в нем были отрецензированы книги В.С. Патрушева (Кузьминых С., Напольских В., 1994), М.Г. Ивановой (Зеленев Ю., 1995), Н.Н. Агафоновой, А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой (Истомина Э. и др., 1997), "Атлас археологических памятников Республики Марий Эл" (Кузьминых С., 1994), "Археология Республики Коми" (Никитин В., Никитина Т., 1998).

В 1989 г. вышел сборник "Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: материалы работ Волго-Окской экспедиции", подготовленный по результатам раскопок средневековых памятников у д. Попово на р. Унже и разведок в верховьях р. Мсты (Исланова И.В., Бодунов Е.В., 1989). В научный оборот вводятся новые сведения по Поповскому городищу второй половины I тыс. н.э. (Леонтьев А.Е., 1989), оставленному одной из племенных группировок летописной мери, могильнику и селищу третьей четверти I тыс. н.э. (Рябинин Е.А., 1989). По керамике, насчитывающей около 10 тыс. фрагментов, Н.Г. Самойлович (1989) предполагает, что население Поповского городища в этническом отношении было неоднородно. По железным изделиям из археологического комплекса у д. Попово (Леонтьев А.Е. и др., 1989) выделены две хронологические группы (VI–VII вв. и IX в.).

Прекрасная обработка археологических материалов, включенных в этот сборник, сделала их ценными источниками для последующих исторических выводов в монографических исследованиях "Археология Костромской земли" и "Археология мери".

"Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси" издана в серии "Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья" (Леонтьев А.Е., 1996). В работе обобщены ранее известные археологические данные и существующие точки зрения на историю и археологию мери, а также введен в научный оборот большой фонд новых археологических источников. На их основе многие вопросы в истории этого народа решаются иначе, чем у предшественников. Вопреки устоявшемуся мнению, автор этого издания ставит под сомнение гипотезу об автохтонности мери и ее генетической связи с населением дьяковской культуры раннего железного века и предлагает свой вариант решения этой проблемы. По его мнению, в VI–VII вв. в Волго-Клязьминском междуречье появились финские племена из бассейна р. Оки, которые по материальной культуре близки мурому, мордве и в меньшей степени мер. Убедительно разделение автором мерянской этнической территории на четыре группы – бассейны озер Неро и Плещеево, Суздальско-Юрьевское ополье, Западное Поволжье, Костромское Поволжье. У населения первых двух групп заметны общие элементы культуры и традиционные связи с муромой. Своеобразие культурного облика населения Поволжья в ранний период во многом определяется контактами с позднедьяковскими племенами, а финны Костромского Заволжья обнаруживают более тесные контакты с соседними марийцами. Историю мери автор рассматривает как предысторию Северо-Восточной Руси.

К числу работ, обобщающих историко-культурное развитие региона, относится книга "Археология костромского края" (Кострома, 1997). Ее разделы "Железный век" (А.Е. Леонтьев) и "Эпоха древней Руси" (Е.А. Рябинин) содержат материалы по средневековой археологии финнов Костромского Поволжья. А.Е. Леонтьев считает, что мерянское население пришло сюда из окского бассейна в VI–VII вв. и прекратило свое существование после XI в. в

результате славянского расселения. По мнению Е.А. Рябинина, часть местного финского населения вошла в состав русского этноса данного региона, хотя он считает, что не нужно преувеличивать роль финнов в сложении русских Костромского Поволжья.

Керамика финно-угорских племен правобережья Волги эпохи раннего средневековья обобщена в монографии В.В. Гришакова (1993). Это исследование вводит в научный оборот керамический массив II–XI вв. из 10 территориально-хронологических групп памятников. Андреевский курган II – начала III вв., могильники кошибеевского типа III–V вв., рязано-окские III–VII вв., нижнеокские VII–XI вв., пензенские II–VII вв., среднецнинские VII–XI вв., памятники в бассейне р. Теша и Среднего Примокшанья VII–XI вв., Абрамовский IV–VIII вв., Безводнинский V – пер. пол. VIII вв., Шокшинский VI–XI вв. могильники. Широкий хронологический и территориальный диапазон исследования позволил автору разработать единую классификацию поволжско-финской керамики, выделить очаги керамического производства и проследить динамику развития керамических традиций. Предложенная им типология вызывает доверие, поскольку она сделана в основном на систематизации целых форм сосудов с учетом количественных (пропорций) и качественных (форма тулова, характер перехода от плечика к горлу, форма горла, декор, состав формовочных масс) признаков. Основываясь на типологии и хронологии керамического материала поволжско-финских племен в I тыс. н.э., В.В. Гришаков выделяет три фазы в развитии керамических традиций и предлагает свою реконструкцию этнокультурных процессов на рассматриваемой территории. Первая фаза характеризуется относительно независимым существованием трех очагов (присурского, рязанско-окского, поволжско-тешского), что свидетельствует о различных путях их формирования, хотя автор признает общую генетическую основу в городецкой культуре. На второй фазе (V – начало VIII вв.) на основе керамических традиций Безводнинского могильника начинает формироваться нижнеокский очаг, который функционирует на третьей фазе и связан с собственно муромским союзом племен. Третья фаза характеризуется зарождением цнинско-вадского очага, который вначале развивался под мощным воздействием рязанско-окских, а затем армиевских традиций, и к концу третьей фазы оформился в древнемокшанское население.

Во многом его схема подтверждает или уточняет ранее высказанные точки зрения, тем не менее на ряд проблем автор предлагает свое оригинальное решение. Таковы выводы В.В. Гришакова о влиянии мошинских традиций на керамическое производство населения, оставившего ранние комплексы нижнеокских могильников, о восточнобалтском происхождении носителей культуры Тезиковского могильника. Как было справедливо отмечено в рецензии И.В. Белоцерковской, "часть этих выводов в настоящее время может рассматриваться пока лишь в качестве перспективной для дальнейшей работы гипотезы, требующей всесторонней аргументации на базе анализа не только керамики, но и погребального обряда" (Белоцерковская И.В., 1996, с. 222).

Мордовский НИИЯЛИЭ в 90-е годы выпустил три сборника трудов. В 1990 г. был издан сборник "Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья". В нем публикуются результаты раскопок некоторых памятников и анализируются отдельные категории археологического материала. Одной из таких категорий стали бусы Абрамовского могильника, которые классифицированы Н.А. Акимовым и В.В. Гришаковым. По их мнению, наиболее ранние типы бус датируются рубежом III–IV вв., поздние же относятся к концу VII – началу XIII вв. (Акимов Н.А., Гришаков В.В., 1990).

В.В. Гришаков в статье о керамике пытается доказать тезис о преемственности в развитии среднецнинской мордвы от более ранней древнемордовской культуры верховьев Суры и Мокши. Он считает, что в начальный период существования среднецнинских могильников, т.е. в VII–VIII вв., при сложении керамического комплекса сказывалось рязанско-окское влияние (Гришаков В.В., 1990б).

Остальные статьи сборника посвящены результатам полевых исследований. В.Н. Шитов публикует два погребения Шокшинского могильника с монетами (Шитов В.Н., 1990), В.Н. Мартьянов – материалы раскопок мордовского могильника IX–XII вв. Личадеево V (Мартьянов В.Н., 1990), а коллектив авторов – результаты раскопок Стародевического могильника XI–XIII вв. (Петербургский И.М. и др., 1990). Материалы разведочных исследований Мордовско-Козловского могильника VIII–IX вв. и Степановского могильника X–XI вв. представлены в статье В.Н. Шитова и Я.В. Беляева (Беляев Я.В., Шитов В.Н., 1990).

В 1992 г. увидел свет сборник "Древние поселения Примокшанья", в котором содержатся статьи и по средневековой тематике: В.Н. Шитова и В.Д. Артемовой о двух мечах XI в. западноевропейских типов (Артемова В.Д., Шитов В.Н., 1992), по Старокадомскому поселению (Шитов В.Н., 1992а), о керамике Итяковского городища (Гришаков В.В., 1992а).

В том же году издан еще один сборник статей "Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье", в котором продолжается публикация отдельных категорий археологических находок и целых археологических комплексов. О.В. Зеленцова классифицирует и датирует шейные гривны среднецнинской мордвы (Зеленцова О.В., 1992). В двух заметках представлены находки оружия в мордовских могильниках меча X в. в Шокшинском могильнике (Шитов В.Н., 1992б), двух сабель XII в. в Мордовско-Паркинском могильнике (Гришаков В.В., 1992б). В.Н. Мартьянов публикует конские захоронения XII–XIII вв. из мордовских могильников бассейна реки Теша, предполагая, что подобные захоронения имеют истоки в более ранних могильниках финнов Поволжья (Мартьянов В.Н., 1992).

В сборнике продолжена публикация раскопок Стародевического могильника. Авторы исследования приходят к выводу, что он существовал в XI–XIV вв., а не в XI–XIII вв., как они считали ранее (Петербургский И.М., Первушкин В.И., 1992).

Предыдущая часть обзора относилась к работам, посвященным средневековой археологии поволжских и пермских финнов или культур, связанных с тем или иным этносом.

Но имеется серия изданий, содержащих информацию практически по всей финно-угорской общности. Одной из таких работ является учебное пособие А.Х. Халикова "Основы этногенеза народов Поволжья и Приуралья". Первая часть, связанная с проблемами происхождения финноязычных народов, издана Казанским университетом в 1991 г. В этой работе наряду с подробной историографией излагаются взгляды автора на происхождение и раннесредневековую историю мордвы, марийцев, удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян. Кроме того, на страницах этого издания высказаны ряд позиций, не соответствующих общепринятым построениям этногенеза поволжских и пермских: а) поломская и ломоватовская культуры не связаны с финско-пермским этносом, а представляют тюркоязычное население; б) чепецкие памятники и собственно северные удмурты не имеют прямой связи; в) в основе древнемарийского этноса лежат не городецкий, а азелинский субстрат и т.д. Подобные утверждения подкреплены определенной системой доказательств и делают издание остродискуссионным.

На полное освещение истории финно-угорских народов претендует монография "Финно-угры России" (Патрушев В.С., 1992). В этой книге эпохе средневековья уделено три главы (гл. 11–13) и частично об этом периоде речь идет в главе 14. Принципиальной новизны данный материал не несет. Книга в основном повторяет в сокращенном варианте главы из тома "Финно-угры и балты в эпоху средневековья" из серии "Археология СССР". Но нужно отметить, что при постановке вопросов происхождения поволжских финнов: мари, мери, муромы – автор предлагает свое решение проблемы. Истоки этих этносов исследователь видит в финноязычном населении ахмыловского облика. При этом автор не уточняет, о каком "Ахмылово" идет речь: населении, оставившем Старший Ахмыловский могильник раннего железного века или Младший Ахмыловский могильник VI–VII вв. н.э. При освещении эпохи средневековья это уточнение имеет довольно существенное значение. Судя по предыдущим главам, очевидно, что автор все же делает ставку в этногенезе финноязычных поволжских народов на Старший Ахмыловский могильник, забывая, что между этим памятником и летописными народами хронологический хиатус в тысячу лет.

Обсуждение, проверка гипотез и знакомство с новыми открытиями и полевыми материалами происходит на конференциях, совещаниях, симпозиумах. Среди археологов Поволжья и Приуралья всегда пользовались большой популярностью Уральские археологические совещания, которые также сыграли значительную роль в подготовке научных кадров и сохранении преемственности научных традиций в регионе.

Публикация материалов XI Уральского археологического совещания, посвященного памяти выдающегося археолога финно-угроведа А.П. Смирнова, осуществлена в сборнике КомиНЦ УрО РАН "Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья" (Сыктывкар, 1992). Сборник открывается публикацией докладов, содержащих оценку научного вклада А.П. Смирнова в археологию Поволжья и Приуралья (Савельева Э.А., 1992; Архипов Г.А., 1992), зачитанных на пленарном заседании. Тезисы А.П. Смирнова "о финских феодальных городах" и вопросы социальной организации финно-угорских народов получили стройное развитие в статье М.Г. Ивановой (1992). На секции "Эпоха железа и средневековья" были рассмотрены вопросы материальной культуры, хозяйства, производственных традиций преимущественно населения Верхнего Прикамья и Приуралья.

XII Уральское археологическое совещание нашло отражение в сборнике "Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала" (Екатеринбург, 1993). Финно-угорская тематика эпохи средневековья охватывала теоретические и методические аспекты исследований археологических культур Вятского, Волго-Камского, Чепецкого регионов.

Проблемы по средневековой археологии Поволжья и Приуралья вызвали оживленный интерес и дискуссии на Международных конгрессах финно-угроведов. Результаты этих симпозиумов регулярно освещаются на страницах журнала "Российская археология", поэтому мы на них не будем останавливаться (Седов В.В., 1992; 1996).

Археологическая тематика достаточно широко была представлена (46 докладов) на I Всероссийской конференции финно-угроведов, 21 из них посвящен проблемам средневековой археологии поволжских и пермских финнов. Все они носили обобщающий характер и касались наиболее интересных, а иногда и спорных вопросов истории финно-угорских народов и подготовлены с учетом новых археологических изысканий, широко развернутых в Поволжье и Прикамье в 80–90-е годы. Это вызвало оживленную дискуссию. В докладах Г.А. Архипова (1995), Е.А. Рябинина (1995), А.Е. Леонтьева (1995), Р.Д. Голдиной (1995), Э.А. Савельевой (1995) обобщены материалы и точки зрения различных археологических школ и предложены свои пути решения этнических проблем, поэтому эти доклады представляли значительный проблемный и историографический интерес. В других докладах также рассматривались вопросы этнических и культурных взаимоотношений финно-угорских народов в своей среде и с соседями на различных этапах исторического пути. Доклады, прочитанные на пленарном заседании, опубликованы в полном объеме в журнале "Финно-угроведение" (1995, № 4), а тезисы секционных выступлений – в сборнике "Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов" (Йошкар-Ола, 1995).

Марийский Государственный университет
Марийский научно-исследовательский
институт литературы, языка и истории,
Йошкар-Ола

Ю.А. Зеленеев,
Т.Б. Никитина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимов Н.А., Гришаков В.В., 1990. Бусы Абрамовского могильника // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск.

Аксенова Т.В., Зеленеев Ю.А., Шакиров А.Г., 1990. Поселение Шаверки IV // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.

Алексеев С.И., Зеленеев Ю.А., Мартьянов В.Н., 1990. Могильник Красное III // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.

Артемова В.Д., Шитов В.Н., 1992. Два меча XI века из Темниковского Примокшанья // Древние поселения Примокшанья. Саранск.

Архипов Г.А., 1992. Этногенез и этническая история волжских финно-угров в трудах А.П. Смирнова // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Архипов Г.А., 1995. Этногенез финно-угорских народов Поволжья // ФУ. № 4.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б., 1993. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Ранний железный век и средневековье. Вып. 2. Йошкар-Ола.

Башенькин А.Н., 1994. Восточнофинские компоненты культуры веси в I – начале II тыс. н.э. // Историко-археологическое Поволжье. Йошкар-Ола.

Белоцерковская И.В., 1996. Рец.: Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен Правобережья Волги в эпоху раннего средневековья // РА. № 3.

Беляев Я.В., Шитов В.Н., 1990. К истории древней мордвы Среднего Примокшанья // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск.

Богачев А.В., 1992. К хронологии погребальных комплексов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья IV–VIII веков // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола.

Голдина Р.Д., 1995. Финно-пермские племена и их соседи: основные этапы взаимодействия // ФУ. № 4.

Гришаков В.В., 1990а. Конские погребения VIII – первой половины X веков Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.

Гришаков В.В., 1990б. Керамика среднецнинской мордвы // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск.

Гришаков В.В., 1992а. Керамика Итяковского типа // Древние поселения Примокшанья. Саранск.

Гришаков В.В., 1992б. Два погребения с саблями из Мордовско-Паркинского могильника // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск.

Гришаков В.В., 1993. Керамика финно-угорских племен Правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола.

Гришаков В.В., 1994. О времени средневекового слоя Ахунского городища в Верхнем Присурье // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 3. Йошкар-Ола.

Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А., 1990. Мурома VII–XI веков. Йошкар-Ола.

Данилов О.В., 1989. Важнангерский жертвенник и некоторые черты марийского язычества // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК. Вып. 15. Йошкар-Ола.

Данилов О.В., 1990. Языческие культы мари в XVI–XIX вв. (к постановке вопроса) // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.

Данилов О.В., 1994. А.П. Смирнов и вопросы марийского язычества (к культу великой матери рождения) // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.

Завьялов В.И., 1992. Технико-технологические характеристики железных предметов из Младшего Ахмыловского могильника // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола.

Зеленеев Ю.А., 1990. Основные модели погребального обряда мордвы V–XI веков // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.

Зеленеев Ю.А., 1992. Новые элементы в материальной культуре Марийского Поволжья в IV–VII веках // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола.

Зеленеев Ю.А., 1994. Задачи изучения мордовской погребальной обрядности VI–X веков и история накопления источников // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.

Зеленеев Ю., 1995. Рец.: Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994. 192 с. // ФУ. № 3–4.

Зеленцова О.В., 1992. Шейные гривны среднецнинской мордвы // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск.

Зеленцова О., 1996. Сюлгамы среднецнинских могильников // ФУ. № 3.

Иванова М.Г., 1992. О социальной типологии чепецких городищ конца I – начала II тыс. н.э. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Иванова М.Г., Руденко К.А., 1994. Медная посуда из древнеудмуртского могильника у деревни Кузьмино и ее этнокультурные параллели // Археология и этнография Марийского края. Вып. 23. Йошкар-Ола.

Иванова М.Г., Черных Е.М., 1992. Жилые сооружения городища Иднакар IX–XIII веков // Археология и этнография Марийского края. Вып. 21. Йошкар-Ола.

Исланова И.В., Бодунов Е.В., 1989. Памятники эпохи раннего железа и средневековья верховьев Мсты // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: материалы работ Волго-Окской экспедиции. М.

Истомина Э., Кокорина Н., Кузьминых С., 1997. Рец.: Агафонова Н.Н., Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века (учебное пособие). Пермь, 1996. 176 с., с ил.. // ФУ. № 1.

Казаков Е.П., 1992. Этапы взаимодействия волжских болгар с финнами Поволжья // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола.

Казаков Е.П., 1994. Об этнокультурных истоках круглодонной керамики средневековых памятников Волго-Камья // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. АЭМК. Вып. 23. Йошкар-Ола.

Кокорина Н.А., 1994. О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 23. Йошкар-Ола.

Кузьминых С., 1994. Рец.: Никитин В.В., Соловьев Б.С. Атлас археологических памятников Марийской ССР: Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 1. 244 с.; Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл: Ранний железный век и средневековье. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 2. 152 с. // ФУ. № 2.

Кузьминых С., Напольских В., 1994. Рец.: Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола, 1992 // ФУ. № 1.

Леонтьев А.Е., 1989. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: материалы работ Волго-Окской экспедиции. М.

Леонтьев А.Е., 1994. Дьяковские и мерянские поселения озер Неро и Плещеево (системы расселения) // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 3. Йошкар-Ола.

Леонтьев А.Е., 1995. О времени появления мери на берегах озер Неро и Плещеево // ФУ. № 4.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.

Леонтьев А.Е., Розанова Л.С., Рябинин Е.А., 1989. Железные изделия городища и могильника у д. Попово // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: материалы работ Волго-Окской экспедиции. М.

Макаров Л.Д., 1994. Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 23. Йошкар-Ола.

Макаров Л., 1996. Язычество и христианство в духовной жизни населения Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего междуречья // ФУ. № 2.

Мартьянов В.Н., 1990. Могильник Личадеево V // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск.

Мартьянов В.Н., 1992. Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья реки Теши в конце I – начале II тысячелетий нашей эры // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск.

Мартьянов В.Н., 1998. Могильник Заречное II // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола.

Могильников В., 1994. К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // ФУ. № 1.

Никитин В.В., 1992. Юльяльский могильник XIV – начала XV веков // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола.

Никитин В., Никитина Т., 1998. Рец.: Археология Республики Коми // ФУ. № 1–2.

Никитина Т.Б., 1990а. Погребальный обряд могильника "Нижняя стрелка" // Древности Поветлужья. АЭМК. Вып. 17. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б., 1990б. Инвентарь могильника "Нижняя стрелка" // Древности Поветлужья. АЭМК. Вып. 17. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б., 1992. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.). Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б., 1994. Средневековые городища Волго-Вятского междуречья: проблемы и перспективы изучения // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 23. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б., 1995. О характере расселения марийцев во II тыс. н.э. на примере Мало-Сундырского городища и его округи // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 24. Йошкар-Ола.

Никитина Т., 1996. К вопросу об истоках марийского этноса // ФУ. № 2.

Никитина Т.Б., Руденко К.А., 1992. Чаши из могильника "Нижняя стрелка" // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б., Руденко К.А., 1998. Металлическая посуда могильника "Нижняя Стрелка" // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола.

Патрушев В.С., 1989. Сомовское 1 городище // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК. Вып. 15. Йошкар-Ола.

Патрушев В.С., 1992. Финно-угры России. Йошкар-Ола.

Петербургский И.М., Аксенова Т.В., Гришаков В.В., Первушкин В.И., 1990. Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск.

Петербургский И.М., Первушкин В.И., 1992. Стародевический могильник (раскопки 1989–1990) // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск.

Петренко А.Г., 1989. К вопросу исследования исторических особенностей формирования животноводческой деятельности на территории лесной зоны Среднего Поволжья // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК. Вып. 15. Йошкар-Ола.

Руденко К., 1997. Металлические котлы из финно-угорских археологических памятников Поволжья и Приуралья V–XIV вв. н.э. // ФУ. № 2.

Руденко К., 1998. Об одном рисунке на бронзовой чаше из древнемарийского Веселовского могильника // ФУ. № 1–2.

Рябинин Е.А., 1989. Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: материалы работ Волго-Окской экспедиции. М.

Рябинин Е.А., 1995. Некоторые итоги изучения финно-угорских племен Северо-Западной Руси (летописная водь и ижора) // ФУ. № 4.

Савельева Э.А., 1992. Роль А.П. Смирнова в развитии финно-угорской археологии Приуралья // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Савельева Э.А., 1995. Этническая история Европейского северо-востока в эпоху средневековья // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола.

Самойлович Н.Г., 1989. Керамика Поповского городища // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: материалы работ Волго-Окской экспедиции. М.

Седов В.В., 1992. VII Международный конгресс финно-угроведов (археологическая проблематика) (Дебрецен, 1990) // РА. № 1.

Седов В.В., 1996. VIII Международный конгресс финно-угроведов (археологическая проблематика). (Финляндия, Ювяскюля, 1995) // РА. № 4.

Седов В., 1997. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // ФУ. № 2.

Семыкин Ю.А.,Терехова Н.Н., 1994. Технология изготовления кузнечных изделий древних венгров по материалам Больше-Тиганского могильника (VIII – 1-я половина IX веков) // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.

Уткин А.В., Черников В.Ф., 1994. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. АЭМК. Вып. 23. Йошкар-Ола.

Халиков А.Х., 1991. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. 1. Происхождение финноязычных народов. Казань.

Халиков А.Х., 1992. Об азелинско-ананьинской подоснове этногенеза марийского народа // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола.

Черных Е., 1995. Некоторые итоги изучения древнепермского жилища (по материалам I тыс. до н.э. – первой пол. II тыс. н.э.) // ФУ. № 3–4.

Шадрин А.И., 1994. Вопросы анализа морфологии и производства железных предметов I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Волго-Камья // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. АЭМК. Вып. 23. Йошкар-Ола.

Шикаева Т.Б., 1989. Могильники XVI–XVII вв. // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК. Вып. 15. Йошкар-Ола.

Шитов В.Н., 1990. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск.

Шитов В.Н., 1992а. Старокадомское поселение // Древние поселения Примокшанья. Саранск.

Шитов В.Н., 1992б. Меч с клеймом Ulfberht из Шокшинского могильника // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск.

Шитов В.Н., 1994. Мечи X–XI вв. на территории Мордовии // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.

Шутова Н.И., 1992. Погребальная обрядность финноязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола.

Шутова Н., 1995. Роль женщины в древнеудмуртском обществе // ФУ. № 2.

Т.М. ПОТЕМКИНА, В.А. ЮРЕВИЧ. ИЗ ОПЫТА АРХЕОАСТРОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ (методический аспект). М., 1998. 52 с.

Выпущенная отдельным изданием названная выше работа представляется вполне актуальной для современного этапа существования отечественной археологии. В России к пониманию необходимости заниматься астрономическими аспектами археологических памятников – по крайней мере, некоторых видов последних – пришли сравнительно недавно, в конце 1980-х годов, т.е. с запозданием лет на двадцать относительно западной археологии. Это тем более досадно, что на самом деле некоторым российским археологам, следящим за трудами западных коллег, работы по археоастрономии были известны еще как минимум с конца 1960-х годов, а работы Дж. Хокинса, касающиеся астрономических аспектов культовых памятников типа Стоунхенджа, были переведены на русский язык и изданы в России уже в конце 1970-х – начале 1980-х годов. Более того, вряд ли кто-нибудь из современных археологов сомневается в древности основных календарно-образующих астрономических знаний, которыми владело человечество в лице своих наиболее "продвинутых" представителей уже на этапе существования древнейших цивилизаций как Старого, так и Нового Света. Да и мысль о том, что зачатки календарно-космологических представлений людей оформились еще в верхнем палеолите, также не была чужда советским археологам: вспомним, например, вышедшую еще в 1974 г. книгу Б.А. Фролова "Числа в графике палеолита" (Новосибирск).

Тем не менее археоастрономии, как самостоятельного направления в российской археологии, до конца 1980-х годов не было. Не исключено, что виной тому было еще и то обстоятельство, что на территории не только России, но и всего Советского Союза неизвестны памятники типа Стоунхенджа, прямо побуждающие хотя бы некоторых исследователей обратиться к изучению астрономических аспектов знаний древнего человечества. И это притом, что мегалитических памятников, да и вообще погребальных и культовых сооружений самых различных эпох, сделанных из камня, с прекрасно сохранившейся в силу этого архитектурой на территории бывшего Союза, в том числе и самой России, – огромное количество. Достаточно вспомнить хотя бы Северный Кавказ, предгорья Саян, Туву, весь Горный Алтай. Иначе говоря, археологических объектов, которые могли бы быть исследованы на предмет их астрономической ориентации, а не только элементарной ориентации по странам света, даже не подвергая раскопкам, у нас более чем достаточно. Тот факт, что до сих пор это не делалось сколько-нибудь широко, вероятно, следует отнести на счет определенной

© П.Ю. Черносвитов, 2000 г.

инертности мышления исследователей-археологов, причем автор рецензии не представляет собой какого-то счастливого исключения.

Однако в последнее десятилетие в этом направлении произошел определенный сдвиг. Свидетельством тому является нарастающее число публикаций, посвященных как общим вопросам археоастрономии, так и исследованиям конкретных памятников, которые велись с учетом археоастрономических рекомендаций, т.е. таких, которые позволяют выявить заложенные в конструкции памятников различных эпох знания людей об астрономически значимых событиях, наблюдаемых регулярно на протяжении как минимум сотен лет. Значительная часть этих публикаций принадлежит перу авторов рецензируемой работы (они приведены в списке литературы к ней) и говорит об их непосредственных усилиях в продвижении данного направления в отечественную археологию. Несомненно, что одним из важных результатов этих усилий является открытие на территории Западной Сибири памятника, прямо попадающего в разряд объектов, изучаемых археоастрономией с особым тщанием. Это Савин – древнее (энеолитическое) деревянное святилище-обсерватория, по-видимому, функционально близкое или даже аналогичное таким сооружениям, как Стоунхендж и ему подобные. Поучительным моментом в открытии и изучении этого памятника является то, что он на первых этапах исследования воспринимался как функционально обычный, хотя и чрезвычайно интересный археологический объект. И только спустя несколько лет после окончания полевых работ на нем, в сугубо кабинетных условиях автор его исследования Т.М. Потемкина, подойдя к нему с археоастрономических позиций, а затем, обратившись за помощью к профессиональному астроному В.А. Юревичу, сумела доказать, что Савин – святилище, в конструкцию которого заложены астрономические знания строивших его людей, выражающиеся в фиксации направлений на все календарно значимые точки горизонта.

Подробные описания этого памятника даны Т.М. Потемкиной в целом ряде публикаций, перечисленных в списке литературы обсуждаемой работы. Так что ценность последней заключается в другом: она является методическим пособием для тех археологов, которым не чужда мысль о том, что астрономические знания древних – не фикция, а реальность, и уровень этих знаний может быть выявлен при тщательном изучении планировки самых различных сооружений древности, в первую очередь, тех, которые носят собственно сакральное назначение. Представляется, что наиболее удачной стороной этого методического пособия является живой пример приложения археоастрономического подхода к исследуемому памятнику, каковым для авторов и оказался Савин. Благодаря такой подаче материала сами методические указания и археологического, и астрономического характера воспринимаются не как абстрактные, а как непосредственно приложимые к живому, яркому объекту исследования. И, разумеется, нельзя было бы говорить о данной публикации как о методическом пособии, если бы она не содержала пусть и кратких, но весьма емких астрономических сведений, без знания которых вести археоастрономические исследования вообще невозможно. Столь же необходимыми для исследований подобного рода являются и краткие астрономические сведения, приведенные авторами в Приложениях. Представляется, однако, что астрономическая часть публикации чересчур кратка, и большинством исследователей-археологов в силу этого может быть воспринята как слишком абстрактная. Она воспринималась бы нагляднее, если бы авторы снабдили ее несколькими простыми схемами, иллюстрирующими взаимное расположение Земли, Солнца и Луны в пространстве, хотя бы в моменты солнцестояний и равноденствий. Впрочем, последнее соображение не является обязательным для тех исследователей, которые на практике собираются искать астрономически (календарно) значимые направления на археологических объектах, не углубляясь в физическую суть астрономических явлений. Для этого приведенных в публикации сведений вполне достаточно.

Следует обратить внимание на текст раздела 5.4. Подсчет вероятности. Здесь предлагается оценить в первом приближении вероятность того, что выделенные на исследуемом памятнике особые конструктивные элементы: точки-столбы, ямы, вертикальные камни и т.п., будучи визуально связаны между собой исследователем, находящимся, например, в какой-то центральной точке памятника, не случайно указывают на астрономически (календарно) важные точки горизонта. К ним в первую очередь относятся такие, как точки восхода и захода Солнца в дни солнцестояний и равноденствий и направления на страны света. Разумеется, такой вопрос всегда будет стоять перед исследователем, учитывающим археоастрономические проблемы, поскольку человеку увлеченному всегда грозит опасность принять желаемое за действительное. Далее приводится конкретный пример такого подсчета, проведенного на памятнике Савин. Там было выявлено 70 особых точек (меток), 8 из которых действительно соответствовали 8 упомянутым выше астрономически значимым направлениям. Предлагается оценить, какова вероятность того, что эти точки оказались астрономически значимыми не случайно.

Прежде всего, авторы говорят, что если считать точность каждого отмеченного в памятнике направления не выше одного углового градуса, то можно утверждать, что 70 меток памятника охватывает 140 градусов горизонта (по два градуса на метку). Следовательно, вероятность того, что хотя бы одно из значимых астрономических направлений попадет в эти 140 градусов, составляет 140/360–0,4. Это утверждение верно, если сделать оговорку: случайно попадет. Далее авторы пишут: "Всех астрономических направлений у нас 8. Следовательно, можно ожидать, что, по крайней мере, три метки (3,2) укажут на три из восьми астрономических направлений. А у нас есть метки на всех астрономических направлениях, т.е. в 2,5 раза больше. Это значит, что вероятность случайного попадания очень мала". Представляется, что такое утверждение не очень вразумительно без пояснений. Нужно было сказать, что они пытаются оценить, какое количество точек из 8, отмеченных как значимые, могут случайно оказаться в числе охваченных всеми 70 метками. И они вычисляют их количество, помножив 8 точек на полученную вероятность 0,4, получив таким образом 3,2 точки. Иными словами, три точки из восьми значимых могли при таком количестве меток на памятнике оказаться в числе астрономически значимых случайно. Тогда получается, что пять остальных с той же вероятностью можно считать установленными строителями святилища вполне сознательно.

Спрашивается, много это или мало? Ответить на этот вопрос можно, руководствуясь простым и почти очевидным соображением: чем больше на памятнике выявляется так называемых особых точек, или меток, указывающих какой-либо азимут относительно центра памятника, тем больше вероятность того, что астрономически значимые среди них являются чисто случайными. Это становится абсолютно очевидным, если представить себе святилище с одним центральным идолом и круговой оградой, состоящей из 180 столбов. Понятно, что, стоя у центрального идола, наблюдатель способен зафиксировать все мыслимые направления восходов и закатов на протяжении всего года с точностью до одного градуса. Разумеется, в их число попадут и все календарно значимые точки горизонта, но стоит ли в таком случае утверждать, что они попали туда не случайно?

Таким образом, действительно ценным указанием авторов, приведенным в данном разделе работы, является последняя его фраза: "Если к тому же эти метки чем-то выделяются среди других (превосходство в размерах, однородность), то мы имеем достаточно основа-ний считать, что строители памятника отметили на нем астрономические направления". Заметим, что описанное в публикации исследование святилища Савин как раз и показало, что астрономически значимые направления на нем обязательно отмечены особыми и четко выделяемыми в процессе раскопок признаками.

В целом же рассматриваемая публикация представляется весьма ценной и своевременной для отечественной археологии. Само ее появление свидетельствует, что археоастрономия как новое для нас исследовательское направление, наконец, обозначилась и набирает силу. Остается пожелать, чтобы посвященные ей публикации, в том числе и рассматривающаяся здесь, не прошли незамеченными для большинства активно работающих археологов.

Институт археологии РАН, Москва *П.Ю. Черносвитов*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ЭПИГРАФИКИ АНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. К ВЫХОДУ КНИГИ: JU.G. VINOGRADOV. PONTISCHE STUDIEN. KLEINE SCHRIFTEN ZUR GESCHICHTE UND EPIGRAPHIK DES SCHWARZMEERRAUMES. VERLAG PHILIPP VON ZABERN. Mainz, 1997. 703 S. 40 Taf.

Этот сборник своих статей, опубликованных в разное время на русском языке, Ю.Г. Виноградов сгруппировал по разделам: I. "Общепонтийские вопросы", II. "Ольвия", III. "Херсонес", IV. "Боспор", V. "Кавказ", VI. "Разное". Статьи даны в переводе на немецкий язык в том виде, в каком они были опубликованы первоначально, но почти к каждой Ю.Г. Виноградов добавил краткие Nachträge (дополнения), в которых дал новый материал, главным образом историографию.

© В.П. Яйленко, 2000 г.

Заголовок раздела "Общепонтийские вопросы" не совсем точен, так как первая статья посвящена историческому развитию Северного и Западного Причерноморья (без Южного и Восточного), а две другие имеют дело лишь с Северным Причерноморьем (тем более неточен заголовок книги в целом – это, конечно, Nordpontische Studien). Первая статья "Евксинский Понт как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика" (с. 1–73; см.: Виноградов Ю.Г., 1995а), на мой взгляд, лучшая из работ Ю.Г. Виноградова в целом. Здесь он выступает не как эпиграфист-текстолог, в чем крайне субъективен и неосторожен (Яйленко В.П., 1996, с. 175–221), а в качестве эрудированного эпиграфиста-историка. Привлечен широкий эпиграфический материал из Западного и Северного Понта, в чем и состоит значение работы. Что же до идеи единства, то, на мой взгляд, источники не свидетельствуют ни об одной сфере единства – можно вести речь лишь о сходстве процессов исторического развития отдельных регионов между собой, как ранее и ставился вопрос (Шелов Д.Б., 1967, с. 219 сл.). В политической сфере, вопреки мнению Ю.Г. Виноградова, единства не было не только между Северным и Западным Понтом, но и внутри самого Северного Понта, где раннее развитие монархии придало Боспору черты предвосхищенного эллинизма, чего в Западном Понте позднеклассического времени не наблюдалось. Нет оснований говорить и об экономическом единстве региона ввиду того, что ряд понтийских областей не испытывал никакого экономического интереса друг к другу, наиболее показательный факт этого – поразительное игнорирование Боспором и Ольвией друг друга. Поэтому целиком остается в силе схема районирования экономических связей областей Понта между собой (Брашинский И.Б., 1970, с. 129 сл.), а добавления Ю.Г. Виноградова к ней вроде тезиса об ольвийской колонизации Северо-Западного Крыма несостоятельны (Яйленко В.П., 1999, с. 124).

В статье "Греческая эпиграфика и история Северного Причерноморья" (с. 74–99) кратко очерчен ряд вопросов исторического развития региона в VI–V вв. до н.э., а также в позднеэллинистическую эпоху, которые широко дискутировались в нашей литературе 60–70-х гг.: греческая колонизация региона и местное население, взаимоотношения метрополии и колонии, культы колонистов, ранняя история полисов; также кризис северопричерноморских полисов во второй половине III–II вв. до н.э. и нашествия варваров, в том числе по материалам эпиграфики. Детально часть этих вопросов рассмотрена Ю.Г. Виноградовым в отдельных статьях рецензируемого сборника из раздела II "Ольвия:" "К политическому единству Березани и Ольвии", "Варвары в просопографии Ольвии VI–V вв. до н.э." (с. 133–164; см.: Виноградов Ю.Г., 1976; 1981б).

Статья "Историческое развитие полисов Северного Причерноморья в V в. до н.э." (с. 100–132; см.: Виноградов Ю.Г., 1983, с. 394 сл.) посвящена главным образом Боспорскому царству. Автор увязывает его возникновение с усилением Скифской державы в результате победы над Дарием, в результате которой они безраздельно господствовали в Северном Причерноморье, так что их отношения с греческими полисами приняли здесь форму политического протектората. На Боспоре, однако, местные полисы объединились в симполитию с целью противостоять скифской угрозе. В результате этих событий, по мнению Ю.Г. Виноградова, в Ольвии и на Боспоре в первой половине V в. утвердились тирании; он подробно обосновывает мнение о боспорских Археанактидах как тиранах; гипотеза о тирании в Ольвии обоснована им в статье "К политическому устройству Синопы и Ольвии в V в. до н.э." (с. 165–229). Активно развиваемая им гипотеза о скифском протекторате над полисами Северо-Западного Причерноморья подверглась справедливой критике исследователей (Анохин В.А., 1989, с. 11 сл.; Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М., 1986, с. 14, 15; Буйских С.Б., 1986, с. 21; Яйленко В.П., 1998, с. 111). Отмечу также, что одновременно мысль о даннических отношениях Ольвии со скифами аргументировал А.С. Островерхов (1980, с. 33 сл.), работу которого автор проигнорировал как в русской публикации 1983 г., так и в Nachträge к рецензируемому сборнику.

Идею Ю.Г. Виноградова о скифской угрозе боспорским полисам как причине их политического объединения и захвата власти Археанактидами одни исследователи поддержали (Толстиков В.П., 1984; Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 63 сл.), другие подвергли основательной критике (Васильев А.Н., 1992, с. 112–120; Молев Е.А., 1997, с. 27–33). Ограничусь лишь справедливым, на мой взгляд, заключением А.Н. Васильева о методике, идеях и аргументации Ю.Г. Виноградова и его адептов: "Анализ рассматриваемых положений весьма затруднителен, поскольку большая их часть носит чисто гипотетический характер. На основании одного положения высказывается второе, затем третье – и в итоге образуется цепочка предположений, основанных друг на друге. В результате читателю предлагается картина боспорской истории, весьма далекая от той, о которой можно судить по имеющимся источникам". Со своей стороны, замечу, что мы не располагаем примерами из классической эпохи, когда внешняя угроза

приводила бы к добровольному отказу полисов от своего политического суверенитета ради объединения в монархическое государство. К примеру, сицилийские полисы неоднократно подвергались карфагенской угрозе, которая сплачивала их в союз, но вовсе не в единое государство. На мой взгляд, ближе к истине плодотворная идея Г.А. Кошеленко о вхождении Боспора Археанактидов в состав державы Ахеменидов (Кошеленко Г.А., 1999), которая дает теперь основание иначе трактовать природу тирании Археанактидов, возможно, как пролонгированную на Боспор систему политического господства персов над греческими полисами Ионии, т.е. метрополии боспорских полисов, через поставленных ими тиранов.

Что касается тирании в Ольвии V в., то эта мысль насчитывает более века своего существования; одновременно с Ю.Г. Виноградовым ее, к примеру, развивал В.В. Рубан. Эта идея естественна ввиду общегреческого характера тирании, и применительно к Ольвии вопрос состоит лишь в ее обоснованности: пока что нет определенных свидетельств о наличии тут тирании, так что адепты этой точки зрения оперируют исключительно косвенными данными. Ю.Г. Виноградов считает – мы переходим к разделу II "Ольвия" рецензируемой книги, конкретно к статье "К политическому устройству Синопы и Ольвии в V в. до н.э." (с. 165–229; см.: Виноградов Ю.Г., 1981а) – "неопровержимым" свидетельством тирании в Ольвии две опубликованные им надписи. Одна из них представляет собой обломок декрета ольвиополитов, согласно датировке Ю.Г. Виноградова, третьей четверти V в., по моей – конца V в. (Яйленко В.П., 1996, с. 211–213). Единственно, что определенно явствует из сохранившегося текста надписи: каким-то лицам ольвиополиты предоставили политию. Тем не менее автор восстановил декрет таким образом, что в нем оказались этникон "синопейцы" и имя изгнанного в 437 г. из Синопы тирана Тимесилея. Поскольку беглый тиран осел в Ольвии, постольку, заключает Ю.Г. Виноградов, здесь могла быть тирания. Я дал вариант иного восстановления надписи, придерживаясь того же числа букв в стойхедоне, которого хотел Ю.Г. Виноградов, но с иными этниконом и именами, – лишь для демонстрации того, что незначительные остатки декрета могут быть интерпретированы по-разному и уж ни в коем случае не свидетельствуют о тирании в Ольвии (Яйленко В.П., 1996, с. 209, ср. с. 222). Вторая надпись, также фрагментированная, тоже восстановлена автором целиком (с. 229) в качестве эпиграммы в честь тираноборца, который не убил (sic!) тирана. Текст Ю.Г. Виноградова принял Л. Дюбуа (Dubois L., 1996, № 10), но подвергли резкой критике П. Хансен, А. Лебедев и автор этих строк (Hansen P.A., 1989, p. 279; Lebedew A., 1996, S. 263–266; Яйленко В.П., 1996, с. 214–218), так что и этот документ лишен определенной доказательной силы. Представляется интересной мысль А. Лебедева о том, что культ кабиров был привнесен выселившимися в Ольвию после персидского разгрома Милета в 494 г. гергитами, которые произвели тут демократический переворот, устранив аристократический режим.

Раздел "Ольвия" включает также статьи Ю.Г. Виноградова и П.О. Карышковского о Канобовом и Каллиниковом декретах (с. 250–322; см.: Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О., 1976; 1982; 1983). Детальный разбор их я уже давал (Яйленко В.П., 1985, с. 205–215; 1987а, с. 17–28; 1996, с. 198–203), поэтому ограничусь тут изложением существа вопросов чтения текста, датировки и исторической интерпретации Канобова и Каллиникова декретов. Полагая, что лакуна стк. 24–25 декрета Каноба о денежном обращении в Ольвии (IOSPE, I, № 24) слишком мала для принятого предшествующими учеными восстановления И. Мордтманна ἑ[νδεκά]τō, Ю.Г. Виноградов с соавтором предложил чтение более короткого слова ἑ[νά]τō, которое означает, что золотой кизикский статер шел не за 10,5 ольвийских золотых статеров, как предполагает восстановление И. Мордтманна, а за 8,5 статеров. Отсюда соавторы сделали важный вывод о падении в третьей четверти IV в. до н.э. (так они датировали декрет) курса золота и электра, соотносившегося с серебром уже не в пропорции 10 : 1, а 8,5 : 1. В соответствии с этим выводом ими нарисована общая картина экономического развития Причерноморья в IV в. Все это имело бы смысл, если бы в существенной мере не покоилось на восстановленном слове декрета. На самом деле место для восстановления И. Мордтманна имеется: если просчитать количество букв в такой же по размеру лакуне конца стк. 26, где восстанавливаемое слово бесспорно, окажется, что в ней помещается столько же букв, сколько и при восстановлении И. Мордтманна в одинаковой по размерам лакуне стк. 24. К тому же концепция соавторов противоречит прямым данным источников о том соотношении золота и серебра, на которых основывал свое восстановление И. Мордтманн. Всеобъемлющую критику этих построений дал и В.А. Анохин, который также настаивает на том, что лакуна стк. 24 достаточна для восстановления в ней цифры 11, что "новый взгляд" соавторов не соответствует нумизматическим фактам, что нет "оснований для пересмотра основных данных декрета о деньгах" (Анохин В.А., 1989, с. 25 сл.). К этому добавлю выводы новейшего исследования

вопроса о стоимости драгметаллов в IV в. С. Ламберт: установившееся с конца V в. соотношение золота и серебра 10 : 1 около 320 г. понизилось в Афинах до 9,5 : 1, т.е. были возможны легкие колебания курса (Lambert S.D., 1996, p. 84–86). Концепция же соавторов построена на идее существенного понижения курса. Как видно, она безосновательна почти во всех своих компонентах, поэтому не случайно в Nachträge (с. 275) Ю.Г. Виноградов отделался лишь упоминанием самого факта критики со стороны В.П. Яйленко и В.А. Анохина и голословным замечанием, что эта критика покоится на "несовершенных эпиграфических и нумизматических основаниях", по существу же ему нечего противопоставить оппонентам. Ю.Г. Виноградов датировал Канобов декрет третьей четвертью столетия, что невозможно ввиду свойственной декрету передачи ου через ō, каковая в аттических надписях часта в первой четверти IV в., но становится "редкой к 355–350 гг. и только два примера, оба в отрицательных частицах, позже 345 г." (Threatte L., 1980, p. 243, 352). Следовательно, декрет Каноба не моложе первой половины IV в., а если строго следовать указанной хронологии передачи ου через ō, он относится к его первой четверти.

Аналогична ситуация со статьей Ю.Г. Виноградова и того же соавтора о декрете в честь Каллиника. Удачно объединив два изданных ранее обломка и прояснив в результате чтение нескольких строк декрета, они построили на этом основании крупномасштабную реконструкцию истории Ольвии во второй половине IV в. до н.э. Краеугольный камень их концепции – сближение восстановленного ими в стк. 2 выражения [τὴν ἀποκοπὴν τῶν]χρεῶν "кассацию долгов" с сообщением Макробия о радикальных социальных реформах в "городе борисфенитов" во время осады Зопирионом – отпуск рабов на волю, кассация долгов и пр. Между тем все это покоится на очевидном филологическом ляпсусе – выражение χρεῶν ἀποκοπή представляет собой фразеологизм, т.е. имеет твердо фиксированный порядок слов, тогда как соавторы восстановили обратный порядок слов в этом выражении. Развернутую критику различных положений этой статьи дал ряд авторов (Robert J. et L., 1984, № 276; Анохин В.А., 1989, с. 29,30; Яйленко В.П., 1985, с. 205–215). В своих Nachträge Ю.Г. Виноградов в общих выражениях кратко полемизирует с В.А. Анохиным, а по поводу критики Роберов и моей отсылает к своей монографии (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 158–163). Я уже имел случай подробно рассмотреть эти контрдоводы Ю.Г. Виноградова (Яйленко В.П., 1996, с. 198–203), поэтому здесь отмечу самое существенное обстоятельство: он не привел ни одного случая, где фразеологизм χρεῶν ἀποκοπή имел бы обратный порядок слов – такой, какой был восстановлен им в декрете (в попытке опровергнуть мою критику он оперирует близкими выражениями ἄφεσις χρημάτων, δανείων, каковые фразеологизмами не являются). Я привел полтора десятка примеров, указывающих на единственно возможный порядок слов в указанном фразеологизме, если понадобится, приведу еще, но спор об этом бессмыслен – иного порядка слов в нем нет. Поскольку в декрете в честь Каллиника нет места для восстановления формулы о кассации долгов, приписывание ему соавторами упомянутых Макробием реформ безосновательно, как и соотнесение деятельности Каллиника с временем Зопириона. На мой взгляд, сообщение Макробия о походе Зопириона на некий "город борисфенитов" вообще к Ольвии не относится (Яйленко В.П., 1990а, с. 249 сл.), см. ниже.

Трем проанализированным статьям (о Синопе и Ольвии, о декретах Каноба и Каллиника), составляющим костяк раздела "Ольвия", как и ряду других kleine Schriften Ю.Г. Виноградова, свойствен фундаментальный методический порок: его яркие крупномасштабные исторические построения возведены на реконструированных текстах надписей. Я уже приводил десятки примеров этой порочной методики (Яйленко В.П., 1996, passim).

Кратко остановлюсь на других статьях раздела "Ольвия". Заметка "Стела Леокса, сына Мольпагора, из Ольвии и скифо-греческие отношения в раннем V в. до н.э." (с. 230–241; см.: Виноградов Ю.Г., 1989, с. 87–89, краткий вариант) содержит попытку дать новое чтение утраченных частей эпиграммы в честь Леокса (IOSPE, I, № 270) и ввести ее в число источников по греко-скифским отношениям. Последнее основано на атрибуции рельефного изображения на оборотной стороне стелы в качестве фигуры амазонки, которая, согласно Ю.Г. Виноградову, персонифицирует скифский мир, тогда как фигура Леокса на лицевой стороне символизирует эллинский мир. Леокс погиб в сражении со скифами, заключает автор, и вводит стелу в свою концепцию борьбы скифов с греческими городами Северного Причерноморья после их победы над Дарием (см. выше). Все это имело бы смысл, если бы на рельефе действительно была изображена амазонка (хотя еще надо было бы выяснить при этом, насколько правомерно видеть в амазонке персонификацию именно скифского мира Северного Причерноморья). Эту ошибочную атрибуцию дал первоиздатель памятника Б.В. Фармаковский, но отвергли А.П. Иванова и другие специалисты – это несомненно мужская, а не женская фигура (Ивано-

ва А.П., 1953, с. 50). После издания в 1981 г. корпуса иконографии изображений амазонок (Lexicon iconographicum..., 1981, p. 440–526) вопрос этот окончательно закрыт. Фигура на стеле Леокса, о которой идет речь, одета в кафтан до бедер с длинными рукавами, завершающимися отворотами (Ю.Г. Виноградов увидел в отворотах браслет), бедра и ноги обнажены, на поясе висят лук и колчан. Упомянутый Корпус содержит 850 известных на 1981 г. изображений амазонок, которые показывают, что в абсолютном большинстве случаев амазонки одеты в хитон – от короткого, завершающегося у бедер, до длинного, по щиколотки, без рукавов. Есть небольшое количество образцов скифской одежды у амазонок (ib., № 65, 90, 92 и др.) – кафтан с длинными рукавами, порой с отворотами, и обязательно штаны. Поскольку фигура на стеле Леокса одета в кафтан, но, извините, без штанов, вовсе нет оснований усматривать в ней амазонку. Кроме того, на скульптурных изображениях амазонок обязательно выражена грудь, чего на стеле Леокса опять-таки нет. Также Л. Дюбуа справедливо указал на несоответствие изображения на стеле Леокса иконографии амазонок и напомнил основательное мнение А.Дж. Грейема, который видел в фигуре на лицевой стороне (обнаженный юноша) изображение Леокса в качестве эфеба, а на оборотной стороне – его же изображение как воина, частью одетого и снаряженного по-скифски (Dubois L., 1996, S. 88; Graham A.J., 1982, s. 128–129). Данный случай, к сожалению, далеко не единственный, наглядно показывает, сколь легко Ю.Г. Виноградов выстраивает гипотезы на неосновательном фундаменте.

В заметке "Новый источник о походе Зоприона" (с. 323–335; см.: Виноградов Ю.Г., Головачева Н.В., 1990) исследовано граффито на амфорном черепке, происходящее с поселения Козырка II под Ольвией. Надпись сохранилась практически полностью, перевод Ю.Г. Виноградова "Никофан, сын Адраста, подарил Зопириону лошадь; пусть он пошлет ко мне в город и пусть передаст ему (посыльному) письмена". Он отмечает, что имя Адраст засвидетельствовано в Ольвии, имени Зопирион нет, однако в 331 г. до н.э. Ольвию осаждал Зопирион, которого Ю.Г. Виноградов и опознал в данной надписи. Отсюда он заключает, что в Ольвии во время осады действовала "пятая колонна" – группа лиц, поддерживавших врага, к которой принадлежал и автор письма. По словам Ю.Г. Виноградова, палеография надписи соответствует времени этих событий. На мой взгляд, этой интерпретации, более подходящей для сюжета исторической повести, удалось бы избежать, если бы ее автор всерьез обратился к палеографии надписи, от чего он по существу уклонился, сосредоточив внимание лишь на вопросе об употреблении в Ольвии лунарной сигмы, представленной и в данном памятнике. Между тем характер письма и формы букв определенно указывают на III в. до н.э. Именно для этого столетия, а не IV в., характерно начертание следующих букв: вертикали пи одинаковой высоты и слегка прогнуты посередине (в стк. 3 левая мачта вообще продолжается за пересечением с горизонталью!); и у дельты левая гаста прогнута, а правая также продолжается за пересечением с нею; омикрон и омега мелкие, особенно показательно начертание оϒ в конце стк. 1: омикрон совсем крошечный, а ипсилон имеет длинную ножку и почти горизонтальный левый усик. Такое письмо свойственно папирусам III в. (Seider R., 1990, S. 135, 137), памятникам малой и большой эпиграфики метрополии (Guarducci M., 1969, p. 543 (сигма не лунарная); Kern O., 1913, tab. 35). В Ольвии такое письмо свойственно ряду памятников малой эпиграфики III в. до н.э., содержащим также лунарную сигму (Яйленко В.П., 1980, № 80, 82, табл. X, *3*, *6*; № 106, табл. VIII, *3* и др.; 1998, с. 123; Рубан В.В., 1980, с. 104), а также лапидарным надписям (IOSPE, I, № 22b, 76, 180; НО, № 18, 24, 174, 175). По поводу лунарной сигмы Ю.Г. Виноградов в подтверждение своей датировки IV столетием ссылается на известный эпиграфический компендиум М. Гвардуччи, но его ссылка лишь частично раскрывает высказанную там мысль, а если привести ее полностью, то она свидетельствует против его датировки; вот она в полном виде: редкие примеры употребления лунарной сигмы известны с IV в., чаще она употребляется в III в., но настоящий узус начинается со II в. (Guarducci M., 1967, p. 377). Именно такой характер имеет узус лунарной сигмы и в ольвийской эпиграфике (Книпович Т.Н., 1966, с. 20, 21, 23–26; Яйленко В.П., 1985, с. 177, 178; 1987а, с. 41, 42; 1998, с. 125 сл.). Неоправданное удревнение Ю.Г. Виноградовым даты козырского граффито объясняется тем, что он не устоял перед соблазном отождествить упоминаемого в нем Зопириона с одноименным полководцем Александра Македонского. Это обстоятельство подчеркнул и Л. Дюбуа, скептически отметивший, что данное отождествление сделано "слишком замысловатым образом" (Dubois L., 1996, p. 49, n. 1).

Попытаемся выяснить, откуда все же появилось в Ольвии имя Зопирион, отнюдь не частое в IV в. В Nachträge (с. 334) Ю.Г. Виноградов назвал "крайне смелой гипотезой" мой вывод о том, что полководец Зопирион осаждал не Ольвию, а одно из крупных скифских городищ Нижнего Поднепровья вроде Каменского. Напомню мои основания: источники единодушно свидетельствуют, что поход был направлен против скифов, т.е. следует заключить, не против греков; Макробий говорит не об осаде Ольвии, а об осаде "города борисфенитов", в которых ввиду

того, что речь идет о походе против скифов, а не греков, следует видеть не ольвиополитов, а скифов-борисфенитов Геродота, Менандра и Плиния, насельников Нижнего Поднепровья; по моему предположению, Боспор и Ольвия содействовали Зопириону (Яйленко В.П., 1990а, с. 249–260). Именно эта гипотеза позволяет наметить реальный путь появления в Ольвии имени Зопирион – в память о пребывании там македонского полководца: недавно Ж. Тулумакос указал на обычай давать имена в честь знаменитых деятелей, просматриваемый в антропонимике Боспора, Херсонеса и Ольвии. В частности, в Ольвии это имена Анаксимен, Анаксимандр, Геродот, на Боспоре в числе прочих известны имена приближенных Александра Македонского – Роксана, Селевк, Пердикка, Филота, до времени Александра тут неизвестные (Touloumakos J., 1996, S. 258). Итак, ввиду всего сказанного рассматриваемый документ III в. представляет собой частное бытовое письмо Никофана, отправленное из Ольвии на Козырское поселение: "Никофан, Адрастов сын, *пишет* Зопириону: коня дал, пусть он (Зопирион?) отправит ко мне в город и даст ему (посыльному?) записи". Налицо конкретная бытовая ситуация: в связи с (от)дачей коня Никофан потребовал какие-то документы или записи. В начале представлена обычная формула адресования писем эллинистического времени: *имярек такому-то*" "шлет сообщение", "пишет" или "желает здравствовать". (В начале стк. 7 для восстановленных Ю.Г. Виноградовым букв αυ места нет, тут читается простое [τ]ῶι).

В заметке "От Риндака до Борисфена" (с. 336–340; см.: Виноградов Ю.Г.. 1994) дан текст ольвийской надписи IOSPE, I, № 207, в которой В.В. Латышев показал лишь заключительную формулу надгробия "памяти ради". В стк. 2 Ю.Г. Виноградов уверенно прочел этникон "аполлониаты, что на Риндаке", в стк. 1 – этникон "тириты" и заключил, что это мемориальная надпись с перечислением иногородних жителей, которые почтили некоего скончавшегося ольвиополита. Для всего этого, кроме чтения этникона "аполлониаты, что на Риндаке", оснований нет. Во-первых, в мемориальных надписях, на которые сослался автор как на аналогии прочтенному им тексту (IOSPE, I, № 40, 41, НО, № 51), нет формулы "памяти ради", которая присуща исключительно надгробным надписям. Во-вторых, прочтение им в стк. 1 этникона TΥP(A)N[OI] крайне проблематично ввиду необходимости переправить букву. В-третьих, абсолютно невероятно, чтобы ксены-иноземцы почтили своего ольвийского гостеприимца столь неряшливо сделанной надписью: текст прочерчен не по линейкам, вразброс, строки не соблюдены, буквы неаккуратны и разной величины. Уже одно это обстоятельство определенно указывает, что перед нами заурядное частное надгробие. Именно так я трактовал ее в специальной заметке (Яйленко В.П., 1987а, с. 60, 61). Ю.Г. Виноградов трижды опубликовал свою статью (в 1994 г. в киевской "Археологии", в 1995 г. в сборнике в честь Г. Михайлова, наконец, в рецензируемом сборнике), но ни разу не упомянул известную ему (судя по другим его ссылкам) мою работу 1987 г. (Яйленко В.П., 1987а), где обосновано понимание этой надписи в качестве надгробной эпитафии, поставленной ксенами-аполлониатами своему согражданину, скончавшемуся в Ольвии (за подробностями отсылаю читателя к ней).

Заметка "Ольвия и Прусиада на Гипии во времена Северов" (с. 346–354; см.: Виноградов Ю.Г., 1990а) посвящена реконструкции декрета в честь Маркиана, сына Домниона, из малоазийской Прусиады на реке Гиппий, который натурализовался в Ольвии и в 198 г. н.э. вошел в совет архонтов (IOSPE, I, № 174, стк. 11). Сначала Ж. и Л. Роберы соединили фрагменты НО, № 47 и 179 (Robert J. et L., 1970, № 408), затем Ю.Г. Виноградов подсоединил к ним фрагменты IOSPE, I, № 263 и НО, № 53, в результате чего прояснилось чтение стк. 4, где появилось имя Маркиан. Мне представляется полезной содержательная сторона этой статьи Ю.Г. Виноградова, как и соответствующие пассажи монографии Л. Робера (Robert L., 1980, p. 81 sq.). И тут в Nachträge он обошел молчанием известную ему мою работу 1985 г. (его статья на немецком языке вышла годом ранее), в которой к упомянутым частям надписи я подсоединил еще три фрагмента – IOSPE, I, № 57 (два обломка) и НО, № 53, что позволило воссоздать еще большую по объему заключительную часть декрета, а также выявить дублет надписи – так называемый антиграфон (Яйленко В.П., 1985, с. 181–188).

Опустив остальные заметки Ю.Г. Виноградова по ольвийской эпиграфике, перейду к разделу "Херсонес". Наряду с обстоятельной статьей исторического плана "Образование территориального херсонесского государства" (с. 420–483; см.Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990), к сожалению, содержащей также ряд безосновательных гипотез (обстоятельному разбору затронутой в ней проблематики я посвятил подготовленную к печати статью), раздел включает эпиграфические публикации весьма спорного характера. В написанной совместно с М.И. Золотаревым статье "Позднеархаический Херсонес" (с. 397–419; ср. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И., 1998; Vinogradov J.G., Zolotarev M.I., 1999) публикуется серия из трех десятков граффити на остраконах, содержащих имена с патронимиками или без них. По мнению Ю.Г. Виноградова, эти остраконы использовались для голосования при выборах магистратов.

Приложен каталог остраконов с разделением имен на дорические, ионийские и амбивалентные. В этой части выводы автора подверг критике Л. Дюбуа, отметивший завышенность количества дорийских имен – таковых всего четыре, а ионийских три, остальные амбивалентны. Л. Дюбуа указал также на ошибочность выводов издателей о социальном статусе носителей этих имен – таковые присущи всем сословиям (Dubois L., 1991, № 420). С.Ю. Сапрыкин оспорил данную издателями картину ранней истории Херсонеса, начавшуюся с основания здесь ионийского выселка (Saprykin S., 1991, p. 230 sq.). Со своей стороны, отмечу неоправданное включение в число остраконов тех граффити, которые вполне могут быть владельческими. Заявление Ю.Г. Виноградова по этому поводу: данные граффити "не являются марками собственников" (с. 405) голословно, поскольку херсонесская малая эпиграфика не является исключением из общегреческой картины: написанные на донъях сосудов имена с патронимиками (или без них), и их сокращения и тут составляют наиболее обширный класс граффити (Яйленко В.П., 1987б, с. 224–226, 237–243). Обычно полные имена стоят в родительном падеже, чем собственно и выражена принадлежность сосуда указанному по имени лицу, но нередка и номинативная форма (Яйленко В.П., 1987б, с. 239, 242, 243; Граффити античного Херсонеса, 1978, № 624, 1101, 1264, 1265,1270, 1382, 1390, 1467, 1491, 1620, 1722, 1729, 1731).

По причине сказанного из каталога Ю.Г. Виноградова должны быть исключены имена на донцах сосудов (по его нумерации) – I, 6, 8–11; II, 2, 3; III, 1, 3, 5, 7, 8. Кроме того, из каталога следует вывести надписи неясного содержания, сохранившие 3–5 букв: I, 12; III, 2, 4, 6. Итого к числу остраконов для голосования принадлежат лишь 12 граффити каталога. При этом датировка их V в. до н.э., предложенная Ю.Г. Виноградовым, крайне субъективна, ибо к IV в. определенно относятся граффити I, 4, 6, 7, 10; II, 3 (нижний усик сигмы горизонтальный); Э.И. Соломоник справедливо относила подобные по начертанию граффити к IV в. (ср.: Граффити античного Херсонеса, 1978, № 297, 1039, 1046 и мн. др.). К V в. определенно относятся лишь граффити I, 1, 2, остальные не имеют четко выраженных признаков принадлежности к данному столетию и скорее датируются IV в., – в корпусе "Граффити античного Херсонеса", отличающемуся датировками, им могут быть подобраны массовые параллели (табл. 7, № 684, 743; табл. 8, № 1101, 1167, 1231, 1620; табл. IV, № 295–299 и мн. др.). Таким образом, этот комплекс остраконов связан с дорийским Херсонесом, который был основан, согласно наиболее распространенной точке зрения, в последней четверти V в., а не с ионийско-дорийским выселком позднеархаического времени, как сочли издатели. Назначение этих остраконов мне пока неясно: они могли употребляться для голосования при выборах магистратов, как сочли издатели, либо для "подтверждения присутствия" – так называют комплекс из 200 глиняных жетонов, найденных около театра в Мантинее (Inscriptiones Graecae, 1913, № 323); ср. также свинцовые тессеры из Камарины с именем-патронимиком, предназначавшиеся для того же "подтверждения присутствия" на собрании или участия в голосовании (Cordano F., 1992, p. 85–88). Сейчас соавторы изменили свою точку зрения, развив догадку Э.И. Соломоник – это черепки для голосования об остракизме (Vinogradov J.G., Zolotarev M.I., 1999). Предположение об остракизме мне кажется менее вероятным, поскольку нет серий повторяющихся имен, что как раз и характеризует афинский комплекс остраконов для голосования об остракизме наиболее заметных политических фигур.

В статье "Ольвиополиты в северо-западной Такрике" (с. 484–492; см. Виноградов Ю.Г., 1990б) Ю.Г. Виноградов опубликовал надпись на обломке стенки чернолаковой чаши IV в. до н.э. с поселения Панское I, в которой усмотрел "выписку" из ольвийского проксенического декрета НО, № 5 в честь афинян Ксантиппа и Филополида. Издатель привлек и надпись на канфаре с того же поселения ΔΑΜΟΕΚΠΟΛΕ, которую понял в качестве обозначения общинной собственности – "(сосуд) народа из города" (sic!). Поскольку в Херсонесе на рубеже IV–III вв. до н.э. шла борьба между демократами и олигархами, предполагает Ю.Г. Виноградов, очень вероятно, что часть побежденных олигархов удалилась на границу херсонесской хоры и основала в конце IV в. поселение Панское I. Судя по "выписке" из НО, № 5, заключает автор, они завязали сношения с близлежащей Ольвией, – сам афинский эмпор Ксантипп или его потомок сделал эту "выписку". Вся эта живописная конструкция, однако, маловероятна в ряде отношений. Данное издателем толкование надписи на черепке в качестве "выписки" из НО, № 5 чрезвычайно сомнительно, так как возможно только при внесении ряда поправок в ясно читаемый текст – если в стк. 3 букву Χ переправить на дельту, в стк. 6 сигму переправить на Ει, в стк. 5 в разуре после Τ вставить омегу с иотой. Но и полученный таким образом текст имеет изъяны: имя эмпора дано в сокращенном виде – [Ξ]ανθιπ, и это при том, что патронимик его дан с членом τ⟨ῶι⟩; при ἐν ϵ[ἰρήνηι] нет обязательного ἐν πολέμωι. Наконец, вовсе не нашла отражения присутствующая в подлиннике интерпункция в виде двоеточия в стк. 4 – Α : Ν: и

перед Х следующей строки. Эти и другие несообразности свидетельствуют против понимания надписи в качестве "выписки" из проксении НО, № 5. На мой взгляд, это частное письмо с цифровыми записями: [е.д. ὁ δεῖνα ἐπισ] τέλε[ι τῶι δεῖνι] /ἀγαθεῖ τύ[χει– – Ὁ] – λβιοπολῖται ἔχ[ουσι? – –] / – – Α : Ν : οι ΠΤ rasura/ – – : ΧΣ καὶ ΕΝΕ – – / – – ΙΣ ⋀ – "Имярек сообщает *такому-то*: ольвиополиты *имеют* (?) – – 51 (сосуд, цена) пять (драхм) с четвертью – – за хой по статеру и – – (?) 10 статеров, драхма (?) – –". На присутствие цифровых обозначений в надписи безусловно указывает знак ⋀, в котором Ю.Г. Виноградов безосновательно увидел альфу. Он представлен в числе торговых граффити на чернолаковой керамике (Johnston A.W., 1979, p. 84, type 25 A, p. 128, type 8 E, p. 191, 211; ср. p. 92, type 5 B, p. 195) и, судя по аналогии в киренской надписи IV в. до н.э. (Tod M.N., 1926/7, p. 149), имеет значение драхма. Стоящая перед ним сигма, как и в предыдущей строке, безусловно представляет собой акрофоническую аббревиатуру и в контексте с обозначением драхмы имеет значение статер. Присутствие в надписи одних лишь этих знаков противоречит ее отождествлению с проксенией НО, № 5[1]. Что до граффито ΔΑΜΟΕΚΠΟΛΕ на канфаре, то странное по смыслу чтение Ю.В. Виноградова – "(сосуд) народа из города" – ошибочно хотя бы потому, что никакого предлога ἐκ на самом деле тут нет: после эпсилона читается не экзотическая каппа, якобы повернутая назад, как счел Ю.Г. Виноградов (с чего это вдруг в нормально написанном тексте одна буква развернута назад?) а Υ со случайным прочерком слева (см. фото: Sčeglov A., 1987, рис. 17, *3*). Поскольку граффито написано на донце сосуда, то ясно, что перед нами владельческая надпись, включающая имя и патронимик владельца: Δάμ(ο) Εὐπολέ (μου)" (сосуд) Дамоса, сына Евполе(ма)", в которой представлено обычное имя Дамос и сокращенный патронимик (ср. указание М. Гвардуччи (Guarducci M., 1967, p. 401): в IV в. патронимик нередко сокращен при полной форме имени). Подобных владельческих надписей предостаточно среди граффити Херсонеса (Яйленко В.П., 1987б, с. 238 сл.).

Следующий раздел "Боспор" включает четыре статьи. Открывается он заметкой "Прохус Миниады из Пантикапея" (с. 501–514; см.: Виноградов Ю.Г., 1974) с публикацией граффито VI в. до н.э. на обломке ойнохои – :Μυνίος:εἰμὶ πρόχ(ους) "я прохус (сосуд) Миниады". Надпись интересна необычной формой родительного падежа личного имени, которая другими источниками не засвидетельствована. В связи с этим Ю.В. Виноградов уделил три страницы обзору имен с основой Μυν(ν)–, Μιν(ν) и заключил: "мы должны констатировать для нашего имени его "свежий" милетский характер", "имя происходит от названия какого-то географического пункта в Карии, скорее всего – от названия источника". Между тем все это не более чем дилетантские выкладки – коснувшийся мимоходом этого вопроса филолог-профессионал Ю.В. Откупщиков (1980, с. 73) с беспорностью указал, что окончание имени –ις есть результат метатезы Υ–Ι, т.е. исходная форма имени – Μινυίς, а родительный Μυνίος – следствие указанной метатезы (вместо Μινυίος). Имя Μινυίς этнонимическое, т.е. образовано от этнонима миниев (Μινύαι), дословное значение имени – "Миниянка" (в Nachträge Ю.Г. Виноградова статья Откупщикова не упомянута). Со своей стороны, отмечу, что суть вопроса упирается в отсутствие в греческом антропонимиконе имен на –ιις, что и указывает на метатезу близких по качеству гласных Υ–Ι.

Наиболее интересная статья этого раздела – "Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. в свете новонайденного документа" (с. 515–525), в которой опубликован превосходный эпиграфический памятник, найденный в Ольвии В.В. Крапивиной (в русском издании она значится соавтором (Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В., 1995), в немецком ее фамилии нет) – мраморная стела, отбитая справа и снизу, но сохранившая основной текст надписи. По мысли Ю.Г. Виноградова, надпись представляет собой досье из двух документов – ольвийской проксении, данной боспорскому царю Сатиру I, и договора ольвиополитов с его сыном Левконом. Его восстановление проксении точно – это стандартный текст (исключая восстановление лакуны стк. 1), правильно определен и характер второго документа. Для выяснения причин, которые обусловили предоставление ольвиополитами проксении боспорскому царю Сатиру I, а также для выявления цели союза между Ольвией и Левконом Ю.Г. Виноградов предлагает такие бездоказательные предположения, что сам классифицирует их как "рабочую гипотезу" (нет смысла излагать ее тут). Сама необходимость прибегать к недоказуемым гипотезам в поисках оправдания союза между Ольвией и Боспором заставляет усомниться в правильности каких-то элементов чтения и понимания текста надписи издателем. На мой взгляд, причина всех стран-

[1] Разбору этой любопытной надписи я уделил подготовленную к печати статью, тезисы которой опубликованы (Яйленко В.П., 1999, с. 124).

ностей интерпретации Ю.Г. Виноградова – в прочтенных им в стк. 9 "трех буквах ΛΕΥ", в которых он усмотрел имя Λεύ[κων]. Вероятно, там можно вычитать иной текст, в корне меняющий интерпретацию надписи; отсылая читателя к своим предварительным соображениям по этому поводу (Яйленко В.П., 1999, с. 123), до осмотра подлинника оставляю вопрос открытым.

Статья "Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. (с. 526–562; см.: Виноградов Ю.Г., 1987) посвящена интерпретации очень разрушенной надписи. Ю.Г. Виноградов предоставил читателю возможность судить о тексте лишь по своей прориси, так как и в русском издании, и немецком ограничился фотографией общего плана, на которой текст не виден. Если вторая строка этой длинной двустрочной надписи более или менее сохранна, то от первой строки видны лишь жалкие остатки. Тем не менее Ю.Г. Виноградов восстановил надпись полностью, приведу его перевод: "За царя трижды Перисада, сына царя [Боспора] Перисада, Сенамотис, жена Гераклида и дочь царя Скилура, посвятила этот жертвенный стол Дитагойе". Судя по прориси, посередине стк. 1 более или менее определенно можно вычитать слово βασιλέως, справа "жена Гераклида", а все остальное, вычитанное тут Ю.Г. Виноградовым – лишь плод его воображения, причем не очень считающегося с нормами эпиграфики и здравым смыслом. Единственно, что определенно следует из сохранившегося текста – при каком-то боспорском царе второй половины II в. до н.э. некая дочь скифского царя Скилура, она же жена Гераклида, посвятила мраморный жертвенный стол в пантикапейское святилище (дата надписи устанавливается по приблизительно известному нам времени правления Скилура). С точки зрения эпиграфической, абсолютно невозможно вычитанное Ю.Г. Виноградовым выражение "трижды Перисад", не имеющее прецедентов в царской титулатуре; автор дважды вычитывает имя Перисад, но читатель напрасно будет искать его в имеющихся остатках стк. 1; лишь в качестве шутки может быть принято вычитанное им египетское (sic!) имя скифской царевны Сенамотис, ибо если учесть, что ранее он читал ее имя как Дедмотис, то ясно, что вычитывание им экзотических имен – следствие безудержного стремления во что бы то ни стало прочесть безнадежно разрушенный текст. С точки зрения исторической, надпись не дает никаких оснований для широковещательных гипотез Ю.Г. Виноградова о союзных отношениях боспорских царей со скифскими царями и их родственных связях (последнее, на мой взгляд, возможно, но по совсем иным данным (Яйленко В.П., 1995, с. 242 сл.)), о характере восстания Савмака (по этому поводу см. основательную критику А.К. Гаврилова (1992, с. 71 сл.; Gavrilov A.K., 1996, S. 162 sq.)) и т.д. (поскольку я уже высказался подробно обо всем этом, отсылаю читателя к своей заметке (Яйленко В.П., 1987в, с. 168–175)).

Аналогична ситуация и с последней статьей боспорского раздела "Полемон, Херсонес и Рим" (с. 563–576; см.: Виноградов Ю.Г., 1992). В почетной надписи из Херсонеса IOSPE, I, № 419 на базе статуи, поставленной в честь "Стоявшего во главе вспомогательного отряда, *посланного* к царю Полемону, за [счастливое] предводительство" (даю перевод В.В. Латышева), Ю.Г. Виноградов вычитал под последней строкой сохранившегося текста по вершкам двух-трех букв название провинции Μυσίας, откуда заключил, что Полемон надписи – не боспорский царь Полемон I (14–9 гг. до н.э.), как обычно думали, а его внук Полемон II, так как провинция Мезия была образована в правление Тиберия. Отсюда Ю.Г. Виноградов сделал вывод, что, видимо, в правление Митридата III на Боспоре (39–45 гг. н.э.) Полемон II пытался овладеть боспорским престолом при помощи соединенных сил провинции Мезия и Херсонеса. Эта конструкция Ю.Г. Виноградова противоречит имеющимся фактам (см. о них: Яйленко В.П., 1990б, с. 174 сл.). В частности, поскольку Полемон II, царь Понта, реально на Боспоре никогда не правил, получается, что соединенные силы Понта, провинции Нижняя Мезия и Херсонеса не смогли сломить Митридата III, против чего свидетельствует действительный ход событий: после того, как Котис раскрыл римлянам план Митридата по отпадению от Рима, оказалось достаточным послать войско из провинции Нижняя Мезия для его свержения, т.е. для этого не понадобились силы Понта или Херсонеса. На невозможность конструкции Ю.Г. Виноградова указал и С.Ю. Сапрыкин (хоть и принял его чтение херсонесской надписи) – уже первая золотая эмиссия Митридата несет портрет Калигулы, т.е. он был официально признан в Риме царем Боспора (Сапрыкин С.Ю., 1993, с. 34) (в Nachträge автор оспаривает выводы С.Ю. Сапрыкина). Как видно, новое прочтение надписи Ю.Г. Виноградова не прибавило исторических фактов, что и понятно: на вершках букв они не покоятся.

Большего внимания заслуживают две статьи, составившие раздел "Кавказ". В статье "Бронзовая плита с надписью из Вани" (с. 577–612; см.: Виноградов Ю.Г., 1995 б). Ю.Г. Виноградов предпринял попытку реконструировать текст надписи на бронзовой плите, разбитой на множество мелких кусочков с двумя-тремя буквами. Верный своей обычной манере, он вос-

становил весь текст, однако при этом не смог определить жанр надписи, что само по себе указывает на крайнюю условность его обширной реконструкции. Тем не менее, при столь жалком состоянии надписи и такой результат можно условно считать положительным. Более интересна статья "Богиня Мать-Земля Олюбрис. Новое эпиграфическое свидетельство из Армении", не имеющая русского первоиздания, в которой опубликовано коротенькое посвящение. Поскольку в ней затронуты вопросы чтения и интерпретации других греческих надписей Армении, которых ранее касался и я, и по поводу которых он полемизирует со мной, предполагаю высказаться об этом отдельно.

Завершается книга разделом "Разное" со статьями "Перстень царя Скила", "Табличка диказта из эрмитажного собрания" и "Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья" (с. 613–647). Все статьи известны в русских оригиналах, есть и отзывы на первую и третью – преимущественно критического свойства (Кузнецова Т.М., 1984, с. 14 сл.; Dubois L., 1996, p. 12 sq.; Яйленко В.П., 1996, с. 191–196), указывающие на несостоятельность прочтения текста и интерпретации Ю.Г. Виноградова этих коротеньких граффити как с филологической, так и исторической точек зрения.

Подведем итоги. Книга, несомненно, полезная для исследователей античного Северного Причерноморья, ибо в ней удобным образом собраны работы одного из самых плодовитых специалистов в этой области. Широкая эрудиция Ю.Г. Виноградова и в историографии, и в источниковедении истории региона делают его работы полезными и интересными. Он ввел в научный оборот с десяток новых лапидарных надписей и еще больше граффити, дал новое прочтение текста и интерпретацию ряда уже опубликованных эпиграфических памятников. Однако, как показывает изложенное выше, читатель всегда должен помнить, что Ю.Г. Виноградов крайне субъективен в своих выводах исторического плана и что эти выводы, как правило, строятся на его реконструкциях текстов надписей, которые – увы! – почти все дошли до нас в разрушенном состоянии и потому могут быть восстановлены различным образом. К сожалению, почти вся книга, как свидетельствует данная рецензия, полна образцами методически порочного обращения Ю.Г. Виноградова с эпиграфическими источниками – любой разрушенный текст надписи непременно восстанавливается им целиком и на основе реконструированного текста возводятся карточные домики исторических построений. Рецензируемой книге свойствен очевидный избыток гипотез, выстроенных не столько на фактах, сколько на предположениях, обычно кочующих из одной статьи в другую для доказательства очередной гипотезы. Как было показано, порой эти гипотезы возникают из филологических и прочих ляпсусов. К примеру, Ю.Г. Виноградову ничего не стоит, приняв мужское изображение на стеле Леокса за женское, сконструировать свою модель греко-скифских отношений. Чтобы быть максимально объективным в таком деликатном вопросе, как оценка работ уважаемого мною коллеги, предоставлю слово известному антиковеду А. Дж. Грейему, который в рецензии на брошюру Ю.Г. Виноградова об Ольвии заключил: есть и "другие примеры чрезмерно самоуверенных дополнений текста, датировки и интерпретации надписей в брошюре, также повторяющихся доказательств, аргументов ex silencio. Ее положения, прежде чем быть принятыми, всегда должны быть тщательно проверены" (Graham A.J., 1983, p. 462). И зарубежному, и русскому читателю рецензируемой книги, если он не хочет попасть впросак, непременно следует руководствоваться этим советом: все ее положения всегда должны тщательно и в максимальной мере критически проверяться, в первую очередь, должны быть исключены исторические построения, возведенные на реконструированных им частях надписей.

Отмечу замечательную полиграфическую работу выпустившего эту книгу издательства Verlag Philipp von Zabern – по своему уровню это превосходнейшее издательское предприятие, особенно хороши иллюстративные материалы.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва

В.П. Яйленко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А., 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Брашинский И.Б., 1970. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. № 2.

Буйских С.Б., 1986. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры // Ольвия и ее округа. Киев.

Васильев А.Н., 1992. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.

Виноградов Ю.Г., 1974. Прохус Миниады из Пантикапея // ВДИ. № 4.

Виноградов Ю.Г., 1976. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.

Виноградов Ю.Г., 1981а. К политическому устройству Синопы и Ольвии в V в. до н.э. // ВДИ. № 2, 3.

Виноградов Ю.Г., 1981б. Варвары в просопографии Ольвии VI–V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.

Виноградов Ю.Г., 1983. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М.

Виноградов Ю.Г., 1987. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. № 1.

Виноградов Ю.Г., 1989. Политическая история Ольвийского полиса в VII–I вв. до н.э. М.

Виноградов Ю.Г., 1990а. Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Тез. докл. М.

Виноградов Ю.Г., 1990б. Ольвиополиты в северо-западной Таврике // Древнее Причерноморье. Одесса.

Виноградов Ю.Г., 1992. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. № 3.

Виноградов Ю.Г., 1994. От Риндака до Борисфена // Археологія. № 2.

Виноградов Ю.Г., 1995а. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь.

Виноградов Ю.Г., 1995б. Бронзовая плита с надписью из Вани // ВДИ. № 3.

Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И., 1998. Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып. 9. Севастополь.

Виноградов Ю.Г., Головачева Н.В., 1990. Новый источник о походе Зопириона // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.

Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О., 1976. Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н.э. // ВДИ. № 4.

Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О., 1982–1983. Каллиник, сын Евксена // ВДИ. 1982. № 4; 1983. № 1.

Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В., 1995. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.

Гаврилов А.К., 1992. Скифы Савмака – восстание или вторжение? // Этюды по античной истории и культуре. СПб.

Граффити античного Херсонеса, 1978. Киев.

Иванова А.П., 1953. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л.

Книпович Т.Н., 1966. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии // Нумизматика и эпиграфика. Т. 6. М.

Кошеленко Г.А., 1999. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996/7. М.

Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М., 1986. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев.

Кузнецова Т.М., 1984. Анахарсис и Скил // КСИА. Вып. 178.

Молев Е.А., 1997. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород.

Островерхов А.С., 1980. Этапы и характер греко-скифских экономических связей в Поднепровье и Побужье // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев.

Откупщиков Ю.В., 1980. Карийцы в Причерноморье // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси.

Рубан В.В., 1980. Из истории взаимоотношений Тиры и Ольвии // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев.

Сапрыкин С.Ю., 1993. Из истории Понтийского царства // ВДИ. № 2.

Толстиков В.П., 1984. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. № 3.

Шелов Д.Б., 1967. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М.

Шелов-Коведяев Ф.В., 1985. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М.

Яйленко В.П., 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. № 3.

Яйленко В.П., 1985. Материалы к "Корпусу лапидарных надписей Ольвии" // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М.

Яйленко В.П., 1987а. Материалы к "Корпусу лапидарных надписей Ольвии". Продолжение // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.

Яйленко В.П., 1987б. К публикации свода херсонских граффити // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.

Яйленко В.П., 1987в. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.
Яйленко В.П., 1990а. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.
Яйленко В.П., 1990б. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.
Яйленко В.П., 1995. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М.
Яйленко В.П., 1996. Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья // История и культура древнего мира. М.
Яйленко В.П., 1998. Человек в античной Ольвии. Очерки социальной истории города // Человек в античном мире. М.
Яйленко В.П., 1999. Призрак боспорского Сатира в Ольвии и тени ольвиополитов да митридатовых солдат в западном Крыму: комментарий к эпиграфическим видениям // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. Тез. докл. М.
Cordano F., 1992. Le tessere pubbliche dal tempio de Atena a Camarina. Roma.
Dubois L., 1991. Bulletin épigraphique // Revue des études grecques.
Dubois L., 1996. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève.
Gavrilov A.K., 1996. Das Diophantosdekret und Strabon // Hyperboreus. T. II, 1.
Graham A.J., 1982 // Cambridge Ancient History. V. III, 3. Cambridge.
Graham A.J., 1983. Рец.: Vinogradov J.G. Olbia. Konstanz // Gnomon. Bd. 55.
Guarducci M., 1967; 1969. Epigrafia greca. T. 2, 3. Roma.
Hansen P.A., 1989. Carmina epigraphica Graeca. V. 2. Berlin.
Inscriptiones Graecae, 1913. V. V, 2, Berlin.
Johnston A.W., 1979. Trademarcs on Greek Vases. Warminster.
Kern O., 1913. Inscriptiones Graecae. Bonnae.
Lambert S.D., 1996. IG, II, 1471 A and the Value of Gold at Athens in the 320s. B.C. // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 110.
Lebedew A., 1996. A New Epigram for Harmodios and Aristogeiton // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 112.
Lexicon iconographicum mithologiae classicae, 1981. V. I, 2. München.
Robert J. et L., 1970, 1984. Bulletin épigraphique // Revue des études grecques.
Robert L., 1980. A travers l'Asie Mineure. Athènes.
Saprykin S., 1991. Khersonesos Taurike: New Evidence on the Hellenic State in the Western Crimea // Hellenic Diaspora. T. 1. Amsterdam.
Sčeglov A., 1987. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I // Dialogues d'histoire ancienne. T. 13. Paris.
Seider R., 1990. Paläographie der griechischen Papyri. Bd. III, 1. Stuttgart.
Threatte L., 1980. The Grammar of Attic Inscriptions. T. 1. Berlin; New York.
Tod M.N., 1926/7. Futher Notes on the Greek Acrophonic Numerals // BSA. V. 28.
Touloumakos J., 1996. Historische Personennamen und Geschichtsbewusstsein in den griechischen Städten des Bosporanischen Reiches // Hellas und der griechische Osten. Saarbrücken.
Vinogradov J.G., Zolotarev M.I., 1999. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // Minima epigraphica et papyrologica. V. 2.

JU.G. VINOGRADOV. PONTISCHE STUDIEN. KLEINE SCHRIFTEN ZUR GESCHICHTE UND EPIGRAPHIK DES SCHWARZMEERRAUMES. Mainz, 1997. 703 S. 40 Taf.

Книга Ю.Г. Виноградова "Понтийские исследования" представляет собой сборник статей, опубликованных автором более чем за четверть века в российских и зарубежных изданиях. Его предваряют предисловие автора и редакционные замечания (Vorbemerkung) главного редактора (Х. Хайнена).

Текстовую часть открывает раздел статей, посвященный общепонтийским вопросам. Написание этих работ было бы невозможно без появления исследований по более частным проблемам, значительная часть которых включена в последующие разделы[1], организованных

[1] Общий список научных работ автора приведен в конце сборника S.648–657.

© А.А. Малышев, 2000 г.

по региональному признаку, как бы следуя античному периплу, описывающему северо-причерноморский регион с запада на восток.

В статье под названием "Понт Эвксинский как политическое, экономическое и культурное единство" с этих позиций автором проанализированы особенности развития понтийского региона на протяжении архаической (VII–VI вв. до н.э.), классической (начало V – 330 гг. до н.э.) эпох, а также эпохи раннего (последняя четверть IV–III вв. до н.э.) и позднего эллинизма (II–I вв. до н.э.). Подобная постановка проблемы необычна, но перспективна, потому что позволяет взглянуть на давно известные факты по-новому (S. 3).

Одна из центральных тем этой и целого ряда других работ Ю.Г. Виноградова – это история колонизации греками понтийского побережья, а также тесно связанная с ней проблема становления полисного государственного устройства в причерноморских городах и его дальнейшая эволюция под влиянием местных условий. Одной из устойчивых тенденций этого развития было стремление полисов к политическому сближению, причем автор выделяет четыре основных уровня их объединения (S. 6).

Привлекая, как и в других исследованиях, весь спектр имеющихся источников по данной проблеме, автор тем не менее наибольшее предпочтение отдает эпиграфическим источникам, характеризуя их как аутентичные и наиболее объективные (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 17, 18). С другой стороны, исследование памятников эпиграфики не является самоцелью, игрой ума ("jeu d'esprit"); действительно исторический синтез возможен при использовании данных всего комплекса источников (письменных, эпиграфических, нумизматических и археологических) (S. 74–75). В этом смысле эпиграфом всей рецензируемой книги могут быть слова Ж. Саваже, приведенные Ю.Г. Виноградовым в своем обобщающем труде по ольвийской политической истории: "Нет банальных надписей, есть только банальный способ обращения с ними" (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 18).

Методика исследования эпиграфических памятников, используемая автором, была продемонстрирована на конкретных примерах в статье "О методике обработки греческих эпиграфических памятников (по ольвийским материалам)" (S. 355–376). По его мнению, методы исследования лапидарной эпиграфики в значительной степени автономны и равноправны, возможность их применения во многом зависит от сохранности памятника. Самая главная и ответственная задача эпиграфиста связана с восстановлением содержания изучаемого документа. Опасность таится в приведении необоснованных гипотетических дополнений в явно спорных местах, как отмечал Л. Робер: "Вместо того чтобы заполнять лакуны неизвестно какими дополнениями, следует вообще не восстанавливать; пустое место, не восстановленное издателем, для других ученых служит стимулом к исследованию; неправдоподобное дополнение маскирует трудности" (S. 364).

В основе практически всех исследований автора лежат либо публикация с соответствующей обработкой новых эпиграфических памятников, либо новая версия прочтения уже давно известной надписи. Роль греческой эпиграфики для изучения истории античных государств Северного Причерноморья, общего и особенного в развитии эллинской цивилизации, значение варварского окружения в этих процессах рассматриваются в статье "Греческая эпиграфика и история Северного Причерноморья". В античное время Северное Причерноморье довольно четко разделяется на три большие региональные области: Северо-Западное Причерноморье (Тира, Никоний, Ольвия), исторические судьбы которого были неразрывно связаны с греческими полисами Добруджи (Истрия и Томы); западный Крым (Херсонес), восточный Крым и Таманский полуостров – земли Боспорского государства. В работе сопоставлены две эпохи в истории северопонтийского региона: период основания и расцвета греческих государств (VI–V вв. до н.э.) и период III–II в. до н.э. – время упадка полисов в Причерноморье.

Эпиграфический материал, в частности, свидетельствует о тесных разносторонних связях между колониями и метрополиями в начальный период. Своеобразие северопонтийского региона проявилось, с одной стороны, в появлении синкретичных божеств, например в слиянии образа Афродиты Апатуры Урании с местной скифо-синдской богиней плодородия, называвшейся, согласно Геродоту, Аргимпаса, или в культе Ахилла, который слился с местным хтоническим божеством, почитавшимся на острове Левка, – с другой. Кроме того, в распространении нехарактерных для метрополий культов, например Аполлона-Врача, который, по предположению Ю.Г. Виноградова, был специальным божеством первых колонистов (S. 80).

Не менее значимыми для ранней истории Причерноморья были взаимоотношения с варварским окружением. На раннем этапе, судя по эпиграфическим материалам (например, история скифского царя Скила у Геродота или эпитафия тавра Тихона из некрополя Пантикапея), преобладали случаи проникновения варварского населения в античную среду,

приводившие, как правило, к эллинизации. Греческая эпиграфика, прежде всего письма на свинце, свидетельствует о сложной организации общественной структуры северопричерноморских полисов, исключительно важна ее роль для реконструкции политической истории региона (S. 85).

Упадок полисной системы в III–II в. до н.э., который стал результатом прежде всего его внутреннего развития, характеризуется экономическим кризисом, в условиях которого государство вынуждено было прибегать к манипуляциям с медной монетой и внутренним займам (S. 94), и во многом связанной с ним аристократизацией политической системы (S. 92–93). Кроме того, уже в это время начинается всеобъемлющий по своим масштабам процесс варваризации. Отрицательным фактором явилась внешняя опасность, связанная прежде всего с возрастанием агрессивности окружающих варварских племен (S. 88–89).

Статья "Исторические судьбы полиса в Северном Причерноморье" (S. 100–132) – это часть большого исследования автора, опубликованного им на русском языке (Виноградов Ю.Г., 1983, с. 366–420). Здесь дана сравнительная характеристика эволюции политичесикх режимов в конкретно-исторической обстановке: типичного греческого полисного государства (Ольвия) и тиранической территориальной Боспорской державы.

Наиболее представительный раздел этого сборника составлен из статей, посвященных истории Ольвийского города-государства. Отметим, что они послужили впоследствии основой для написания обобщающего исследования "Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование" (1989).

Эпиграфический материал, как уже указывалось выше, – один из самых активно используемых источников. Например, особенности граффити на чаше из архаического слоя Ольвии позволили Ю.Г. Виноградову предположить основание ольвийского поселения в первой четверти VI в. до н.э. и рассматривать его как одно из свидетельств участия в колонизации родосцев (S. 377–384).

В работе "Варвары в просопографии Ольвии VI–V вв. до н.э." (S. 146–164) сформулированы основные методические принципы исследований чужеродных (варварских и неионийских) с целью их лингвистической и этнической атрибуции. Последующая обработка выделенных просопографических единиц с учетом их социально-правовой, экономической и культурной характеристики позволила проследить динамику демографической ситуации в Нижнем Побужье. Варварские элементы засвидетельствованы в антропонимическом составе поселений Нижнего Побужья уже с первой половины VI в. до н.э., однако их количественное возрастание происходит в V в. до н.э., проникая в экономические и политические структуры Ольвийского полиса, что рассматривается как одно из ярких свидетельств существования скифского протектората. Изменение политической ситуации в начале IV в. до н.э. повлекло за собой почти полное исчезновение варварского компонента из просопографии Ольвии.

Освоение низовьев Днепра и Буга, как отмечено Ю.Г. Виноградовым в публикуемой в этом же сборнике статье "О политическом единстве Березани и Ольвии", было перманентным процессом и имело тесную связь с историей складывания Ольвийского государства. Здесь же автор сопоставил "эмпорий борисфенитов" с поселением на острове (в древности – полуостров) Березань.

Он выделяет три этапа в процессе освоения Нижнего Побужья, причем с третьим этапом связано окончательное оформление гражданской общины нового полиса и его основных институтов, а также происходит широкомасштабное освоение ольвийской хоры. Автор приводит целый ряд косвенных свидетельств в пользу аристократического характера правления Ольвийского полиса, что не укладывается в рамки общепринятых представлений (В.В. Латышев).

Изучению значения религиозного сообщеста орфиков в политической и культурной жизни Ольвии посвящена статья "К функциональной и исторической интерпретации орфических табличек из Ольвии" (S. 242–249). Ю.Г. Виноградов рассмотрел три пластинки, обнаруженные в слоях теменоса и датируемые по данным стратиграфии V в. до н.э., а на основе особенностей палеографии второй – третьей четвертью. Исследование содержания надписей на табличках, а также привлечение исторических параллелей позволили автору сделать вывод о существовании в Ольвии религиозного сообщества почитателей Диониса, объединяющего представителей ольвийской элиты, которые служили, по аналогии с политическими системами этого времени греческих городов Сицилии и Великой Греции, опорой тиранической власти. Не исключено, что бронзовая табличка судьи-дикаста из Эрмитажного собрания, поступившая туда без паспорта из Русского археологического общества, происходит из Ольвии, где засвидетельствованы многочисленные данные о существовании этого института, например исследовано здание дикастерия с комплексом специфических находок (с. 634–640).

В статье "Синопа и Ольвия в V в. до н.э. Проблема политического устройства" автор попытался проследить исторические судьбы только двух понтийских колоний Милета – Синопы и Ольвии в V в. до н.э. (S. 230–241). Всесторонний анализ источников, в том числе и эпиграфических, позволил автору прийти к выводу о том, что катализаторами процесса, благодаря которому произошла демократизация государственной структуры этого полиса, могли служить как внешняя угроза и внутренняя социальная борьба, так и экологическая обстановка. Неисчерпаемые ресурсы обусловливали быстрый экономический рост, который, в свою очередь, вел к значительной имущественной дифференциации, а затем и к социальной поляризации различных групп населения.

Ольвийский декрет о монете, вотированный экклесией по предложению Каноба, сына Трасидаманта, был введен в научный оборот более 100 лет тому назад, однако до сей поры споры о датировке документа и о проблеме стоимости золота и серебра в IV в. до н.э. не затихают (S. 250–275). Ю.Г. Виноградов и П.О. Карышковский высказали целый ряд аргументов в пользу датировки его 30-ыми годами IV в. до н.э. В частности, для обоснования этой датировки был использован целый комплекс методов датирования документа: палеографический, как отмечает Ю.Г. Виноградов, наиболее надежный и универсальный, в связи с чем в статье дан очерк развития ольвийской палеографии в IV в. до н.э., а также просопографический, языковый и формулярный. Новая датировка и новое прочтение одной из строк декрета позволили внести поправку в расчеты ratio золота и серебра и объяснить причину появления этого декрета введением золотого стандарта, который вызвал удешевление драгоценных металлов, что потребовало официально определить цену электоровых кизикинов, издавна являвшихся средством обращения в понтийской торговле.

Статья "Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э." (S. 276–322), написанная также совместно с П.О. Карышковским, посвящена во многом изучению тех изменений, которые произошли в ольвийском государстве в результате опасности, которая нависла над городом во время осады Зопирионом. В немалой степени своим появлением эта статья обязана находке еще одного фрагмента декрета в честь Каллиника, что значительно увеличило информативную ценность этого документа в целом. Датировка надписи по данным палеографии, а также параллели, установленные с сообщением Макробия о кассации долгов, и соотнесение сообщения о редукции полноценной меди с переходом на чеканку медной монеты, известной по данным нумизматики, позволили авторам датировать ее периодом осады города македонским полководцем. Принятые меры, одна из ведущих ролей в осуществлении которых принадлежала Каллинику, сыну Евксена, реорганизовали финансовую жизнь и повлияли на общую демократизацию политического режима Ольвии. Гораздо хуже изучена история Ольвии после гетского разгрома (середина I до н.э.), так как она хуже обеспечена необходимыми источниками, что осложняет создание детализированной и обоснованной периодизации этого периода.

О существовании протектората Рима над этим причерноморским центром в начале I в.н.э. свидетельствует, по мнению Ю.Г. Виноградова ("Ольвия и Траян" (S. 341–345)), эпитафия на надгробии воина Афинокла сына Афинокла, который был послан в составе вспомогательного отряда пехотинцев в Ольвию для ее защиты от варваров.

В статье "Ольвия и Прусиада на Гипне в эпоху Северов" автор касается наиболее обеспеченного источниками периода этой эпохи (S. 346–354). Время правления Северов (193–235 гг.) характеризуется обилием ольвийских декретов, а также значительным ростом ввоза римской монеты и появлением медных ольвийских монет провинциальноримского типа, что свидетельствует о переживаемом городом-государством подъеме, который автор связывает с включением Ольвии в состав римской провинции Нижняя Мезия (S. 352–353). Среди малоазийских центров Понта, упомянутых в надписях этого времени, названа Прусиада на Гипне в Вифинии, история которой изучена довольно слабо. Три ольвийских надписи позволили автору воссоздать жизненный путь уроженца Прусиады Маркиана, обосновавшегося в конце II в. в Ольвии.

Статья "Киклические поэмы в Ольвии" посвящена изучению граффито на обломке черно-лакового килика, обнаруженного в 1959 г. при раскопках Ольвии (S. 385–396). Нацарапанная неумелой детской рукой с ошибкой, эта надпись трактована автором как школьное упражнение. Однако его находка имеет и более широкое значение, будучи одним из ранних свидетельств о "Малой Илиаде", дошедшей до нас в основном в "Хрестоматии" грамматика Прокла (II в. н.э.), и косвенным подтверждением популярности киклических поэм в V в. до н.э.

В статье "Образование территориального Херсонесского государства" (S. 420–483), написанной в соавторстве с А.Н. Щегловым, подчеркиваются особенности колонизационного

процесса в этой части Крымского побережья, связанные с освоением его дорийцами. Это обстоятельство, наряду с ограниченностью продовольственных ресурсов этой территории и враждебностью местного таврского населения, наложило глубокий отпечаток на все стороны жизни херсонесского полиса и его общины.

В статье "Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике" (S. 484–492) через призму ольвийской истории рассмотрены тексты нескольких граффити с городища Панское I. Одно из них оказалось выдержкой из известного ольвийского проксенического декрета в честь двух афинян. Автор датирует эту надпись 40–30-ми гг. IV в. до н.э. и считает ее свидетельством присутствия ольвиополитов на этой территории или по крайней мере свидетельством действия здесь ольвийских законов (S. 487). Имеющийся эпиграфический материал, прежде всего Присяга херсонеситов, позволил Ю.Г. Виноградову высказать предположение о существовании на периферии Херсонесской хоры центра оппозиции демократическому устройству херсонесского государства и военного столкновения, довольно стабильных отношениях между Ольвией и Херсонесом.

Небольшой экскурс в политическую историю этой территории в конце II в. до н.э. удался в статье "Неизвестный до сих пор эпизод из войны Митридата VI против крымских скифов", написанной в соавторстве с С.Ю. Внуковым (S. 493–500). Фрагментированная надпись, обнаруженная в хозяйственной яме на поселении Кара-Тобе, датирована по палеографическим признакам II–I вв. до н.э. и интерпретирована на основе широкого сравнительного материала как фрагмент памятника победы, трофея, воздвигнутого неким Аристоником, по мнению авторов, одним из офицеров армии Диофанта, после разрушения одного из скифских укрепленных пунктов, что, согласно декрету Диофанта, могло произойти в 113 г. до н.э.

В рамках раздела по боспорской тематике, представлены работы, посвященные в основном политической истории Боспорского царства, государственная структура которого сформировалась из амфиктионии полисов под эгидой рода Археанактидов примерно в 480 г. до н.э. и которое постепенно превратилось в тиранически управляемое государство, имевшее в своем составе как греческие города-полисы, так и целый ряд варварских племен. Это оригинальное политическое образование имеет много общего с политической системой сицилийской державы Дионисия. Об особенностях этого режима, сравнительная характеристика которого была дана автором в обобщающей работе (см.: S. 113–131), можно судить на основе эпиграфических памятников, происходящих в основном из Северного Причерноморья. Один из таких документов, обнаруженный в 1986 г. в окрестностях древней Фанагории, был проанализирован автором, однако текст этого исследования не вошел в этот сборник (Виноградов Ю.Г., 1991).

Вопросы, связанные с датой основания Пантикапея и политическим статусом раннего поселения, затронуты в статье "Прохус Миниады из Пантикапея" (S. 501–514). Особенности палеографии граффито на горле сероглиняной ойнохои (прохуса) позволили автору датировать ее второй четвертью – серединой VI в. до н.э. Имя хозяйки кувшина, по-видимому, представительницы одного из первых поколений колонистов, имеет греко-ионийские корни, оно известно в Милете и в карийских городах.

Некоторые аспекты боспоро-ольвийских дипломатических взаимоотношений проанализированы автором в статье "Ольвия и Боспор в начале IV в. до н.э.", написанной в соавторстве с Х. Хайненом. Поводом для этого послужила находка в Ольвии в 1991 г. мраморной стелы с текстом декрета в честь некого Сатира, который, судя по приведенным авторами доводам, имел очень высокий статус. Это обстоятельство наряду с датировкой надписи позволило выяснить, что вторым из действующих лиц высеченного на стеле договора был не кто иной, как правитель Боспора Левкон I, который в период войны с Феодосией нуждался в союзнической поддержке Ольвии.

В статье "Полемон, Херсонес и Рим" (S. 563–576) автор обратился к истории "одного из самых темных периодов в истории Боспорского царства" – с середины I в. до н.э. по середину I в. н.э., политическую основу которой составляли взаимоотношения Боспора с Римом и Херсонесом, принявших деятельное участие в борьбе за царскую власть Полемона II с Митридатом Пергамским, известной нам, благодаря сообщению Диона Кассия. Новое прочтение почетной надписи из Херсонеса позволило автору предположить оказание военной поддержки херсонеситами объединенным силам Полемона II и вексилляции римской мезийской армии, за что им, возможно, была обещана желанная независимость.

Некоторые проблемы взаимоотношения Скифии и Боспора в позднеэллинистическую эпоху были рассмотрены Ю.Г. Виноградовым в исследовании, посвященном изучению вотивной надписи дочери скифского царя Скилура Сенамотис (S. 526–562). Надпись, датированная по данным палеографии, просопографии и нумизматики в промежутке времени ок. 140–111 гг. до

н.э., была вырезана на мраморном жертвенном столе, обнаруженном при раскопках святилища на горе Митридат. На основании данных этой надписи была предложена, как признает сам автор, довольно гипотетичная хронология правления поздних Спартокидов (S. 537). Свидетельство существования практики греко-скифских династийных браков, которая началась, по мнению Ю.Г. Виноградова, со второй четверти II в. до н.э., послужила поводом для формулирования гипотезы о существовании оборонительного союза между Боспорским и Скифским царствами, который был направлен прежде всего против сарматской опасности, но мог быть использован и в борьбе против, например, Херсонеса. Кроме того, автор обращается к событиям, приведшим к убийству Перисада V и личности Савмака, который, по мнению Ю.Г. Виноградова, опирался на ограниченную группу заговорщиков, а не на широкое движение скифского населения на Боспоре.

Замыкают этот "перипл" статьи, посвященные материалам из Закавказья. Работа "Бронзовая плита с надписью из Вани" посвящена памятнику античной эпиграфики, обнаруженному при раскопках в этом храмовом городе Колхиды. Эпиграфические документы представляют собой довольно большую редкость в Колхиде и Иберии в целом (S. 577–601). Кроме того, это вторая в северопричерноморском регионе находка надписи на бронзовой плите. Первая – обломки бронзовой стелы из Эшеры – рассмотрена в приложении к статье. По палеографическим признакам надпись из Вани датирована автором концом IV – III в. до н.э. Несмотря на недостаточную информативность дошедшей до нас части документа, в ней сохранились лишь клаузулы, содержащие указание на то, что последует при нарушении постановления, автор склонен считать эту надпись сакральным законом. Причем архаичный стиль документа имеет аналогии среди эпиграфических памятников из периферийных районов (Крит, Северное Причерноморье, Херсонес, Малая Азия и т.п.), Автор не исключает возможность влияния ахеменидских традиций.

Некоторые из исследуемых автором эпиграфических памятников были найдены в значительном удалении от причерноморского побережья. В частности, посвятительная надпись Матери богов Ολυβρις на небольшом алтарике из пористого известняка, обнаруженном в Арени (Армения), была выполнена, по мнению Ю.Г. Виноградова, простым легионером, выходцем из одной из близлежащих малоазийских провинций, который во время одной из военных операций 163 г. н.э. оказался в составе войск Стация Вера в этих местах (S. 602–612).

Насколько возрастает информативная ценность материалов, обнаруженных на дальней периферии античного мира, в случае обнаружения на них посвятительных надписей, а также насколько важен системный подход и опыт при их чтении, а не механический подбор подходящих слов, показано в статье "Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья" (S. 641–647). Особый интерес в этом отношении вызывает исследование "Перстень царя Скила (скифская политическая и династическая история в первой половине V в. до н.э.)" (S. 641–647). Более ранняя по времени, чем легенда на щитке, надпись на дужке перстня содержит имя Аргота, отца Скила, который, по предположению автора, являлся основателем новой скифской династии в период значительного усиления Скифского царства в Северном Причерноморье.

Автор за редкими исключениями не модернизировал текст своих работ, но снабдил их дополнениями, в которых, в частности, получила отражение полемика вокруг тех или иных положений его разработок (S. 97–99, 132, 275, 321, 322, 334–335, 384, 419, 632). Известно, что наиболее уязвимой частью любого исследования подобного рода является раздел, посвященный интерпретации содержания прочитанных надписей в соответствующем контексте, что позволяет рассматривать его как факт исторический (Утченко С.Л., 1998, с. 9). Вполне естественно, что при крайней ограниченности в первую очередь письменных источников по северопонтийскому региону в целом попытка соединения дошедших до нас совсем немногочисленных, разрозненных фактов из хаоса событий обречена остаться гипотезой большей или меньшей достоверности. Тем не менее, судя хотя бы по значительному числу работ в рецензируемом сборнике, написанных в соавторстве, у Ю.Г. Виноградова много и единомышленников.

Фундаментальность всей книге, несомненно, придают необходимые указатели (S. 665–703).

Большая часть вошедших в этот сборник исследований в разное время была опубликована на русском языке, причем значительная их часть появилась на страницах журнала "Вестник Древней истории". Менее доступными они оказались для западноевропейских исследователей, поэтому рецензируемое издание призвано восполнить данный пробел. В этом, безусловно, практический смысл появления сборника трудов Ю.Г. Виноградова.

Выход в свет "Kleine Schriften" – это прежде всего дань глубокого уважения немецких ученых к своему российскому коллеге, стипендиату фонда Гумбольдов в 1986–1987 г. Подготовка

такого издания – огромный труд, который взялся выполнить целый коллектив специалистов в разных областях, прежде всего по истории Древнего мира: среди них профессор Трирского университета Х. Хайнен (главный редактор), сотрудник Немецкого археологического Института (Берлин) Б. Беттгер и др.

Как уже указывалось выше, рецензируемая книга охватывает 25-летний период научного творчества. Работы, объединенные в основном по географическому принципу, не представляют единое монографическое целое, но позволяют представить динамику исследовательского процесса автора, в который постепенно оказываются вовлечены все новые источники, новые регионы и новые хронологические периоды.

Институт археологии РАН, Москва *А.А. Малышев*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов Ю.Г., 1983. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М.

Виноградов Ю.Г., 1989. Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.

Виноградов Ю.Г., 1991. Фанагорийские наемники // ВДИ. № 4.

Утченко С.Л., 1998. Факт и миф в истории // ВДИ. № 4.

MICHEL KAZANSKI. LES SLAVS. LES ORIGINES (I-er – VII-e siècle après J.-C.). Paris, 1999. 159 p.

Книга посвящена ранней истории славян и написана преимущественно на основе археологических материалов. На первых страницах, отвечая на вопрос, почему античные авторы не знали славян, М. Казанский пишет о двух возможных обстоятельствах: или славяне не играли активной роли в политической истории варварской Европы, или они как отдельный индоевропейский этнос образовались сравнительно поздно – накануне римского времени. Автор считает, что материалы языкознания, археологии и антропологии не дают ясного ответа на поставленный вопрос. Он склоняется к мысли, что длительное время существовала балто-славянская этноязыковая общность, из которой лишь в римское время выделились и начали самостоятельное развитие славяне. В это время они, с одной стороны, соседствовали с балтами, с другой, южной, – со скифами и сарматами, ираноязычными номадами севернопричерноморских степей.

В такой ситуации, утверждает М. Казанский, славяне и были впервые зафиксированы римскими авторами первых веков н.э. В сочинениях Плиния (24–79 гг.) и Тацита (98 г.) они упомянуты под именем венедов, а в "Географическом руководстве" Птолемея (середина II в.) названы и венедами, и ставанами. Вслед за Д.А. Мачинским и М.Б. Щукиным автор считает возможным локализовать венедов в Припятском бассейне и Среднем Поднепровье и полагает, что это были племена зарубинецкой культуры. Последняя прекратила свое развитие в результате вторжения в 30–70-е годы I в. н.э. сарматов. В результате носители зарубинецкой культуры разбредаются в разных направлениях. Древности постзарубинецкого облика кроме Среднего Поднепровья фиксируются на Южном Буге (памятники типа Рахны), Днестре (Зубра, Пидбирцы), на Западном Буге (Гриневичи Вельки), на Десне (почепская культура), на верхнем Днепре (Абидня и древности типа среднего слоя Тушемли), на верхней Оке (мощинская культура), на средней Волге, в районе Самары. Сообщение Тацита о том, что "венеты... обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и феннами" будто бы отражает ситуацию этого времени.

На основе постзарубинецких древностей в Среднем Поднепровье и смежных областях Верхнего Поднепровья, согласно работам Е.А. Горюнова, Р.В. Терпиловского и А.М. Обломского, складывается киевская культура. Характеризуя ее материалы, М. Казанский утверждает, что их носителями были венеты, кратко описанные Иорданом. Последний сообщает, что король гóтов Германарих после избиения герулов направил свое войско на венетов, которые первоначально оказали сопротивление, но были побеждены и подчинились королевству остготов. Последнее

© В.В. Седов, 2000 г.

идентифицируется М. Казанским с черняховской культурой. В материалах киевской культуры выявляются черняховские элементы (фибулы, оружие, керамика), что рассматривается как готское влияние, в связи с чем автор относит к этому моменту и проникновение в славянский язык некоторых германских лексем.

С(к)лавенами Иордана, согласно представлениям М. Казанского, были носители пражско-корчакской культуры в Припятском регионе – потомки птолемевых ставанов. На поселении Остров около Пинска, принадлежащем этой культуре, найдены черняховская фибула и многогранные бусы из синего стекла, датируемые концом IV – началом V в. Это позволило М. Казанскому говорить о соседстве памятников типа Остров с черняховской культурой и о какой-то связи их с постзарубинецкими и киевскими древностями. По мнению автора, пражско-корчакская культура обнаруживает черты сходства с днепро-двинской культурой Северной Белоруссии. Далее отмечается, что Б.А. Рыбаков идентифицировал последнюю культуру с андрофагами Геродота, которые были канибалами. Они-то, по мнению М. Казанского, скорее всего, и были предками той группы славян, которые Иорданом именуются склавенами. Каких-либо данных, свидетельствующих об эволюции пражско-корчакской культуры Припятского Полесья из днепро-двинской, не приводится.

В конце римского периода начинается распространение славянского языка в лесных областях Русской равнины. В Верхнем Поднепровье в условиях взаимодействия аборигенов и мигрантов (венедов или балтов?) формируется тушемлинская культура. Топонимика в ее ареале, отмечает М. Казанский, балтская. Отсюда делается вывод, что древние балты были предками славян, а славянский язык стал модификацией балтского. Население культуры штрихованной керамики после IV в. было ассимилировано тушемлинцами. Распространение древностей типа Заозерье автор рассматривает как результат проникновения в северо-западные земли Восточно-Европейской равнины носителей киевской культуры, т.е. венедов. В этой связи обращается внимание на наличие в средневековом диалекте Новгорода Великого некоторых восточногерманских лексических заимствований и делается заключение о том, что они восходят к переселенцам – носителям древностей типа Заозерье, вышедшим из регионов, соседствующих с черняховским ареалом. Население мощинской культуры (балты или балто-славяне) проникло в Среднее Поочье (культура рязанско-окских могильников). В лесной зоне Восточной Европы в позднеримский период население было разноэтничным – славянские, балто-славянские и балтские диалектные регионы рассредотачивались вперемешку.

Часть племен киевской культуры в III–IV вв., продолжает М. Казанский, расселяется в восточном направлении, оседает на Дону и Хопре (Шапкино-2, Иняшево) и достигает Самарского Поволжья (Лбище).

Далее, обращаясь к Певтингеровой таблице, исследователь полагает, что венеды этого документа III в. н.э., локализуемые между Дунаем и Днестром, являются носителями древностей типа Этулия-Чимишкой – культуры скифских традиций и постзарубинецкого воздействия. Венедо-сарматы, локализуемые на той же карте-таблице севернее и северо-восточнее Карпат, отождествляются с племенами, оставившими памятники Бовшев-2, Демьянов-2, Рипнев-2, Черепин и им подобные. Это были славяне в составе готской федерации, т.е. среди населения черняховской культуры.

Заключая раздел, посвященный древностям I–IV вв., М. Казанский полагает, что в римское время балты и славяне не были еще дифференцированы полностью.

В следующей главе рассматриваются события V в. Они связаны прежде всего с нашествием в Европу гуннских орд и разгромом ими Готского политического образования. Вместе с гуннами отдельные группы славян появляются в это время в Среднедунайских землях.

М. Казанский присоединяется к мнению ряда украинских и российских археологов о формировании в V в. в результте эволюции киевской культуры колочинских древностей в Верхнем Поднепровье и пеньковских – в левобережной части Среднего Поднепровья. Носители последних осваивают и области междуречья Днепра и Днестра. Третьей культурой славян была пражско-корчакская.

Севернее славянского ареала простирались области, заселенные балто-славянами. Это племена тушемлинской, мощинской и культуры длинных курганов. Последняя культура, как и тушемлинская, сформировалась, по представлениям М. Казанского, при участии переселенцев – носителей древностей типа Заозерье. Этническая ситуация в ареале этих культур рассматривается исследователем противоречиво. С одной стороны, автор не соглашается с В.В. Седовым, утверждающим на основании встречаемости на территории культур псковских длинных курганов и тушемлинской вещевых находок среднеевропейских типов конца IV–V в. и керамики, близкой к пражско-корчакской, славянское проникновение в среду балтов и прибалтийских финнов. С другой стороны, через несколько страниц автор допускает миграцию носителей

пражско-корчакской культуры при формировании культуры длинных курганов. О проникновении славян в V – начале VI в. в Новгородское Верхневолжье, отмечает М. Казанский, говорят и материалы Юрьевской Горки в Удомельском Поозерье.

Отдельные находки V в., полагает М. Казанский, свидетельствуют о проникновении в лесные области Восточной Европы небольших групп гуннов и дунайских германцев.

В заключение раздела автор утверждает, что гуннское нашествие дало возможность славянам выйти на историческую арену. Покинув лесную зону, они двинулись на юг, навстречу античной цивилизации, и стали известным раннесредневековым авторам этносом.

Третий раздел рецензируемой книги посвящен великой славянской миграции VI–VII вв. Достигнув границ Византийской империи, славяне переходят их и шаг за шагом осваивают Балканские земли, проникают в Грецию и на острова Эгейского моря. Об этих событиях автор рассказывает в основном по историческим данным, вспомогательно привлекая материалы археологии, которые говорят о значительной роли антов в этой миграции. В Среднем Подунавье население сложившегося здесь Аварского каганата было этнически смешанным, а в Моравии, Далмации и Хорватии доминировали славяне. В VI в., сообщает далее М. Казанский, славяне, носители пражско-корчакской культуры, расселяются также по Одеру и Эльбе.

Автор полагает, что, благодаря "дунайским войнам" и расселению на Балканах, экономика славян активно прогрессировала. Развитие культуры славян под византийским влиянием иллюстрируется орудиями сельскохозяйственного труда из раскопок памятников пеньковской культуры Северного Причерноморья.

В объемной четвертой главе книги характеризуются археологические культуры VI–VII вв. – пражско-корчакская, пеньковская, колочинская, тушемлинская и длинных курганов. Описание выполнено квалифицированно, использована обширная литература, в том числе и новейшая. Ответвлением пражско-корчакской автор считает суковско-дзедзинскую культуру. Однако условия образования последней он не объяснил. Много внимания уделяется пеньковским древностям (анты) Северного Причерноморья. М. Казанский справедливо отмечает, что в этом ареале островками проживали также гунно-болгары и аланы. Гипотеза Б.А. Рыбакова о русах в Среднем Поднепровье оспаривается. Росов Захарии Ритора автор считает мифическими. Весьма неясно излагается ситуация с волынцевской культурой. По мнению М. Казанского, это были славяне (severa – северяне), находившиеся под властью Хазарского каганата. Славянам безоговорочно приписывается и колочинская культура, поскольку она эволюционировала из киевской.

Конец тушемлинской культуры, отмечает М. Казанский, обусловлен вторжением на ее территорию в VII в. племен культуры длинных курганов. На первом этапе (V–VII вв.) последняя занимала Псковско-Новгородские земли. Ее носителями были, согласно М. Казанскому, местные финны, балто-славяне и, возможно, славяне-склавены.

В заключительном разделе М. Казанский очень кратко рассказывает о судьбе славян, представленных в VI–VII вв. описанными культурными группами. Широкое расселение славян привело к их политической и экономической дифференциации и к сепаратному развитию новообразований. На Балканском полуострове славяне подверглись значительному влиянию византийской культуры. Большую их часть подчинили болгары-тюрки, которые были славянизированы. Наоборот, в Греции ассимилированными оказались славяне. Византийское и субаварское влияние ощущается у славян Подунавья и соседних земель. В IX в. начинается зарождение государственности в этом регионе.

В Восточной Европе потомками племен пражско-корчакской культуры стали летописные поляне, древляне и волыняне, пеньковской – уличи и тиверцы. Восточная часть ареала пеньковской культуры была занята тюркскими и аланскими племенами. Носители волынцевской культуры, расселившиеся на Дону и Оке, стали вятичами.

В VII–VIII вв. в лесных областях Восточной Европы расселяются славяне с Дуная. Таковыми были, по мнению автора, словене новгородские и полочане. В конце VII в. в Ладоге появляются скандинавы и тогда же в Приильменье складывается культура сопок, включающая славян, финнов и норманнов. В IX в. это – регион формирования будущих русов.

В целом труд М. Казанского заслуживает положительной оценки. В нем собраны и изложены археологические материалы по раннесредневековому славянству, что представляет несомненный интерес для франкоязычного читателя. Вместе с тем, со многими построениями и утверждениями автора книги никак невозможно согласиться. Это касается преимущественно освещения этногенетических вопросов, предлагаемые в научной литературе решения которых на современном этапе наших знаний всегда дискуссионны. Сосредоточивая внимание на анализе таких спорных и, на мой взгляд, неприемлемых моментов, полагаю, что это в той или иной степени будет способствовать продвижению вперед в разработке этногенеза ранних славян.

Начинать историю славян с зарубинецкой культуры абсолютно неправомерно. Собственно археологическими методами установить принадлежность племен этой культуры славянскому этносу невозможно. Письменные же памятники первых веков нашей эры не дают ни малейших оснований для локализации славян-венедов в ареале зарубинецкой культуры, т.е. в Припятском Полесье и Среднем Поднепровье. В сочинениях Плиния, Тацита и Птолемея нет географических координат, которые как-то позволили бы связывать этот регион с венедами. Птолемей прямо связывает территорию проживания их с бассейном Вислы: "...занимают Сарматию очень большие народы – венеды вдоль всего Венедского залива... И меньшие народы населяют Сарматию: по реке Вистуле ниже венедов гитоны... Восточнее... ниже венедов, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов..." (Свод..., 1994, с. 51). Согласно Плинию, Энингия "населена вплоть до реки Висулы сарматами, венедами, скирами и хиррами" (Свод..., 1994, с. 25). По Тациту венеды заселяли земли у границ Свевии (Германии), каковой, по античной традиции, была Висла. Вся венедская номенклатура Птолемея сконцентрирована в округе Повисленья (Венедский залив – ныне Гданьский, Венедские горы – предположительно Восточнопрусское плато).

Что касается ставанов Птолемея, то конкретные места их проживания (где-то между галиндами и судинами, с одной стороны, и аланами, с другой) трудноопределимы. Начиная с П. Шафарика, ставаны интерпретируются как славяне. Однако это не является обоснованным. Имеется ряд лингвистических моментов, говорящих против тождества ставаны-славяне. К. Мюлленхофф считал ставанов одним из балтских племен (Свод..., 1994, с. 59).

М. Казанский замечает, что лингвистика не располагает данными для конкретной датировки начальных периодов развития праславянского языка. Это действительно так. Однако это не является основанием полного игнорирования новейших достижений языкознания. А они явно противоречат предлагаемым М. Казанским построениям раннего славянского этногенеза. Работами О.Н. Трубачева показано, что славянская ремесленная лексика зарождалась в центральноевропейском регионе во взаимодействии с кельтской, германской и италийской. В.В. Мартынов выявил следы языкового взаимодействия славян с прагерманцами, которое никак не может быть отнесено ко времени позднее середины I тыс. до н.э. Прагерманской в материковой Европе могла быть лишь ясторфская культура и, следовательно, территория ранних славян может находиться где-то по соседству с ареалом этой культуры. Лингвистические данные достаточно определенно свидетельствуют, что ранние славяне имели тесные контакты с западными балтами (предками средневековых пруссо-ятвягами) и встретились с восточными балтами (средневековыми летто-литовцами) не ранее середины I тыс. н.э. Это явно противоречит среднеднепровско-припятской локализации ранних славян. На соседство венедов-славян с западными балтами (галиндами и судинами) указывает и Птолемей.

Не находит подтверждения в лингвистических материалах и догадка об атрибуции верхнеднепровского и западнодвинского населения (до прихода славян) как балто-славянского. В языковедческой литературе существует мнение о существовании в древности балто-славянской языковой общности, в результате распада которой образовались балты и славяне. Другие ученые относятся к такой гипотезе крайне критически. М. Казанский принимает ее в своих построениях. Более того, он, следуя за Х. Бирнбаумом и М.Б. Щукиным, допускает существование в лесной зоне Восточной Европы вплоть до последней четверти I тыс. н.э. нераспавшегося балто-славянского языка. Эта мысль не находит подтверждения ни в языковых, ни в археологических материалах. Данные же гидронимии говорят о принадлежности населения Верхнего Поднепровья, Витебско-Полоцкого Подвинья и Белорусского Понеманья (до прихода славян) балтскому (а не балто-славянскому) этносу.

Остались вне внимания М. Казанского и интереснейшие изыскания Ф. Малингудиса о славянских лингво-ономастических элементах на территории Греции. Последние со всей определенностью свидетельствуют, что славяне, расселившиеся здесь в VI–VII вв., прежде были достаточно хорошо знакомы с провинциальноримской цивилизацией. Об этом говорит уровень их культуры, социальных отношений и особенно сельскохозяйственной деятельности. Знакомство славян с римской культурой при этом проявляется в земледельческой и строительной лексике, в терминах, связанных с обработкой металлов и дерева, ткачеством, пчеловодством и рыболовством. Такая ситуация могла сложиться только в условиях прежнего длительного (никак не кратковременного) проживания славян в пределах распространения провинциальноримской культуры.

К. Годловский и М.Б. Щукин указывают на то, что модель раннесредневековых славянских культур по уровню общественно-экономического развития не соответствует провинциальноримскому и более близка населению, представленному в первой половине I тыс. н.э. постзарубинецкими древностями и киевской культурой. Однако это никак не может быть исполь-

зовано для отрицания проживания славян в провинциальноримском ареале и послужить основой славянской атрибуции постзарубинецких древностей. Различия между уровнями социально-экономического развития позднеримского времени и раннего средневековья достаточно объяснимы исторической ситуацией, имевшей место в период Великого переселения народов и приведшей к упадку культуры и экономики.

Множество вопросов возникает при ознакомлении с разделами книги М. Казанского, в которых характеризуются культуры раннего средневековья лесной полосы Восточной Европы. Автор полагает, что наиболее ранние древности пражско-корчакской культуры (конец IV – начало V в.) сосредоточены в Припятском Полесье. Но здесь имеется только один памятник (поселение Остров близ Пинска), в котором сделаны находки этого времени, что недостаточно для широких заключений. Абсолютно невозможно согласиться с М. Казанским в том, что становление древностей типа Остров связано с постзарубинецкими и киевской культурами, а предками носителей пражско-корчакской культуры будто бы были племена днепро-двинской культуры раннего железного века. Никаких данных об эволюционной связи этих культур в распоряжении науки нет. Нет ни малейших оснований и для утверждения миграции верхнеднепровско-двинского населения в Припятское Полесье. Думается, что автору следовало бы коснуться построений В.Д. Барана, который обнаруживает истоки пражско-корчакской культуры в черняховских древностях лесостепной полосы правобережной Украины. Здесь известны поселения пражско-корчакской культуры V в., на которых встречены подвязные и другие фибулы, характерные для римского времени (Славяне..., 1990, с. 335–362).

В этнокультурных построениях М. Казанского явно преувеличивается роль древностей типа Заозерье. Их носители в Смоленском Поднепровье и Подвинье были малочисленными и растворились в местной среде, не дав какого-либо продолжения. Становление тушемлинской и культуры псковских длинных курганов происходило явно не на местной основе. Как показано мною, этот процесс обусловлен миграцией в лесные земли Восточно-Европейской равнины в период Великого переселения народов крупных масс среднеевропейского населения (Седов В.В., 1997, с. 145, 146; 1998, с. 54–67). Впрочем, с этим согласен и М. Казанский. Он допускает миграцию в V – начале VI в. в ареал становления культуры ранних длинных курганов племен пражско-корчакской культуры. Однако здесь в его построениях выявляется существенное противоречие. Раньше исследователь утверждал, что в V в. население пражско-корчакской культуры концентрировалось в южной части Припятского Полесья и верховьях Западного Буга до бассейна Сана на западе, а в центральноевропейские области проникло в основном уже в VI в. (не ранее конца V в.). Но в таком случае центральноевропейские носители пражско-корчакских древностей не могли участвовать в формировании культуры псковских длинных курганов, начало которой определяется по последним данным концом IV – началом V в.

Напрасно М. Казанский не соглашается со мной в племенной атрибуции племен культуры псковских длинных курганов. Он считает, что это были автохтонные балто-славяне и финны. Отнесение этой культуры к славянской не исключает наличия в ее ареале местных финнов и балтов. Мне неоднократно приходилось отмечать, что кривичи – носители культуры псковских длинных курганов – это не только пришлые славяне, но и аборигенное неславянское население. Образование единой культуры, объединившей это разноплеменное население, – показатель начавшегося процесса славянизации местных жителей. К моменту образования государственности это было уже древнерусское население.

Нельзя согласиться с утверждением М. Казанского о вырастании суковско-дзедзицких древностей из пражско-корчакских. В отличие от полуземляночных жилищ с печами пражско-корчакской культуры для поселений суковско-дзедзицкого ареала характерны наземные жилища с очагами и овальными ямами. Это обстоятельство (наряду с другими) указывает на самобытное развитие суковско-дзедзицкой культуры раннесредневекового славянства. К тому же начало ее восходит ко второй половине (или к концу) V в., что не дает возможности рассматривать эту культуру как ответвление пражско-корчакской.

При характеристике киевской культуры М. Казанский пишет о расселении ее носителей на Дон, Хопер и Волгу. Но какова была судьба этих переселенцев, остается неизвестным.

Догадка автора о происхождении новгородских словен и полочан из Дунайских земель не имеет какой-либо археологической аргументации и должна быть отвергнута.

Институт археологии РАН, Москва *В.В. Седов*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Свод древнейших письменных известий о славянах, 1994. Т. I. М.

Седов В.В., 1997. Этногенез славян в древности и начале средневековья // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М.

Седов В.В., 1998. Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период Великого переселения народов // РА. № 2.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период, 1990. Киев.

ПЕРВЫЕ РЫБОЛОВЫ В ЗАЛИВЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО. ПРИРОДА И ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК В БУХТЕ БОЙСМАНА / Отв. ред. Ю.Е. Вострецов, Владивосток. ДВО РАН. 1998. 390 с., 177 илл., 29 табл.

За рубежом давно сложилось целое направление по изучению приморских археологических культур – сотни авторов и тысячи работ. В США с 60-х годов XX в. существует береговая археология со своими специфическими методами исследований. В России, берега которой омывают 13 морей, приморской археологии почти не уделяется внимание, а исследователей можно перечислить по пальцам: С.А. Арутюнов, Р.С. Васильевский, А.А. Василевский, Ю.Е. Вострецов, В.А. Голубев, С.В. Гусев, А.И. Лебединцев, А.А. Орехов, В.В. Питулько, В.Я. Шумкин.

Коллективная монография представляет собой первую в российской археологии фундаментальную работу по приморской адаптации. Книга состоит из двух частей, включающих девять глав. В написании работы приняло участие восемь авторов, представляющих археологическую, географическую и биологическую науку.

Часть 1 «Археологические материалы поселений и окружающая среда» во многом традиционна по своей структуре для российской археологии. В то же время среда обитания рассматривается не как формальный фактор, а составной элемент адаптации, участвующий в расселении и формировании культурно-хозяйственных типов.

В главе 1 "Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого" предлагается палеогеографическая реконструкция окружающей среды в среднем голоцене. В методическом плане глава выгодно отличается от подобных глав в работах археологов различных регионов прежде всего детальным рассмотрением динамики береговой линии и ландшафтов через призму адаптации населения к условиям палеосреды. Расселение рассматривается в контексте с фазами морских трансгрессий и регрессий. На наш взгляд, авторы главы А.М. Короткий и Ю.Е. Вострецов выдвинули важный постулат о пороге безопасной скорости трансгрессии: скорость трансгрессии становится опасной для обитания, проживания на побережье, когда скорость подъема уровня моря начинает превышать диапазоны приливных нагонных колебаний (с. 14–15). Постулат очень важен с точки зрения понимания выбора мест для поселений и стоянок. В то же время не учитывается фактор штормовых явлений. С нашей точки зрения, именно зона разрушений в прибрежной полосе при максимальных штормах определяла место выбора для устройства долговременных жилищ.

В главе предлагаются две модели приморских адаптивных стратегий: экстенсивная, с постепенным перемещением людей "по побережью с целью поиска тех типов ландшафтов, которые они привыкли использовать" (с. 15); интенсивная, с освоением новых ресурсов и выработкой для этого "новых навыков, технологий и орудий и, возможно, образа жизни, направленных на преодоление ограничений изменяющейся окружающей среды" (с. 15). При этом авторы не исключают параллельное сосуществование обеих стратегий (с. 15).

Авторы главы указывают на увеличение биопродуктивности в приморской зоне на фазе трансгрессии в интервале от 10 до 6,5 тыс. лет назад. На территории Приморья, Кореи, Японии в этот период появляются поселения морских охотников-собирателей-рыболовов. С другой стороны, не рассматривается вопрос об изменениях в животном мире для континентальной суши. Иными словами, не было ли широкое освоение морских биоресурсов в этот период следствием резкого сокращения количества и видов крупных наземных млекопитающих?

© С.В. Гусев, 2000 г.

По мнению А.М. Короткого и Ю.Е. Вострецова, динамика природных изменений в интервале от 10 до 6 тыс. лет сопровождалась высокой массой биоресурсов при их разнообразии, большой экологической стабильности и наличии "мигрирующих" ресурсов. Указанные черты культурной адаптации охотников-собирателей к морским ресурсам являются одними из основных десяти условий приморской адаптации по Д. Еснеру (Yesner D.R. Maritime Hunter-Gatherers: Ecology and Prehistory // Current Anthropology. 21, 6, P. 727–750). Исходя из динамики природных изменений, авторы постулируют наличие благоприятных факторов для становления оседлого образа жизни, линейной системы расселения, увеличения плотности населения вместе с развитием технологического комплекса и кооперации в эксплуатации ресурсов (с. 16). Поселения устраивались у продуктивных участков морских ландшафтов, представлявших собой выходные части бухт-лагун с опресненной водой, участки островов и полуостровов у противоположной существующим течениям экспозиции (с. 19).

Наиболее подробно рассматривается палеогеографическая ситуация в бухте Бойсмана. Череда морских трансгрессий и регрессий в период от 6,5 до 3,3 тыс. лет определяла выбор мест для поселений (с. 19–27). С резкой перестройкой прибрежных ландшафтов связывается смена бойсмановской культуры зайсановской, а затем зайсановской – янковской (с. 26–27). На наш взгляд, это утверждение слабо аргументировано. Вероятно, помимо возможного экологического стресса у прибрежного населения, определенную роль в культурных изменениях играли социальные факторы.

В главе 2 "Археологические материалы поселений Заречье-1, Зайсановка-3, 4, Ханси-1, Бойсмана-1" (Ю.Е. Вострецов) рассматриваются памятники, составившие основу исследования. Наиболее детально исследовано поселение Бойсмана-1, где раскопано 314 м^2.

Поселение Бойсмана-1 – двухслойное. Здесь выявлены горизонты неолитического времени – "5–3 тыс. лет до н.э." (бойсмановский) и "раннего железного века: I тыс. лет до н.э." (зайсановский) (с. 34). Отличительной особенностью памятника Бойсмана-1 является наличие на нем раковинной кучи неолитического периода. Автор дает детальное описание методики исследования поселения с раковинной кучей. Раковинные отложения раскапывались на основании выделенных разовых выбросов или единиц отложения. Проводилась флотация раковинных отложений с целью выделения карбонизированных семян, плодов и древесины. Приведена подробная схема обработки раковинных отложений (рис. 2.2). Разработанная Ю.Е. Вострецовым методика раскопок раковинной кучи уникальна и апробирована в совместных полевых исследованиях с японскими, британскими и американскими археологами, докладывалась на международных конгрессах в России, Японии, США, ЮАР. К сожалению, эта методика недостаточно широко известна в России.

Наряду с методическими успехами автора необходимо отметить недоработки в методике раскопок. Проводилась фиксация и нивелировка артефактов по квадратам – в 1 м^2, 0,625 м^2 (с. 36). Это не удовлетворяет современным требованиям. Каждый артефакт должен индивидуально фиксироваться. В главе 2 подробно описана планиграфия и стратиграфия раскопа: взаиморасположение жилищных котлованов, ям, раковинных куч. Отмечается, что кости и костяные орудия сохранились только в районах раковинных куч, т.е. там, где они быстро карбонизировались. На кислотных почвах, подобных почвам на поселении Бойсмана-1, кости не сохраняются. В сохранении костных арте- и экофактов "повинны" скопления раковин. В методическом плане этот факт может быть интересен при раскопках других поселений с раковинными кучами.

Бойсманские жилища, раскопанные на поселении, относятся автором к типу заглубленных каркасных построек, рассчитанных, по аналогии с японскими татэана, на 8–10 лет. Избыток ям для опорных столбов и наложение друг на друга очажных пятен в котлованах жилищ, по мнению автора, свидетельствуют в пользу версии о неоднократных перестройках. Правда, с той же долей вероятности можно говорить и о возведении новых жилищ после расчистки оснований предшествовавших жилищ.

Особого внимания заслуживают таблицы из главы 2. В таблицах 2.2 и 2.3 приводятся структура и содержание раковинных куч 2 и 3. Это позволяет представить фактуру. К сожалению, не указаны критерии для количественных параметров. Представленные количественные показатели "мало", "очень мало", "средняя", "средненизкая", "низкая" и т.д. мало чего говорят читателю. Степень концентрации арте- и экофактов, на наш взгляд, желательно отражать или в количественных показателях, или в процентах к общему количеству в куче. В таблицах 2.4–2.7 показано распределение каменных артефактов по стратиграфическим слоям. Неплохо бы для удобства указать их процентное соотношение. В таблице 2.8 представлены радиоуглеродные даты поселений Бойсмана-1 и 2. Материалом для анализа служили раковины, кости человека из погребений, кости животных из раковинных куч, уголь. Всего

представлено 16 дат: 15 – с Бойсмана-2 и 1 – с Бойсмана-1. Основная пачка дат укладывается в интервал 5030–6500 лет, две даты резко отличаются – 2820 и 7640 лет, одна дата – 4470 лет. Дат явно маловато. Необходимо по нескольку дат с каждого жилища.

К недоработке автора отнесем отсутствие в главе ссылок на рисунки артефактов в книге.

В главе 3 "Керамика поселения Бойсмана-1" (автор – И.С. Жущиховская) рассматриваются технико-технологические, морфологические и орнаментальные признаки. Вся керамика разделена на две группы по технике нанесения орнамента: с тиснеными узорами, выполненными зубчато-гребенчатым штампом, и прочерченными (или прочесанными) узорами, в рамках которых рассматриваются все признаки. Правомочность исследования керамики на основе орнамента всегда сомнительна, особенно, как в указанном случае, орнамент положен в основу методики исследования. На наш взгляд, в основе изучения керамики должен лежать функциональный подход. Именно функциональные признаки определяли форму, состав теста и технологию изготовления керамики. Тем не менее исследование И.С. Жущиховской как всегда основательно в части технико-технологического анализа. Отмечается низкий уровень развития гончарства: использование природного глинистого сырья без тщательной обработки, очистки и отощения. В то же время отмечается попытка использования раковин морских моллюсков для отощения. Нельзя не отметить противоречия в суждениях автора главы. На с. 126 говорится об использовании при формовке как жгутового налепа, так и лепки на твердой основе (шаблоне). Этот факт отмечается как особенность керамики Бойсмана-1 в ряду неолитических памятников Приморья. Несмотря на это, на с. 128 отмечается отсутствие вспомогательных приспособлений для формовки на всех неолитических памятниках Приморья, включая Бойсмана-1. Морфология сосудов оценивается как архаичная. Основной моделью для Бойсмана-1 определяется плоскодонный сосуд без горловины либо со слабо выделенной горловиной. Эта тенденция отмечается для всех неолитических культур Приморья. И.С. Жущиховская отмечает лишь слабые признаки эволюции морфологии керамики. В количественном отношении превалируют слегка отогнутые за счет утолщения венчики, тогда как венчики с утолщением-карнизом и рельефным валиком единичны. Постулат И.С. Жущиховской о том, что керамические формы должны непременно развиваться от сосудов с прямыми стенками к сосудам с выделенной горловиной и венчиком, не имеет под собой никаких оснований. Известные для земледельческих народов формы сосудов накладываются на население, занимавшееся морской охотой, рыболовством и собирательством. Характерные для Бойсмана-1 формы сосудов сохранялись у приморского населения Арктики (эскимосы) вплоть до новейшего времени. Приготовление пищи в сосудах также во многом определяло их форму. Нельзя согласиться с тем утверждением И.С. Жущиховской, что керамика Бойсмана-1 архаичная. Слово "архаичная" подразумевает законсервированность традиций в сравнении с окружающим населением. В связи с этим уместно задать вопрос – относительно каких синхронных памятников Приморья исследуемая керамика архаична? Если говорить о низком уровне керамического производства на поселении, то это тоже не соответствует действительности. Об этом говорит использование шаблона, плоское дно и высокий уровень развития орнаментации с использованием зубчатых штампов, веревки. Отметим даже единичный фрагмент крашеной керамики. В целом материалы керамического производства свидетельствуют о развитости и устойчивости традиций. Попытки связать те или иные фрагменты керамики с особенностями планиграфии и стратиграфии памятников по сути ничего не дают, так как необходимо рассматривать весь вещевой комплекс и датировать жилища, ямы и раковинные кучи по С14. Указанные противоречия и недоработки автора не умаляют достоинств проведенного исследования и не отрицают добротности проведенных анализов.

В главе 4 "Каменный и костяной инвентарь многослойного поселения Бойсмана-1" (автор – Н.А. Кононенко) рассматриваются комплексы бойсманской культуры и зайсановской культурной общности. "Внешним и достаточно показательным дифференцирующим признаком бойсмановского комплекса выступает характер и качество пород камня, использованного для изготовления орудий." (с. 200). На раннем этапе обитания использовали окремненные осветленные туфы, кремнистый сланец, изредка полупрозрачный халцедон, кварциты, реже – обсидиан. Зайсановский комплекс изготавливался преимущественно из зеленоватых кремней, яшмовидных пород, обсидиана, реже – халцедона. Зайсановцы иногда реутилизировали изделия бойсмановского комплекса (с. 201). Основным типом заготовок, по мнению автора главы, "служили пластинчатые отщепы и сколы". В связи с этим непонятно, что понимается под сколами. Всем известны продукты расщепления кремня: пластина, отщеп, чешуйка. Все они входят в категорию сколов.

Приемами вторичной обработки выступают отжимная и реже ударная ретушь, иногда резцовый скол, шлифовка. Ретушь, как правило, двусторонняя. Изделия из шлифованного

сланца являются характерной особенностью всех приморских культур Северной Пацифики. В связи с этим необходим сравнительный анализ сланцевых изделий Бойсмана-1 с другими регионами. Вызывает большое сомнение реконструкция изготовления шлифованных наконечников стрел на рис. 4.3. (с. 202). Наш опыт работы со сланцем показывает, что при пилении гораздо эффективнее водить более мягким материалом (сланцем) по режущей кромке. Автор главы не всегда убедителен в определении функциональной принадлежности орудий из кости. Для отнесения к гарпунам изделий 2–11 на рис. 6.28 (стр. 310) нет никаких оснований. Определение изделия из кости на рис. 6.28 № 19 как поворотного наконечника гарпуна очень сомнительно. Указанные замечания устранимы в будущем, а выявленные особенности каменной индустрии бойсмановской и зайсановской традиций в общем достаточно убедительны. Отметим важное, на наш взгляд, наблюдение: для бойсмановских комплексов характерно большее количество метательных орудий по сравнению с зайсановскими и более крупные их размеры. В зайсановских комплексах увеличивается удельный вес галечных грузил. Такое различие в составе орудий может свидетельствовать об изменении характера рыболовства, что в свою очередь могло быть вызвано изменениями окружающей среды.

Часть 2. "Жизнеобеспечение населения бойсмановской культуры" написана Ю.Е. Вострецовым совместно с различными авторами и представляет собой по сути отдельную работу. Этот жанр археологического произведения впервые употребляется в российской археологии в таком объеме. Жизнеобеспечение населения рассматривается в контексте питания, реконструкции окружающей среды и трудовых навыков людей. Особенно важным является введение фактора сезонности при рассмотрении различных видов промысловой деятельности.

Впервые в российской археологии детально рассматривается морское собирательство (глава 5. В.А. Раков, Ю.Е. Вострецов. Морское собирательство). Главу предваряет краткий очерк появления морского собирательства в различных районах мира и история изучения раковинных куч. Анализируются основные подходы к изучению раковинных куч и основные проблемы, стоящие перед исследователями в этой области.

Детально рассмотрены раковинные кучи с поселения Бойсмана-1. Основным видом добываемых моллюсков во всех раковинных кучах была устрица – от 95 до 100%. Это связано с лагунным комплексом. Изучение останков моллюсков позволило авторам прийти к выводу о более теплом климате в районе бухты Бойсмана в период голоценового оптимума. Приводится уникальная методика изучения потребления раковинного вещества населением Бойсмана-1. Положенный в основу методики принцип выделения разовых выбросов раковин позволяет изучать короткие хронологические периоды жизни населения. Рассматриваются возможные способы лова и обработки раковин. В то же время при привлечении этнографических материалов необходимо учитывать отсутствие металлических орудий в бойсмановской культуре. Основным приемом обработки моллюсков являлось термическое воздействие. Авторы считают, что "раковинные кучи поселения Бойсмана-1 содержат остатки фауны, использованной, по-видимому, одной малой семьей в течение одного года", притом, что "основной целью собирания моллюсков было получение белков в короткие периоды спада альтернативных источников получения белка (рыба, мясо морских и наземных млекопитающих)", и покрывали лишь часть потребности в белках (стр. 269). Особенностью раковинных куч как исторического источника является также то, что они позволяют с достаточной точностью определить время существования поселения, выделить периоды прекращения жизнедеятельности.

В главе 6. "Рыболовство" (Л.Н. Беседнов, Ю.Е. Вострецов) рассмотрены окружающая среда, ресурсная база и технология рыболовства бойсмановской культуры. Приводится пищевая ценность различных видов рыб (вес, калорийность). Лов рыбы велся круглый год. Годичный цикл рыболовства определялся естественными условиями и миграциями различных видов рыб. В то же время подчеркивается, что археологическая коллекция костных остатков дает неполную картину видового состава промысловых рыб. Костные остатки сохранились только в раковинных кучах благодаря нейтрализующему воздействию карбонатов. Поскольку сбор моллюсков в основном происходил в весенне-летний период, найденные костные останки рыб отражают видовой состав промысловых рыб этого периода. Необходимо также учитывать различную сохранность костей разных видов рыб в культурном слое и их различную степень утилизации. Известно, что кости лососевых хуже всего сохраняются в слое и, кроме того, кости лососевых обычно поедались собаками и даже людьми. После применения ситовой сепарации в Японии кости лососей стали находить на памятниках повсеместно. Добыча рыбы сетевыми, крючковыми снастями, лучением острогами. Необходимо отметить неверное определение орудия из могильника на Бойсмана-2 (рис. 6.32–10, стр. 306). Отнести его к составному гарпуну с отдельным бородком нельзя. Это обычный известный у эскимосов и алеутов лодочный багор,

входивший в комплекс морских зверобоев. Конструкция его аналогична лодочным баграм, применявшимся в Беринговоморье еще в XIX в. Таким образом, находка лодочного багра из комплекса морских зверобоев свидетельствует о промысле морских млекопитающих (нерпа) с плавсредств. К тому же лодочный багор с Бойсмана-2 является древнейшим в ряду подобных предметов Северной Пацифики.

В главе 7 "Охотничья деятельность" (Ю.Е. Вострецов, Т. Тоизуми) рассматривается охота на наземных и морских млекопитающих, птиц. Основное значение имела охота на наземных млекопитающих. Основным объектом промысла на всем протяжении были косуля, благородный олень, кабан и енотовидная собака. В то же время роль морских млекопитающих в рационе постепенно возрастала. Охота на кита, по-видимому, могла вестись только в лагунах. Находки кита на поселениях эпохи неолита в бассейне Японского моря позволяют нам не согласиться с мнением авторов о случайном характере охоты на этих крупных млекопитающих. В будущем картирование и составление базы данных по китовым останкам на памятниках позволит проследить генезис китобойного промысла.

Охота на млекопитающих и птиц велась с помощью лука со стрелами, копья или дротика. Нельзя согласиться с мнением авторов о появлении поворотных наконечников гарпунов в морях с плавучим льдом. Поворотные наконечники гарпунов известны и в Желтом море, и в Новой Зеландии. Древнейшие поворотные наконечники гарпунов в бассейне Тихого океана известны на о. Хоккайдо (ранний дземон, 7340–7130 лет). Все поворотные наконечники гарпунов к северу от Японии значительно более поздние. Авторы считают, что охота на птиц не имела особого значения. Вряд ли это так. Кости мелких птиц плохо сохраняются, особенно после термической обработки.

Привлечение этнографических материалов делает главу яркой и занимательной.

В главе 8 (Ю.Е. Вострецов, А.В. Загорулько) рассматривается место бойсмановской культуры в ряду неолитических культур северо-западной части бассейна Японского моря. Бойсмановская культура относится авторами к концу периода гребенчатой керамики. В то же время радиоуглеродные даты относятся почти ко всему периоду гребенчатой керамики. Справедливо заключение авторов о слабой изученности хронологии памятников, объединяемых в бойсмановскую культуру. Традиция выделять культуру в ряде памятников предполагает обосновывать их отличия от сопредельных синхронных памятников. Этот исследовательский прием необходим для составления моделей на слабо археологически изученных территориях. В случае с бойсмановской культурой налицо ошибочность такого подхода. Совершенно очевидно из представленных авторами материалов, что в то время, когда в районе к югу от залива Петра Великого появляются новые черты, связанные с южным влиянием раннеземледельческих культур, на Бойсмана-1, 2, 3, на Зайсановке-1, 3, 4, Заречье-1, Ханси-1 продолжается становление и развитие морской адаптации. Авторы относят бойсмановскую культуру к климатическому оптимуму голоцена, а прекращение функционирования поселений связывают с начавшимся около 5 тыс. лет назад похолоданием и последовавшим за ним резким падением уровня моря, что в свою очередь привело к смене прибрежных ландшафтов. Эта привлекательная гипотеза не может в настоящее время считаться полностью доказанной, равно как и противники не могут доказать ее несостоятельность.

Возможно, более продуктивным подходом было бы не выделение бойсмановской культуры, а сравнительный анализ неолитических памятников северо-западной части Японского моря.

В заключительной главе 9 "Реконструкция образа жизни, жизнеобеспечения и динамики заселения бухты Бойсмана в неолите" Ю.Е. Вострецов пытается ответить на вопрос: в какой мере население было адаптировано к морским биоресурсам. Автор излагает универсальные черты культурной адаптации к морским побережьям, выделенные Д. Еснером (Yesner, 1980), и считает, что "в материалах памятников бойсмановской культуры мы прослеживаем с разной степенью надежности специфические черты образа жизни прибрежного населения... которые были в различной мере обусловлены ландшафтной структурой, выбранной бойсманским населением и сезонным распределением доступных ресурсов" (стр. 377). К сожалению, работа Д. Еснера мало известна в России. По нашему мнению, методический прием Ю.Е. Вострецова в виде ответов на своеобразную научную анкету по признакам приморской адаптации может быть использован и для других приморских регионов России. Это позволит выделить общие и специфические черты для Кольского п-ва, о. Вайгач, п-ва Ямал, Чукотки, Камчатки, бассейна Охотского моря.

Книга богато иллюстрирована графическими рисунками. Особо ценно, на наш взгляд, создание графических моделей реконструкции ландшафтов, хозяйственных зон поселений, промысловой и охотничьей деятельности.

Появление в последнее десятилетие новых блестящих материалов по приморской адаптации в России и наблюдаемое нарастание интереса к приморским памятникам является отрадным явлением. Необходима координация в объединении усилий по изучению приморской адаптации, проведение совещания для выработки методических принципов.

Российский НИИ культурного и природного
наследия Минкультуры РФ и РАН, Москва *С.В. Гусев*

АКТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА. АРХИВЫ МОСКОВСКИХ МОНАСТЫРЕЙ И СОБОРОВ XV – НАЧАЛО XVII вв. / Издание подготовили: Т.Н. Алексинская, В.К. Баранов, А.В. Маштафаров, В.Д. Назаров, Ю.Д. Рыков. М., 1998. 734 с., илл.

1997–1999-е годы отмечены небывалым ростом публикаций русских актов XV–XVI вв. и источниковедческих исследований о них (Русский дипломатарий, 1997; 1998; 1999; Акты служилых землевладельцев..., 1997; Акты Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря..., 1998; Алексеев Ю.Г., 1998; Каштанов С.М., 1996; 1998). Но даже на таком фоне рецензируемое издание заметно выделяется масштабностью поставленных задач и высоким уровнем их воплощения. Публикуемые в издании акты послужат ценным источником не только для историков, но археологов и исследователей памятников культуры Московской Руси. Мне бы хотелось, чтобы настоящая рецензия способствовала этому.

Издание явилось результатом работы коллектива авторов. Грамоты Успенского собора и Богоявленского монастыря подготовили В.Д. Назаров и Т.Н. Алексинская и прокомментировал В.Д. Назаров (первое их издание – Акты московских монастырей..., 1984). Документы Архангельского собора подготовлены и прокомментированы А.В. Маштафаровым, Новоспасского монастыря – К.В. Барановым, Новодевичьего монастыря – Ю.Д. Рыковым, В.Д. Назаровым написаны предисловие и введения к разделам (введение к разделу Архангельского собора написано А.В. Маштафаровым, а введение к разделу Новодевичьего монастыря – Ю.Д. Рыковым совместно с В.Д. Назаровым), а также дополнения к комментариям К.В. Баранова и Ю.Д. Рыкова. Введения к разделам образуют "оболочку" издания и придают ему целостность, одновременно не нарушая авторскую индивидуальность каждого раздела. Издание сопровождено превосходными указателями (именным, географическим и предметным), таблицей использованных архивных фондов и иллюстрациями (виды монастырей, надгробий, фотографии подлинных актов и листов копийных книг).

Перед издателями стояли весьма сложные задачи. Архивы московских монастырей и соборов, как это хорошо известно специалистам, отнюдь не принадлежат к числу идеально сохранившихся собраний. Реконструировать их состав на XV в. не менее сложно, чем собирать из обломков фрески храма в Ковалеве под Новгородом. Документы XVI в. сохранились, главным образом, в составе копийных книг. Для того, чтобы представить весь этот разнородный материал на уровне современных требований, издателям пришлось во многом усовершенствовать методику, которая легла в основу классических изданий русских актов (Акты Русского государства..., 1975; АСЭИ, 1952; 1958; 1964).

Рецензируемое издание можно сравнить с монументальным сооружением, возведенным на сложном по своим природным условиям участке, но спроектированным весьма умело, благодаря чему можно, легко попасть из одной его части в другую. Кроме того, это сооружение добротно построено. Датированы и откомментированы практически все вошедшие в издание документы, собраны сведения не только о контрагентах, фигурирующих в актах, но и о свидетелях сделок ("послухах") и представителях администрации, фигурирующих в документах. И самое главное – за всем этим стоит понимание процессов фондообразования разных типов духовных корпораций (а по большей части это особножитийные монастыри, в которых документация велась не столь тщательно, как в обжежитийных обителях) и механизмов функционирования канцелярий, из которых исходили сами документы. В итоге, несмотря на фрагментарную сохранность ряда архивов, читатель получает не только детальные сведения о публикуемых документах, но и представление о характере исходного архива. Если

© С.З. Чернов, 2000 г.

характеризовать это издание одним словом, то можно сказать, что оно в высокой степени систематично.

Высокие требования, которые были поставлены издателями, дают право на ряд критических замечаний. При переиздании древнейшего акта Архангельского собора – жалованной грамоты Василия II на село Климятинское в Суходоле (№ 12[1]) наблюдаем ряд упрощений против более раннего его издания (АСЭИ, 1964, № 49). Не напечатаны монограммы, хотя именно теперь, после выхода труда (Алексеев Ю.Г., 1998), этот элемент оформления документа может многое сказать исследователям. Датировка указана с отсылкой на публикацию в "Актах социально-экономической истории" (АСЭИ). Географический комментарий сообщает ценные данные, основанные на Приправочной книге 1613 г., Экономических примечаниях к Генеральному межеванию и других источниках, однако упущено указание о том, что село располагалось к востоку от Боровска (оно имелось в комментарии И.А. Голубцова) и аргументация, по которой оно локализуется в Суходоле. В свое время И.А. Голубцов обратил внимание на то, что в межевой книге 1689 г. села Русинова Боровского Пафнутьева монастыря упоминаются смежные владения деревень Ермолиной и Инюшиной. Представляется, что было бы правильнее вначале просто процитировать комментарий И.А. Голубцова, а затем дать дополнительные пояснения. В АСЭИ было принято давать указание на подлинность грамоты (или на список) перед текстом. Это позволяло легко выделить из массы копий подлинные грамоты уже на уровне беглого просмотра заголовков. Думается, что отказ от этой формы неоправдан. Публикуемые акты Московского Архангельского собора были выявлены независимо друг от друга А.В. Маштафаровым (1997) и О.И. Хоруженко (Каштанов С.М., Хоруженко О.И., 1997). А.В. Маштафаров во введении и в комментариях к издаваемым документам ссылается на публикацию С.М. Каштанова и О.И. Хоруженко (1997). Однако эти ссылки не заменяют самой этой публикации, в которой изложена история формирования вотчины Архангельского собора. В целом издатели весьма скрупулезны в стремлении локализовать упоминаемые в актах селения. Однако задача эта весьма сложна и вряд ли может быть в полном объеме решена в рамках публикации того или иного монастырского фонда. В связи с этим представляется необходимым дать некоторые пояснения, которые облегчат использование этого издания.

Акты московских монастырей и соборов, собранные в одном томе и тщательно систематизированные, дают в руки исследователей богатый материал, касающийся целого ряда территорий Московского государства, и, прежде всего, Московского уезда.

Это тем более важно, что о землевладении и исторической географии Московского уезда в доопричное время мы знаем очень мало. На то есть целый ряд причин. Не сохранилось описание 1542–1544 гг. В 1550–1580-е годы состав служилых землевладельцев этого края сменился не менее чем на 70%. Грамоты великих и удельных князей фиксируют почти исключительно княжеское землевладение. Поэтому значение актов для изучения землевладения ядра Московского государства трудно переоценить.

Земли монастырей и соборов формировались за счет пожалований князей и крупнейших московских боярских родов, а также посредством прикупов, делавшихся с целью округления полученных владений. В результате в архивах духовных корпораций отложились компактные комплексы грамот, являющиеся превосходным источником как по истории самой корпорации, так и по истории домонастырского светского землевладения.

Что же нового дают нам грамоты, напечатанные в рецензируемом издании, для изучения Московского края?[2]

Интереснейший комплекс документов Архангельского собора касается центральной части Горетова стана, расположенного к северо-западу от Москвы (Северо-западный округ Москвы и Красногорский р-н Московской обл.). Речь идет о четырех разъезжих грамотах 1498/1499, 1517, 1518/1519, 1542/1543 гг. на земли с. Плотнича (№ 16–18), которое под именем "Банское Борисоглебское тож" было пожаловано собору вел. кнг. Софьей Витовтовной в 1451 г. (ДДГ, 1950, № 57) и располагалось на берегу р. Баньки западнее современного г. Красногорска, видимо, в районе современного с. Новоникольского. В одной из грамот (№ 16) упоминаются земли соседнего великокняжеского села Павшинского, в другой (№ 15, публиковалась ранее: АСЭИ, 1964, № 50) – великокняжеского Лужского села, которое располагалось в 2 км ниже с. Ильинского по течению р. Москвы. Таким образом, рекон-

[1] Здесь и далее номер без дополнительной отсылки означает номер документа, опубликованного в рецензируемом издании.

[2] Корпус ранее опубликованных актов Московского уезда проанализирован в работе (Чернов С.З., 1992, с. 18–23).

струируется массив великокняжеских земель, существовавший до 1450-х годов, а, частично, и позднее, на левобережье Москвы-реки и в долине р. Баньки. Северная его граница с землями с. Ангелова описана в разъезжей 1532 г. (Акты феодального землевладения..., 1956, ч. 2, № 122; с. Аристово Успенского собора располагалось в этом же районе – № 6), а западная – известна благодаря грамотам Троицкого монастыря на с. Нахабино, которое было получено монастырем по духовной грамоте Ионы Плещеева 1482 г. (АСЭИ, 1952, № 499).

О землях Горетова стана многое было известно и ранее. Это вотчины Квашниных на нижней Сходне, описанные С.Б. Веселовским, владения Симонова монастыря на средней Сходне (АСЭИ, 1958, № 370, 380, 392, 404, 405, 421), Чудова монастыря на р. Горетовке (с. Покровское – АСЭИ, 1964, № 47) и р. Истре (с. Павловское: Антонов А.В., Баранов К.В., 1997, с. 3–22), вотчина самого Архангельского собора – село Отцы Святые (позднее Всехсвятское в черте г. Москвы), которое в конце XV в. принадлежало Ивану Юрьевичу Патрикееву (ДДГ, 1950, № 86), а позднее было передано монастырю (№ 24). Однако лишь теперь, когда удалось локализовать великокняжеские земли, составлявшие ядро стана, можно реконструировать структуру землевладения в целом.

Ряд грамот Богоявленского монастыря связан с пожалованным Вельяминовыми селом Вельяминовым, известным позднее под именем Владыкина (Северный округ г. Москвы). В 1560 г. на земли соседней д. Марфиной была составлена межевая А.С. Мансурова (№ 66). Этот документ упоминает целый ряд владений, существовавших до 1564 г. в долине притока Яузы – речки Лихоборки (с. Топорково и пустошь Коптева И.А. Шуйского, с. Буторлино П.М. Щенятева, царские села Свиблово и Дегунино, с. Бибирево кремлевского Вознесенского монастыря и село Бусино Новодевичьего монастыря). Жалованная грамота на земли Богоявленского монастыря 1511 г. (№ 38) сохранила уникальное свидетельство о том, что Вельяминово относилось к Вежицкому стану. По всей видимости, значительная часть владений Вельяминовых, тяготевших к Дмитровской дороге, входило в этот стан. История перехода этих владений в монастырь детально проанализирована В.Д. Назаровым в комментариях к документам. Сомнения вызывает лишь предположение исследователя о существовании древнего владения Воронцовых-Вельяминовых в районе Литвинова-Гребнева (Щелковский р-н Московской обл.), так как кн. Владимир Андреевич Серпуховской по своей духовной грамоте (1403–1408 гг.) передал земли в районе Гребнева на реке Любосивле своему сыну кн. Андрею Радонежскому (ДДГ, 1950, № 17, с. 47).

Важные свидетельства актов касаются Ратуева стана, лежавшего к югу от Москвы (Южный округ Москвы и Ленинский р-н Московской обл.). Как следует из жалованной грамоты Ивана IV, Новоспасскому монастырю принадлежали здесь села Даниловское и Покровское на р. Городне (№ 99). Речь идет о селе Покровском на притоке Москвы-реки Сухой Городенке, которое располагалось между Ясеневым и Царицыным. Земельная дача этого села, зафиксированная в ходе генерального межевания (1766 г.), имела форму сектора, вклинивавшегося в сторону Москвы. Подобную форму имели земли дворцовых сел, которые образовывали ядра пригородных станов. В качестве примера можно указать на княжеские земли к югу от Волоколамска (Чернов С.З., 1998, с. 296–300) и земли подмосковного Капотенского стана, достигавшие, судя по недавно опубликованному описанию 1542–1543 гг., долины р. Голяданки (Прокопенко А.М., 1997, с. 56, 57). Указанные аналогии позволяют высказать предположение о том, что села Даниловское и Покровское были пожалованы Новоспасскому монастырю великими московскими князьями и первоначально образовывали один из их подмосковных доменов. Следует отметить, что в этом же стане Успенскому собору принадлежала пустошь Румянцева на р. Язвенке, которую В.Д. Назаров верно локализовал близ бывшей д. Ореховой к югу от Царицынского парка (№ 6).

Жданский стан, лежавший рядом с Ратуевым на правобережье р. Москвы к юго-востоку от города (Ленинский р-н Московской обл.), известен был лишь по Коробовским актам Симонова монастыря (АСЭИ, 1958, № 384, 408–413, 429). Документы Богоявленского и Новоспасского монастырей, опубликованные в рецензируемом издании, значительно дополняют этот интересный комплекс. Это духовная грамота Григория Ивановича Колычева 1569/1570 г. (№ 78), по которой Богоявленский монастырь получил с. Колычево на р. Пахре на древней Коломенской дороге "на Котел", и жалованная Ивана IV Новоспасскому монастырю 1544 г. (№ 99), упоминающая с. Константиновское, слц. Яковлевское и погост Дмитрий Святой, принадлежавшие ранее великим московским князьям.

Еще один яркий подмосковный сюжет – небольшое владение Чурилово и Лобково на нижней Пехорке в Каменском стане (Балашихинский р-н Московской обл.). Оно было приобретено кн. Иваном Васильевичем Ромодановским в 1491 г. для устройства подмосковной вотчины, а в 1542/1543 г. передано его снохой Аксиньей из рода Захарьиных-Юрьевых Бого-

явленскому монастырю. В результате в архиве монастыря оказались замечательные документы – духовные грамоты кн. Ивана Васильевича 1521/1522 г. и Аксиньи 1542/1543 г. (№ 40, 47), которые содержат уникальный материал о древних родовых владениях Ромодановских между Стародубом и Мстёрой на нижней Клязьме. Аксинья в своей духовной грамоте перечисляет также московские храмы, которые она жалует деньгами, и упоминает Анастасию Романову – будущую супругу Ивана IV. Кроме того, в состав этого владельческого комплекса документов входят купчая кн. Ивана Васильевича Ромодановского 1491 г. на Чурилово и Лобково и купчая 1486 г. предыдущего владельца этих пустошей (№ 34, 33). Последняя содержит перечень послухов соседей-землевладельцев, которых В.Д. Назаров справедливо интерпретирует как новгородских "выведенцев".

Другие московские станы упоминаются в единичных документах. Так Успенский собор владел пустошью Гавшиной в Васильцевом стане (точное ее местоположение в районе Садковского пруда, к югу от современной станции метро Текстильщики, устанавливается на основании изображения на чертеже XVII в. (Кусов В.С., 1985, с. 127), пустошью Дубровкой в Вяземском стане и с. Михаловским в Обарниче стане (№ 5, 6).

Подмосковные уезды также отражены в документах рецензируемого издания. Дмитровский уезд представлен актами Успенского собора, которому принадлежали села Васильевское и Константиновское в Инобоже, Андреяновское и Добрынино в Повельском стане и Высокое, Аничково и Перескоково в Каменском стане (№ 2, 6–11). Смежно с последним владением, между Дмитровым и с. Рогачевым, располагалось древнее с. Дятелинское, пожалованное Богоявленскому монастырю Евфросиньей Вельяминовой вдовой кн. Петра Дмитриевича Дмитровского после его кончины 22.02.1427 г. (№ 28, 29). Купчие и меновные грамоты 1478–1560 гг. на соседние владения упоминают дмитровских вотчинников Селяниновых, Румянцевых, Бобровых, что аргументировано в комментариях ссылками на данные Дворовой тетради 1550-х годов (№ 30, 36, 37, 51, 67, 69). Выписи из межевых и сотных книг 1562 г. позволяют очертить границы Каменской вотчины монастыря (№ 69–71, 75). К западу от Дятелинского лежали земли Троице-Сергиева монастыря (села Синьково, Ведерницы, Мисино). Вместе с документами Троицкого монастыря, богоявленские акты образуют значительный комплекс.

Звенигородская вотчина Богоявленского монастыря включала сельцо Рыболовль и с. Бутиково, располагавшиеся выше города по течению Москвы-реки и доставшиеся монастырю в 1564/1565 г. За период 1550–1565 гг. Бутиково сменило несколько владельцев. Оно принадлежало Петру и Ивану Степановым детям Злобина, которые названы первыми среди детей боярских по Москве в Дворовой тетради, Китоврасу Иванову сыну Кузьминскому, дьяку Никите Фуникову Курцеву и Льву Григорьеву сыну Хлуденева. Комментируя эти документы, В.Д. Назаров показывает как в 1550-е годы старинные вотчины служилых людей средней руки, служивших в Москве, начинают активно переходить из рук в руки (№ 45, 58, 65, 76).

Очень важный, в силу его древности, комплекс документов связан с владениями Архангельского собора в стане Суходол, расположенном к востоку от Боровска. Село Климятинское было получено собором от кн. Дмитрия Шемяки и закреплено за соборянами жалованной грамотой Василия II, села Инютинское и Козельское пожалованы Иваном III, Михайловское на р. Истре – Иваном IV, а Нефедовское и Олехово приобретены собором у служилых людей, получивших их в период опричнины вместо своих старинных вотчин в других уездах (№ 12, 13, 26). Дозорные книги 1613 г., опубликованные С.С. Ермолаевым, свидетельствуют, что земли Архангельского собора занимали пространство между реками Протвой и Истьей (Боровский уезд..., 1992, с. 101–103).

С Переяславлем связано два сюжета. В архиве Богоявленского монастыря сохранилась меновная 1558–1559 гг., по которой дьяк Никита Фуников Курцов выменял у Льва Григорьева сына Хлуденева с. Мининское с деревнями на р. Малый Киржач "изкони вечную старинную вотчину от дед и от прадед", т.е. принадлежавшую Ивану Хлудню, внуку московского боярина Андрея Кобылы (№ 62, 63). Новоспасскому монастырю в Переяславле принадлежали села Клементиевское и Тюлеберево в Михайловском стане на верховьях р. Дубны, и Измайловское – в Борисоглебском стане (№ 98).

Не менее интересные данные связаны с землями Волока Ламского. Так, с. Никольское на р. Лби Издетемльского стана Новодевичьего монастыря (№ 128), по мнению В.Д. Назарова, поступило от Ефросинии Коуровой в 1538 г. Коуровы были потомками Василия Яковлевича Новосильца боярина кн. Владимира Андреевича Серпуховского. Ранее я обратил внимание на то, что вотчинами в Издетемльском стане владели представители другой ветви Новосильцевых – Хилиновы и высказал предположение о том, что эти владения появились в период, когда управление Волоком находилось в руках кн. Владимира Андреевича Серпуховского

(1390-е – начало 1400-х годов) (Чернов С.З., 1998, с. 294, 295; о с. Никольском см.: прил. 1, л. 8; прил. 2, № 262). Теперь, после публикации материалов о с. Никольском на Лби, это предположение находит дополнительное подтверждение.

Приведенными примерами отнюдь не исчерпывают возможности, которые открываются при обращении к актам московских монастырей и соборов. Сегодня эти возможности открыты благодаря изданию, в котором соединились традиция отечественной актовой археографии, новые методики и находки последних лет.

Институт археологии РАН, Москва *С.З. Чернов*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты московских монастырей и соборов 1509–1609 гг. из архива Успенского собора и Богоявленского монастыря, 1984. М.

Акты Русского государства 1505–1526 гг., 1975. М.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в., 1997. Т. 1, 2. М.

Акты Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 1506–1608 гг., 1998. М.

Акты феодального землевладения и хозяйства, 1956. Ч. 2. М.

Алексеев Ю.Г., 1998. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб.

Антонов А.В., Баранов К.В., 1997. Неизвестные акты XIV–XV вв. из архива Московского Чудова монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 2. М.

АСЭИ, 1952. Т. 1. М.

АСЭИ, 1958. Т. 2. М.

АСЭИ, 1964. Т. 3. М.

Боровский уезд в XVII в. (Материалы дозора 1613 г.), 1992. М.

ДДГ: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – первой половины XVI в., 1950. М.; Л.

Каштанов С.М., 1996. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М.

Каштанов С.М., 1998. Актовая археография. М.

Каштанов С.М., Хоруженко О.И., 1997. Грамоты из архива Московского Архангельского собора // Археографический ежегодник за 1997 г. М.

Кусов В.С., 1985. Старинные чертежи Москвы // Природа. № 2.

Маштафаров А.В., 1997. Жалованные грамоты Кремлевского Архангельского собора 1463–1605 гг. // Русский дипломатарий. Вып. 2. М.

Прокопенко А.М., 1997. Новые документы по истории землевладения Николо-Угрешского монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 2. М.

Русский дипломатарий, 1997. Вып. 1, 2. М.

Русский дипломатарий, 1998. Вып. 3, 4. М.

Русский дипломатарий, 1999. Вып. 5. М.

Чернов С.З., 1992. Традиции И.Е. Забелина и программа историко-археологического изучения московских городских станов // И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. Матер. науч. чтений. ГИМ 29–31 октября 1990 г. Ч. 2. М.

Чернов С.З., 1998. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI вв. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.

Хроника

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "СКИФЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В VII–IV ВВ. ДО Н.Э.: ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЭКОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ" (Подмосковье, 1999)

С 30 ноября по 2 декабря 1999 г. в Подмосковье проходила международная конференция "Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.: проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии", посвященная 100-летию со дня рождения Бориса Николаевича Гракова – выдающегося исследователя скифо-сарматских древностей, археолога и эпиграфиста, профессора Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова, создателя отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН. Конференция была организована Институтом археологии РАН при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. В ней приняли участие около 70 специалистов – археологов, антропологов, почвоведов, палеоботаников, археозоологов и др., представлявших 18 научных учреждений, музеев и вузов десяти городов России, Украины и Германии (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Воронеж, Волгоград, Пущино, Киев, Запорожье, Каменка-Днепровская, Гамбург). По количеству собравшихся специалистов в области скифо-сарматской археологии данная конференция вполне может быть сопоставлена с предыдущими конференциями по актуальным проблемам скифоведения, проходившими в 1952 и 1967 гг., а также с конференцией 1972 г., посвященной итогам и перспективам изучения скифского звериного стиля (Погребова Н.Н., 1954; Петренко В.Г., 1968; Козенкова В.И., 1974). Проведение подобной встречи – первой в рамках СНГ – было продиктовано объективными обстоятельства: необходимостью восстановления нарушенных в период формирования новых независимых государств контактов между научными коллективами, решающими одни и те же проблемы, для координации и выполнения совместных проектов; накоплением и вводом в научный оборот массы новых археологических источников; появлением качественно новых возможностей в исследовании и интерпретации археологических материалов в результате резкой активизации сотрудничества археологов с представителями смежных областей знаний.

Конференцию открыл профессор *Р.М. Мунчаев*, директор ИА РАН, отметивший важность проводимой встречи, связанной с именем Б.Н. Гракова. Сочетая знания филолога-классика и профессионального археолога, именно Б.Н. Граков способствовал превращению скифологии в одно из ведущих направлений отечественной археологии, созданию отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН и подготовке кадров специалистов-скифологов.

А.И. Шкурко, директор Гос. Исторического музея, напомнил собравшимся о музейной деятельности Б.Н. Гракова, о его роли в формировании фонда музейных коллекций по раннему железному веку и музейной практике для студентов-археологов.

В связи с невозможностью заслушать и обсудить в течение трех дней все заявленные доклады, тезисы которых вошли в опубликованный накануне конференции сборник (Скифы..., 1999), была принято решение не зачитывать доклады большинства сотрудников ИА РАН и музеев г. Москвы; при этом были заслушаны все выступления по палеоэкологической, естественнонаучной, палеоантропологической и археозоологической тематике. Всего зачитано и обсуждено 35 докладов, объединенных в четыре проблемных блока, соответствующих основной тематике конференции: скифская проблема и археология; палеоэкология Европейской Скифии; скифская проблема и антропология; скифы и сарматы. Ниже с учетом выделяемых тематических блоков кратко характеризуются основные положения выступлений и суть возникавших на этой основе дискуссий.

Скифская проблема и археология: новые подходы, гипотезы, решения (историография скифской проблемы; материальная и духовная культура населения восточно-европейской степи и лесостепи в скифское время; хронология скифских древностей; политическая история Скифии; монументальное и декоративно-прикладное искусство Скифии; естественнонаучные методы изучения скифских древностей); заслушано 15 докладов.

© В.И. Гуляев, В.С. Ольховский, 2000 г.

В.И. Гуляев, заместитель директора ИА РАН, в докладе "Б.Н. Граков и проблемы современного скифоведения", отметив роль Б.Н. Гракова не только как крупного ученого и педагога, но и как организатора первой (1952 г.) конференции по скифо-сарматской археологии, подчеркнул важность продолжения традиции подобных форумов для всех специалистов по раннему железному веку Евразии. Несмотря на тяжелое финансовое положение, полевые археологические исследования Скифии – степи, лесостепи и Северного Кавказа – не прекратились, даже в столь тяжелых условиях они дают весьма интересные результаты. Особенно перспективно и важно активное (в том числе в последнее десятилетие) сотрудничество археологов с палеоантропологами, почвоведами, археозоологами, и представителями ряда естественнонаучных дисциплин. В данной ситуации сохранение и расширение контактов между скифологами и сарматоведами СНГ, взаимный обмен информацией и идеями представляются особенно важным. Докладчик отметил плодотворность гипотезы о трех центрах Великой Скифии (северокавказского в VII – начале VI вв. до н.э., лесостепного или посульского в VI – середине V вв. до н.э., степного приднепровского в конце V–IV вв. до н.э.), подчеркнув, что настало время еще раз критически рассмотреть идею Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой о "нескифской" лесостепи и "скифской" степи. Во всяком случае, по его мнению, требует пересмотра концепция о нескифской принадлежности левобережной украинской лесостепи и Среднего Дона. Докладчик отметил, что в целом его взгляды на общескифскую проблематику (в частности, на этнокультурную принадлежность населения северопричерноморской степи и лесостепи в скифское время) очень близки идеям, высказанным А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской в 1970-е – 80-е годы.

Доклад *В.Ю. Мурзина* и *Р. Ролле* "Гибель Великой Скифии и царь Атей" был посвящен одной из наиболее дискуссионных проблем современной скифологии. Авторы доклада пришли к выводу, что, помимо "глобальных" (экологических) причин, гибели Великой Скифии способствовали и причины "внутренние", в частности, ярко выраженная "пирамидальность" организации центральной власти. Смерть Атея, правившего в течение длительного времени, и преклонный возраст его преемников ослабили скифскую элиту, активизировали центробежные тенденции, что в конечном итоге и привело к крушению Великой Скифии.

Н.А. Гаврилюк в докладе "Скифия Великая или просто Скифия?" подвергла критическому анализу разработки В.Ю. Мурзина, С.А. Скорого, С.В. Махортых по периодизации развития скифской культуры в широких географических рамках (степь, лесостепь, Северный Кавказ). По мнению докладчика, «термин "Великая Скифия" существует и используется, а соответствующего ему понятия не выявлено. Он не наследует научной традиции, не имеет ни историографического, ни операционального значения и, следовательно, в подобной понятийно-терминологической инновации нет объективной необходимости».

Доклад *С.В. Махортых* "Об актуальных вопросах раннескифской археологии" затрагивал остродискуссионные вопросы изучения и интерпретации предскифских и раннескифских древностей. Так, докладчик пришел в выводу, что формирование черногоровской и новочеркасской групп шло синхронно и параллельно, причем они делятся на два временны́х горизонта: IX–VIII и VIII–VII вв. до н.э. Был подвергнут критике тезис Г. Коссака и его сторонников о выходе из употребления новочеркасских форм к концу VIII в. до н.э. и о датировке 1-го периода раннескифской культуры. Появление скифов на юге Восточной Европы С.В. Махортых отнес к периоду между 714 и 675/4 гг. до н.э., не поддержав идею о единстве культур киммерийцев и скифов.

Ю.В. Болтрик в докладе "Скифский курган как единый заранее спланированный ансамбль" указал, что многие курганы IV в. до н.э., под насыпями которых находилось по нескольку погребальных сооружений, являются "единовременными ансамблями". Соответственно многие "грабительские лазы", ведущие в погребальные камеры, в действительности являются дромосами, синхронными этим камерам.

В докладе *Н.Н. Тереховой* и *В.Р. Эрлиха* "Древнейший черный металл на Северо-Западном Кавказе" обобщались результаты металлографического анализа 18 железных изделий преимущественно VIII в. до н.э. из могильника Фарс/Клады. При этом было установлено, что большинство предметов изготовлено из высококачественной стали и является импортом из Колхиды или Центрального Кавказа.

В докладе *В.А. Петренко, В.Е. Маслова и А.Р. Канторовича* "Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II" было приведено семь полученных радиоуглеродных дат, с учетом калибровки по программе разных исследовательских центров дающих хронологический интервал погребений до 801–789 гг. до 634–552 гг. до н.э. При этом отмечалось морфологическое и стилистическое сходство многих предметов из данного могильника и Келермеса. Авторы пришли к выводу, что найденные в могильнике Новозаведенное II закавказские и переднеазиатские вещи не являются "предметами единовременного отчуждения, а появились в результате тесных контактов", продолжавшихся на протяжении жизни двух-трех поколений. Изученные материалы могильника не позволяют согласиться с хронологической схемой раннескифских древностей, предложенной Г. Коссаком, И.Н. Медведской и С.В. Полиным.

А.Ю. Алексеев в докладе "Краснокутский и Александропольский курганы в хронологической системе скифских древностей IV в. до н.э." с учетом новых данных для датировки импортной керамики (прежде

всего амфор) отнес создание основных гробниц этих курганов к интервалу между 330 и 320 гг. до н.э., а впускного захоронения Александрополя – приблизительно к 300 г. до н.э.

В докладе *Е.Е. Фиалко* и *Ю.В. Болтрика* «О бронзовых литых двурожковых "вилочках"» были собраны (всего около 40 экз.) и проанализированы довольно редкие предметы неизвестного назначения, бытовавшие у скифов с V в. до н.э. до первых веков н.э. Учитывая соотнесенность находок подобных предметов с горитами и копьями, авторы предположили использование "вилочек" как инструментов для гадания с применением стрел.

Доклад *Е.Ф. Корольковой* "Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников" был посвящен типологическому и семантическому анализу круглотелых сосудов, нередко украшенных зооморфным либо иным изобразительным декором. Докладчик связал происхождение кружкообразных кубков с вертикальными ручками и округлых чаш с зооморфной ручкой-выступом с кочевническими культурами востока Евразии. О культовой роли подобных сосудов, связанных с ритуалами перехода в "иной мир", свидетельствует и художественное оформление чаш.

Р. Ролле в докладе "О смысловом содержании сцен на фризе чертомлыцкой вазы" предложила еще одну трактовку известных сцен: обучение царскими конюхами лошадей опускаться на колени, что в значительной степени облегчило посадку всадника на коня при отсутствии стремян.

В докладе *И.В. Яценко* "Ко вопросу о культурной принадлежности биметаллического чекана из музея Метрополитен" была предложена датировка указанного предмета – конец VII – начало VI вв. до н.э. – и определено вероятное место его изготовления (Южный Кавказ или Иран).

В докладе *Н.А. Гаврилюк* и *О.И. Котовой* "Б.Н. Граков и 100 лет раскопок Каменского городища" была особо подчеркнута выдающаяся роль Б.Н. Гракова в изучении Каменского городища, а также охарактеризовано современное состояние и значимость этого памятника степной Скифии для понимания сложных эколого-экономических и этнокультурных процессов, происходивших на юге Восточной Европы в V–IV вв. до н.э.

С.И. Андрух ("Могильник Мамай-гора – неординарный памятник рядового населения Скифии конца V–IV вв. до н.э.") рассказала об изучении экспедицией Запорожского гос. университета огромного могильника, расположенного в 15–18 км от Каменского городища. Здесь за 11 лет сплошным раскопом на площади более 5000 м^2 исследованы 165 курганов и два грунтовых могильника эпохи энеолита и бронзы. Из более чем 400 зафиксированных захоронений 335 относятся к скифскому времени; они содержат богатый вещевой материал, типичный для скифских памятников конца V–IV вв. до н.э.

С.А. Скорый в докладе "Античная металлическая посуда из Большого Рыжановского кургана" представил и атрибутировал интересный комплекс металлических сосудов рубежа IV–III вв. до н.э., найденных в ходе недавних раскопок польско-украинской экспедицией Большого Рыжановского кургана.

В состоявшемся обсуждении данной группы докладов приняли участие как докладчики, так и другие участники конференции. Так, А.Ю. Алексеев сделал краткий, но насыщенный по содержанию обзор всего блока докладов, приняв, хотя и с некоторыми оговорками, термин "Великая Скифия". Он допустил правомерность гипотезы В.Ю. Мурзина и Р. Ролле о том, что вся социально-политическая структура Скифии могла быть заметно ослаблена смертью Атея и старческим возрастом его преемников в последней трети IV в. до н.э., однако признал эту причину, во-первых, далеко не главной, а во-вторых, не единственной, а одной из многих. А.Ю. Алексеев в целом довольно критически оценил доклад С.В. Махортых, не согласившись с предложенными вещественными критериями отделения "археологических киммерийцев" от "археологических скифов" (клевцы, каменные ящики, архаические бронзовые наконечники стрел). Признавая правомерность постановки Ю.В. Болтриком вопроса об одновременности всех подкурганных сооружений в больших курганах степной Скифии, выступавший вместе с тем предостерег от окончательных выводов до тех пор, пока не будет дан ответ на главный вопрос: зачем делались эти длинные ходы-дромосы в усыпальницах высшей скифской знати. В заключение А.Ю. Алексеев выразил удовлетворение тем, что данная конференция дала прекрасную возможность для общения и дискуссий присутствующих специалистов.

В ответном слове В.Ю. Мурзин признал, что нельзя считать смерть престарелых владык Скифии главной причиной развала скифского государства; это была одна из многих негативных причин распада. Вместе с тем он подверг критике "экологическую" версию гибели Скифии, отстаиваемую Н.А. Гаврилюк.

С.А. Скорый в целом согласился с основными положениями доклада С.В. Махортых. Касаясь доклада Н.А. Гаврилюк, он выступил против манипуляций терминами "Великая Скифия", "скифо-сибирский мир" и им подобными.

С.А. Яценко указал, что причины гибели "кочевых государств" хорошо известны по древним и средневековым письменным источникам. Главной и решающей причиной был неконтролируемый рост царского рода (гарем и множество наследников-конкурентов, требующих своей "доли пирога"); точно так же могло быть и в Скифии.

В.Г. Петренко признала основные положения доклада С.В. Махортых продуктивными, поскольку очень важно выделить погребения предскифской поры в странах Передней Азии, а также сопровождающий их

вещевой комплекс. По ее мнению, памятники явно выраженной скифской культуры ранее середины – третьей четверти VIII в. до н.э. не известны, поэтому версия И.Н. Медведской и ее сторонников о скифах в VIII в. до н.э. неверна.

Также выступившие в прениях М.Н. Погребова, Л.Т. Яблонский, С.В. Махортых, Ю.В. Болтрик, В.С. Ольховский и другие затронули частные и спорные положения заслушанных докладов.

Палеоэкология Европейской Скифии (реконструкция экологической ситуации на юге Восточной Европы в раннем железном веке; взаимовлияние экологической среды и обитателей степной и лесостепной зон Скифии; реконструкция хозяйственно-культурного типа и особенностей хозяйства населения степной и лесостепной зон, их эволюции в диахронии). По данной проблематике было заслушано пять докладов.

Так, *В.А. Демкин*, *Т.С. Демкина* и *Л.С. Песочина* представили доклад "Природные условия восточноевропейских степей в I тыс. до н.э.", в котором на основании изучения разновозрастных палеопочв под курганами, насыпанными в эпоху поздней бронзы и раннего железа, реконструировали ландшафтно-климатические условия восточно-европейских степей в то время. По заключению авторов, 2-я половина II тыс. до н.э. характеризовалась повышенной грунтовой и атмосферной увлажненностью с последующим изменением климата в сторону аридизации. В середине I тыс. до н.э. в степях Восточной Европы окончательно произошла смена сравнительно гумидных климатических условий более засушливыми и континентальными, в волго-уральских степях достигнув пика в конце I тыс. до н.э.

Доклад *Г.А. Пашкевич* "Палеоэтноботанические исследования скифских памятников Северного Причерноморья" был посвящен выявлению объективных свидетельств существования земледелия у кочевых племен северопричерноморских степей. Обнаружение в ходе исследований Каменского городища и поселения Лысая гора семян, зерновок злаков и их отпечатков позволило констатировать культивирование местным населением пленчатого ячменя, пшеницы (двузернянки и спельты), проса. Засухоустойчивость и скороспелость проса и пленчатого ячменя обеспечили распространенность у степного населения конца V–IV вв. до н.э. именно этих культур.

Е.Е. Антипина в докладе "Проблемы интерпретации археозоологических материалов из памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья", отметив ущербность практиковавшихся ранее методов статистической обработки массового археозоологического материала, привела конкретные примеры ошибочной интерпретации и неточной реконструкции как видового состава домашних животных, так и воссоздаваемой на этой основе экономической модели палеообществ. Автор считает наиболее перспективными новые комплексные исследования памятников железного века с целью выделения среди них эталонных, что необходимо для достоверных хозяйственных реконструкций.

В докладе "Палеоэтноботанические источники по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации" *Е.Ю. Лебедева* на основании палеоботанических материалов, происходящих из 43 скифских памятников Восточной Европы, пришла к выводу, что у скифов и лесостепи, и степи в составе урожая доминировало просо; заметно реже встречаются пленчатый многорядный ячмень и пшеница (двузернянка и мягкая; спельта и однозернянка очень редки). Только в лесостепи (по отпечаткам на керамике) отмечено наличие бобовых, а в степи – ржи. Отсутствие же на скифских памятниках достаточного количества отпечатков мягкой пшеницы, по мнению докладчика, свидетельствует против устоявшегося мнения о ее экспорте в крупные античные центры Северного Причерноморья.

С.С. Бессонова и *С.А. Скорый* в докладе "Хозяйственная деятельность обитателей Мотронинского городища" – крупнейшего укрепленного поселения конца VII – I-й половины V в. до н.э. в бассейне р. Тясмин – на основании обнаруженных археозоологических материалов, изделий из кости, металла и глины констатировали комплексный характер хозяйства населения городища. При этом доминирующей отраслью было придомно-отгонное скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей) при заметной роли земледелия (выращивание проса, пленчатого ячменя, мягкой и пленчатой пшеницы, возможно, овса и гороха), а также охоты. Из домашних промыслов важнейшим было керамическое; выявлены следы бронзолитейного производства и черной металлургии, гончарства, кожевенного и косторезного дела.

В ходе обсуждения данных докладов В.Ю. Зуев отметил, что при палеоэкологических реконструкциях очень важна проблема точной датировки археологических памятников. Л.Т. Яблонский призвал присутствующих не только на словах заявлять о важности сотрудничества "естественников" с археологами, но и выработать конкретные формы такого сотрудничества. Одной из таких форм могут быть междисциплинарные конференции. Важно, чтобы сотрудничество "естественников" и археологов начиналось еще "в поле", в ходе раскопок. Однако археологам следует помнить о том, что и в самих естественных науках есть свои сложности и проблемы, которые еще предстоит решить.

М.Г. Мошкова предложила "естественникам" подготовить для археологов четкие инструкции по сбору интересующих их образцов и материалов ввиду объективной невозможности в настоящее время присутствия специалистов-естественников во всех экспедициях. Она также поддерживала выводы В.А. Демкина относительно постепенных климатических изменений (аридизации) в степях Евразии с середины I тыс.до н.э. по направлению с востока на запад.

С.И. Андрух призвала археологов активно контактировать с представителями смежных наук уже на уровне написания полевого отчета, как это делается во многих европейских странах.

Скифская проблема и антропология (скифы и население восточно-европейской лесостепи: антропологические, остеометрические и соматические характеристики; палеопатологии и травмы населения Скифии по остеологическим данным; процессы адаптации скифского и скифоидного населения юга Восточной Европы к условиям природной среды по остеологическим данным; профессиональная и хозяйственная деятельность скифского населения степи и лесостепи по данным остеологии и краниологии); зачитано и обсуждено семь докладов.

Л.Т. Яблонский в докладе "Еще раз о происхождении скифской культуры Причерноморья по данным антропологии" подверг критике интерпретацию А.К. Козинцевым выявленного краниологического сходства скифов Причерноморья с окуневцами Тувы и создателями некоторых могильников эпохи бронзы на юге Узбекистана. По мнению Л.Т. Яблонского, данное сходство подтверждает волнообразные миграции степного населения в южные районы Казахстана и Средней Азии в эпоху поздней бронзы, но эти процессы не имеют существенного значения для решения проблемы прародины причерноморских скифов и не опровергают гипотезу Б.Н. Гракова об автохтонности носителей скифской культуры в Северном Причерноморье.

С.И. Круц в докладе "Результаты анализа краниологических материалов могильника VI–V вв. до н.э. Фронтовое I (Керченский полуостров)" отметила, что погребенные в могильнике относятся к двум краниологическим группам; широколицым мезокранам (преимущественно женщины) и более уплощенным брахикранам (мужчины). Данный факт может свидетельствовать о генетических связях погребенных с населением степной Украины и Северного Кавказа эпохи бронзы.

С.Г. Ефимова, статистически проанализировав более 20 выборок, в докладе "Антропологическая дифференциация лесостепных и степных групп европейской Скифии" показала, что лесостепные группы скифов отличались от степных более узким и длинным черепом, менее высоким и резко клиногнатным лицом; скифы же южных (степных) районов – более высоколицые, с более широким и коротким черепом.

В докладе "Об образе жизни среднедонского населения скифского времени" *М.В. Козловская* сопоставила антропологические материалы из двух памятников: могильника Терново-Колбино и погребений, выявленных на Семилукском городище. При этом выяснилось, что две указанные группы населения различались по ряду биологических особенностей (частоте индикаторов стресса, своеобразию палеопатологических проявлений и др.), причем эти различия касались как их образа жизни, так и происхождения.

А.П. Бужилова и *М.В. Козловская* в докладе "Были ли скифы тучными? (Антропологический анализ кремированных останков из скифского погребения)", изучив человеческие останки из кургана № 1 у с. Колбино, определили их как принадлежащие скорее всего женщине старше 55 лет. Об этом могут свидетельствовать выявленные следы патологии – лобного гиперостоза, проявление которого – синдром Морганьи – связан с генетическими эндокринными нарушениями прежде всего у женщин. Исходя из этого авторы реконструируют морфологический облик скифского населения, связывая его с повышенным жироотложением и высоким уровнем мужских гормонов у женщин.

"Условия жизни ранних скифов по антропологическим материалам могильника Новозаведенное-II" – тема доклада *М.Б. Медниковой*. Проанализировав скелетные остатки 17 индивидуумов конца VII–VI вв. до н.э., исследовательница установила средний возраст смерти мужчин и женщин (26,7 лет); травматизм или серьезные заболевания не обнаружены, но у более чем 57% погребенных выявлены дефекты зубной эмали. Об интенсивной верховой езде и мужчин, и женщин свидетельствует высокая частота изменений поверхности тазо-крестцовых суставов.

Д.В. Богатенков в докладе "Палеодемография могильников позднескифского времени (Неаполь Скифский, Золотая Балка, Николаевка)" выделил две палеопопуляции позднескифского населения, в одну из которых вошли погребенные в Золотой Балке и Николаевке (Казацком), а в другую – в Неаполе Скифском. Докладчик представил и интерпретировал таблицы смертности населения, отметив демографические показатели, отражающие высокую степень адаптации к условиям проживания, благополучие населения и т.д.

В дискуссии по прочитанным докладам В.С. Ольховский поддержал основной тезис доклада С.И. Круц о сложности и противоречивости этнокультурной ситуации в степном Крыму в раннем железном веке, указав на фактор, важной для понимания истории полуострова: несомненную связь Восточного Крыма с Северо-Западным Кавказом в древности. Выступавший согласился также с выводом Л.Т. Яблонского о присутствии "срубного" компонента в культурах эпохи бронзы на юге Средней Азии.

Р. Ролле высказала ряд критических замечаний по докладу М.Б. Медниковой в связи с антропологическими материалами из кургана Чертомлык. По ее мнению, человеческих останков в кургане найдено немного; все они принадлежат сопровождающим лицам, а костей главного погребенного нет. В связи с этим статистические выкладки М.Б. Медниковой далеки от идеала. В ответном слове

М.Б. Медникова пояснила, что оперировала не только материалами из царского кургана, но и из погребений расположенного рядом курганного некрополя (всего 64 могилы).

И.С. Каменецкий высоко оценил значение новых методик, используемых антропологами в настоящее время. Однако археологи, по мнению выступавшего, еще плохо используют эту информацию, заимствуя ее без должной обработки и включения в общий ряд доказательств. Это же относится и к палеоботаническим материалам. Так, Е.Ю. Лебедева показала, что в Поднепровской Скифии (в отличие от Прикубанья) не выращивалась мягкая пшеница, которую потребляли эллины; тем самым был развеян старый миф о "большом скифском хлебе", вывозимом в Грецию.

В заключительном слове председательствовавшая на заседании чл.-корр. РАН Т.И. Алексеева еще раз подчеркнула большую роль нового палеоэкологического направления в антропологии, отметив настоятельную необходимость дальнейшего развития сотрудничества антропологов и археологов.

Скифы и сарматы (историография скифо-сарматской проблематики; этнополитическая история Нижнего и Среднего Подонья в скифское время; этногеография Скифии; локальные варианты скифской и скифоидных культур степи и лесостепи Восточной Европы); зачитано восемь докладов.

Б.Ф. Железчиков в докладе "Б.Н. Граков и некоторые вопросы истории ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья" отметил непреходящее значение работы Б.Н. Гракова "Пережитки матриархата у сарматов" для современного сарматоведения, выступив против критиканского подхода к трудам предшественников со стороны некоторых современных исследователей. Вместе с тем докладчик призвал к разработке региональных хронологических схем и терминологической упорядоченности в названиях сарматских культур.

В докладе *А.С. Скрипкина* "Идеи развития сарматской культуры в трудах Б.Н. Гракова и современное состояние проблемы" подчеркивалось, что Б.Н. Граков не являлся "жестким автохтонистом" в сарматологии. Не поддерживая работы крайне миграционистского характера, докладчик примкнул к умеренной миграционистской точке зрения на процесс формирования сарматской культуры.

В.Е. Максименко в докладе "Памятники междуречья Дона и Северского Донца V–III вв. до н.э. и проблема их этнического определения" подчеркнул, что памятники этого региона почти ничего общего не имеют с классическими раннесарматскими (прохоровскими) памятниками, однако они очень похожи на синхронные им среднедонские комплексы. Очевидно, сформировавшееся здесь, на сарматской территории, в V–III вв. до н.э. этнополитическое объединение кочевников с племенами прохоровской культуры генетически связано не было.

В докладе *В.П. Копылова* "Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э." отмечалось отсутствие в данном районе комплексов, датируемых от третьей четверти VI до конца первой четверти V в. до н.э. Данная лакуна не позволяет констатировать последовательное развитие населения Нижнего Дона в V–IV вв. до н.э. По мнению докладчика, в конце первой четверти V в. до н.э. в дельту Дона (и в бассейн Среднего Дона) проникла группа населения из лесостепного Поднепровья.

К.К. Марченко в докладе "Демографическая и военно-политическая ситуация в нижнем Подонье в конце IV – первой четверти III вв. до н.э." указал на исчезновение в самом конце IV в. до н.э. туземного населения в Нижнем Подонье, скорее всего в результате резкого возрастания военной угрозы со стороны сарматов (савроматов). Однако не позднее начала III в. до н.э. этот район заселяет новая варварская этнокультурная группа, передвинувшаяся из азиатской части Боспора (?), а на месте акрополя Елизаветовского городища основывается новая боспорская колония. Однако недолгий период этнической и политической стабильности на нижнем Дону был прерван не позднее 70-х годов III в. до н.э. крупным набегом сарматов (савроматов).

В докладе *С.И. Лукьяшко* "К реконструкции событий конца IV в. до н.э. на правобережье Нижнего Дона" группа кочевнических погребений (Высочино, Лукьяновка) определялась как скифская и этнокультурно отчленялась от хронологически примыкающей савроматской и сарматской группы (по В.Е. Максименко). Докладчик указал, что усиление скифского влияния коррелирует с активизацией колониальной политики Боспора в данном регионе. Особенности строительной активности обитателей Елизаветовского поселения подтверждают мнение об активном участии населения Нижнего Дона в междоусобной борьбе претендентов на боспорский престол, а также о поражении скифов и появлении в регионе сарматов на рубеже IV–III вв. до н.э.

А.П. Медведев в докладе "О некоторых источниковедческих аспектах изучения этнической ситуации на Среднем Дону в скифское время", критически рассмотрев как письменные источники (прежде всего сообщения Геродота), так и современную историографию проблемы, пришел к заключению о неправомочности распространения скифских владений вплоть до современного Воронежа. В пользу этого, по мнению докладчика, свидетельствуют принципиальные отличия среднедонских курганов от степных скифских памятников.

В докладе *А.Д. Пряхина* и *Ю.Д. Разуваева* "К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени" анализировались 14 погребальных комплексов, выявленных на площади пяти построек и девяти хозяйственных ям городища. Указанные комплексы содержали как полные скелеты, так и

разрозненные кости 69 человек без признаков насильственной смерти. Докладчики считают, что найденные комплексы – это погребальные памятники, появление которых связано с исполнением определенных требований погребального ритуала оставшимися в живых сородичами.

В ходе обсуждения выявился особый интерес присутствующих специалистов к блоку "донских" докладов, большинство которых имело ярко выраженный полемический характер. Дискуссии по данной проблематике, в которой участвовали 9 специалистов, предшествовали многочисленные вопросы к докладчикам.

Так, В.Г. Петренко, касаясь доклада С.И. Лукьяшко, подчеркнула, что нельзя датировать целые комплексы по отдельным бусинам; здесь следует оперировать их наборами (ожерельями). В.Г. Петренко критически оценила вывод доклада В.П. Копылова о том, что население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. являлось пришлым из левобережной украинской лесостепи (из Посулья). Видя очень мало сходства в синхронных вещевых наборах данных регионов, она призвала к более тщательному их сопоставлению и анализу.

Ю.В. Болтрик также признал, что прямого переселения из поднепровской лесостепи на Дон не было, но самые тесные связи между ними, безусловно, существовали, в том числе и в V–IV вв. до н.э. Выявляются очень древние торговые (шляхи), с эпохи бронзы ведущие из левобережной поднепровской лесостепи на Средний и Нижний Дон. Весьма сложен вопрос о погребениях в катакомбах и в ямах с деревянными конструкциями. В эпоху скифской архаики в степи и лесостепи, включая Дон, господствуют погребальные сооружения с деревянными конструкциями. В степи с конца V в. до н.э. происходит резкий переход к захоронениям в катакомбах, в лесостепи же и на Дону сохраняются древние традиции. Приводя точки зрения о населении Подонья А.П. Медведева (будины и гелоны), В.П. Копылова (скифы) и В.Е. Максименко (савроматы), Ю.В. Болтрик счел невозможным на данном этапе исследования определенно поддержать одну из них.

А.Ю. Алексеев отметил важность территории Подонья для решения многих общих и частных проблем скифологии, например хронологического хиатуса между Таганрогским и Елизаветинским поселениями и др.

М.Г. Мошкова, указав на важность и дискуссионность докладов по "донской" тематике, не поддержала версию В.Е. Максименко о тождестве Танаиса античных авторов с низовьями Дона и Северским Донцом, о присутствии савроматов-сирматов на правобережье Дона уже в VI–V вв. до н.э. По мнению М.Г. Мошковой, следует помнить, что нижний Дон – очень сложная и смешанная по культуре и этносам географическая область, этнические границы там были "плавающими", но для V в. до н.э. Геродот определенно говорит о распространении скифов (царских) до устья Дона.

В.С. Ольховский не согласился с чрезмерно резкой критикой основных положений доклада В.П. Копылова, отметив, что на материалах Елизаветовского могильника отчетливо фиксируется приход в район дельты нового населения скорее всего с севера или северо-запада. Судя по данным погребального обряда и керамике, это была какая-то группа скифов. Вместе с тем в Елизаветовском могильнике отчетливо улавливается еще одна – южная или юго-восточная – культурная струя, связанная с меотами Прикубанья.

В.Е. Максименко в ответном выступлении отстаивал свою трактовку отождествления Танаиса и присутствие савроматов-сирматов на донском правобережье с V в. до н.э., а для решения проблемы этнокультурной принадлежности населения Подонья предложил раскопать курганные могильники на стыке Воронежской и Ростовской областей. Внезапный "выплеск" сирматов (= скифов – *авт.*) в волго-донское междуречье в IV в. до н.э. докладчик связал с всеобщим хаосом и распадом Скифии после гибели Атея. Разгром скифов на западе совпал с началом движения кочевых орд с востока, толчок которому дали завоевания Александра Македонского в Передней и Средней Азии. Вероятно, первый удар скифам нанесли как раз придонские савроматы-сирматы.

С.И. Лукьяшко призвал археологов избегать этнической терминологии при изучении конкретных культур, а оперировать чисто археологическими данными.

В.И. Гуляев в своем выступлении отметил важность присутствия на конференции всех ведущих специалистов по археологии раннего железного века (РЖВ) Подонья. Естественно, что каждый из них имеет свою точку зрения на характер исторических процессов в регионе и особенно на этнокультурную принадлежность населения Среднего Дона в скифское время. И хотя согласия достичь не удалось, прочитанные доклады показали, что донская археология РЖВ имеет самое прямое отношение к общескифской тематике и может в перспективе внести заметный вклад в решение важнейших проблем скифской археологии. С другой стороны, дискуссия ясно показала, что и сам "донской блок" археологических проблем нельзя распутать без совместного успешного решения общескифских проблем, и прежде всего проблемы этнокультурной принадлежности населения восточно-европейской степи и лесостепи в VI–IV вв. до н.э. В качестве примера был приведен доклад А.П. Медведева. Последний утверждает, что Средний Дон в скифское время – это часть культурной общности левобережной украинской лесостепи, причем населяли его будины (неясной этнической принадлежности) и гелоны. Однако ростовские археологи В.Е. Максименко и В.П. Копылов единодушны в том, что в культурном

(и, вероятно, в этническом) отношении население Среднего и Нижнего Дона было единым. Если же следовать логике А.П. Медведева, приходится признать, что будины (и гелоны) населяли в это время огромные пространства степи и лесостепи от Днепра до Дона (включая дельту). Как же тогда быть со скифами (в том числе царскими), меотами, савроматами?

Погребения в ямах с деревянными конструкциями и в катакомбах не следует рассматривать как решающий аргумент в пользу скифской или нескифской принадлежности населения того или иного региона. Если считать скифскими только захоронения в катакомбах, то как быть тогда со скифской архаикой или с могильниками типа борисполького, где тождественные по инвентарю и обряду погребения в пределах одной курганной группы совершены и в ямах с деревянными конструкциями, и в катакомбах? И как быть с феноменом Посулья?

По мнению В.И. Гуляева, многие подобные вопросы будут сняты, если постепенно убрать ту "великую китайскую стену", которую мы сами воздвигли в 1952 г., объявив всю лесостепь нескифской и не допуская наличия общескифского союза племен (или государства) на всем пространстве Северного Причерноморья от Дуная до Дона включительно. В таком случае отпадут и почти все противоречия в "донских" докладах: достаточно лишь признать (в соответствии с античной традицией), что степь и лесостепь между Днепром и Доном были скифскими, т.е. входили в состав большого политического и социально-экономического объединения племен, которое можно условно назвать Европейской Скифией.

В принятой по завершении конференции резолюции констатировались важность и необходимость продолжения сотрудничества археологов с представителями смежных естественнонаучных и иных дисциплин (антропологами, археозоологами, почвоведами и др.). Поддержку получило и предложение издать сборник трудов конференции, включив в него не только заслушанные, но и те доклады, которые по объективным причинам зачитаны не были. Не вызвало возражений и предложение сделать подобные конференции по скифо-сарматской тематике регулярными, проводя их раз в 5 лет в России или на Украине.

Институт археологии РАН,
Москва

В.И. Гуляев,
В.С. Ольховский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Козенкова В.И., 1974. III Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии // СА. № 4.

Петренко В.Г., 1968. Вторая московская конференция по вопросам скифо-сарматской археологии // СА. № 3.

Погребова Н.Н., 1954. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.

Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии) // Тез. докл. междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Бориса Николаевича Гракова. М., 1999.

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА КАЗАНИ. ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ "СРЕДНЕВЕКОВАЯ КАЗАНЬ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ" (Казань, 1999)

Изучение средневековых городов Восточной Европы продолжает оставаться одной из интереснейших и в то же время чрезвычайно сложных проблем исторической науки. Данная проблема многоаспектна. Особый интерес у современных исследователей вызывает разработка общей концепции происхождения городов. Положительные результаты, достигнутые в этой области, успешно применяются при изучении истории конкретных городов, возникновение которых уходит в далекое прошлое – в эпоху средневековья.

Время основания городов, имеющих многовековую историю, увязывается обычно с датой первого упоминания их в письменных документах, хотя достоверно известно по археологическим данным, что в ряде случаев они существовали и раньше. Какой дате следует отдать предпочтение в таких случаях: "письменной" или " археологической"? В последние годы среди специалистов утверждается мнение о возмож-

© Ф.Ш. Хузин, Р.С. Хакимов, 2000 г.

ности при отсутствии "письменной" принять за точку отсчета истории города "археологическую" дату, подтвержденную методами других наук.

Понятно, что первым, главнейшим, условием археологического доказательства времени возникновения любого средневекового города являются выделение в общих напластованиях культурного слоя древнейшего горизонта (слоя) и правильная датировка его. Однако этого явно недостаточно, необходимо выполнить следующее обязательное условие, связанное с выявлением оборонительных укреплений, синхронных древнему поселению. При положительном решении этих вопросов перед исследователями возникает необходимость определения городского статуса первоначального поселения путем выявления следов ремесленной и торговой деятельности его населения. И, наконец, не менее важным в аспекте доказательства времени возникновения современного города является изучение преемственности, т.е. непрерывности развития его от первоначального поселения, располагавшегося, как правило, в его историческом центре.

Средневековая Казань и время ее основания – тема не новая в нашей историографии (см. более подробно: Древняя Казань..., 1996). Еще в XVIII столетии сложились две версии происхождения Казани, основанные на различной трактовке сведений одного и того же источника – "Казанского Летописца" второй половины XVI в. Сторонники первой версии, в числе которых Д. Зиновьев, Н. Полевой, М. Пинегин, Н. Спасский, В. Смолин, а также выдающийся советский археолог-булгаровед А.П. Смирнов, возникновение города относили к домонгольскому времени. Попытку археологического обоснования точки зрения этой группы ученых предпринял в 1970-х годах проф. А.Х. Халиков. Его поддержали д-ра наук В.В. Иванов, С.Х. Алишев, А.Г. Мухамадиев, Р.Г. Ахметзянов и др.

Согласно другой версии, приверженцами которой выступили П. Рычков, Ш. Марджани, С. Шпилевский, Х. Атласи, Н. Загоскин и др., Казань была основана как Саинов юрт монгольским ханом Батыем или скорее его сыном Сартаком, величавшимися иногда Саинами, не раньше середины XIII в. Наиболее вероятным возникновение города в период Золотой Орды, во второй половине XIV в., считали Н.Н. Фирсов, М.Г. Худяков, Н.Ф. Калинин. Свою солидарность с этой группой ученых высказывали В.Л. Егоров, Р.Г. Фахрутдинов, В.А. Кучкин и некоторые другие современные исследователи, принимавшие участие в дискуссии 1970-х годов по вопросу, предложенному А.Х. Халиковым, 800-летнего возраста Казани.

Главным недостатком в концепциях всех ученых было отсутствие достаточного количества археологических источников при крайней скудности и противоречивости письменных. Кстати, в ходе дискуссии 1970-х годов была окончательно доказана недостоверность сведений об основании города в 1177 (1172) г., содержащаяся в художественно-публицистическом сочинении "История Казани" ("Казанский Летописец") анонимного автора второй половины XVI в. (Добродомов И.Г., Кучкин В.А., 1979; 1989).

Археологические раскопки и наблюдения на территории Казанского Кремля – древнейшей части современного города – проводились нерегулярно и в очень ограниченных масштабах. Определенный материал по истории древней Казани был накоплен при раскопках Н.Ф. Калинина в 1950-х годах, А.Х. Халикова и его сотрудников в 1970-х годах. К сожалению, эти материалы до сих пор еще полностью не опубликованы.

В последние годы интерес к древней Казани вновь возрос. Связано это с результатами крупномасштабных и планомерных археологических раскопок на территории Кремля, которые проводятся с 1994 г. Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником "Казанский Кремль" при участии Института истории АН Татарстана и Казанского государственного университета. За последние 5 лет археологами были заложены 22 раскопа общей площадью более 4 тыс.м^2 и при этом получены ценные материалы, способствующие продвижению вперед решений некоторых спорных проблем древней истории Казани. К изучению новых материалов были привлечены крупнейшие специалисты научных центров России и более 20 зарубежных стран. Параллельно проводились интенсивные поиски письменных документов и картографических материалов в архивах и библиотеках мира, увенчавшиеся рядом интересных открытий.

1–3 июня 1999 г. в Казани проходила Международная научная конференция "Средневековая Казань: возникновение, развитие", организованная Институтом истории Академии наук Татарстана, Казанским государственным университетом и Обществом востоковедов Российской Академии наук при материальной поддержке Казанского Совета народных депутатов. В ее работе приняли участие видные историки и археологи Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и других городов России, а также ученые из стран ближнего (Украина, Азербайджан, Узбекистан) и дальнего зарубежья (Англия, Франция, Италия, Германия, Норвегия, Чехия, Венгрия, Болгария, Египет, Турция).

Конференцию открыл директор Института истории АН Татарстана Р.С. Хакимов, отметивший актуальность и сложность поднимаемых на этом весьма представительном научном форуме вопросов. «Сегодня перед историками открыты широкие горизонты для полнокровных комплексных исследований тех страниц многовековой истории Казани, которые до сих пор, по разным причинам, оставались нерасшифрованными, – сказал Р.С. Хакимов. – В этом нам помогает солидный научный багаж, накопленный предшествующими

поколениями. Сейчас появилась реальная возможность, опираясь на труды археологов, историков, нумизматов и представителей других научных дисциплин, соединив теоретические достижения с практическим опытом, устранить многие "белые пятна" и заблуждения, касающиеся ключевых, поворотных периодов жизни нашего города и государства».

С приветственными словами к участникам конференции выступили мэр города К.Ш. Исхаков и министр культуры Российской Федерации В.К. Егоров.

Основной доклад на конференции сделал руководитель археологической экспедиции "Казанский Кремль", кандидат исторических наук *Ф.Ш. Хузин*. Он изложил главные выводы, полученные в результате анализа новых археологических материалов из ранних напластований Казанского городища.

Раскопками была подтверждена стратиграфическая шкала культурного слоя, созданная еще в 1970-е годы проф. А.Х. Халиковым (1983, с. 132).

Согласно этой шкале, культурные отложения Кремля, имеющие мощность от 3 до 8–12 м на разных участках, делятся на пять разновременных слоев, нижний из которых, самый ранний, V, датируется домонгольским временем. По составу грунта это гумусированная серая супесь с мелкими углистыми вкраплениями, подстилающаяся погребенной почвой в виде подзола. В основании слоя прослеживается тонкая углистая или гáристая прослойка, оставшаяся от выжигания растительности в самый начальный период освоения булгарами современного Кремлевского холма. Мощность слоя небольшая – 5–20, местами до 25 см вне объектов. Он относительно слабо насыщен находками и сооружениями. По составу грунта и содержанию он близок к раннему VI слою Болгарского городища.

Небольшая мощность V слоя не должна смущать. Очевидно, что в это время раннее поселение на высоком мысу между Казанкой и Булаком выполняло в основном роль военно-оборонительного пункта, своеобразного убежища для окрестного населения, проживающего в пригороде или посаде, следы которого также были выявлены в восточной части Кремля, за пределами укреплений. Следует подчеркнуть, что Казанский Кремль с небольшой мощностью ранних отложений – не единственный памятник такого рода в булгарской археологии. Городища Кирмень, Кашан, известные по русским летописям и татарским преданиям как цветущие булгарские города, подвергавшиеся неоднократным нападениям ушкуйников, и некоторые другие также имеют незначительный культурный слой. По-видимому, характером поселения обусловлено и небольшое количество вскрытых сооружений V слоя Кремля – всего около двух десятков хозяйственных построек и ям, несколько жилищ[1].

Переходя к вопросу о времени отложения V слоя, докладчик заметил, что домонгольский возраст его практически ни у кого из исследователей не вызывает сомнений. Находки этого времени отмечали в своих трудах все археологи, работавшие в разные годы на территории Кремля: Н.Ф. Калинин, А.Х. Халиков, Л.С. Шавохин, А.Г. Мухамадиев. Некоторые из этих находок: образцы керамики, в том числе и люстровой, шиферные пряслица, наконечники стрел, стеклянный браслет киевского производства, железный топор – уже опубликованы (Халиков А.Х., 1995, рис. 5, 6). Новые раскопки значительно дополнили список датирующих предметов. Они также опубликованы в недавно вышедших сборниках (Хузин Ф.Ш., 1999а, б). Перечислим те из них, которые дают основание определить время возникновения Казани. Это довольно представительная серия глиняной посуды салтово-маяцких истоков, два бронзовых браслета с утолщенными концами и циркульным орнаментом на поверхности, грушевидная подвеска с рельефным орнаментом, бронзовая прялка с овальной рамкой и расширяющимся книзу щитком, бронзовая же с позолотой накладка на ремень конской сбруи так называемого "венгерского" типа, более десятка стеклянных и каменных бус и некоторые другие. Нумизматические находки представлены арабским дирхемом первой четверти X в. и чешским денарием князя Вацлава пражской чеканки 929–930 гг. Все эти находки укладываются в пределы IX–X вв., самая поздняя их дата – начало XI в.

Недавно у нас появилось несколько дат, полученных методом термолюминесцентного анализа керамики, проведенного проф. Й. Ридерером в Ратгенлаборатории Государственного музея Берлина. Согласно заключению Й. Ридерера, фрагмент лепной керамики из V слоя (р. II, уч. С/12, гл. 280 см), перекрывающего подошву земляного вала, имеет дату 951 ± 155; фрагмент венчика гончарного красноглиняного сосуда из V слоя (р. II, уч. Ж–3/5, гл. 240 см) – 888 ± 125; еще один фрагмент гончарного сосуда из V слоя (р. III, уч. Б/2, гл. 260 см) – 1021 ± 145; последний образец из смешанного слоя IV–V (р. XIII, уч. В/3, гл. 210 см) – 1261 ± 102.

Интересные результаты дал спорово-пыльцевой анализ образцов, взятых из разновременных слоев раскопов II, X, XIII (аналитики доцент кафедры ботаники биофака КГУ В.Т. Шаландина, доцент К.В. Николаева, Г. Кашапова). Заключения ботаников полностью подтверждают наши датировки.

Анализ находок, с точки зрения характеристики социального облика и этнического состава населения Казанского городища начала XI – первой половины XIII в., приводит к интересным выводам. Керамический комплекс свидетельствует о разноэтничном составе населения: преобладает болгарская керамика, в относительно небольшом количестве присутствует керамика поволжских финнов (древних марийцев), угорского

[1] Следует всегда учитывать, конечно, сильную нарушенность слоев.

населения Приуралья и древнерусская. Обращает на себя внимание полное отсутствие среди находок не только из V, но и из более поздних слоев вещей, связанных с сельским хозяйством, что может свидетельствовать о неаграрном характере поселения. В коллекции находок много предметов вооружения, снаряжения коня и всадника (в основном наконечники стрел – более двух десятков, петля от колчана, подковы и др.), а также предметы, в том числе и уникальные, отнюсящиеся к категории привозных: арабский дирхем и чешский денарий, иранская люстровая посуда и кусочки прибалтийского янтаря, шиферные пряслица и стеклянный браслет из Киева, бронзовая накладка "венгерского" типа. Перечисленный набор предметов указывает на торговую деятельность части населения Казанского городища.

Особое внимание слушателей докладчик обратил на тот факт, что еще в IX в. Волжская Булгария превращается в крупнейший центр международной торговли. Историки средневековья, как отечественные, так и зарубежные, единодушны в оценке важной роли, которую играл Великий Волжский или Балтийско-Волжский путь в истории народов Восточной Европы, Прибалтики и Скандинавии. Волжский путь справедливо рассматривается как великая, непрерывно действующая в течение столетий трансъевропейская магистраль, по которой с Востока поступали в большом количестве арабское серебро и другие товары (Мельникова Е., 1999, с. 80 и сл.). Об этом свидетельствует возникновение вдоль этого пути торгово-ремесленных поселений с довольно сложным этническим составом населения (в них, в частности, четко представлен скандинавский этнический компонент). Эти населения представляли собой в первую очередь ярмарочные места; места для торговли с местным населением; пункты, обслуживавшие купцов, контролировавшие и охранявшие опасные участки торговой магистрали.

Ранние торговые пункты возникали не только на северо-восточноевропейском участке Балтийско-Волжского пути, но и южнее – на Средней Волге. Один из таких крупнейших пунктов располагался в районе Булгара. По справедливому мнению В.Л. Янина, И.В. Дубова и др., Булгар в VIII–X вв. был главным связующим звеном Руси и Востока, своего рода "восточными воротами" Руси (Дубов И.В., 1989). Он имел непосредственные контакты с Средней Азией и арабским миром. Сюда тянулись и сухопутные караванные пути, справедливо рассматриваемые исследователями как северное ответвление "Великого шелкового пути", причем не только из Средней Азии, но и из южно-русских земель. Практически в Булгаре завершался путь скандинавских и северорусских торговцев, ездивших на восток, хотя некоторые из них, как сообщают письменные источники, достигали Каспия или даже Багдада.

Однако Булгар был не единственным международным торговым пунктом на Сердней Волге. В течение ряда лет казанские археологи изучают ряд памятников на Волге и Каме, которые возникли в IX–X вв. как рыночные места и в скором времени превратились в развитые торгово-ремесленные поселения. Среди них Измерское, Семеновское, Старокуйбышевское и другие селища, на которых обнаружены сотни монет X в., в основном арабские дирхемы, а также западноевропейские монеты XI в. Весьма частыми находками являются складные весы для малых взвешиваний, железные кубические и бронзовые бочонковидные гирьки со знаками кратности. Есть предметы, указывающие на присутствие русских и скандинавских купцов (Казаков Е.П., 1999, с. 63–68).

Кроме указанных выше, торгово-ремесленные поселения или фактории булгар располагались как северо-западнее Казани, в Марийском Поволжье, средневековые памятники которого буквально изобилуют вещами булгарского производства, в том числе и монетами, так и в устье Оки, в районе Нижнего Новгорода, возникшего в 1221 г. на месте более раннего булгарского поселения, как писал об этом еще В.Н. Татищев в своей "Истории Российской". В числе ранних торгово-ремесленных поселений булгар на Волге, по убеждению Ф.Ш. Хузина, была и Казань, возникшая не позднее конца X в. на пересечении Великого Волжского и Северного пушного путей. Как свидетельствуют археологические материалы, освоение этого региона булгарами происходило в X–XI вв.[2] Отсюда по р. Казанке, а также по Вятке и Каме булгары проникают и в более отдаленные районы, населенные финно-уграми. По заключению пермского археолога А.М. Белавина, "уже к XI столетию практически все Прикамье (за исключением бассейна Средней Вятки) становится частью территории Волжской Булгарии, ее своеобразной угро-финской периферией" (Белавин А.М., 1999, с. 163 и сл.). Здесь, в Верхнем Прикамье, насчитывается около 200 пунктов, в которых встречены многочисленные вещи из Булгарии, в том числе и монеты булгарской чеканки, ранняя керамика салтово-маяцкого облика. На землях, принадлежавших предкам удмуртов и коми, булгары основывали не только торговые фактории, но и настоящие города – опорные пункты сбора налогов с местного населения и контроля над торговцами на северном пушном пути. Среди них выделяется огромный Рождественский комплекс на р. Обве, включающий в себя булгарское городище с прилегающим ремесленным посадом и мусульманский могильник.

Из всего сказанного выше вытекают два вывода: 1) Казань следует рассматривать в системе торгово-ремесленных поселений, функционировавших на Волге и Каме в X–XI вв., и в 2) Казань не изолированный

[2] См. памятники этого времени в окрестностях Казани: городище Казанка II, Борисковский могильник, поселение на острове Свияжска, поселение в Ново-Савиновском р-не Казани.

памятник в рассматриваемом регионе, она скорее всего контролировала обширную округу, заселенную булгарами и поволжскими финнами еще в первой половине домонгольского периода.

По наблюдениям археологов, средневековые города возникают не на пустых, необжитых местах, им предшествуют обычно более древние поселения. Местоположение ранней Казани – высокий мыс на левом берегу Казанки и прилегающие к нему участки. "Не найти другого такого места нигде на всей Русской нашей земле по красоте и богатству, с такими же угодьями, и не знаю, найдется ли и в чужих землях", – восклицал автор "Казанской истории" второй половины XVI в. (Казанская история, 1985, с. 315). Кремлевский мыс и его окрестности были обитаемы с глубокой древности. При археологических раскопках Кремля обнаружены следы поселений каменного века (мезолита), эпохи бронзы, раннего железа и раннего средневековья, свидетельствующие о почти непрерывной заселенности территории будущего города, начиная с VI–V тыс. до н.э. Оказавшись в X в. в районе устья Казанки, булгары достойно оценили выгодное географическое и топографическое положение местности и основали здесь поселение, которому было суждено стать в дальнейшем крупным экономическим, политическим и культурным центром обширного Поволжско-Уральского региона.

Как показали новые археологические раскопки, северная половина Кремлевского холма площадью около 4 га была укреплена еще в XI в., если не раньше. Изучению первоначальной фортификации Казанского городища археологи уделяли особое внимание.

Как уже сказано, Казанское поселение располагалось на укрепленном месте: крутой мыс, возвышающийся почти на 30 м от окружающей поверхности, с севера и востока омывался р. Казанкой, с запада – р. Булак. С южной напольной стороны этот мыс пересекал глубокий Тезицкий овраг, засыпанный не ранее XVII в. Первые следы укреплений раннего города были выявлены А.Х. Халиковым в 1978 г. в виде "остатков стены, сложенной в системе панцирной кладки из грубо отесанных белокаменных блоков... на известково-глиняном растворе без примеси каменной или кирпичной крошки" (Халиков А.Х., 1995, с. 98). По наблюдениям этого исследователя, каменная стена возводилась на глиняной насыпи, точнее на выровненной поверхности земляного вала, насыпанного непосредственно на погребенную почву. Вал этот имел ширину в основании до 12 м, высоту (в сохранившемся виде) до 2 м. "В процессе возведения вала в его тело, очевидно, для прочности вводились деревянные дощатые клетки, следы которых прослежены в виде тонких полос древесного тлена, очерчивающих квадрат примерно 3 × 3 м" (Халиков А.Х., 1995, с. 96).

По напольному наружному склону вала была выявлена каменная наброска – своеобразная крепида против оползней, а со стороны города – деревянная крепида в виде горизонтально лежащих плах. В целях определения времени насыпки вала важно отметить некоторые находки, обнаруженные в слое, перекрывающем подошву вала с наружной стороны. Это, помимо типично домонгольской керамики, железный наконечник стрелы типа 83, по классификации А.Ф. Медведева (бронебойный с массивной боевой головкой ромбических очертаний, с шейкой), очень характерный для XI в. (Медведев А.Ф., 1966, с. 81). Найдены также обломки стеклянного браслета и костяного гребня – находки второй половины домонгольского периода. Именно этим временем датировал А.Х. Халиков и земляной вал, и каменную стену, хотя уже тогда можно было допустить функционирование вала в более раннее время. В отличие от А.Х. Халикова, автор доклада считает, что вал и каменная стена – объекты разновременные.

Остатки земляного вала были дополнительно изучены в раскопе II 1995–1997 гг. и в раскопе XX 1998 г. Наши выводы относительно времени возведения этих укреплений не совсем совпадают с выводами А.Х. Халикова. Суглинистая насыпь вала действительно покоится на погребенной почве, в верхней части которой прослежена тонкая углистая прослойка, оставшаяся от выжигания растительности. Насыпь стерильна, в ней никаких находок не обнаружено. Как и в 1978 г., в южной части подошвы вала удалось зафиксировать небольшой слой, перекрывающий насыпь, содержание которого заслуживает внимания. Среди находок, кроме обломков гончарной керамики, были ранние образцы лепной керамики салтово-маяцкого типа, кусочки янтаря, бусина из горного хрусталя и лазуритовая подвеска. Эти находки характерны для первой половины домонгольского периода. Основываясь на них и учитывая стратиграфические данные, время возведения насыпи вала можно относить к X–XI вв. По всей вероятности, эти укрепления строились в начале XI в., ибо под валом никаких следов культурного слоя не прослеживалось.

Заинтересовавшимся участникам конференции была предоставлена возможность совершить экскурсию на раскоп XX 1998 г.

Следы предполагаемых древнейших укреплений по восточному склону холма выявлены раскопом XVIII 1998 г. в виде линии столбовых ямок диаметром 15–20 см и глубиной 20–40 см от деревянного частокола или тына. Стратиграфически данный объект восходит к основанию V слоя, сохранившегося на этом раскопе отдельными пятнами, т.е. его строительство можно определить временем также не позднее начала XI в. По мнению специалистов, частокол-тын со рвом впереди относится к наиболее раннему типу оборонительных сооружений Волжской Булгарии. Подобную систему укреплений имели, в частности, Танкеевское городище, Болгар и Биляр в X в. (Губайдуллин А.М., 1996, с. 16).

Фортификация города предмонгольского времени (второй половины XII – начала XIII в.) имела уже совершенно другой вид. На месте прежних деревоземляных укреплений появляются мощные каменные

стены шириной до 2 м, сложенные из необработанного известняка без применения связующего раствора (на некоторых участках отмечены следы известково-глиняного раствора). Остатки этой стены изучались А.Г. Мухамадиевым, А.Г. Ситдиковым, Ф.Ш. Хузиным в 1995–1998 гг. раскопами V, X, XV, XVIII и XX. Строительный горизонт ее везде прослежен в домонгольском слое, который вплотную примыкал к каменной кладке. Судя по сохранившимся остаткам, стена возведена на ровной площадке без котлована в технике панцирной кладки.

Эти открытия свидетельствуют о том, что в конце XII столетия Казань превратилась уже в одну из наиболее совершенных булгарских крепостей в северной периферии государства. В ней располагался военный гарнизон, призванный охранять один из важнейших в стратегическом отношении участков Волжского водного пути.

На основании означенных материалов Ф.Ш. Хузин предложил участникам конференции новую дату возникновения укрепленного поселения на территории Казанского Кремля с явными признаками торговой и военной деятельности его населения – рубежа X–XI вв.

Доклад известного археолога *Т.А. Хлебниковой* (Казань) был посвящен характеристике керамического комплекса из древнейшего слоя Казанского Кремля. Анализу были подвергнуты 1106 фрагментов булгарской керамики, происходящих из 12 раскопов. Глиняная посуда V слоя на 80,3% состоит из общебулгарской гончарной керамики, мелкопесочного теста, преимущественно лощеной, окислительного обжига, в основном красного и коричневого цвета. По форме это цилиндрошейные и с блоковидной горловиной горшки, кувшины, кружкообразные и блюдообразные сосуды, чашечки. Есть образцы от триподов на ножках и фрагменты корчаг, в том числе и с массивным венчиком, характерным для первой половины домонгольского периода, что вполне согласуется со стратиграфическими данными, так как происходит из заполнения ямы, которая восходит к основанию V слоя. Среди находок примечательна ручка трипода в виде стилизованной головки лося. Сосуды с такими ручками бытовали также в первой половине домонгольского времени. В гончарной с примесями керамики V слоя достаточно выразительна керамика, выделенная Т.А. Хлебниковой в группу XIII ("джукетау") (здесь и далее группы керамики указываются в соответствии с ее классификацией, разработанной в книге: Хлебникова Т.А., 1984). Чрезвычайный интерес вызывает керамика III группы салтово-маяцких истоков. Их всего 20 фрагментов, которые оказались переотложенными в верхние слои, но легко узнаваемы по характерным признакам. Это горшки с блоковидной, достаточно широкой горловиной, закругленным краем венчика, расширяющимся в верхней части туловом. Орнаментированы по плечику пояском округлых пальчатых вдавлений или углублениями в виде "запятых".

Гораздо более выразительна, по мнению Т.А. Хлебниковой, лепная керамика из древнейшего слоя Кремля. Это, можно сказать, классические образцы керамики булгар салтово-маяцкого и прикамско-приуральского происхождения. Керамика второй группы (всего 21 фрагмент) аналогична, по классификации С.А. Плетневой, кочевнической керамике из памятников Хазарии. Она изготовлена из характерного шамотно-растительного теста и имеет форму широкогорлого горшка с блоковидной горловиной, утолщенным венчиком, оформленным пальчатыми защипами.

Те же культурные истоки в салтово-маяцких древностях болгар лесостепной полосы Подонья и Северного Донца имеет другая XI группа лепной керамики (всего 25 фрагментов). Ее форма – горшок с блоковидным горлом, диаметр которого чуть больше половины наибольшего диаметра тулова. Данная группа керамики характеризуется широким резным линейным и волнистым орнаментом. На всех горшках волнистый орнамент нанесен по плечику, а линейный покрывает тулово и имеет вид рифления. По скошенному краю венчика нанесены насечки.

Керамика прикамско-приуральских и поволжских финно-угорских истоков относительно немногочисленна. По имеющимся образцам Т.А. Хлебникова представила реконструкции двух типов круглодонных горшков с толченой раковиной: 1) с подцилиндрической горловиной, орнаментированной веревочными отпечатками и с насечками или гребенчатым штампом по скошенному краю венчика (VII группа); горшки с блоковидной горловиной также с веревочным орнаментом по ней и защипами по краю венчика (V группа). Имеется также несколько фрагментов керамики приуральских угорских народов (VIII и XVII группы) – венчики горшков с подцилиндрической невысокой горловиной с резной линейно-волнистой орнаментацией.

В заключительной части своего доклада, определяя общебулгарскую керамику V слоя в целом домонгольским периодом, Т.А. Хлебникова указала на ряд признаков, характерных для X–XI вв. Это высокогорлые цилиндрошейные с рифленой горловиной горшки, некоторые формы чашек и блюдообразных сосудов, ручки в виде головок лося, триподы, массивные формы венчиков корчаг. Анализ отдельных групп лепной посуды позволил Т.А. Хлебниковой определить нижнюю дату V слоя Казанского Кремля X в. и не позднее рубежа X–XI вв.

В докладе *К.В. Николаевой* "Спорово-пыльцевой анализ образцов из раскопов Казанского Кремля (к датировке культурного слоя средневекового города)" приводились дополнительные данные, подтверждающие заключение археологов о времени отложения раннего слоя Кремля. По данным палинологов, спорово-пыльцевой анализ образцов, взятых из основания V слоя раскопов X и XIII, отражает отно-

сительно слабую облесенность: островки широколиственного леса из дуба, вяза и липы чередовались с открытым ландшафтом, занятым злаково-разнотравными формациями с большим участием полыни. Климат был теплым и сухим. По шкале В.А. Климанова, экстремум потепления в регионе наблюдался около 1000 лет назад, во второй половине X – первой половине XI в. Значительное обезлесение территории, по мнению К.В. Николаевой, можно связать с пожарами, о чем свидетельствует присутствие пыльцы иван-чая – растения, поселяющегося на пустырях после пожаров и вырубок. Для второй половины XIII – первой половины XIV в. (по образцам из IV слоя) палинологи отмечают экстремум похолодания, что также соответствует хронологии климатических изменений, приведенных в работах В.А. Климанова.

Огромный интерес вызвал доклад профессора *Я. Хасковой* из Праги, розданный участникам конференции (сама она не смогла участвовать из-за болезни). Он был посвящен древнечешской монете, найденной в 1997 г. в раскопе IX, расположенном к северо-востоку от Благовещенского собора Кремля. Данная монета (пока самая ранняя и единственная) имеет чрезвычайно важное значение для датировки раннего слоя Казани. На аверсе ее изображен равноплечий крест, на реверсе – храм с двумя ступенями; между колоннами надпись: IOA, скорее всего обозначающая сокращенное имя монетчика. Вид монеты, как считает Я. Хаскова, соответствует так называемому каролинскому храмовому типу, преобладавшему на монетах восточной части Германской империи, точнее в Баварско-Швабской области.

В баварском городе Регенсбурге, где монеты время от времени чеканились еще в IX в., регулярная их чеканка была организована в начале X в. Это в первую очередь монеты императора Конрада I (911–918) и князя Арнульфа. Для баварских монет, по наблюдениям Я. Хасковой, до самого начала XI в. стал характерным один тип, подражающий старому каролинскому образцу. Этот тип, вне всякого сомнения, стал образцом для чешской монеты из Казанского Кремля. На монете написано по латыни: "Вацлав князь" и "Город Прага". Имя князя может принадлежать только князю из династии Пржемысловичей, ставшего позднее покровителем Чехии – святого Вацлава.

Я. Хаскова считает, что данная монета могла возникнуть только в Чехии и не позднее 929–930 гг., но причина ее возникновения не была экономической. Она была изготовлена из свинца с небольшой примесью серебра. Само собой разумеется, что, изготовленная из некачественного материала, она не могла применяться в международной торговле. Судя по отверстию на краю монеты, она использовалась в качестве украшения, значит, могла попасть из Праги в Казань не обязательно торговым путем и не позднее начала XI в. Какова же была цель чеканки в Пражском Граде монеты с именем Вацлава? Поскольку фискальные причины исключаются, утверждает Я. Хаскова, остаются только причины политические. Монета – символ власти. Историки считают князя Вацлава одним из самых дальновидных славянских правителей того времени, а чеканка монет полностью соответствовала начинаниям прозорливого правителя, благодаря которым он приблизился к "цивилизованному" миру западной культуры. Чеканка монеты ставила Вацлава – князя до того времени разрозненной Чехии – в один ряд с правителями зарождавшейся Германской империи.

Профессор *А. Совелам* (Египет, Каир) посвятил свой доклад другой находке, обнаруженной в раскопе XIII, расположенном у подошвы склона кремлевского холма за пределами ранних укреплений города, – арабскому дирхему X в. На половине монеты отсутствовала надпись с указанием места и времени чеканки, имени халифа, при правлении которого она чеканилась. Однако сопоставление ее с монетами из нумизматической коллекции Музея исламского искусства в Каире, изучение различных каталогов арабских монет привели автора к убеждению, что казанская монета чеканилась во время правления Исмаила Ахмада (892–907), скорее всего в г. Шаше. В культурный слой Древней Казани, по предположению А. Совелама, она могла попасть во второй половине X, но никак не позднее начала XI в.

Еще одна интересная находка – бронзовая с позолотой накладка на ремень конской сбруи из того же XIII раскопа – стала темой выступления проф. *И. Фодора* (г. Будапешт, Венгрия). По мнению ученого, данную находку обоснованно включают в список изделий венгерского происхождения. На территории Восточной Европы их немного, но в массовом виде они обнаруживаются в памятниках Венгрии периода завоевания родины. На основании многочисленных аналогий, И. Фодор датирует их преимущественно до середины X в., однако для казанской находки предлагает более позднюю дату – конец X – начало XI в., так как некоторое время она использовалась в качестве женского украшения.

Результаты исследований стеклянных и каменных бус из древнейшего слоя Казанского Кремля были изложены в докладе проф. *Й. Калмера* (г. Берлин, Германия). Все бусы (их всего 14 экземпляров) составляют, по заключению автора, две хронологические группы. В старшую группу он включил бусы-пронизки (в одном случае с серебряной фольгой), которые в Северной и Восточной Европе начинают встречаться с конца VIII – начала IX в., но еще бытуют в X в. и чуть позднее. Этим же временем можно датировать бусину из черного стекла с крупными слегка выпуклыми глазками из синего и белого стекла. В большом количестве они известны в Салтовском могильнике VIII–IX вв. Шаровидные сердоликовые бусы Й. Калмер также относит к раннему типу женских украшений, широко распространенных в Восточной и Северной Европе. Однако в нашем регионе они бытовали еще и в XI в.

В младшей группе бус имеются одно- и двухчастные "лимонки" из желтого стекла, бусинки с более мелкими, чем у упомянутой выше, и частыми глазками, которые Й. Калмер склонен датировать второй половиной X–XI вв.

Данная категория находок из Казанского Кремля, а также торгово-ремесленных поселений ранних булгар X–XI вв. стала темой доклада еще одного исследователя – *С.И. Валиуллиной* (г. Казань), подтвердившей основные выводы Й. Калмера на более массовом материале.

П.Н. Старостин (г. Казань) выступил с докладом на тему "Древние памятники на территории современной Казани". Он отметил чрезвычайно удобное географическое и топографическое расположение города, которое стало причиной столь активного освоения этого места человеком еще с эпохи камня. Наиболее поздние, добулгарские, памятники на территории Казани, по мнению П.Н. Старостина, связаны с древними марийцами.

В докладе *А.А. Чижевского* (г. Казань) речь шла о некоторых результатах исследования древнебулгарского поселения, расположенного в Ново-Савиновском районе Казани на правом берегу р. Казанки. Здесь, в частности, были открыты остатки хозяйственной постройки с плетневой конструкцией стен, на дне которой обнаружена верхняя часть лепного кувшина раннебулгарского типа (определение Т.А. Хлебниковой и Е.П. Казакова). Автор предложил провести на этом памятнике сельской округи древней Казани более широкие исследования.

Место и роль Древней Казани в системе региональной и международной торговли освещались в докладах *Е.П. Казакова* (г. Казань), *А.М. Белавина* (г. Пермь) и *Е.А. Мельниковой* (г. Москва). Во второй половине X в. вследствие падения Хазарии и слабости Северо-Восточной Руси Волжская Булгария экономически контролировала широкую территорию от Приуралья до Верхнего Поволжья. В это время по левобережью Волги и Камы возникали многочисленные торгово-ремесленные поселения и фактории, одна из которых располагалась в приустьевой части р. Казанки на болгаро-финском пограничье и вскоре превратилась в крупный коммерческий экономический центр Поволжья. Указанные выше три доклада были прочитаны в рамках круглого стола по теме "Великий Волжский путь", организованного по инициативе проф. А.Н. Кирпичникова (Санкт-Петербург). Он предложил в 2000 г. провести специальную конференцию на эту тему.

К теме "Великий Волжский путь и города Среднего Поволжья" примыкали по содержанию доклады *Д.Г. Мухаметшина* "К истории денежного обращения в Поволжье VI–XI вв.", *Д.Д. Васильева* (Москва) "Великий шелковый путь и города Поволжья", *М. Фармановой* (Бухара) "Великий шелковый путь – взгляд с востока" и *Д.И. Хафизова* (Казань) "Казань на географических картах XIV – начала XVII вв." Все докладчики единодушно констатировали интенсивность торгово-экономических и культурных связей булгарских городов с соседними и дальними регионами, на конкретных материалах показали огромную роль Волжской Булгарии как связующего звена между Западом и Востоком в X–XI вв. В свете новых исследований значение и роль международной торговли в возникновении Казани на стыке водных и сухопутных магистралей представляются закономерным явлением.

На конференции была заслушана серия докладов, связанных с проблемой контактов и взаимовлияния булгар и скандинавов в эпоху раннего средневековья. Профессор *К. Хеллер* (Гиссен, Германия) и *И.Л. Измайлов* (Казань) в своих выступлениях отмечали преимущественно мирный характер этих контактов, подчеркивая одновременно вероятность серьезных военных столкновений между норманнами и булгарами, способствовавших появлению у торговых факторий оборонительных укреплений. Подобный путь возникновения у военной крепости на р. Казанке отнюдь не исключается.

Любопытные сведения в этом плане содержал доклад *М. Гамалетдина* (Каир, Египет), предложившего по-новому интерпретировать некоторые факты из широко известной "Книги путешествия на Волгу" Ибн-Фадлана. По его мнению, самые ранние булгарские крепости могли быть построены Алмушем или его преемниками не в центральных районах страны, как это предполагалось раньше, а в пограничных областях, в том числе и в районе устья р. Казанки, где была большая вероятность нападения внешних врагов, например викингов-русов и славян. Это предположение нашло определенную поддержку у *А.М. Губайдулина* (Казань), выступившего с докладом "Оборона границ Волжской Булгарии и древняя Казань". Кратко охарактеризовав военно-стратегическую ситуацию в регионе, он считает наиболее вероятным временем основания Казанской крепости конец X – начало XI в. Этот укрепленный сторожевой пункт не только контролировал торговые пути, но и прочно запирал устье р. Казанки для прохода в глубь территории Заказанья. Значение Казанской крепости особенно возросло в XII в., в период обострения отношения Волжской Булгарии с Северо-Восточной Русью, вследствие которого прежние деревоземляные укрепления были заменены новыми, белокаменными.

По мнению *Н.З. Нигамаева* (Елабуга, Татарстан), Казань не единственная булгарская крепость с белокаменными укреплениями. В своем докладе "Каменная мечеть – цитадель на Елабужском городище" он изложил результаты новых археологических исследований этого памятника, более известного в науке под названием "Чертово городище". Под руководством проф. А.Х. Халикова в 1993 г. здесь были изучены руины каменного здания квадратной в плане формы (21 × 21 м) с угловыми и пристенными башня-

ми. Докладчик привел убедительные данные, подтверждающие домонгольский возраст (XI–XII вв.) этого сооружения.

Следует отметить еще несколько докладов, напрямую связанных с историей ранней Казани. Профессор *А.Г. Мухамадиев* (Казань) изложил некоторые результаты своих многолетних исследований в области нумизматики, картографии и археологии Казани. Докладчик убежден, что булгарское укрепленное поселение на месте современного Кремлевского холма уже существовало в X в. и носило оно скорее всего название "Кернек" или "Кермен" ("Крепость"), что доказывается рядом источников.

Достаточно убедительно прозвучали доводы проф. *С.Г. Кляшторного* (С.-Петербург) в пользу признания булгарской крепости и торгового центра в районе Кремлевского холма в качестве предшественника современной Казани. "В конце X – начале XI в. в северо-западной части Булгарского царства сформировалась сеть торгово-ремесленных поселений и военных форпостов, контролирующих и использующих как ресурсы региона, так и трассы транзитных путей. И совершенно неизбежно в сферу внимания и интересов создателей этих поселений попадает издревле обжитое место – мыс в устье р. Казанки. Ни по своей типологии, ни по дате возникновения построенный здесь городок ничем не отличался тогда от своих многочисленных собратьев".

Как назывался этот городок первоначально? С.Г. Кляшторный дал критический обзор многочисленных гипотез о происхождении названия "Казань", которое, по его убеждению, не было первым названием современного города. По его мнению, это название связано с антропонимом и не ранее XIV в., судя по источникам, сменило иное, более древнее название города. Ученый справедливо считает, что "судить о времени появления города только на основании времени появления его названия в исторических источниках было бы методически некорректно".

С огромным интересом был прослушан доклад акад. *М.А. Усманова* (Казань) "Новые письменные источники по истории Поволжья". Как отметил докладчик, возникновение в X в. поселения с торговыми функциями и превращение его на стыке X–XI вв. в укрепленную крепость городского типа на территории современного Казанского Кремля не вызывает особых сомнений у компетентных специалистов. Однако возникает закономерный вопрос: как отразился этот закономерный процесс градообразования в ранних, по возможности аутентичных и автохтонных письменных источниках? Подтверждается ли информация археологических источников письменными? По мнению М.А. Усманова, ответить на эти простые вопросы, на первый взгляд, весьма сложно в силу отсутствия надлежащих источников X–XI вв. В последние годы в крупнейших архивах мира (Стамбул, Каир, Ватикан) были осуществлены планомерные поиски письменных источников по истории Средневекового Поволжья. В Турции были обнаружены списки сочинений четырех не известных до сих пор авторов XIII–XIV вв. с нисбой Булгари, список нового сочинения Таджи ад-Дина, датированного 1222 г.; около десяти списков сочинения Сулеймана ас-Саксини, автора XII в., неоднократно цитирующего своего учителя Хамида ибн Идрис ал-Булгари, ученого-богослова второй половины XI столетия и т.д.

Эти находки свидетельствуют о том, что еще в домонгольскую эпоху в Поволжье сложился и развился довольно мощный культурный фон, развитие которого было бы невозможным без наличия городских центров, и поэтому при изучении истории региона в целом, крупных населенных пунктов и городов наравне с другими фактами необходимо учитывать и факторы культурного фона эпохи и региона.

В заключительном слове Президента Академии наук Татарстана *М.Х. Хасанова* было подчеркнуто, что предложенные участниками конференции новые данные, оригинальные научные концепции, свежие подходы и идеи станут весомым вкладом в изучение сложных вопросов древней истории города Казани. Благодаря активному, заинтересованному и высококомпетентному обсуждению удалось реализовать комплексный подход к их решению.

Ключевая научная проблема в ранней истории Казани – определение времени ее возникновения. Главным результатом научного форума является то, что осуществлен серьезный прорыв не только в определении возраста Казани, но и значительно обогащены методология и методика определения возраста древних городов в целом. Исследователям удалось отойти от спорной даты основания Казани, которая содержалась в "Казанском Летописце". Дальнейшие дискуссии вокруг даты этого сомнительного публицистического сочинения бесперспективны. Более плодотворное направление – комплексный подход на основе данных археологии и других смежных наук, тем более что подобная методика в мировой научной практике уже широко применяется. Так были определены даты возникновения Бухары, Киева, Минска, Ладоги и других древних городов. Ученые, наконец, вышли на финишную прямую в определении возраста Казани. Весь комплекс представленных участниками конференции научных идей, выводов и фактов позволил принципиально решить эту проблему. История Казани насчитывает не менее тысячи лет. Археологам удалось изучить самые ранние слои древней Казани, относящиеся к концу X – началу XI вв., и выявить целую серию датирующих находок этого времени. М.Х. Хасанов отметил, что эти изыскания необходимо активно продолжать и в дальнейшем, шире внедрять и использовать в археологических исследованиях естественно-научные методы.

Участники конференции приняли резолюцию, в которой отмечается, что комплексный анализ накопленных материалов позволяет сформулировать вывод о возникновении Казани в конце X – начале XI столетия, определяются основные направления дальнейшего изучения территории Казанского Кремля и его округи.

Институт истории АН РТ,
Казань

Ф.Ш. Хузин,
Р.С. Хакимов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белавин А.М., 1999. Камский торговый путь из Болгара в "страну Вису и Чулман" // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Казань.

Губайдуллин А.М., 1996. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.

Добродомов И.Г., Кучкин В.А., 1979. Этимология и старые географические объекты // Вопросы географии. Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.

Добродомов И.Г., Кучкин В.А., 1989. "Казанская история" и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. М.

Древняя Казань глазами современников и историков, 1996. Казань.

Дубов И.В., 1989. Великий Волжский путь. Л.

Казаков Е.П., 1999. Об освоении болгарами Казанско-Марийского Поволжья в X–XI вв. // Археологическое изучение булгарских городов. Казань.

Казанская история, 1985 // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36.

Мельникова Е., 1999. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Казань.

Халиков А.Х., 1983. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань.

Халиков А.Х., 1995. Укрепления древнейшей Казани // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань.

Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.

Хузин Ф.Ш., 1999а. Древняя Казань в X – начале XIII вв. (по материалам археологических исследований 1994–1998 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. Казань.

Хузин Ф.Ш., 1999б. Древняя Казань и проблемы ее возникновения // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Казань.

КОЛЛОКВИУМ "ХАЗАРЫ" (Иерусалим, 1999) И "КРАТКАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ" О ХАЗАРАХ

Культура Хазарского каганата, так называемая "салтово-маяцкая", не имеет твердо фиксированной даты открытия. Если условный отсчет начинать с первых раскопок В.А. Бабенко на Верхне-Салтовском могильнике в 1900 г., то завершающийся XX в. знаменует и окончание первого столетия хазарской археологии. С другой стороны, раскопки столь же известных Саркела, Правобережного Цимлянского и Семикаракорского городищ начались на полтора десятилетия ранее В.И. Сизовым и Н.И. Веселовским. Для этой заметки, однако, важна не исходная точка для юбилея, а то, что за более чем столетнюю историю хазароведения в России, в том числе археологического, не состоялось буквально ни одной хазароведческой конференции! И это на фоне десятков конференций по культурам палеолита-бронзового века, скифов, сарматов, славян и т.д. В этом отношении хазарская археология воистину уникальна. В определенной мере и только формально это можно было бы объяснить тем, что до 80-х годов археологов-хазароведов в бывшем Советском Союзе были считанные единицы.

© В.С. Флёров, 2000 г.

Положение круто меняется с конца 60-х – начала 70-х годов. Выход трех томов "Трудов Волго-Донской экспедиции", включающих серию фундаментальных публикаций И.И. Ляпушкина, появление "Истории хазар" М.И. Артамонова, а позднее работ С.А. Плетневой стимулировали интерес к салтово-маяцкой культуре и Хазарии в целом. Численность археологов-хазароведов необычайно возрастает. Расширился ареал раскопок, в хранилища музеев, институтов и университетов пошел поток находок с ранее известных и вновь открываемых памятников. В 1970–1990-е годы на темы салтово-маяцкой культуры писали не менее сорока авторов. К ним следует добавить и многочисленных отечественных и зарубежных историков, лингвистов, антропологов. С хазарской тематикой неразрывно связаны авторы, посвятившие свои работы Первому Болгарскому царству на Дунае. Вопроса формирования салтово-маяцкой культуры напрямую касаются новые открытия на Самарской Луке (Матвеева Г.И., 1997; Багаутдинов Р.С. и др., 1998).

Большой объем новой информации поколебал, казалось бы, окончательно сложившиеся к 70-м годам представления о материальной культуре и истории каганата. Все острее чувствовалась неудовлетворенность степенью разработанности типологии вещевого комплекса, погребального обряда и особенно хронологии салтово-маяцкой культуры. Лишь с конца 70-х – начала 80-х годов начинаются разговоры, пока еще "кулуарные", о назревшей необходимости конференции для обсуждения большого круга "хазарских" проблем. При всем том, что археологи-хазароведы имели возможность эпизодически встречаться небольшими составами на конференциях иных направлений (например, в Ростове-на-Дону в 1979 г., Казани в 1988, Донецке в 1989, Пензе в 1990, Самаре в 1995 в Шумене в 1976, 1986 и 1990 гг. и ряде других), заменить специализированную конференцию такие встречи не могли.

Положение усугублялось отсутствием хотя бы одного сборника по проблемам салтово-маяцкой культуры. Наконец, такой сборник, чрезвычайно интересный и представительный по составу авторов, вышел в свет, но по инициативе... венгерских археологов в Будапеште и на немецком языке (Die Keramik..., 1990). В России он почти не доступен.

Вопрос о конференции обсуждался и на страницах "Российской археологии" (тогда еще "Советской") (Плетнева С.А., 1990, с. 89), но далее пожеланий дело не пошло.

И вот, по сути к столетию изучения археологических памятников Хазарии, такая конференция, а точнее, Коллоквиум "Хазары", состоялась, но не в России или на Украине, что было бы вполне естественно, а в Израиле. Полагаю нет необходимости объяснять интерес израильских историков к Хазарии, государству, в котором иудаизм стал официальной религией правящего дома.

Инициаторами и организаторами международного коллоквиума "Хазары" стали Ben-Zvi Institute for the Study of Jewish Communities in the East, The Hebrew University of Jerusalem при поддержке The Israel Academy of Sciences and Humanities. С российской стороны в подготовке коллоквиума активное участие принимал В.Я. Петрухин.

Работа коллоквиума проходила в Иерусалиме 24–28 мая 1999 г. Участников приветствовали глава Бен-Цви института *Х. Бен-Шамай*, ректор Еврейского университета *М. Бен-Сассон*, вице-президент Израильской академии наук Н. Тадмор, от оргкомитета – *Д. Бартов*. На открытии выступил посол Израиля в России господин *Цви Маген*. С обзорным докладом "Хазары в современных исследованиях – прошлые достижения, будущие цели и перспективы" выступил на открытии *П. Голден*.

О работе коллоквиума дает некоторое представление перечень участников, сгруппированных по странам, а также тематика произнесенных докладов. Такой перечень позволяет увидеть главное – какие проблемы разрабатываются зарубежными хазароведами, а также некоторыми российскими. Правда, надо иметь в виду, что для многих выступивших на коллоквиуме хазароведение не является основной специальностью.

Среди зарубежных коллег преобладали историки и лингвисты Израиля, который в перспективе может стать одним из центров изучения Хазарии: *Р. Амитай*. "Хазары в евразийском контексте"; *И. Бартал*. "Хазары в современном еврейском мире"; *Д. Буянер*. "О средневековом кавказском топониме Varsan и опыт его индентификации"; *Д. Вассерштейн*. "Хазары и исламский мир"; *М. Езер*. "Надгробия как свидетельство присутствия караимов на Крымском полуострове"; *С. Села*. "Иосиппон и хазары"; *Д. Шапиро* выступил с двумя темами: "Армяно-грузинские источники о хазарах – переоценка" и "Иранские источники о хазарах – постановка проблемы"; *Э. Швейд*. "Хазарские мотивы в Kuzari Иуды Халеви"; *М. Эрдал* (Израиль – Германия). "Язык хазар".

Великобританию представлял *Д. Ховард-Джонсон* докладом "Византийские источники о хазарском каганате".

Известный венгерский историк *А. Рона-Таш* выступил с докладом "Хазары и мадъяры".

США представляли ученые, чьи имена хорошо известны многим хазароведам. *П. Голден* помимо упомянутого выступления на открытии коллоквиума прочитал доклад "Обращение хазар". *Н. Голб*, чья весьма оригинальная в соавторстве с О. Прицаком книга "Хазарско-еврейские документы X в." вышла в России в 1997 г. благодаря еврейскому издательству "Гешарим", развил эту тему в докладе "Еврейские документы как источник о хазарских иудеях". Т. Нунан, специалист по восточной нумизматике осветил проблему "Экономика Хазарского каганата".

Францию докладом "Хазары и Византия: первые контакты" представлял *К. Цукерман.*

Наиболее многочисленной на коллоквиуме была группа ученых России: *Г.Е. Афанасьев* "Археология в харской проблематике"; *А.В. Богачев* "Северная граница Хазарского каганата в VIII в."; *А.В. Галло* "Хазары и народы Северного Кавказа"; *М.И. Заверняев* "Хазары в национальном сознании караимов сегодня"; *Т.М. Калинина:* 1. "Al-Khazar wa-'L-saqaliba: контакты и конфликты"; 2. "Арабские источники"; *В.Я. Петрухин*: 1. "Князь Олег-Хельгу Кембридского документа и род русских князей"; 2. "Хазары и Киевская Русь – источники и исторические реалии"; *А.М. Федорчук* "Новые находки, связанные с еврейскими эпиграфическими источниками из Крыма"; *В.С. Флёров* "Фортификация в Хазарском каганате в свете раскопок Семикаракорской и Правобережной Цимлянской крепостей"; *В.Е. Флёрова* (*Нахапетян*) "Сюжеты хазарской графики"; *Н.А. Фонякова* "Изображение одного забытого обычая на хазарском сосуде из Коцкого городка".

Особняком в тематике коллоквиума стояли кавказоведческие доклады *И.А. Аржанцевой* "Аланы – соседи хазар на Северном Кавказе" о палеоландшафтных исследованиях под Кисловодском и *В.Б. Ковалевской* "Торговые пути Хазарского каганата" о компьютерном картографировании бус.

Заметное оживление внес доклад *В.А. Шнирельмана* "Хазары и русский антисемитизм", еще раз показавший, что тема антисемитизма, к сожалению, в России "бессмертна".

Украину, второй после России центр по изучению археологии Хазарии, представляли почему-то всего два участника: *А.И. Айбабин* "Новая дата начала хазарского господства в Крыму" и *В.К. Михеев* "Погребения в северо-восточной Хазарии как этнокультурный индикатор".

Надо отметить отсутствие на коллоквиуме болгарских археологов, чьи исследования теснейшим образом связаны с хазароведческими.

Научная общественность Израиля проявила к коллоквиуму заметный интерес: аудитория намного превышала количество докладчиков. В обсуждениях принимали участие М. Членов (Россия), В. Москович и ряд других представителей Израиля. Итоги коллоквиума с обзором сделанных сообщений подвел Х. Бен-Шамай.

Пересказывать более тридцати докладов, посвящая каждому по две-три фразы, нет необходимости, так как был своевременно выпущен сборник тезисов (The Khazars..., 1999)[1]. В ближайшее время будут изданы отдельной книгой полные тексты докладов. Вместо пересказа докладов я изложу некоторые впечатления от коллоквиума с позиций археолога, а не историка или лингвиста, которые на иерусалимской встрече заметно преобладали.

Современный интерес гебраистов к Хазарии – это продолжение того интереса, который возник в еврейской среде еще в X в. в связи с принятием в каганате в качестве официальной религии иудаизма. Прозелитизм для иудаизма – явление редкое, и неудивительно, что гебраисты Израиля и ряда других стран все более обращаются к этому историческому эпизоду. Тема иудаизма в Хазарии прозвучала в ряде докладов как ведущая. Существо проблемы в том, насколько еврейская религия получила в Хазарии распространение.

Еще в упомянутой книге Н. Голб и О. Прицак с увлечением пишут, что "хазарский иудаизм не замыкался в кругу правителей, но пустил корни по всей территории Хазарии, достигнув даже пограничного города "Киева" (Голб Н., Прицак О., 1997, с. 48). На коллоквиуме эта крайняя точка зрения прозвучала в докладе П. Голдена, заявившего о проникновении иудаизма в "широкие круги населения каганата". В прениях я был вынужден отметить, что археологические исследования, вплоть до самых последних, это не подтверждают. Речь прежде всего идет о могильниках, ни в одном из которых не обнаружено ни одного захоронения, которое можно было бы идентифицировать как совершенное по нормам иудаизма. Нельзя исключить, что такие могильники или отдельные погребения будут обнаружены, это вполне вероятно, но и такое открытие никак не изменит общей картины господства в Хазарии язычества. Нет среди археологических находок (надгробия типа фанагорийских датируются ненадежно) на территории каганата древнееврейских надписей, а упомянутый в докладе Г.Е. Афанасьева стеклянный сосуд из Мощевой Балки – так называемая "бутылочка пилигримов", с повторяющейся надписью "израэль" (Иерусалимская А.А., 1985, рис. 8, *2*) лишь подтверждает своей уникальностью общую ситуацию. Данный сосуд мог быть одним из предметов, случайно попавший в поток товаров на Шелковом пути. Нет возможности дать бесспорное толкование изображению на персте из Дмитриевского могильника (Плетнева С.А., 1989, рис. 61, катакомба 38) как лулаб или минора. Это могло быть и "древо жизни". Важнее не выяснение этого, а то, что весь погребальный обряд могильника исключает даже постановку вопроса об иудаизме. Вероятно, прав Д. Вассерштейн, отметивший в своем докладе, что иудаизм был в Хазарии скорее тенденцией, нежели состоявшимся во всей полноте явлением. Позволю себе добавить, тенденцией в очень узком окружении кагана.

---

[1] Один экземпляр я передал в библиотеку Института археологии РАН. Информация о коллоквиуме В.Я. Петрухина и А.М. Федорчука, в отличие от моей более историчная, помещена в Вестнике еврейского университета.

Впечатление второе. Большинство докладов на коллоквиуме так или иначе касалось письменных источников, базировалось на них или же содержало новые трактовки. Характерными в этом смысле можно считать доклады Д. Буянера и Д. Шапиро (для примера можно было бы отобрать и другие доклады). Д. Буянер сопоставил гору Varsan с армянским Талиш/Талеж и горным массивом в Азербайджане Талис. Д. Шапиро пересматривает происхождение грузинских источников периода последней саснидо-византийской войны в первом докладе и ставит вопрос об аутентичности ряда персидских и арабоязычных источников, касающихся Хазарии, во втором. Эти доклады, как и все аналогичные, сделаны на достаточно высоком уровне. И все же коллоквиум показал, что информация, содержащаяся в письменных источниках, фактически исчерпана, а предлагаемые трактовки тех или иных сообщений и варианты переводов никак не увеличивают наших знаний о самом предмете исследований – Хазарии. Мало того, можно ставить вопрос об отрыве исторического источниковедения от непосредственного изучения реалий прошлого. Источниковедение все более становится "вещью в себе", а выявление лингвистических тонкостей, проблемы перевода, выдвигаемые на основе отрывочных сведений гипотезы, становятся самоценными, самодостаточными.

Отнюдь не принижая интересные наблюдения других историков, особо отмечу доклад Д. Ховарда-Джонсона, выделившего в информации о Хазарии, содержащейся в "Об управлении империей" К. Багрянородного, два пласта или две редакции. На основе ранней редакции 900 г. он ставит вопрос о происшедшей в Хазарии крупной реструктуризации, датируемой около 830 г., в связи с возрастающей "угрозой с севера". Действительно, 30-е годы IX в. знаменательны для Хазарии хотя бы строительством Саркела. К этому я добавлю в качестве гипотезы развертывание в начале IX в. целой сети каменных и кирпичных крепостей, что вполне согласуется с выводами Д. Ховарда-Джонсона. Свои выводы исследователь мог бы блестяще подтвердить серией археологических данных, но он фактически остановился на полпути; вероятно, не владея или недооценивая информацию российских археологов.

Пример с Д. Ховардом-Джонсоном дает возможность перейти к третьему, самому главному впечатлению от коллоквиума, от совместных заседаний историков и археологов. Я имею в виду ярко выраженную самоизоляцию историков от археологии. Проявилось это в следующем: во-первых, в том, что ни в одном "историческом" докладе почти не упоминались или упоминались вскользь данные археологии; во-вторых, в крайне слабой реакции историков на археологические доклады, в которых представители России и Украины постарались изложить самые последние, подчас еще неопубликованные данные своих исследований. Наши зарубежные коллеги практически не отреагировали на своеобразную и весьма еще спорную гипотезу Г.Е. Афанасьева о границах хазарского домена. Кажется, совершенно незамеченным осталось одно из самых интересных, можно сказать, программных археологических заявлений (из прозвучавших на Коллоквиуме) А.В. Гадло о том, что салтово-маяцкая культура формируется не в Дагестане, а в Прикубанье и Приазовье, откуда она и распространяется в течение VIII в. в Крым, Северное Приазовье и Подонье, в степные районы Центрального Предкавказья и только затем достигает низовьев Волги и Северного степного Дагестана[2]. Кстати, А.В. Гадло дал пример продуктивного соединения письменных и археологических источников (сопоставление балки Инал около Хумаринского городища с родом адыго-кабардинских князей Инал и т.д.).

На мой взгляд, историки, причем не только зарубежные, испытывают большие и вполне естественные трудности с использованием не всегда понятных для них археологических данных, но не прилагают усилий для преодоления этого препятствия. Важнее, однако, другое – они явно еще не осознали тот факт, что именно археология имеет безграничные возможности пополнения источниковедческой базы для изучения всей хазарской проблематики, причем не только связанной с материальной культурой. Эти возможности будут возрастать по мере качественных изменений в археологии, прежде всего связанных с совершенствованием археологической хронологии.

В значительной мере невнимание зарубежных историков к археологическим исследованиям объясняется почти полным отсутствием постоянных контактов с археологами России, неучастием их, даже ознакомительным, в полевых исследованиях, слабым представлением об их методике. Вывод один: назрела необходимость, прежде всего для историков Израиля, включиться в археологические исследования Хазарии. Такое предложение им поступило.

Абсолютно прав М. Гольдельман, отметивший в Краткой еврейской энциклопедии, что "синтез археологических материалов с данными письменных источников... на современном этапе – основная проблема изучения истории Хазарии" (Гольдельман М., 1999, с. 541).

Коллоквиум "Хазары" стал самым значительным событием последних лет в хазароведении не только тем, что впервые собрал большую группу как весьма опытных, так и начинающих работать в этой области ученых, но и по той причине, что уже на международном уровне подтвердил ту значительную роль, которую играл Хазарский каганат в зоне активных контактов народов раннесредневековых Европы и

[2] По моим наблюдениям, культура Дагестана вообще имеет очень мало общего с салтово-маяцкой, например, в керамике.

Востока. Интерес к Хазарии растет. Об этом свидетельствует еще одна инициатива, осуществленная в Израиле.

Имеется в виду появление большой, на двадцати колонках, статьи "Хазария" в вышедшем перед коллоквиумом 9-м томе Краткой еврейской энциклопедии (Иерусалим, 1999), издаваемой на русском языке. Автор статьи, уже цитированной несколькими строками выше, М. Гольдельман, начинающий израильский историк, для которого эта статья стала первой заметной публикацией в области хазароведения. Не обратить на эту статью внимания нельзя уже по той причине, что это самая большая и, кажется, единственная публикация справочного характера, из появившихся в последние десятилетия о хазарах на русском языке. Напомню, что изданная еще в 1974 г. в томе 15 Советской исторической энциклопедии статья "Хазары", подготовленная М.И. Артамоновым, занимает всего 17 строк одной колонки.

Материалы, собранные в Еврейской энциклопедии М. Гольдельманом, чрезвычайно важны, во многом первостепенны для изучения хазар и поданы в хорошем литературном стиле, тем не менее необходимо остановиться, в первую очередь, на ряде погрешностей или спорных положений.

1. Автор пишет: "Важную роль в процессе хазарского этногенеза сыграли савиры – племена выходцев из Западной Сибири" (с. 523). Надо указать, что археологически савиры не выявлены, роль их в истории Хазарии неясна. По мнению В.А. Могильникова (благодарю коллегу за консультацию), с ними весьма гипотетически можно связывать саргатскую культуру V в. до н.э. – V в.н.э.

2. Более чем спорно следующее утверждение: "Установилась... хазарская "федерация", принципом которой было добровольное изъявление многочисленными племенами покорности хазарскому царю и выплата формальной (? – *В.Ф.*) дани на условии предоставления гарантий безопасности от внешних нападений...". Эта идиллическая картина напоминает тезис некоторых историков о благой судьбе Руси в составе монгольской империи.

3. О распространении власти Хазарии в период расцвета до Хорезма и Гургана (с. 523). Восточные границы Хазарии для нас пока неясны. Что касается археологии, то она не дает оснований для утверждений тесных контактов Хазарии с указанными областями. Скорее показывает обратное.

4. Вряд ли стоило безоговорочно соотносить легендарные места принятия иудаизма хазарами – пещера Тизул и гора Варасан – с Дагестаном (с. 529). Существуют и другие версии, упомянутая Д. Буянера. По И.А. Баранову, пещера находилась в юго-восточном Крыму. Место и дата принятия иудаизма ("обращение хазар") все еще остаются дискусионными, что видно из описаний самого М. Гольдельмана (с. 527–528).

5. Вряд ли лингвисты согласятся с производством "жид" от "Джидан".

6. Расположение Итиля "недалеко" от Астарахани (с. 531) – лишь одна из версий, столь же археологически неподтвержденная, как и все другие. Вообще к теме местоположения Итиля надо подходить крайне осторожно. Даже простое упоминание того или иного городища в связи с Итилем, что периодически имело место в последние годы, я преднамеренно даже не называю эти памятники, вызывает взрыв "сенсаций" в околоархеологических кругах.

7. Недопустимо помещение в энциклопедическое издание безапелляционного утверждения, что в Саркеле "обнаружена хазарская синагога" (с. 531). Назначение постройки, о которой идет речь, не установлено из-за ее сохранности. Надо признать, что М. Гольдельман не первый, кто поднял вопрос об этой "синагоге". Эта версия была выдвинута несколько ранее методом исключения: "не остатки христианской церкви, не языческого святилища и не мечети". Отсюда сделано заключение – "скорее всего синагога" (Плетнева С.А., 1996, с. 29). Но зададим вопрос, а есть ли вообще основания говорить об этом здании как культовом? Так, неосторожное предположение одного автора переросло в утверждение у другого.

8. Погребение 1866 г. из Фанагории. Автор явно имеет в виду одну из публикаций А.Е. Люценко. Считать это погребение "погребением еврейского священослужителя... с позолоченными колокольчиками и предназначенными для жертвоприношений сосудами" (с. 533) нет ни малейших оснований. Рисунки указанных вещей не опубликованы, формы их неизвестны.

9. Особое недоумение вызывают вольные трактовки М. Гольдельмана по проблеме хазаро-славянских отношений в связи с Киевом. Так, недопустимо включение в справочное издание фразы: "В исторической науке распространено мнение, что Киев был основан около 830 г. как хазарский торговый центр на северо-западе" (с. 531). Не удивительно, что не указан ни один сторонник этого "мнения". Собственное мнение автор пытается аргументировать следующими параллелями: Киев от хазарского царя Куйа; легендарный Хорив от горы Синай-Хорев; Днепр-Самбатас от легендарной еврейской реки Самбатион; и наконец, былинное наименование Днепра – Израй-река, вероятно, от Израиль (с. 532). Насколько правомочны такие метаморфозы, предлагаю судить читателю.

В связи с Киевским письмом автор пишет о "хазарском контроле над Киевом в начале X в." (с. 528). Приходится только сожалеть, что в энциклопедию внесена без всяких оговорок исторически и археологически необоснованная версия Н. Голба и О. Прицака. Ведь само обращение киевских евреев за финансовой помощью по очень незначительному поводу (за не хватающими для выкупа одного человека 40 "монетами") ясно свидетельствует о немногочисленности и финансовой слабости этой общины (о хазарах и евреях в Киеве см.: Петрухин В.Я., 1997, с. 201, 202; комментарии к с. 36, 42).

Безапелляционно звучит и утверждение: "В древнерусском законодательстве, особенно в "Русской правде", многие статьи заимствованы из талмудического права" (с. 535).

10. Не могу не сделать еще одно общее замечание. Несмотря на ясное понимание автором значения археологических источников (см. вышеприведенную цитату), они практически не использованы. Традиционно уделив большое внимание торговле, здесь сказались и научные поиски самого автора энциклопедической статьи, он не нашел места для археологического очерка, характеризующего внутреннюю жизнь Хазарии с ее развитым земледелием, разнообразным и высокотехнологичным по тем временам ремеслом, крепостным строительством и своеобразным, хотя и примитивным, но зато четко отражающим языческие верования Хазарии искусством (Флёрова В.Е., 1997).

И все же, статью "Хазария" в Краткой еврейской энциклопедии, как и само ее появление, надо оценивать положительно. В ней масса важной информации, большой перечень топонимов, исторических деятелей и ученых, причастных к хазарской проблематике. Включен и краткий обзор истории хазароведения. Перечисленных же недочетов автор мог бы избежать, если бы осознал, что энциклопедия – издание специфическое по характеру подбора и подачи материала. Последняя должна быть предельно нейтральной. Любая энциклопедия рассчитана на пользование в течение многих лет и самыми разными читателями, от ученых до просто интересующихся определенными вопросами. В особенности для последних энциклопедия должна содержать только установленные факты или же недвусмысленно указывать на отсутствие таковых. Еврейская энциклопедия – издание международного масштаба, что еще более повышает требования к ее авторам и редакторам.

В заключение с удовлетворением о двух следующих моментах. Мне уже приходилось отмечать несоответствие действительности той роли, которую приписывают Святославу в судьбе Хазарии (Флёров В.С., 1998, с. 47). М. Гольдельман выразил ту же мысль очень четко и ясно: "Распространенное в современной историографии утверждение о разгроме Хазарии войсками Святослава не подтверждается фактами" (с. 536). Стоит напомнить, что вопрос о выяснении истинной роли Святослава ставился еще В.В. Бартольдом и другими отечественными историками (Бартольд В.В., 1968, с. 600).

Второе обстоятельство возвращает нас к проблеме, бывшей основной на прошедшем Коллоквиуме, – "обращение хазар". Автор не мог не признать: "Большинство населения Хазарии... осталось языческим... Стоявшие у власти хазары-иудеи ... составляли меньшинство в пестром этнорелигиозном мире Юго-Восточной Европы" (с. 530).

Значение состоявшегося в Иерусалиме коллоквиума выходит далеко за рамки, обозначенные названием, так как хазарская проблема охватывает не только территорию собственно Хазарии, но громадные пространства раннесредневекового мира от Алтая до Венгрии и Византии, от Поволжья до Закавказья и Ирана.

Институт археологии РАН, Москва *В.С. Флёров*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге. Самара.

Бартольд В.В., 1968. Хазары // Собр. соч. Т. V. М.

Голб Н., Прицак О., 1997. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим.

Гольдельман М., 1999. Хазария // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 9. Иерусалим.

Иерусалимская А.А., 1985. Находки предметов христианского культа в могильнике Мощевая Балка // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.

Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.

Петрухин В.Я., 1997. Комментарии // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. М.

Плетнева С.А., 1990. Хазарские проблемы в археологии // СА. № 2.

Плетнева С.А., 1996. Саркел и "шелковый путь". Воронеж.

Флёров В.С., 1998. Хазары – ремесленники, пахари, строители // Тюркский мир. № 3–4.

Флёрова (Нахапетян) В.Е., 1997. Граффити Хазарии. М.

Die Keramik der Saltowo-Majki Kultur und ihrer Varianten, 1990. Budapest.

The Khazars. International colloquium. Jerusalem, May 24–28, 1999.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	–	Археологические изыскания
АО	–	Археологические открытия. М.
АРГ	–	Акты Русского государства
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. – СПб.
АСЭИ	–	Акты социально-экономической истории. М.
АЭМК	–	Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
ВАУ	–	Вопросы археологии Урала. Екатеринбург
ВДИ	–	Вестник древней истории
ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ГМИИ	–	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ЕСВ	–	Европейский Северо-Запад
ИАК	–	Известия Археологической комиссии. СПб.
ИА РАН	–	Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК	–	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИЭ РАН	–	Институт этнографии Российской Академии наук
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН	–	Институт языка, литературы, истории Коми Научного центра Уральского отделения Российской Академии наук
КСИА	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
ЛО ИА АН СССР	–	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАЕСВ	–	Материалы по археологии Европейского Северо-Запада. Сыктывкар.
МАР ГУ	–	Марийский государственный университет
МАР НИИ	–	Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МГУ	–	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
Морд НИИ ЯЛИЭ	–	Мордовский Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МЭ	–	Материалы по этнографии. Л.
НиСФ	–	Нумизматика и сфрагистика
НЭ	–	Нумизматика и эпиграфика
ОАК	–	Отчет (Императорской) археологической комиссии. СПб.
РА	–	Российская археология
ПАВ	–	Петербургский археологический вестник
ПИФК	–	Проблемы истории, философии, культуры. М.; Магнитогорск
ПСА	–	Проблемы скифской археологии. М.
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников. М.
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской Академии наук
СЭ	–	Советская этнография
ТАКЭ	–	Термезская археологическая комплексная экспедиция
Тр. ГЭ	–	Труды Государственного Эрмитажа. Л.
Уд ГУ	–	Удмуртский государственный университет
Уд НИИЯЛ УрО РАН	–	Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы Уральского отделения Российской Академии наук
ФУ	–	Финно-угроведение
AA	–	Archäologischer Anzeiger. Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.
ACSS	–	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
BAR	–	British Archaeological Reports
BerRGK	–	Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz
BSA	–	British School at Athens. London
J. Inst. Met.	–	Journal of the Institute of Metals
JHMS	–	The Journal of Historical Metallyrgy Society Japan Inst. Met. – The Japan Institute of Metals, Sendai, Japan

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал "Российская археология" публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. **Содержание рукописи** должно соответствовать тематике журнала, относясь к одному из разделов: статьи, публикации, дискуссии, история науки, критика и библиография, хроника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редакции и редсовета.

2. Рукопись подается в 2-х экземплярах, перепечатанной на пишущей машинке или принтере (класса LQ-100 и выше).

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторе (авторах; см пункт 12). Резюме обязательно только материалов, проходящих по разделам: статьи, публикации, дискуссии. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. **Общий объем** рукописи не должен превышать 20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела "Заметки" – не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...). Превышение объема рукописи (20 стр.) не допускается.

5. Статья (включая список литературы, подрисуночных подписей и др.) должна быть напечатана четким, контрастным машинописным шрифтом через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного (А4) размера с полями. Длина строки должна быть равна 57–58 знаков, количество строк на странице – до 29. Поля вокруг текста должны быть: слева от текста – 2,5 см, справа – 1 см, сверху – 2 см, снизу 2,5 см. Материалы, напечатанные на портативной машинке либо принтере мелким, курсивным либо иным другим (кроме машинописного) шрифтом редакцией не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи и нумерации страниц.

6. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке (принтере), должны быть вписаны в текст от руки черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо, в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом.

7. **Иллюстрации** следует представлять в пригодном для воспроизведения виде в 2-х экземплярах (оригинал и копия). Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора – два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки-оригиналы (1-й экз.) представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций (ксерокопии не допускаются). 2-й экземпляр иллюстраций может являться ксерокопиями оригиналов. Следует максимально

сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подрисуночные подписи. Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, скомпанованные, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Они не должны иметь никаких дефектов: пятен, изломов, следов от скрепок, трещин и т.д. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать "верх" или "низ".

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части *1*, *2*; *а*, *б*) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в журнале. Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

8. **Таблицы**, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. Текстовые пояснения (через два интервала) даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. **Список литературы** дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4.

Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Чернов С.З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р–1, № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия и инициалы автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (Смирнов К.Ф., 1964, с. 50).

Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

В тексте и списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить и русский текст **резюме** (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 1 страницы машинописного текста). Для

облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) в целом.

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

14. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются

НОВЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

"НАУКОВЕДЕНИЕ"

"Науковедение" – новый российский ежеквартальный научный журнал объемом 15 п.л. Выходит с 1999 г. Посвящен комплексному анализу проблем отечественной и мировой науки средствами различных научных дисциплин: философии, социологии, экономики, истории, психологии, статистики, наукометрии и т.д.

Целью издания является организация систематического исследования состояния и тенденций развития российской науки, ее исторических традиций и перспектив, изучение актуального для России опыта организации науки в других странах.

Уникальность журнала – в публикации новейших научных исследований, сопровождаемых иллюстративным материалом. В журнале рассматриваются вопросы развития научного сообщества, экономические проблемы науки, вопросы научно-технической и инновационной политики, организации науки; анализируются проблемы науки и общества, науки и образования, роли науки в культуре; серьезно обсуждаются проблемы философии науки и социологии знания, информационные аспекты развития науки, международное научное сотрудничество; особый интерес представляют исследования по истории науки и техники, науковедения. Важна и информационная направленность журнала: публикуются материалы по нормативной регуляции науки, дается обзор научных конференций, отечественной и зарубежной литературы по науковедению.

Издание адресовано широкому кругу читателей – научным работникам, преподавателям и студентам вузов, аспирантам. Авторы журнала – известные специалисты в разных областях гуманитарного знания.

На второе полугодие 2000 г. на журнал можно подписаться в любом почтовом отделении России по объединенному каталогу "Газеты и журналы российские и зарубежные (2000, второе полугодие)" Агенства "Роспечать", подписной индекс 79679.

Льготную подписку можно оформить непосредственно в редакции. Стоимость такой подписки на полугодие – 50 руб.

В редакции можно приобрести либо заказать наложенным платежом любой номер журнала за 1999 г. (стоимость одного экземпляра – 24 руб.).

Адрес редакции:

103012 Москва, Старопанский пер., д. 1/5.
Тел. (095) 298-5510; факс (095) 925-9911.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 17.04.2000 Подписано к печати. 09.06.2000 Формат бумаги 70 × 100 $^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл.-печ.л. 19,5 Усл.-кр.-отт. 19,2 тыс. Уч.-изд.л. 24,4 Бум.л. 7,5
Тираж 972 экз. Зак. 3628

Свидетельство о регистрации № 0110154 от 4.02.1993 г.
в Министерстве печати и информации РФ
Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6